

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 21 № 1

В номере: Концептуализация проблем мировой политики
сквозь призму теории международных отношений

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дестерева, доктор политических наук,
кандидат экономических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.Л. Курьлев,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук,
старший преподаватель, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат экономических наук *Ю.А. Ильичева* (экономика), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история), *М.А. Никулин* (политика)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Джэ, директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Наврита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика», г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, редактор журнала «Проблемы постсоветского пространства», г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаши, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», г. Москва, Российская Федерация

Шабза Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO, Scopus.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2021 г. следующий:

№ 3 2021	Средиземное море как новый региональный комплекс безопасности Неосманизм и новая энергетическая дипломатия. Взаимосвязанные конфликты (Ливия/Сирия) и позиция стран НАТО. Роль Египта и африканская агентность	До 1 мая 2021 г.
№ 4 2021	Нетематический номер	До 1 августа 2021 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 25.02.2021. Выход в свет 18.03.2021.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 7. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2021 VOLUME 21 No. 1

In this issue: Conceptualizing the Problems of World Politics through the Prism of IR Theory

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Denis A. Degterev

RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev

RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in Economics *Yulia A. Ilicheva* (Economics), PhD in History *Mirmehdi M. Aghazada* (History), *Maxim A. Nikulin* (Politics)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Editor-in-Chief, Comparative Politics journal, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor, Post-Soviet Space Problems Journal, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Editor-in-Chief, "Polis. Political Studies" Journal, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO, Scopus.

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2021 will deal with the following issues:

# 3 2021	Mediterranean Sea as a New Regional Security Complex Neo-Ottomanism and new energy diplomacy. Interrelated conflicts (Libya / Syria) and the position of NATO countries. The role of Egypt and African agency	By May 1, 2021
# 4 2021	Non-thematic Issue	By August 1, 2021

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova
Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Концептуализация проблем мировой политики сквозь призму теории международных отношений

Неклесса А.И. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях	9
Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории	20
Ефремова К.А. Региональный комплекс Юго-Восточной Азии: опыт прикладного анализа на примере ситуации в Мьянме	33
Писарев И.И. «Европеизация» деятельности аналитических центров в политике групп интересов в ЕС	49
Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике	64
Забелла А.А., Каткова Е.Ю., Шабига А.В. Центральноеазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции	79
Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России	91

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Eremin A.A. U.S. Migration Policy Radicalization (2017—2019): Case of Mexico and Central America (Еремин А.А. Радикализация миграционной политики США в 2017—2019 гг. на примере Мексики и Центральной Америки)	108
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Пятаков А.Н. Венесуэльский аспект «восходящего партнерства» Турции и стран Латинской Америки: факторы, динамика и риски	119
Nakhatakyan E.O. Political Economy of Cross-Strait Relations (Нахатакян Е.О. Политическая экономия отношений КНР и Тайваня)	136

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Tasoulas A. The Role of the Cyprus Issue in the Greek-Soviet Relations (1956—1960) (Тасулас А. Кипрский вопрос в отношениях между Грецией и Советским Союзом (1956—1960 гг.))	148
--	-----

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Зотова Ю.А. Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран	157
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

- Бельченко А.С., Васильев Д.В.** Рецензия на книги: China’s Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions / ed. by A.D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 2020. 97 p.; Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с. 171
- Моргунова (Петрунько) О.А.** Рецензия на книгу: Mamdani M. Neither Settler nor Native: The Making and Unmaking of Permanent Minorities. Cambridge: The Belknap Press, 2020. 416 p. 176
- Oluwakayode O.E.** Book review: Tella, O., & Motala, S. (Eds.). (2020). From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies. South Africa: Jacana Media, 563 p. 179
- Adan M., Mugabi B.** Book review: Williams, P.D. (Eds.). (2018). Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017. Oxford: Oxford University Press, 366 p. 183
- Belov (Yurtaev) V.I.** Book review: Abdolmohammadi, P., & Cama, G. (2020). Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. London, Denver: Palgrave Macmillan, 251 p. 186
- Дейч Т.Л.** Рецензия на книгу: Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China? / ed. by Ph. Mtembu, F. Mabera. Palgrave Macmillan, 2021. 242 p. 191
- Чикризова О.С.** Рецензия на книгу: Islam in International Relations. Politics and Paradigms / ed. by N.M. Adiong, R. Mauriello, D. Abdelkader. London, New York: Routledge, 2019. 236 p. 195

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Conceptualizing the Problems of World Politics through the Prism of IR Theory

Neklessa A.I. Postcoloniality in Global and Regional Dimensions	9
Gaidaev O.S. Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory	20
Efremova K.A. Regional Complex of Southeast Asia: A Case of Applied Analysis Focused on the Situation in Myanmar	33
Pisarev I.I. “Europeanization” of Think Tanks in the EU Interest Group Politics	49
Kovalev Yu.Yu., Porshneva O.S. BRICS Countries in International Climate Policy	64
Zabella A.A., Katkova E.Yu., Shabaga A.V. Eurasian Concept: Central Asia in Russian and Chinese Foreign Policy	79
Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “The World is Bigger than Five”. Turkey’s Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia	91

PEACE AND SECURITY

Eremin A.A. U.S. Migration Policy Radicalization (2017—2019): Case of Mexico and Central America	108
---	-----

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Piatakov A.N. Venezuelan Aspect of “Emerging Partnership” between Turkey and Latin America: Factors, Dynamics and Risks	119
Nakhatakyan E.O. Political Economy of Cross-Strait Relations	136

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Tasoulas A. The Role of the Cyprus Issue in the Greek-Soviet Relations (1956—1960)	148
---	-----

BILATERAL RELATIONS

Zotova J.A. Mutual Perception in Contemporary Relations between Russia and Iran: Image of Russia and Iran in History School Textbooks of the Two Countries.....	157
--	-----

BOOK REVIEWS

Belchenko A.S., Vasilev D.V. Books review: Voskressenski, A.D. (Eds.). (2020). China’s Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 97 p.; Voskressenski, A.D. (Eds.). (2019). Model of Contemporary China Development: Appraisals, Discussions, Prognostications. Moscow: MGIMO, Strategicheskie izyskaniya publ., 736 p. (In Russian)	171
Morgunova (Petrunko) O.A. Book review: Mamdani, M. (2020). Neither Settler nor Native: The Making and Unmaking of Permanent Minorities. Cambridge: The Belknap Press, 416 p.	176

Oluwakayode O.E. Book review: Tella, O., & Motala, S. (Eds.). (2020). From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies. South Africa: Jacana Media, 563 p.	179
Adan M., Mugabi B. Book review: Williams, P.D. (Eds.). (2018). Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017. Oxford: Oxford University Press, 366 p.	183
Belov (Yurtaev) V.I. Book review: Abdolmohammadi, P., & Cama, G. (2020). Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. London, Denver: Palgrave Macmillan, 251 p.	186
Deych T.L. Book review: Mtembu, Ph., & Maberu, F. (Eds.). (2021). Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China? Palgrave Macmillan, 242 p.	191
Chikrizova O.S. Book review: Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019). Islam in International Relations. Politics and Paradigms. London, New York: Routledge, 236 p.	195

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Концептуализация проблем мировой политики сквозь призму теории международных отношений

THEMATIC DOSSIER: Conceptualizing the Problems of World Politics through the Prism of IR Theory

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-9-19

Научная статья / Research article

Постколониальность в глобальном и региональном измерениях

А.И. Неклесса

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Предмет исследования — взаимосвязь двух междисциплинарных направлений в социальных науках, активно развивающихся с 70-х и 80-х гг. XX в.: Постсовременности и Постколониальности. Анализируется ситуация социального транзита и постулируется типологическое родство данных масштабных процессов общественной трансформации — своего рода исторический *rite of passage*. Комплексная реальность, возникающая в лоне Современности, реализует полицентризм, основанный не на этатистской симфонии, а на распределенном по планете множестве корпоративных, групповых и личностных суверенитетов. Концепту глобализации как «финалу истории» — политической и экономической связности современного мира — противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как следствие кризиса институтов всемирной бюрократии, национальных, административных, партийных и прочих унифицирующих механизмов. Внимание обращено на набирающие силу тенденции индивидуализации и приватизации, замещение субординативности субсидиарностью, что отражает кризис национальной государственности. Постсовременность, отрицая прежнее мироустройство, воспроизводит в планетарном масштабе подобие постколониальной ситуации самоопределения, что позволяет обратиться к опыту суверенизации стран, осваивающих свой новый статус в различных версиях его становления. Колониальность при этом понимается как гегемония, выходящая за рамки сложившегося толкования колониализма — это доминантная эманация мира-империума, предлагающего субалтерным иным два модуса поведения: подчинение либо ассимиляцию, отрицая легальность альтернативной самореализации или сопротивления. Политическая деколонизация — исторически недолгий период, в то время как Постколониальность — длительное, комплексное состояние реабилитации бывших колониальных и зависимых территорий с ослабленной субъектностью. Речь также идет о деколонизации — политической, социокультурной и смысловой контргегемонии, отрицающей диктат конъюнктурной картины мира как инструмента модально-ассимилирующего комплекса «знание — власть». Пафос постсовременной, постимперской и постколониальной позиции, в котором присутствуют также тревожные обертоны, декларирует право индивида и сообществ на реализацию оригинальной идентичности, диссимилиацию прежних лояльностей и суверенный поиск альтернатив. Актуальность данной проблематики подтвердили массовые беспорядки, вспыхнувшие в 2020 г. в США и ряде других мест планеты.

Ключевые слова: цивилизация, эволюция, Постсовременность, Постколониальность, деколонизация, гегемония, суверенитет, Мировой Север, Мировой Юг, Африка

© Неклесса А.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Статья написана на основе доклада «Постколониальность в контексте цивилизационного и регионального развития», представленного на Конференции с международным участием «Африка в условиях формирования полицентричного мира», Москва, Институт Африки РАН, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Некlessа А.И. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 9—19. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-9-19

Postcoloniality in Global and Regional Dimensions

Alexander I. Neklessa

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article reflects the results of research in the North-South Group focused on the development of the polycentric, personalized and mobile Universe, while the ensemble of interconnected influential concepts (postmodernity and postcoloniality) had been analyzed. The current view on globalization as a political and economic cohesion of the modern world, contrasts the view on global restructuring as a consequence of the crisis of institutions of world bureaucracy, collectivist ideology-party totality, others unifying administrative and sociocultural mechanics. Attention is drawn to the trends of individuation and privatization, substitution of subordination by subsidiarity, which reflects the crisis of the national statehood format. The complex reality that arises in the bosom of modern culture, implements its own polycentricity, based not on the etatist symphony, but on a distributed set of diasporas, corporate or personal sovereignty. Postmodernity, denying the former world order, reproduces the semblance of a post-colonial situation, which allows us to turn to the experience of countries that have gained political sovereignty and mastered their new status in its various versions. Coloniality is understood as the result of hegemony, which goes beyond the prevailing interpretation of colonialism, but as a repressive emanation of the hegemonic world, offering subaltern other two modus of behavior: submission or subjugation assimilation, denying the legality of alternative self-realization or resistance. Pathos of post-modern, post-imperial and post-colonial positions declares the right of the individual and the communities to realize their original identity, dissimulation of former loyalties and sovereign search for alternatives. The universal quest is for political, sociocultural and semantic counter-hegemony, which also denies the current world to be an instrument of the modal-assimilation complex “knowledge — power”. The urgency of this problem was confirmed by the riots that broke out in the United States and other parts of the world in 2020.

Key words: civilization, evolution, postmodernity, postcoloniality, decoloniality, hegemony, sovereignty, Global North, Global South, Africa

Acknowledgements: The article is based on the report “Postcoloniality in the Context of Civilizational and Regional Development” at the Conference with international participation “Africa within the Process of Polycentric World Emergence”, Moscow, Institute for African Studies, Center for the Study of Russian-African Relations and African States’ Foreign Policy, March 31, 2020.

For citation: Neklessa, A.I. (2021). Postcoloniality in Global and Regional Dimensions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 9—19. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-9-19

Не является ли определением истории то, что она существует лишь постольку, поскольку есть нечто, приходящее *после*, и в этом смысле — всегда зависит от будущего?

Морис Мерло-Понти
[Merleau-Ponty 1955: 19]

Крушение биполярного мира, война с террором, наконец, обстоятельства «глобального карантина» отделяют уходящую в воды истории Атлантиду Модернити от неведомой

культуры, определяемой как «мир после нашего времени» — Постсовременности. Вселенский беспорядок, возникающий в процессе цивилизационного транзита, требует пронизательности ума и отменного вкуса. Нынешний планетарный Stunde Null¹ обнулil

¹ «Нулевой час» — термин, означающий уничтожение старых традиций и старт нового порядка вещей. Возник в годы Первой мировой войны, но известность получил после Второй. В промежутке между войнами применялся в значении пересечения некой «красной

многие прогнозы и ожидания. Подспудную разделенность *Universum Humanum* продемонстрировали также беспорядки, вспыхнувшие вслед за гибелью афроамериканца Джорджа Флойда в США, а впоследствии и в других странах, предъявив цивилизации еще одну проблему с многообразными социальными и психологическими аспектами. Теоретической основой бунта, его идейным обоснованием стало междисциплинарное направление исследований, получившее название *Постколониальность*².

Мировой Север и Постсовременность

Одна из препон футур-истории³ — дефицит понятий и категорий для фиксируемой новизны и обнаруживаемых закономерностей, предрекает лексическую скудость при выборе дефиниции нового эона, что затуманивает его специфику. Сложна также сама

черты» в ряде серьезных политических и военных ситуаций.

² См. лозунги демонстрантов, отражающие как социальную ментальность движения: *Respect Existence or Expect Resistance; No Justice, No Peace; Be the Voice, not Echo; Silence is Violence; People Over Profit; Occupy Justice; Burn Everything Down; The Time Is Now*, так и весьма специфическую антирасистскую: *Black Lives Matter; Racism is a Pandemic; Dismantle Whiteness; Fuck White Privilege; Whiteness, White Silence is Violence; White Silence is Compliance*.

³ Логика тут примерно такова: человечество — развивающийся антропологический космос, открытая система, реализующая эволюционный социокод с определенным набором сопряженных траекторий («геном истории» как предзаданное целеполагание социального организма и аутопозиса личности). Предполагается, что постижение гештальта — целостности образа истории — и познание логики ее маршрутизатора вкупе с осмыслением фрактальной структурности событий позволяют, прогнозируя будущее русло истории, декодировать с той или иной степенью успеха характер и последовательности грядущих перемен. Футур-история, таким образом, представляет не осуществленную в событиях действительность, но ее «должный порядок», возможный и вероятный маршрут развития. Полнота жизни, умножение случайностей, спутанность и прерывание последовательностей приносят в сюжет временные искажения, прочие сюрпризы, влияя на точность прогнозов этой дорожной карты. Но даже при хаотизации организации история сохраняет заложенный в нее природой или Творцом код эволюции как тягу к воплощению взыскуемого идеала [Некlessа 2020а].

проблема исторического транзита и диахронной цивилизационной конкуренции — борьбы за будущее: глобальной трансформации социальной реальности и формирования нового устойчивого ансамбля человеческого общежития.

Ландшафт Постсовременности — своего рода институциональные коридоры без стен, в некотором смысле он схож с иллюзорным общежитием ланей и львов, разделенных незримыми барьерами на лужайках Бронкса. Рассуждения о глобализации — это внятный язык привычного режима знания, однако не меньшее, а, пожалуй, большее значение приобретает кризис институтов «всемирной бюрократии» [Rizzi 1939], административных, коллективистских, идеопартийных тотальностей, прочих унифицирующих механизмов. И, напротив, процессы индивидуализации и приватизации ветвящейся футур-истории, расщепления политических структур, замещения субординативности субсидиарностью фиксируются как генеральное направление перемен, попутно демонстрируя кризис национального инстинкта. Возрастает уровень технической и антропологической сложности, коммуникационной связности, происходит синтез новых умений, практик, структур.

У исторического процесса есть лейтмотив — внутренняя логика идеала. Время быстрых трансформаций может, однако, иметь извилистый и даже рекуррентный, возвратный характер: речь идет о радикальных переменах, воплощении групповых инициатив и смещении индивидуальных горизонтов. Пребывая на кромке ветшающей конструкции, мы наблюдаем зарождение цивилизационной альтернативы со своими ценностями и логикой институтов. Специфика среды в сложном мире Постсовременности заключается в множественности суверенитетов с фрактальными обертонами, это результат их свободного делегирования или темпераментного завоевания. Комплексная реальность, возникающая при отрицании соблазнов и плодов массового общества, трансгрессии из мира индустриальной унификации в мозаичность личностного своеобразия, обладает иной по отношению к Современности

формулой полицентризма, основанной не на национальном, а на корпоративном, групповом или персональном суверенитете. Однако в зоне действия прежней социокультурной гравитации природа Постмодерна постигается и определяется все же посредством оптики и категорий современной культуры.

Генезис и очертания этой другой, не территориально-акцентуированной картографии человеческой вселенной, прослеживаются в историях идеологических сообществ и профессиональных корпораций, чье мировидение в данном отношении схоже с зафиксированным в сентенции: «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужбина» [Св. Иустин... 1995: 372]. Или же в персоналистичной философии «кембриджских апостолов», так сформулированной Эдвардом Фостером: «Если надо выбирать между предательством по отношению к моей стране⁴ и предательством к моему другу, то, надеюсь, что у меня хватит смелости предать свою страну» [Forster 1965].

Несовпадение границ происхождения с общностью в представлениях о норме поведения, конфликт культур, другая геометрия лояльности, ее динамика в процессе самопознания продемонстрированы в фильмах «Танцующий с волками», «Аватар» или «Четыре дня в мае».

Речь между тем сегодня идет не столько о религиозной или идеологической идентичности «доменов симпатий», сколько о своего рода Великом политическом аттракторе — универсальном агрегаторе, интегрирующем личностно-мотивированные отказы от национально-территориальной идентификации,

⁴ См.: «Я истину ставлю выше моей родины, и у меня возникает вопрос: многие ли способны поставить истину выше видимого интереса своей родины. А если не могут — то они плохие христиане» (Философия действительности. Интервью с Мерабом Мамардашвили // Мераб Мамардашвили: Метафизика свободы. 1999—2002. URL: <http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/deystvitelnost.htm> (дата обращения: 16.06.2020)).

утверждая противостояние земным обобщениям и разделением, сохраняя приоритет внутренних обстоятельств над внешними коллизиями и формируя, таким образом, доминанту иного мироустройства.

Трансмодернизм — сумма разбегающихся антропологических галактик, принципиальное разнообразие миров Постсовременности, ареалов обитания изгоев и пионеров, покидающих вселенную Современности, мутантов, живущих своею жизнью и обустроивающих, подобно предшественникам — *homines moderni* из генерации Модернити, невоплощенные до времени, но вероятные и возможные миры. Занимая социокультурную позицию с отличным от прежнего модуса режимом действия и знания, эти распределенные по планете сообщества генерируют ферменты перемен, оригинальные смыслы, общественные и языковые конструкты, колонизируя внутренние и внешние пространства, культивируя призрачные, зыбкие земли, вычлняя реальность из облачных конструктов и грядущих реализаций. Вторгаясь в изобилие практики, переселенцы преодолевают семантическую немоту, обретают иной язык и различают речь нового зона.

Анализ пестрой феноменологии Постсовременности и партикулярности проявлений социальной молекулярности, определяемой категорией «метамодернизм», парадоксальным на первый взгляд образом смыкается и сопрягается с исследовательским полем, где оперируют категориями «колониальность», «постколониальность» и «деколониальность». Постсовременность, отрицая прежнее мироустройство, воспроизводит во вселенском масштабе подобие постколониальной ситуации, что позволяет обратиться к опыту стран и сообществ, получивших политический / правовой суверенитет и осваивающих новый статус в различных его версиях и пропорциях.

Мировой Юг и Постколониальность

Проблема, возникающая при конструировании человеческого общежития — коллизия принципов социальной организации, связанная, в конечном счете, с различием во взглядах на природу человека.

Истоки одной позиции прослеживаются в христианском учении о несовершенстве этой природы, обосновывая необходимость обуздания, цензурирования, исправления и преодоления людских несовершенств, господства над естеством и как следствие — над природой как окружающей средой, их колонизации, культивации, трансформации. Другой взгляд базируется на возрожденческо-просвещенческой модели — вере в энтузиазм и изначально добрую природу человека, идеалах свободы, равенства и демократии, предполагая борьбу с разного рода господствами и обременениями, включая тяготы универсальной имперскости. По сути, это проблема выбора доминанты социальной эволюции: политический конструктивизм или органицизм, дирижизм или плюрализм. Или в других схожих интерпретациях: «мультикультурное разнообразие — культурный империализм», «динамический хаос — организационный геноцид».

Колониальность наряду с *колонизацией* (заселением, обустройством) и *колониализмом* — широкое исследовательское поле; его специфический предмет: последствия гегемонии, выходящие за рамки сложившегося толкования колониализма с сопутствующей политической и экономической зависимостью, утилизацией природных ресурсов метрополий или иной доминантной системой, включая автохтонную. Неравенство прямо не предполагает унижение, однако располагает к нему. Колониальность — это социокультурное состояние, возникающее вследствие перманентного угнетения подвластной среды, узурпации субъектности, дискриминации суверенной ментальности, идеологической монополии [Neklessa 2020b]. В универсальном смысле — это регрессивная и репрессивная эманация мира-империума, предлагающего субалтерным Другим, по сути два модуса поведения: подчинение либо ассимиляцию, отрицая с тем или иным градусом насилия легальность альтернативной самореализации или сопротивления, рождая острую тоску по утрачиваемой идентичности и субъектности. Предельная форма властной колониальности — имперская оккупация или самооккупация —

состояние, подобное болезни, требующее терапии, и преодолевается оно схожим образом.

Колонизация (чей обертоном — цивилизация) не являлась односторонним процессом; это не только субъект-объектное воздействие (колониализм), но и межсубъектное взаимодействие со сложной гаммой результатов, в числе прочего — эволюционным синдромом и кризисом развития.

Политическая *деколонизация* — исторически недолгий период, в то время как Постколониальность — это длительное, неоднозначное социокультурное состояние бывших колониальных и других зависимых территорий с ослабленной субъектностью. Предметное поле колонизации включает территории на всех континентах планеты⁵. Это универсальное явление мировой истории, равно как и формирование империй — морских и континентальных, с различной траекторией исторического маршрута, предполагавшее включение в имперский текст и контекст иных социокультурных персонажей, переваривая их либо в своем «плавильном

⁵ Так, в Европе, к примеру, строительству межконтинентальной Британской империи предшествовало создание Королевства Великобритания, в процессе которого взаимоотношения с Ирландией включали не только военную интервенцию и экономическую эксплуатацию, но также социокультурную репрессивность и обращение повстанцев в *indentured servants*, продаваемых английским поселенцам в Вест-Индии и Вирджинии на некоторый срок. Другой, несколько иной пример — судьбы восточно-европейских народов (*Volkchen* по характерному выражению Фридриха Энгельса). Или Российская империя со своим институтом торговли людьми (автоколониальность) и колониальными войнами ввиду отсутствия непосредственного выхода к океанам — на сопредельных территориях (наиболее крупные — столетняя Кавказская, но также среднеазиатские, сибирские, дальневосточные, североамериканские походы и присоединения). Будучи разрушенной, как и прочие европейские континентальные империи в начале прошлого века, страна в условиях национальной чересполосицы и слабости гражданского общества (характерная черта постколониальных обществ, определяющая проблемы в государственном строительстве) пережила постимперскую реконструкцию, сформировав «советскую» репрессивную систему. А ее полураспад оставил постсоветскую Россию в ситуации, многие аспекты и характерные черты которой схожи с проблематикой прочих постколониальных стран, обществ и территорий.

котле», либо в ходе возникавших по тем или иным причинам конфронтаций, приводя к расколу, разводу, суверенизации колонизированных территорий и формируя затем на новой, межсубъектной основе антагонистические или партнерские отношения.

Постколониальные исследования — междисциплинарное направление, сумма интеллектуальных усилий по осмыслению процесса перемен в специфической галактике обществ, обретавших суверенитет, и в своем нынешнем виде существенно интегрированной и модифицированной Севером. Речь также идет об актуальном и прогнозируемом влиянии данного персонажа на состояние человеческого космоса, его определенных аналогиях с «третьим сословием» — инициатора исторического переворота, некогда утвердившего в правах Современность⁶. Этот разнообразный в культурном и социальном отношении мир приступает, однако, к национальному строительству по лекалам Современности в то время, когда цивилизация переходит к созиданию иной социокультурной архитектуры — постмодернизации.

Таким образом, тема *Постколониальности* возникает на пороге XXI в. синхронно с актуализацией темы *Постсовременности*, являясь осмыслением взаимно комплементарных и взаимно контаминирующих процессов, развивающихся в едином русле истории, прививая к сложившемуся порядку вещей ветви иной культуры жизни. Другим определением Постколониальности (в прежней лексике) мог бы стать, скажем, «социокультурный антиимпериализм постмодерна». Постсовременность предполагает Постколониальность как часть общей динамики перемен в сложноподчиненном ансамбле «Север — Юг — Запад — Восток».

Предмет постколониальных исследований — комплекс проблем и практик, возникающих после освобождения субъекта от имперского либо иного доминирования и его перехода к суверенному самоуправлению. Между тем изживаемая, но мимикрирующая

и реплицируемая зависимость, стойкость стереотипов, равно как и опасения возвратных неурядиц и aberrаций, сопровождают траектории национальной и персональной эволюции, сдерживая становление внятной идентичности. И в зависимости от обстоятельств субъектам-в-становлении доводится заигрывать с крайностями как ассимиляции (социокультурная колониальность), так и отчуждения (автоколониальность).

Сопряжение деколонизации как политического процесса, нередко abortирующего культурные связи, и Постколониальности как специфического социокультурного состояния — фундаментальная проблема бывших колониальных, зависимых либо иным образом подчиненных сообществ, включая обширный регион подобных трансформаций — Африку как сообщество новых наций. Континент долгое время находился в фокусе интеллектуального внимания и венчурного проектирования, став едва ли не генеральным объектом постколониальных исследований. Однако проблема оказалась шире и глубже: деколонизальность имеет как региональный, так и глобальный аспект, что подтвердили недавние события в США и мире.

Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и сообщества, получившие политический суверенитет, подвергают сегодня критике исторический опыт и сомнению — цивилизационный маршрут, охлаждая постсовременный пыл и внося неопределенность в контрапункт глобальной перестройки.

Борьба за будущее

Постколониальность может восприниматься как разновидность национализма, но таковой она не является — всколыхнувшаяся проблематика шире, это нечто иное.

Предметное поле постколониальной аналитики очевидным образом не ограничено рассмотрением ситуации на Африканском континенте или даже всей калейдоскопичной реальности развивающихся стран после обретения ими независимости⁷. Проблематика

⁶ «Этот третий мир — игнорируемый, эксплуатируемый и презираемый, подобно третьему сословию, теперь тоже желает стать чем-то» [Sauvy 1986: 82].

⁷ Характерный штрих: профильный журнал «Азия и Африка сегодня» отверг данную статью даже без рассмотрения ее рецензентами с формулировкой

послевоенной деколонизации дополняется феноменологией латиноамериканских, азиатских и в 1970 гг. — европейских антиавторитарных революций, начиная с «революции гвоздик» в Португалии.

Исследуемая проблема отражает один из аспектов общей несправедливости земного, в том числе современного, мироустройства, его внутреннюю асимметрично-властную разделенность, воспроизводимую в разных исторических обстоятельствах в различных формах и конфигурациях системы сдержек и противовесов. В конечном счете это вопрос политики — определения и закрепления оптимального баланса сил и средств, обеспечивающего выживание и развитие.

Присутствие темы Постколониальности в композициях Постсовременности усложняет конструирование образов высокотехнологичного мира и становление высокоорганизованного и гармоничного строя, прогнозируя вселенское разделение и те или иные антиутопии. Проблема человеческой ущемленности в перспективе лишь усугубляется относительно ее прежней исторической аранжировки, порождая системные страхи и отражая драму «последнего класса» париев и масс в сценариях индивидуации избранных и приватизации ими жизни. Модель разделенного общества и борьбы «классов передвижения» по загубленному и отторгнутому миру представлена в фильме «Сквозь снег» и более подробно — в последующем одноименном сериале.

Критика и рецептура пересмотра репрессивных аспектов социокультурного кода Современности связаны с именами Карла Маркса, Фридриха Ницше, Альберта Эйнштейна, Зигмунда Фрейда и других. Влияние же на генезис собственно постколониальной культурной оптики и ее трансляцию оказали:

— общий академический ориентализм *per se* (научное сообщество от исследователя «цивилизации ацтеков» Александра Гумбольдта [Humboldt 2014] до наших дней);

— французская (по преимуществу) философия XX в. (Ролан Барт, Феликс

Гваттари, Жиль Делез, Жак Деррида, Жак Лакан, Эммануэль Левинас, Жан-Франсуа Лиотар, Жан-Поль Сартр, Клод Леви Стросс, Мишель Фуко) [Postcolonial Thought in the French Speaking World 2009];

— неомарксизм Франкфуртской школы [Адорно 2003; Маркузе 2011; Фромм 1992] или политизированные антизападные вариации в духе «социалистической ориентации» [Социалистическая ориентация освободившихся стран... 1982] и «теории разделения» [Амин 2007].

Постколониальность с ее опытом интерпретаций в духе Эдварда Саида [Said 1978], Гаятри Спивак [Spivak 1988], Хоми Бхабха [Bhabha 1994], Лиилы Ганди [Gandhi 1998] предстает как универсальный и космополитичный феномен (обертон — *постцивилизация*), реконституируя права поверженного Другого и подверженной унижению инаковости [Fanon 1963] на реституцию собственной версии ментальности, социальную организацию, политическую манифестацию и культурную эскалацию, а также на критический и страстный диалог с властным официозом, извлекая образ нового мира из трещин прежнего. В сфере же знания подвергается сомнению претензия современного интеллектуального и социокультурного стандарта на модальный монолог, расценивая подобную позицию как «культурный колониализм».

В отличие от прописей политической деколонизации постколониальная теория мыслит мир другими идеалами, проблематизируя культурную ригидность и социальную антагонистичность, противопоставляя им эмансипацию и самоорганизацию. Постколониальный дискурс интегрирует в своих проскрипционных списках практики широко понимаемой колониальности с претензией на их удаление из исторической памяти. Неполный их список содержит постимперские, милитарные, расовые, этнонациональные, языковые, миграционные, гендерные, феминистские, экологические, а также иные предрасположенные к угнетению формы межличностных взаимодействий — гастарбайтерство, офисное и патриархальное «рабовладение» и т. д. Акцент при этом делается не

«Такого рода глобальная тематика — вне формата нашего журнала».

только на гражданском равноправии, десегрегации и демократизации, но также на легитимации самого принципа особой субъектности, «эффективном равенстве», выводя покоренные насилием оригиналы из-под груза и гипноза привнесенных несовершенств как с той, так и с другой стороны.

Художественная интерпретация объективности личности представлена в незавершенной трилогии Ларса фон Триера — фильмах «Догвилль» и «Мандерлей», овеществление индивида — в недавнем отзвуке той же темы в «Преимуществах путешествий поездами» Аритца Морено или «Дау» Ильи Хржановского, сложное соподчинение людей — в «Ночном портье» Лилианы Кавани. Сознательные и бессознательные аллюзии отличают эти произведения от традиционных интерпретаций темы наподобие «Соединенного королевства» Аммы Асанте, толкующего ту же тематику, но в прежней стилистике постколониального дискурса.

ДекOLONиальность — осознанная критическая и деятельная позиция [Mingolo, Walsh 2018; Maldonado-Torres, France, We, Radebe 2019; Глостанова 2020], производящая, координирующая и суммирующая практики атакующего поведения и рефлексии, имеющие целью коррекцию социальных институтов. Речь идет о противодействии институциональному угнетению (предубеждение плюс власть). Сливаясь с постмодернистским кругом идей и практик, деколонизальность стимулирует интеллектуальный и социальный акционизм, направленный против объективации подвластной личности, подавления креативной экспрессии и ущемления своеобразной ментальности. Но также она рискует оказаться источником, подпитывающим очередную версию «идеологии ненависти», и это серьезное противоречие.

В стремлении преодолеть униженность прошлым деколонизальная терапия рекультивирует былое и стигматизирует прошлое, пытаясь достичь в данной социокультурной реинкарнации пределов промысленного. Внимание и усилия концентрируются не столько на перипетиях борьбы за независимость и политической модальности в категориях *pro* или

contra, сколько на цивилизационной компенсации и культурной оригинальности, перестраивая в духе «золотой легенды» историю, смысловые поля, трансформируя психологический ландшафт и социальную ментальность («*фактам мы предпочитаем правду*»).

Процесс сопрягается с критическим восприятием всей совокупности имперских концептов, авторитарных рецептов, прочих навязчивых влияний. В свою очередь, критическое восприятие модернизации [Эйзенштадт 1999] стимулирует генезис альтернативных практик развития. Отдельная проблема — трансляция и совместимость систем ценностей и правовых норм в ходе непростого транзита. Контур же универсального эпистемологического переворота предьявлен в претензии на пересмотр сциентистского, шире — катафатического модуса и схоластичного, монологичного нарратива «гуманитарных наук».

Эволюционный транзит

Речь, в сущности, идет о становлении обширной смысловой, социокультурной и политической контргегемонии [Граммши 1991], выходящей из длительной исторической рокировки. В постколониальной дискурсивной практике американских кампусов диспозиция примерно такова: человек предрасположен к совершенству («исправление сердца»), а люди способны к самоосвобождению и утверждению идеала («исправлению мира»). Дикость, подспудно присутствующая в человеческой природе, втягивается в эволюционный процесс — изменение нравственной конституции: мы не наблюдаем мир, мы его создаем. Другими словами, революции идей противопоставлена революция отношений. Проблема, однако, остается.

Критический пафос и категорический идеал постсовременной, постимперской и постколониальной терапии декларирует и продвигает права индивида и сообществ на оригинальную идентичность и диссимилиацию лояльностей, свободную социальную композицию и поиск политических альтернатив, подавляя современный модально-ассимилирующий комплекс «знание — власть»,

остающийся под подозрением. Вместе с тем продвижение к суверенности приносит мучительное осознание безнравственности пережитого в прошлом, стимулируя экстремизм и неистовство при опровержении авторитарных установлений. В локальных расовых и социокультурных водоворотах («На улице пена цунами со сполохами расизма»⁸) присутствует не только традиционная антиэлитная враждебность с примесью неоархаики погрома, но и парадоксальная на первый взгляд тяга к брутально-карнавальной индигенности. Гнев прозрения распечатывает подавленные страсти, указывая Фирсу путь Акакия Акакиевича, обретающего мощь («суперсилу») глобального Франкенштейна.

Негативная версия становления персоны при нарастании внутреннего и внешнего бунта представлена в оscarоносном «Джокере» Тодда Филлипса — своего рода «романе воспитания» протеста.

Современность столкнулась с диверсией истории как компенсации за несовершенное бытие. Не являясь мейнстримом постмодернистского продвижения, деколониальный извод все же срезонировал, заявив о себе и предъявив претензию на присутствие в актуальной повестке. И заодно пробудил тени разномыслящих, союзников, представив летом 2020 г. мировой перформанс как микс из йиппи⁹ и «черных пантер», ностальгии по Парижу-68 и акционизму антиглобализма, проведя ревизию имеющихся в наличии антисистемных альтернатив. Ситуация порой пробуждала также память о столкновениях конфедератов с федералистами, но в непривычной аранжировке, с иными персонажами, другими средствами и с решительно

отвергнутым, радикально переписанным сценарием «Рождения нации» Дэвида Гриффита, влияя на «большую политику» и претендуя на новое издание общественного договора¹⁰.

Попытки уничтожить память о былом и обрести чаемое, приблизив конец отрицаемой истории, чреватые соблазнами лидерства в деструкции. Длительная нестабильность может обернуться сбоем исторического маршрутизатора и обрушением цивилизации. Уместно вспомнить всплывающую временами тему политического мессианизма, притяжения и постижения странного идеала наподобие предполагаемой связи Махмуда Ахмадинежада с апокалиптически-ориентированным направлением ислама [Khalaji 2008]. Или ряд других идеократичных по форме, но гностических по духу умонастроений, связанных с темой рукотворного апокалипсиса. Библейское «мене, текел, упарсин» — трагическая последовательность, развернутая как закономерность Аристотелем (анамнез, диагноз, прогноз) — грозит подобными производными от темпераментной политики, учитывая широкие возможности индустриальной цивилизации.

Глобальная критическая ситуация может быть также активирована эколого-климатическим катаклизмом, адаптацией микроорганизмов к фармакологическим воздействиям, высоколетальной пандемией, распространением мутаций, геофизической аномалией или даже падением крупного небесного тела. Результатом подобных событий либо их комбинации может стать форсированный обстоятельствами демографический переход и деградация цивилизации.

В турбулентных водах нового эона, штормах суверенных страстей, факториале возможностей мир противостоит сам себе, впитывая капризность набирающей темп яви.

⁸ См. различные точки зрения по данному вопросу: Костецкий С. Черные начинают и выигрывают. Темнокожие борцы за равноправие не любят белых. Почему в США это не считают расизмом? // Lenta.ru. 13.06.2020. URL: https://lenta.ru/articles/2020/06/13/hate_and_racism/ (дата обращения: 16.06.2020); Черняховский С. Черная Месса афронацизма // Km.ru. 15.06.2020. URL: <https://www.km.ru/world/2020/06/14/problemu-migrantov-v-mire/874615-chernaya-messa-afronatsizma> (дата обращения: 16.06.2020).

⁹ Йиппи — леворадикальное контркультурное движение в США на рубеже 1960—1970-х гг.

¹⁰ Интересно сопоставить волну свержения памятников героям Конфедерации в США с украинским «ленинопадом», упразднением нацистских мемориалов в Германии, просоветских и пророссийских монументов в Восточной Европе и в постсоветских странах, памятников, связанных с имперским прошлым, в СССР и с колонизацией — в российских регионах (Чечня, Тюмень и т. п.), коммунистических — в России в 1990-е гг.

Вглядываясь в умножающиеся горизонты бытия, задумываешься: сохранится ли стремительно ветшающих уставах нравственный закон, удерживая обретенные рубежи

человечности? Будущее при всех переживаемых перипетиях — чертеж, меняющийся в процессе работы, иначе — что есть эволюция.

Поступила в редакцию / Received: 12.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.12.2020

Библиографический список

- Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- Амин С. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.
- Грамии А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991.
- Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ-Астрель, 2011.
- Неклесса А.И. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира // Полис. Политические исследования. 2020а. № 2. С. 153—166. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11
- Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ — прогноз — управление) // Экономическая наука современной России. 2020б. № 4 (91). С. 132—146.
- Св. Иустин, философ и мученик: творения / предисл. А.И. Сидорова. М.: Благовест, 1995.
- Социалистическая ориентация освободившихся стран: некоторые вопросы теории и практики / под ред. К.Н. Брутенца, А.А. Громыко, А.В. Кива и др. М.: Мысль, 1982.
- Глостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 66—84.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Bhabha H. *The Location of Culture*. Routledge, 1994.
- Fanon F. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 1963.
- Forster E. *Two Cheers for Democracy*. Boston: Mariner Books, 1965.
- Gandhi L. *Postcolonial Theory: A Critical Introduction*. New York: Columbia University Press, 1998.
- Humboldt A. *Views of the Cordilleras and Monuments of the Indigenous Peoples of the Americas: A Critical Edition*. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
- Khalaji M. *Apocalyptic Politics: On the Rationality of Iranian Policy* // Policy Focus Series of the Washington Institute for Near East Policy. 2008. No. 79. P. 1—39.
- Maldonado-Torres N., France M.F.M., We J.E.A., Radebe Z. Editorial Introduction: Frantz Fanon, Decoloniality, and the Spirit of Bandung // *Bandung: Journal of the Global South*. 2019. Vol. 6. Iss. 2. P. 153—161. DOI: 10.1163/21983534-00602001
- Merleau-Ponty M. *Les Aventures de la dialectique*. Paris: Gallimard, 1955.
- Mingolo W., Walsh C. *On Decoloniality: Concept, Analytics, Praxis*. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Postcolonial Thought in the French Speaking World* / ed. by C. Forsdick, D. Murphy. Liverpool: Liverpool University Press, 2009. DOI: 10.5949/UPO9781846319808
- Rizzi B. *La Bureaucratization du Monde*. Paris: Les Presses Modernes, 1939.
- Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
- Sauvy A. *Trois Mondes, Une Planète* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 1986. No. 12. P. 81—83.
- Spivak G.C. *Can the Subaltern Speak?* // *Marxism and the Interpretation of Culture* / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Basingstoke: Macmillan Education, 1988. P. 271—313.

References

- Adorno, T. (2003). *Negative Dialectics*. Moscow: Nauchnyi mir publ. (In Russian).
- Amin, S. (2007). *The Virus of Liberalism. Permanent War and the Americanization of the World*. Moscow: Evropa publ. (In Russian).
- Bhabha, H. (1994). *The Location of Culture*. Routledge.
- Brutents, K.N., Gromyko, A.A., Kiva, A.V. et al. (Eds). (1982). *Socialist Orientation of the Liberated Countries: Some Questions of Theory and Practice*. Moscow: Mysl' publ. (In Russian).

- Eisenstadt, S. (1999). *Revolution and Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Fanon, F. (1963). *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press.
- Forsdick, C., & Murphy, D. (Eds.). (2009). *Postcolonial Thought in the French Speaking World*. Liverpool: Liverpool University Press. DOI: 10.5949/UPO9781846319808
- Forster, E. (1965). *Two Cheers for Democracy*. Boston: Mariner Books.
- Fromm, E. (1992). *Human soul*. Moscow: Respublika publ. (In Russian).
- Gandhi, L. (1998). *Postcolonial Theory: A Critical Introduction*. New York: Columbia University Press.
- Gramsci, A. (1991). *The Prison Notebooks*. Moscow: Politizdat publ. (In Russian).
- Humboldt, A. (2014). *Views of the Cordilleras and Monuments of the Indigenous Peoples of the Americas: A Critical Edition*. Chicago: University of Chicago Press.
- Khalaji, M. (2008). Apocalyptic Politics: On the Rationality of Iranian Policy. *Policy Focus Series of the Washington Institute for Near East Policy*, 79, 1—39.
- Maldonado-Torres, N., France, M.F.M., We, J.E.A., & Radebe, Z. (2019). Editorial Introduction: Frantz Fanon, Decoloniality, and the Spirit of Bandung. *Bandung: Journal of the Global South*, 6(2), 153—161. DOI: 10.1163/21983534-00602001
- Marcuse, G. (2011). *Critical Theory of Society: Selected Works on Philosophy and Social Criticism*. Moscow: AST-Astel publ. (In Russian).
- Merleau-Ponty, M. (1955). *Les Aventures de la dialectique*. Paris: Gallimard. (In French).
- Mingolo, W., & Walsh, C. (2018). *On Decoloniality: Concept, Analytics, Praxis*. Durham, NC: Duke University Press.
- Neklessa, A.I. (2020a). The Privatization of Future. *New Semantics, Concept & Practice of the Global Society. Polis. Political Studies*, (2), 153—166. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11
- Neklessa, A.I. (2020b). The Transit of Civilization: Methodological and Prognostic Aspects. *Economics of Contemporary Russia*, 4(91), 132—146. (In Russian).
- Rizzi, B. (1939). *La Bureaucratization du Monde*. Paris: Les Presses Modernes. (In French).
- Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
- Sauvy, A. (1986). Trois Mondes, Une Planète. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, (12), 81—83. (In French).
- Spivak, G.C. (1988). Can the Subaltern Speak? In C. Nelson & L. Grossberg. (Eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Basingstoke: Macmillan Education (pp. 271—313).
- St. Justin, Philosopher and Martyr: Apologies*. (1995). Foreword by A.I. Sidorov. Moscow: Blagovest publ. (In Russian).
- Tlostanova, M. (2020). The Postcolonial Condition and The Decolonial Option: A Postsocialist Mediation. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (161), 66—84. (In Russian).

Сведения об авторе: Неклесса Александр Иванович — руководитель Группы «Север — Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации; член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Москва (e-mail: neklessa@intelros.ru).

About the author: Neklessa Alexander Ivanovich — Head, the “North — South” Group, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization; Member, Bureau of the Academic Council “History of the World Culture”, the Presidium of the Russian Academy of Sciences (e-mail: neklessa@intelros.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Научная статья / Research article

Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории

О.С. Гайдаев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Более 20 лет прошло с тех пор, как Б. Бузан, О. Вэйвер и Я. де Вильде опубликовали ставшее классическим в дисциплине исследований о безопасности произведение «Безопасность: новая система анализа». Несмотря на попытки применения отечественными специалистами концептуального аппарата теории в исследовании международных проблем, знания о самой теории остаются фрагментарными. Подавляющая часть существующих работ обращается к интеллектуальному наследию так называемой Копенгагенской школы, в то время как более современные подходы и направления остаются практически вне поля зрения исследователей. Автор предпринимает попытку восполнить этот пробел. Данная статья открывает цикл исследований, целиком и полностью посвященных феномену секьюритизации: от самых ранних вех до современного этапа развития теории. Исследуются теоретико-философские предпосылки, а также идеи и положения теории секьюритизации, впервые сформулированные О. Вэйвером в конце 1980-х гг. Автор обращается к оригинальным работам и рукописям главных представителей Копенгагенской школы: О. Вэйвера и Б. Бузана, воспроизводя историю зарождения концепта секьюритизации и предлагая читателю погрузиться в атмосферу научных дискуссий о безопасности конца XX в. В результате проведенной работы становится возможным определить ключевые пункты в ранней теории секьюритизации: безопасность как речевой акт, национальная безопасность как главный объект анализа, постструктурный реализм как исследовательская позиция О. Вэйвера, а также идея о негативном значении безопасности. Делается вывод, что, несмотря на отмечаемые многими критиками недостатки ранней версии теории секьюритизации, в ее основе лежала ценная и продуктивная идея — попытка выйти за рамки представления о безопасности как абсолютном благе или метафизической сущности, что было свойственно традиционным и многим альтернативным подходам к определению безопасности.

Ключевые слова: секьюритизация, теория секьюритизации, Копенгагенская школа, международная безопасность, национальная безопасность, десекуритизация, постструктурный реализм

Благодарности: Финансирование не привлекалось. Автор работы выражает благодарность А.А. Сергунину, а также анонимным рецензентам за ценные советы и замечания.

Для цитирования: Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20—32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory

Oleg S. Gaidarov

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. More than 20 years have passed since B. Buzan, O. Wæver and J. de Wilde published their “Security: A New Framework for Analysis”, which has become a classic in the discipline of security studies.

© Гайдаев О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Although Russian scholars increasingly attempt to use the securitization theory's conceptual apparatus in their research, the knowledge of the theory itself remains rather fragmentary. The overwhelming majority of existing papers refer to the so-called Copenhagen School's (CS) intellectual heritage, while more comprehensive approaches and recent studies remain almost unknown among Russian scholars. The author attempts to fill this gap. This article is first in line of a series of studies, entirely devoted to the phenomenon of securitization: from the earliest milestones to the modern stage of development of the theory. The paper examines the theoretical and philosophical premises, as well as the ideas and assumptions of the securitization theory, first formulated by O. Wæver in the late 1980s. The author refers to the original texts of the main figures of the CS: O. Wæver and B. Buzan, conceptualizing the history of the concept of securitization and immersing the reader into the atmosphere of security studies field at the end of the 20th century. As a result, it becomes possible to determine the key elements of the early theory of securitization: security as a speech act, national security as a main focus of study, post-structural realism as a research agenda of O. Wæver, and the idea of security as a negative meaning. The article concludes that despite the shortcomings of the early theory of securitization noted by many critics, it was based on a valuable and fruitful idea — an attempt to go beyond the notion of security as an absolute good or a metaphysical entity, which was typical of traditional and many alternative approaches to the definition of security.

Key words: securitization, securitization theory, Copenhagen School, international security, national security, desecuritization, post-structural realism

Acknowledgements: No funding involved. The author of the paper is grateful to A.A. Sergunin, as well as to the anonymous reviewers for valuable advice and comments.

For citation: Gaidaev, O.S. (2021). Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 20—32. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Последние годы знаменуются ростом числа отечественных публикаций, связанных с применением теории секьюритизации для исследования международных проблем [Эйвазов 2017; Маталаева 2017; Коновалов, Погосян 2020]. На фоне роста научного интереса к наследию так называемой Копенгагенской школы исследований безопасности особую актуальность приобретает вопрос четкой, полной и недвусмысленной интерпретации идей и положений теории секьюритизации.

Приходится констатировать, что российский читатель в целом мало знаком с трудами зарубежных авторов по указанной теме, а имеющаяся на русском языке литература носит фрагментарный характер. Нередко понимание основных положений теории либо чрезмерно упрощается, либо теории приписывается то, чего она не содержит.

Теория секьюритизации определяет безопасность как форму дискурсивной практики¹, направленную на изменение

расстановки политических приоритетов [Морозов 2011: 25]. Иными словами, в процессе секьюритизации определяется, какие угрозы несут характер экзистенциальной опасности, требуют принятия неотложных мер и проведения политики особого рода. При этом, в отличие от традиционных подходов, оценка реальности той или иной угрозы зависит не столько от объективных факторов, сколько от политического выбора, результата действий политических акторов и аудитории. Успех секьюритизации зависит в первую очередь от того, какое влияние политические акторы смогли оказать на целевую аудиторию, сформировать у нее определенную картину восприятия происходящего, соответствующую замыслам и намерениям акторов.

Данная статья начинает цикл исследований, посвященных феномену секьюритизации от времени зарождения до современного этапа развития этой отрасли научного знания. Целью работы является не просто познакомить читателя с содержанием этого концепта², но подробно, в деталях осветить самый

¹ В совместных публикациях О. Вэйвер и Б. Бузан определяли безопасность иначе: как форму социальной практики [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Подробнее об этом противоречии см.: [Stritzel 2007].

² Краткая характеристика основных идей и положений этой теории весьма удачно изложена в ряде работ

ранний этап (1983—1989 гг.) в эволюции теории секьюритизации, выявить, таким образом, предпосылки и теоретико-философские истоки ее возникновения, предлагая читателю погрузиться в атмосферу научных дискуссий конца XX в. о природе международной безопасности.

Автор статьи обращается к оригинальным текстам двух знаковых фигур так называемой Копенгагенской школы: Б. Бузана и О. Вэйвера, исследуя не только опубликованные работы, но также ценные рукописи, вместе проливающие свет на историю развития концепта секьюритизации и уточняющие его содержание.

Методология автора включает элементы так называемой «пост-кунианской» социологии науки Б. Бузана и Л. Хансен [Buzan, Hansen 2009: 40—41], а также микросоциологического подхода О. Вэйвера [Wæver 2010].

Отличительной особенностью первого подхода является сочетание индуктивных и дедуктивных стратегий при описании истории дисциплины международных отношений, изучение не только внутренних факторов, свойственных динамике поля академических дебатов, но и внешних: влияния крупных международных событий, а также институциональных перемен в академической среде.

В свою очередь, микросоциологический подход характеризует внимание к личностям самих авторов работ, стремление «быть ближе к исследователям, непосредственно выбирающим над чем работать, как формулировать теории и где публиковаться» [Wæver 2010: 651].

Таким образом, суть исследовательского подхода автора состоит в стремлении описать теорию секьюритизации не в виде неких статичных постулатов, а как динамично меняющуюся область научных знаний, неразрывно связанную с трансформацией международных отношений и личностями авторов, чьи научные убеждения со временем также претерпевали изменения.

На заре нового этапа исследований: от традиционной к расширительной трактовке безопасности

Многие, кто знаком с трудами Копенгагенской школы исследований безопасности, безошибочно определяют главное и фундаментальное произведение Б. Бузана и О. Вэйвера — «Безопасность: новая система анализа» [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Изданию этой книги предшествовало десятилетие кропотливой работы целого коллектива авторов Копенгагенского института исследований мира.

Еще раньше, в 1983 г., увидела свет работа, ставшая для целого поколения авторов настольной книгой по изучению проблем теории международной безопасности — «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях» [Buzan 1983]. Именно это произведение английского исследователя Б. Бузана принято считать своеобразной точкой отсчета в научных изысканиях Копенгагенской школы и качественно новым этапом в осмыслении концепта безопасности в теории международных отношений.

Б. Бузан одним из первых в академических кругах Запада убедительно показал существующие ограничения в теоретических конструктах политических реалистов и идеалистов. Английский исследователь подверг критике как политический реализм с его приématом силы, так и школу исследований мира, поскольку в обоих случаях в фокусе исследования оставались главным образом проблемы войны и мира, а безопасность выступала лишь производной от силы или следствием установления мира.

Критикой существующих подходов Б. Бузан не ограничился. Буквально на первых страницах книги автор заявляет: «Наша задача — создать заново концепцию безопасности; мы не можем ее реабилитировать, потому что она никогда не была в должном рабочем состоянии» [Buzan 1983: 2]. Истинная же цель работы читается между строк: автор первым предложил создать такую теоретическую модель анализа международных отношений, в которой именно безопасность, а не сила или любой другой концепт стала бы

отечественных авторов. Подробнее, в частности, см.: [Макарычев 2008; Морозов 2011].

стержнеобразующим, а не второстепенным элементом теории.

Вместе с тем Б. Бузан в своих поисках нового понимания безопасности неизбежно вынужден выходить за рамки традиции, задавая простые, но неудобные для привычной теории вопросы. Безопасность для кого? Ответить просто: «Государство не решает проблему», — резюмирует исследователь. Так, продолжая ту же линию, намеченную в работах К. Уолтца [Waltz 1979], автор приходит к одной из основополагающих идей, ставшей впоследствии стержневой для исследований Копенгагенской школы: безопасность имеет множество референтных объектов, а безопасность одного не может быть адекватно оценена без привязки к безопасности другого.

Вслед за К. Уолтцем Б. Бузан выделил три уровня анализа безопасности:

- 1) уровень индивида (безопасность индивидов);
- 2) уровень государства (национальная безопасность);
- 3) уровень системы (международная безопасность).

Исследовать безопасность, по мнению автора, необходимо комплексно на всех уровнях. Как мы увидим далее, эта идея получила развитие и в теории секьюритизации.

И все же в центре внимания автора находилась именно национальная безопасность. Отвечая на вопрос, что же составляет угрозу национальной безопасности, Б. Бузан предложил классифицировать угрозы по соответствующим пяти секторам, таким как: военный, политический, экономический, экологический (сектор окружающей среды), социальный (последний появляется во втором издании книги 1991 г.).

Такой аналитический прием явился важным методологическим инструментом, который Б. Бузан впоследствии привнес и в Копенгагенскую школу исследований безопасности. Безопасность как субъект больший, чем нечто, связанное с военными угрозами, стала характерной чертой исследовательского подхода не только Копенгагенской школы, но и целой плеяды авторов, условно причисляемых к представителям

расширительной трактовки безопасности (*wideners*). Хотя сам Б. Бузан [Buzan 1997: 9] впоследствии и относил себя к таковым, он принимал во внимание и критику тех, кто полагал, что чрезмерное расширение поля исследований безопасности может разрушить весь эвристический потенциал концепта.

В целом в работе «Люди, государства и страх» Б. Бузана нет стройных теоретических конструктов, как нет и заявленной методологии исследования. Едва ли можно утверждать, что автор действительно осмыслил концепт во всей его полноте, а содержание книги породило скорее больше вопросов, чем ответов. Как позднее напишет сам Б. Бузан, эта книга и не подразумевалась в качестве канона, а задумывалась как плацдарм для будущих изысканий и альтернативных взглядов [Buzan, Wæver 1997: 250]. Произведение затрагивало по большей части не методические, а философские аспекты проблемы и помогло, по мнению Б. Бузана и О. Вэйвера, открыть полноценные «дебаты вокруг концепта безопасности» [Buzan, Wæver 1997: 250].

Более того, уже на данном этапе было положено начало разработке концептуальных основ подхода, который более поздние современники назовут «Копенгагенской школой» исследований безопасности. Под концептуальными основами здесь подразумевается ряд исследовательских принципов: это, прежде всего, расширительная трактовка безопасности, а также идея о множестве референтных объектов безопасности и их взаимозависимости.

На момент публикации первого издания книги в 1983 г. самому Б. Бузану было уже 37 лет, тогда как другой известный представитель будущей Копенгагенской школы — 22-летний датчанин Оле Вэйвер — был пока лишь студентом факультета политических наук в Копенгагенском университете. Позднее в своей автобиографической работе О. Вэйвер так охарактеризовал влияние, оказанное на него знакомством с работой Б. Бузана: «Лично для меня эта книга особенно важна по нескольким причинам. Во-первых, я использовал ее как фон, на котором формулировал и систематизировал прежде

разрозненные мысли вокруг концепта безопасности... в особенности в части, касающейся идеи поиска правильного “баланса” между индивидуальной, глобальной и национальной безопасностью... [Во-вторых], наше сотрудничество имело решающее значение в становлении моей академической карьеры, так что эта книга обязательно должна быть в моем списке хотя бы по этой причине»³.

Забегая вперед, необходимо отметить, что именно О. Вэйверу несколько позднее удалось сформулировать те самые, ныне всемирно известные положения новой теории. О. Вэйвер и Б. Бузан стали работать вместе, положив начало Копенгагенской школе исследований безопасности.

О. Вэйвер, хотя и проявлял интерес к постмодернистским концепциям, сформировался как ученый и унаследовал немало идей, присущих политическому реализму и даже политической экономии. Он сам характерно назвал свою исследовательскую позицию «постструктурным реализмом», объединив в одном названии оба направления (к чему мы еще вернемся позже), и впоследствии так и не стал выраженным адептом постмодернизма.

В своей автобиографии О. Вэйвер перечисляет авторов, оказавших ключевое влияние на формирование его научных взглядов. Среди них наряду с такими постмодернистами, как Ж. Деррида, Р. Эшли, Р. Уолкер, упоминаются Ф. Ницше, К. Маркс, Х. Арндт, Г. Киссинджер, Э. Лаклау и Ш. Муф, а также К. Уолтц — главный идеолог структурного реализма. К слову, произведение К. Уолтца «Теория международной политики» [Waltz 1979] О. Вэйвер характеризует как вероятно важнейшее произведение за всю истории дисциплины международных отношений [Wæver 2009: 203], отмечая, в частности: «Книга Уолтца 1979 г. — это повторное утверждение реализма в новом свете. Обращаясь к нуждам социальной науки и в особенности теории, сформулировав системно-структурный подход, реализм был изложен

[им] в системном и минималистичном ключе, где предметная дискуссия заменила собой прежние широкие спекуляции. Получившаяся теория стала *теорией* международных отношений в невиданной до этого степени, и привела к впечатляющим результатам»⁴.

Как позднее отметила британская исследовательница Р. Флойд: «Первая причина, почему Уолтц важен для теории секьюритизации, кроется в вопросе метатеоретических оснований теории международных отношений. Другими словами, ...не важно, что Уолтц на самом деле говорит про международную политику как таковую — важна его оценка вопросов границ и ограничений для [любой] теории» [Floyd 2010: 19].

Таким образом, О. Вэйвер, разрабатывая теорию секьюритизации, исходил из того же принципа: любая теория функциональна и способна работать, если фокусируется лишь на определенном круге явлений и фактов. В противном случае теория размывается, ее объяснительный потенциал угасает. Это делает понятным, почему, например, О. Вэйвер в своих ранних работах сознательно предпочитал оставлять за скобками роль исторического и социального контекста в процессе секьюритизации, предлагая фокусироваться на исследовании безопасности как речевого⁵ акта [Floyd 2010: 21].

Что же касается интереса О. Вэйвера к постмодернистским концепциям, то проследить его можно, начиная с увлечения автора идеями Ф. Ницше. Как пишет сам О. Вэйвер, «основная повестка Ницше не связана с методологией или даже историей, но с вопросом “переоценки всех ценностей” как попытки культивировать волю к созиданию новых ценностей»⁶. Далее О. Вэйвер приводит в качестве примера концепт безопасности

⁴ Ibid. P. 16.

⁵ Позже это породит немало споров в академической среде. Ряд зарубежных исследователей начнут развивать собственные подходы к исследованию процессов секьюритизации, в фокусе которых будут преимущественно внеязыковые факторы.

⁶ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 6. URL: www.academia.edu/2317814/Autobiography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar (accessed: 04.12.2020).

³ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 21—22. URL: www.academia.edu/2317814/Autobiography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar (accessed: 04.12.2020).

и утверждает, что «самые радикальные аргументы в пользу того, почему нам не нужна [такая] безопасность, а что-то более интересное — берут свое начало именно от Ницше»⁷.

В постструктуралистском ключе, солидаризуясь с идеей деконструкции Ж. Деррида, О. Вэйвер начинает воспринимать человеческое мышление текстуально. Текст для него — так же как для Ж. Деррида — это концептуальное пространство, само по себе порождающее смыслы и обретающее черты реальности. Опираясь на аргументы, представленные Ж. Деррида, в частности, в работе «Письмо и различие» [Деррида 2000: 447—448], датский исследователь изложил собственную научную позицию: «В моем случае важными областями, где эта общая “философия” Ж. Деррида проявила себя, были теория речевых актов и не в последнюю очередь дискурсивный анализ. Она (философия. — Прим. авт.) указывает, что нужно изучать в тексте, как он продуцирует собственные значения»⁸.

Пожалуй, одним из самых влиятельных источников в теории секьюритизации и одновременно самым недооцененным является философия Х. Арндт и ее концепция политики⁹. Сам О. Вэйвер только в 2014 г. в одной из своих работ прямо заявил: «Теория секьюритизации изначально строилась на теории речевых актов, потому что это был работающий метод, защищающий политику в представлении Арндт. Короче говоря, своему политическому видению теория

секьюритизации обязана Арндт, а техническому исполнению — теории речевых актов» [Wæver 2014: 122].

Центральное понятие в философии Х. Арндт, *vita activa* (деятельная жизнь), подразумевает три ипостаси человеческой деятельности:

1) труд (определяется биологической нуждой, имеет место в сфере частного);

2) созидание (изменение окружающего мира человеком, создание «надприродного» мира);

3) действие (деятельность в публичном пространстве и политической жизни). Именно через политическое действие в концепции Х. Арндт реализуется подлинное человеческое бытие, подтверждается и раскрывается весь потенциал его возможностей [Ломако 2015: 23].

Как подчеркивает сама философ, действие возможно только совместными усилиями и невозможно без речи: «Действуя и говоря, люди всякий раз обнаруживают, кто они по сути, активно показывают личную неповторимость своего существа, как бы выступают на сцене мира, на какой они не были так видны прежде»; «бессловесного действия строго говоря вообще не существует, ибо это было бы действие без деятеля; обе стороны человека, который “красноречив в словах, в деяниях крепок”, связаны между собой, потому что никакого собственно свершителя дел не было бы, не выступи он открыто с говорением речи» [Арндт 2000: 233—234].

Для теории секьюритизации идеи Х. Арндт имели принципиальное значение в нескольких аспектах.

Во-первых, они подчеркнули важность исследования дискурсивных практик в политике, поскольку для Х. Арндт действие не только порождается речью — речь перформативна и сама подразумевает действие, являясь условием всего политического [D'Entrèves 1994: 71].

Во-вторых, они позволили представить секьюритизацию как двунаправленный процесс, в котором участники взаимно конструируют друг друга (вместо привычного механистического понимания коммуникации,

⁷ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 6. URL: www.academia.edu/2317814/Autobibliography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar (accessed: 04.12.2020).

⁸ Ibid. P. 18.

⁹ Обрывочные упоминания трудов и идей Х. Арндт присутствуют как в самых ранних текстах О. Вэйвера, посвященных секьюритизации (1989, 1995 гг.), так и в более поздних (1998, 2003 гг.). О. Вэйвер посвящает Ханне Арндт отдельное упоминание и в автобиографической статье (2004 г.). Тем не менее о конкретных связях и влиянии работ Х. Арндт на теорию секьюритизации говорится лишь косвенно. Это позволило некоторым исследователям сойтись во мнении, что концепция политики Х. Арндт «молчаливо присутствует» в теории секьюритизации с самого ее основания.

в котором информация доставляется от активного субъекта пассивному реципиенту). Так, в одной из своих более поздних работ «Ложь и политика» Х. Арендт демонстрирует, как аргументы американского политического истеблишмента для обоснования вторжения во Вьетнам конструировались ожиданиями аудитории. Как резюмирует автор, «лжец имеет огромное преимущество, зная наперед, чего аудитория желает или ждет услышать» [Arendt 1972: 6].

В-третьих, концепция политики Х. Арендт позволяет понять эмансипационный, освободительный потенциал идеи десекьюритизации. Вместо того чтобы рассматривать все новые и новые проблемы как источники потенциальных угроз, О. Вэйвер в своих работах призывал к обратному: рассматривать угрозы как важные, но не экзистенциальные вопросы, обсуждать и решать их посредством стандартного политического диалога и политических процедур. Иными словами, вместо децизионистской политики, закрывающей возможность публичного обсуждения вопросов безопасности, переносящей эти вопросы в сферу оперативного реагирования и чрезвычайных действий, необходимо, напротив, искать возможность для политического диалога, возвращаясь, таким образом, в русло «арендтовской» политики — деятельной жизни, где возможны подлинная самореализация и развитие человека.

Из проведенного обзора источников, опираясь, в том числе на признания самого О. Вэйвера, можно заключить, что уже к началу академической карьеры научный кругозор датского исследователя составляли самые различные идеи и концепции. Несмотря на заметное увлечение постструктуралистскими теориями, О. Вэйвер сохранял также интерес к традиционным подходам в теории международных отношений.

Зарождение теории

Как признается сам О. Вэйвер, основные положения теории секьюритизации были сформулированы им уже в 1988 г.¹⁰,

а в следующем, 1989 г., из-под пера молодого исследователя вышло первое знаковое произведение, так им и не опубликованное: «Безопасность, речевой акт. Анализируя политику слова» [Wæver 1989].

В отличие от Б. Бузана, заложившего концептуальные основы Копенгагенской школы и оказавшего сильное влияние на своего юного коллегу, именно О. Вэйвер оформил теорию секьюритизации в виде готового научного продукта (к слову, первые упоминания терминов «секьюритизация» и «десекьюритизация» в политологическом смысле слова встречаются именно в рукописи 1989 г.). Остановимся на этой работе подробнее.

Сформулированная О. Вэйвером цель исследования, в сущности, повторяет замысел Б. Бузана — переосмыслить концепт безопасности. Однако О. Вэйвер решает эту задачу иначе.

Так, О. Вэйвер предлагает сосредоточиться исключительно на невоенных аспектах европейской безопасности, оставляя в центре внимания политико-идеологические и экономические отношения — главным образом между политическим Востоком и Западом. Актуальность этой работы не вызывала сомнений: на пороге близилось завершение холодной войны, а вместе с ней — и прежней модели взаимодействия, основанной на узкой интерпретации безопасности. Однако динамично меняющаяся обстановка, актуализация и постановка новых проблем требовала коренного пересмотра сложившихся взглядов и подходов.

О. Вэйвер исходил из того, что политика — это репрезентация социальной реальности, и действует она, как игра, по своим законам и правилам. На политической арене людям присваиваются определенные роли и позиции, которые не представлены в обыденной жизни, но люди действуют в соответствии с ними в политике. А когда политик характеризует какую-либо ситуацию как проблему безопасности, то он, по правилам этой игры,

¹⁰ Wæver O. The Ten Books That Shaped Me as Scholar. 2004. P. 2. URL: www.academia.edu/2317814/

Autobibliography_The_Ten_Books_that_Shaped_me_as_a_Scholar_ (accessed: 04.12.2020).

стремится получить особое право для реализации задуманных им действий. В этот самый момент О. Вэйвер и связывает безопасность с теорией речевых актов британского лингвиста Дж. Остина: «Можно посмотреть на безопасность как на то, что в теориях лингвистики принято называть речевым актом. Он интересен не потому, что отсылает нас к чему-то реально существующему: само по себе высказывание есть реальное действие: говоря что-то — что-то считается сделанным (как заключать пари, давать обещание, нарекать корабль) и т. д. Говоря “безопасность”, политик переносит ситуацию в особое поле, стремясь получить право действовать для нейтрализации нежелательной динамики» [Wæver 1989: 5]. При этом, предвидя возможную критику, О. Вэйвер сразу делает оговорку, что безопасность — это больше, чем просто слово. Подразумевается, что за словами должны стоять реальные средства противодействия угрозам: если вражеские войска переходят границу, в распоряжении должны быть собственные военные силы, и т. п. [Wæver 1989: 5].

Видя в этой идее потенциал для развития новой теории, О. Вэйвер, как бы перенимая эстафету у К. Уолтца и Б. Бузана, обращается к идее о трехуровневой безопасности: личной, национальной и международной.

Можно ли, спрашивает О. Вэйвер, представить безопасность таким образом, в виде трехуровневого конструкта? Очевидно, что референтными при этом будут совершенно разные объекты безопасности. О. Вэйвер подвергает критике такой подход, выдвигая два контраргумента:

1) в такой интерпретации безопасности невозможно четко выделить референтные объекты (что, например, является объектом безопасности на международном уровне: агрегированная сумма национальных безопасностей всех государств? Сумма безопасностей всех людей на планете? Стабильность международного порядка?);

2) даже условно определив перечень таких референтных объектов, невозможно определить безопасность через призму всех трех уровней, поскольку динамика и сама

сущность безопасности на каждом уровне совершенно различны [Wæver 1989: 35]. Безопасность, таким образом, окажется попросту собирательным образом для разного рода явлений и неоперябельным понятием.

Как отмечает О. Вэйвер, «единственно здравый вариант, говоря о безопасности, придерживаться классической интерпретации (национальной безопасности) и расширить понимание актуальной динамики... Концепт безопасности определяется на уровне государства. Остальные уровни невозможно описать и объяснить в схожей манере. У нас есть разные отношения на всех трех уровнях. Но вопросы безопасности должны пониматься через призму “национальной безопасности”» [Wæver 1989: 36].

Эта идея О. Вэйвера наглядно демонстрирует отличие его взглядов от подхода так называемой альтернативной безопасности и критической школы исследований безопасности в частности. О. Вэйвер не отказывается от традиции; напротив, он работает в ней и оперирует ее же понятийным аппаратом. Свою методологическую позицию он характеризует как «постструктурный реализм», парадоксально объединяя вместе два антипода, две, казалось бы, взаимоисключающие позиции. Он поясняет, что понимать эту методологию можно двумя способами: как постструктурное прочтение реализма и как новое (пост-) прочтение структурного реализма К. Уолтца, ставшего главным объектом критики для деконструктивистов. Эта методология подчинена одной цели: развить теорию, которая была бы политической, то есть работала бы с политической реальностью как репрезентацией социального мира. Будет ли она при этом позиционировать себя где-то отдельно, за пределами «храма» традиционной мысли и реализма — уже не имеет принципиального значения.

Вот как сам О. Вэйвер описывает свой метод: «Метод заключается в работе с концептами реалистов до тех пор, пока эти концепты не перестанут работать в гармоничном, комфортном и стандартном для реализма дискурсе... Возьмем концепт — определенный фрагмент из мира реалистов — и начнем

его разворачивать... до тех пор, пока он не станет проблемным. Не изобретая новых значений, а терпеливо задавая вопросы, докапываясь до самой сути концепта, пока он не станет опасным, нестабильным» [Wæver 1989: 38].

Для О. Вэйвера этот аналитический процесс сродни деконструкции прежде метафизически определяемого концепта. Результат закономерен: безопасность, определявшаяся как некое абсолютное благо для круга референтных объектов, интерпретируется в тексте и через текст. Тогда «проблема безопасности представляется таковой теми, кто находится в соответствующей властной позиции. Это и есть реальное использование, реальная логика, стоящая за безопасностью. Просто не говорится вслух (по очевидным причинам), что “языковая игра безопасности” — это *jus necessitatis* для правящих элит. Смысл выцеживания этой логики из традиционного дискурса состоит не в том, чтобы “изобличить” эту обнаженную правду, чтобы люди “отказались” от безопасности. Эта логика безопасности является составным элементом логики наших политико-образующих принципов (на национальном и международном уровнях)» [Wæver 1989: 38].

Таким образом, О. Вэйвер утверждает, что за безопасностью некой абсолютной, трансцендентальной сущности стоит лишь дискурс, и все смыслы и значения в нем задаются человеком посредством языковой игры.

Рассуждая о безопасности в подобном ключе, О. Вэйвер характеризует ее как речевой акт, уточняя, что он имеет в виду лишь один из видов этих актов — иллокуцию [Wæver 1989: 6]. Тем самым датский исследователь использует понятийный аппарат теории речевых актов Дж. Остина [Austin 1962].

Несомненно, Дж. Остин в своих работах сумел наглядно показать ограничения, накладываемые структурной лингвистикой и лежащей в ее основе традиционной логикой, сам в какой-то степени став ее заложником. Впоследствии его дело продолжил американский философ Дж. Сёрль [Searle 1965]. Посвятив ранний период своей научной

деятельности философии языка, он существенно дополнил и пересмотрел ряд положений теории речевых актов и в 1965 г. опубликовал работу «Что такое речевой акт?».

Почему же О. Вэйвер обращается не к продолжателю начинаний Дж. Остина, а именно к первоначальной версии теории? И как в принципе он допускает возможность соединения своих постструктуралистских идей с теорией речевых актов, выросшей в лоне аналитической философии?

Ответ на первый вопрос раскрывает за собой и последующий: ранняя теория речевых актов Дж. Остина представлялась О. Вэйверу более удобной для прочтения в постструктуралистском ключе. И к такому выводу его, очевидно, подтолкнула острая полемика, развернувшаяся в 1977—1978 гг. между Ж. Деррида и Дж. Сёрлем, по итогам которой последнее слово осталось за французским философом [Wæver 1989: 44]. В то же время О. Вэйвер вновь ссылается на фигуру Ж. Деррида, говоря о речевых актах Дж. Остина: «Постструктурализм и аналитическая философия разделяют общее представление, что язык — это больше чем просто репрезентация. И на самом деле Ж. Деррида подчеркивал, что он разделяет некоторые основополагающие идеи Остина. Сёрлевская “Большая теория”, однако, видится более проблематичной, чем оригинальный Остиновский, более игривый вариант» [Wæver 1989: 44].

О. Вэйвер позже подробнее разъяснит свой отказ от использования речевых актов в понимании Дж. Сёрля: «Сёрль вымывает остиновскую теорию речевых актов (как большинство мэйнстримовых философов и лингвистов), когда он воссоздает водораздел между языком и действием. Радикальный потенциал теории Остина рассеивается, когда эти традиционалисты убирают все социальное из иллокуции и, по факту, сводят иллокутивный акт к коммуникации, исключая, таким образом, — вопреки оригинальному замыслу Остина — возможность единства речи и действия» [Wæver 2014: 123].

Возвращаясь к вопросу об иллокутивных актах: как О. Вэйвер обосновывает свой

выбор в пользу иллокутивных актов в контексте определения безопасности? Методом исключения можно убрать локуцию, поскольку, ознакомившись с оригинальной концепцией Дж. Остина, становится ясно, что «локутивное действие, в той же мере что и иллокутивное, является лишь абстракцией: каждое подлинное речевое действие является и тем, и другим» [Вдовиченко 2008: 108]. Иными словами, в речевой практике едва ли можно встретить локутивное высказывание (факт произнесения чего-либо) без иллокутивного действия: возникает картина бессмысленной вербальной игры «Назови правильно факт действительности» [Вдовиченко 2008: 110]. В свою очередь, иллокуция попросту невозможна без локутивного действия.

О. Вэйвер сознательно оставляет за скобками перлокутивные акты, поскольку они связаны с конечным эффектом, результатом и последствиями речевого акта — тем, чего задуманная им теория попросту не охватывает. Остается, таким образом, иллокуция — действие, обладающее определенной конвенциональной силой. В случае с безопасностью — это частично информирование об угрозе, предостережение, а также своего рода предложение, обещание использовать все возможные средства для борьбы с угрозой [Wæver 1989: 42].

Конвенциональная сила для О. Вэйвера — это своего рода энергия, трансформирующая социальную ситуацию между участниками, которая, в свою очередь, предшествует наступлению реальных эффектов и последствий, то есть перлокуции. К примеру, в момент заключения пари между участниками возникает новая конфигурация отношений, однако исход пари им еще неизвестен — никто пока не может оценить последствия от заключения этого пари. В отношении безопасности иллокуция предполагает не просто высказывание, а трансформацию социальных отношений как перенос некоего вопроса в специфическое дискурсивное поле безопасности, где участники начинают действовать определенным образом [Wæver 2014: 123].

Итак, уже ясно представляется, что О. Вэйвер в своей ранней работе наметил

основы новой теории понимания безопасности. Ему удалось выстроить вокруг классической идеи национальной безопасности качественно иной подход, основанный на постструктуралистском понимании политики и лингвистической теории речевых актов. О. Вэйвер отказался от абстрактного понятия защиты неопределенного круга референтов от объективно присутствующих угроз. Вместо этого он попытался сформулировать безопасность как речевой акт, в которой элиты, представляя определенные события в качестве угрозы безопасности, легитимизируют право на чрезвычайные и решительные меры.

Такой взгляд на безопасность подрывает стереотипные представления в духе «чем больше безопасности — тем лучше», поскольку теряет смысл противопоставление безопасности и небезопасности. Безопасность, по О. Вэйверу, — это не отсутствие угроз, это право на чрезвычайные и решительные действия при постоянном, «фоновом» присутствии угрозы. В свою очередь, небезопасность — это та же самая ситуация, только без адекватных мер по нейтрализации опасности. «Мы (к счастью) никогда не будем ходить вокруг и говорить “чудесно, как же нам сейчас безопасно”. Не было бы проблем безопасности, мы бы вообще мыслили другими категориями: политики, экономики и т. п.» [Wæver 1989: 36]. И здесь мы подходим к стержневой идее, главному выводу О. Вэйвера.

Если безопасность и небезопасность не формируют бинарной оппозиции, тогда безопасность теряет смысл как некое абсолютное благо. В определенных условиях безопасность, напротив, можно рассматривать как негативное явление. «Меньше безопасности — больше политики», — вот формула О. Вэйвера и главный вывод его исследования в отношении европейской безопасности.

Для преодоления сложившегося в Европе статус-кво и выхода из порочного круга взаимоотношений холодной войны О. Вэйвер видит единственно правильным выходом «десекуритизацию», то есть видеть некоторые «угрозы» как «вызовы», проблемы безопасности — как проблемы политики; открывать больше внутреннего пространства

для политической борьбы — даже если правила этой борьбы не кажутся «честными» по абсолютным меркам. «Если только открыть больше пространства для политики — в любом обществе найдется множество замечательных людей, готовых нести и продолжать это дело» [Wæver 1989: 52], — оптимистично подытоживает О. Вэйвер.

Заключение

Итак, как же можно охарактеризовать задуманный О. Вэйвером концепт секьюритизации?

По существу, ученый представил основы оригинального подхода, позволяющего исследователю более критично подходить к оценке и анализу вопросов безопасности. В отличие от прочих альтернативных подходов теория секьюритизации не ставит перед собой цели определить, какой должна или не должна быть «идеальная» безопасность. О. Вэйвера интересует скорее то, как безопасность работает на практике, в деятельности политических акторов — *in natura*. Если безопасность — это не абсолютное благо, а секьюритизация может обернуться еще большим расширением повестки вопросов безопасности, то в фокусе исследований оказывается вопрос: а стоит ли в принципе рассматривать определенную проблему под углом зрения безопасности [Huysmans 2002: 43—47]? Опираясь на философское видение политики Х. Арендт, О. Вэйвер видит благую общественную цель в обратном — сокращении неоправданно широкой повестки безопасности и десекуритизации.

Свою исследовательскую позицию О. Вэйвер характеризует как «постструктурный реализм», в котором нашли отражение элементы структурного реализма и постмодернизма. Воспринимая мышление текстуально в духе Ж. Деррида, О. Вэйвер, тем не менее, продолжает работать с концептами политических реалистов. Развивая идею о трехуровневой безопасности К. Уолтца (в интерпретации Б. Бузана), О. Вэйвер остается верен традиционному представлению

о том, что государство и национальная безопасность — это главные объекты анализа, а языковая игра безопасности — прерогатива правящих элит.

Тем не менее, обращаясь к работам Дж. Остина и характеризуя безопасность как речевой акт, О. Вэйвер испытывает большое влияние постмодернизма и в определенном смысле рискует.

С одной стороны, он стремится подчеркнуть идею о единстве речи и действия, перформативности языка — его способность задавать новые значения, влиять на конфигурацию социальных отношений в сфере безопасности.

С другой стороны, как отмечают некоторые исследователи, внимание к иллокуции (конвенциональной силе высказываний), а не перлокуции (реальным социальным и политическим последствиям секьюритизации) по факту оставило за скобками роль аудитории и ее реакции на происходящее, а следуя Ж. Деррида в попытках объединить постструктурализм с теорией речевых актов, О. Вэйвер недооценил роль внеязыкового контекста [Balzacq 2011: 19]. Такое прочтение секьюритизации как раз было больше свойственно раннему О. Вэйверу, который ставил в центр анализа событие речевого акта [Stritzel 2007: 359].

Так или иначе, при всех недостатках этой ранней теории можно заключить, что в ее основе лежит одна ценная мысль, свойственная всем последующим изысканиям в этой области: безопасность — это нечто большее, чем абстрактное благо или некая метафизическая сущность. Это обозначение для особого круга явлений, когнитивного пространства с присутствующими ему правилами игры, «внутренней кухни» и динамичными процессами, называемыми секьюритизацией и десекуритизацией. Несомненно, представление безопасности в подобном ключе положительно сказалось на дисциплине исследований в сфере безопасности и привело к продуктивным академическим обсуждениям и конструктивной критической рефлексии.

Поступила в редакцию / Received: 07.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 11.01.2021

Библиографический список

- Арендт Х.* Vita Activa, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Вдовиченко А.В.* “How To Do Things With Words” Дж. Остина: между логикой и коммуникацией (продолжение) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. Вып. 1 (11). С. 103—113.
- Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000.
- Коновалов В.Н., Погосян Г.К.* Нагорно-Карабахский конфликт в контексте теории секьюритизации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85). С. 13—17.
- Ломако О.М.* Социальная философия Ханны Арендт: политика и этика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 21—25.
- Макарычев А.* Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4 (87). С. 25—40.
- Маталаева Ф.Э.* Секьюритизация международной миграции в Европе // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2017. № 2 (325). С. 45—57.
- Морозов В.Е.* Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24—35.
- Эйвазов Д.* Секьюритизация и региональная активность держав на примере политики России в украинском кризисе // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 156—173. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9
- Arendt H.* Crises of the Republic: Lying in Politics, Civil Disobedience on Violence, Thoughts on Politics, and Revolution. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
- Austin J.L.* How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Balzacq T.* A Theory of Securitization: Origins, Core Assumptions and Variants // Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / ed. by T. Balzacq. Abingdon: Routledge, 2011. P. 1—30.
- Buzan B.* People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983.
- Buzan B.* Rethinking Security after the Cold War // Cooperation and Conflict. 1997. Vol. 32. No. 1. P. 5—28. DOI: 10.1177/0010836797032001001
- Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Buzan B., Wæver O.* Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies // Review of International Studies. 1997. No. 23. P. 241—250. DOI: 10.1017/S0260210597002416
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- D’Entrèves M.P.* The Political Philosophy of Hannah Arendt. London: Routledge, 1994.
- Floyd R.* Security and the Environment: Securitisation Theory and US Environmental Security Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Huysmans J.* Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security // Alternatives: Global, Local, Political. 2002. Iss. 27. P. 41—62. DOI: 10.1177/03043754020270S104
- Searle J.* What Is a Speech Act? // Philosophy in America / ed. by M. Black. Ithaca: Cornell University Press, 1965. P. 221—239.
- Stritzel H.* Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13. No. 3. P. 357—383.
- Wæver O.* Security, the Speech Act. Analyzing the Politics of a Word. Paper presented at the Research Training Seminar, Sostrup Manor, June 1989. 68 p. URL: www.academia.edu/2237994/Security_the_Speech_Act_working_paper_1989 (accessed: 05.12.2020).
- Wæver O.* The Theory Act: Responsibility and Exactitude as Seen from Securitization // International Relations. 2014. Vol. 29. No. 1. P. 121—127. DOI: 10.1177/0047117814526606d
- Wæver O.* Towards a Political Sociology of Security Studies // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 6. P. 649—658. DOI: 10.1177/0967010610388213
- Wæver O.* Waltz’s Theory of Theory // International Relations. 2009. Vol. 23. No. 2. P. 201—222. DOI: 10.1177/0047117809104635
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley Publishing, 1979.

References

- Arendt, H. (1972). *Crises of the Republic: Lying in Politics, Civil Disobedience on Violence, Thoughts on Politics, and Revolution*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Arendt, H. (2000). *The Human Condition*. St. Petersburg: Aleteiya publ. (In Russian).
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955*. Oxford: Oxford University Press.
- Balzacq, T. (2011). A Theory of Securitization: Origins, Core Assumptions, and Variants. In T. Balzacq (Eds.), *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve*. Abingdon: Routledge (pp. 1—30).
- Buzan, B., & Hansen, L. (2009). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B., & Wæver, O. (1997). Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies. *Review of International Studies*, (23), 241—250. DOI: 10.1017/S0260210597002416
- Buzan, B. (1983). *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Buzan, B. (1997). Rethinking Security after the Cold War. *Cooperation and Conflict*, 32(1), 5—28. DOI: 10.1177/0010836797032001001
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.
- D'Entrèves, M.P. (1994). *The Political Philosophy of Hannah Arendt*. London: Routledge.
- Derrida, J. (2000). *Writing and Difference*. Moscow: Akademicheskii prospect publ. (In Russian).
- Eyvazov, J. (2017). Securitization and Regional Activity of a Major Power: The Case of Russia's Policy during the Ukrainian Crisis. *International Trends*, 15(4), 156—173. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9
- Floyd, R. (2010). *Security and the Environment: Securitisation Theory and US Environmental Security Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huysmans, J. (2002). Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security. *Alternatives*, (27), 43—47. DOI: 10.1177/03043754020270S104
- Konovalov, V.N., & Poghosyan, G.K. (2020). The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of Securitization Theory. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*, 8(85), 13—17. (In Russian).
- Lomako, O.M. (2015). Social Philosophy of Hannah Arendt: Political and Ethic Aspects. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 15(3), 21—25. (In Russian).
- Makarychev, A. (2008). Security and the Return of the Political: The Critical Debates in Europe. *Security Index*, 14(4), 25—40. (In Russian).
- Matalaeva, F.E. (2017). The Securitization of International Migration in Europe. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' — Observer*, (2), 45—57. (In Russian).
- Morozov, V.E. (2011). Security as a Form of Political: On Securitization and Politicization. *Polis. Political Research*, (3), 24—35. (In Russian).
- Searle, J. (1965). What is a Speech Act? In M. Black (Eds.), *Philosophy in America*. Ithaca: Cornell University Press (pp. 221—239).
- Stritzel, H. (2007). Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations*, 13(3), 357—383.
- Vdovichenko, A.V. (2008). J. Austin's "How To Do Things With Words" between Logic and Communication. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 1(11), 103—113. (In Russian).
- Wæver, O. (1989). *Security, the Speech Act. Analyzing the Politics of a Word*. Paper presented at the Research Training Seminar, Sostrup Manor, June. P. 1—68. URL: www.academia.edu/2237994/Security_the_Speech_Act_working_paper_1989 (accessed: 05.12.2020).
- Wæver, O. (2009). Waltz's Theory of Theory. *International Relations*, (23), 201—222. DOI: 10.1177/0047117809104635
- Wæver, O. (2010). Towards a Political Sociology of Security Studies. *Security Dialogue*, 41(6), 649—658. DOI: 10.1177/0967010610388213
- Wæver, O. (2014). The Theory Act: Responsibility and Exactitude as Seen from Securitization. *International Relations*, 29(1), 121—127. DOI: 10.1177/0047117814526606d
- Waltz, K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Boston: Addison-Wesley Publishing.

Сведения об авторе: Гайдаев Олег Сергеевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.gaidaev@gmail.com).

About the author: Gaidaev Oleg Sergeevich — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (e-mail: o.gaidaev@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-33-48

Научная статья / Research article

Региональный комплекс Юго-Восточной Азии: опыт прикладного анализа на примере ситуации в Мьянме

К.А. Ефремова

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается авторская концепция изучения региональных комплексов, разрабатываемая в Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, и оценивается опыт ее применения на примере международно-политического анализа текущей ситуации в региональном комплексе Юго-Восточной Азии. Актуальность предмета исследования обусловлена международно-политической ситуацией вокруг Мьянмы, остающейся одной из наименее изученных стран Юго-Восточной Азии. Целью исследования является научное рассмотрение рохинджийского кризиса с применением разрабатываемой автором прикладной методики регионального анализа. Суть данной методики заключается в том, чтобы выстроить сценарии развития международно-политической ситуации в регионе исходя из типа взаимодействий в рамках соответствующего регионального комплекса. В статье приводится авторское определение регионального комплекса, основанное на работах А.Д. Воскресенского, рассмотрен алгоритм сценарного анализа, выделены шесть «идеальных» типов региональных комплексов, обозначены стабильные и нестабильные типы региональных комплексов. Первая часть статьи посвящена существующим подходам к изучению региональной проблематики в теории международных отношений и мировому комплексному регионоведению, во второй части описывается авторская концепция прикладного международно-политического исследования региональных комплексов, а в третьей части приводится пример использования сценарного анализа на конкретном регионально-страновом материале — современной ситуации в мьянманском штате Ракхайн. На основе проведенного исследования получены следующие результаты: 1) посредством сочетания методов новостного мониторинга и ивент-анализа собрана информация о политических процессах, происходящих в Ракхайне в течение последних пяти лет; 2) данная информация ранжирована в соответствии с предложенной автором матрицей, характеризующей развитие ситуации по пессимистическому (–5...–1) и по оптимистическому (+1...+5) сценариям; 3) по результатам проведенного анализа сделан вывод о характере и степени интенсивности рохинджийского кризиса, намечены основные пути его урегулирования. В заключении автор выражает надежду на то, что предложенная методика может быть востребована регионаловедцами-международниками для анализа аналогичных международно-политических ситуаций.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Мьянма, рохинджа, международные отношения, региональный комплекс, комплексное регионоведение

Для цитирования: Ефремова К.А. Региональный комплекс Юго-Восточной Азии: опыт прикладного анализа на примере ситуации в Мьянме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 33—48. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-33-48

Regional Complex of Southeast Asia: A Case of Applied Analysis Focused on the Situation in Myanmar

Ksenia A. Efremova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This paper uses the method of applied analysis of regional complexes developed at the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (Moscow, Russia). Its scientific

© Ефремова К.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

relevance is defined by the importance of understanding the international and political situation in and around Myanmar. The aim of this study is a scientific exploration of the Rohingya crisis by means of applied methods of regional analysis, designed by the author. This methodology aims to trace scenarios of the development of international and political situations in the region based on the types of interactions within the Southeast Asian regional complex. The article offers the author's own definition of regional complex that builds on the works of Alexei D. Voskressenski, introduces an algorithm of scenario analysis, outlines six "ideal" types of regional complexes, and defines stable and unstable types of regional complexes. The first part of the article is devoted to current approaches in the study of regional problems in International Relations and World Regional Studies; the second part describes the author's conception of applied international political analysis of regional complexes; and the third part contains an example of the application of scenario analysis to specific regional and domestic affairs — in this case, the contemporary situation in Myanmar's Rakhine State. The research yields the following results: 1) by using a combination of the methods of news monitoring and event analysis, the author collected information on political processes in Rakhine over the last five years; 2) this information was arranged according to the matrix compiled by the author, which characterized the situation development according to the negative (–5...–1) and positive (+1...+5) scenarios; 3) based on the results of the aforesaid analysis, the author comes to a conclusion on the character and intensity of the Rohingya crisis and describes possible ways of its settlement.

Key words: Southeast Asia, ASEAN, Myanmar, Rohingya, international relations, world regional studies

For citation: Efremova, K.A. (2021). Regional Complex of Southeast Asia: A Case of Applied Analysis Focused on the Situation in Myanmar. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 33—48. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-33-48

Прикладной анализ международно-политических ситуаций и прогнозирование их дальнейшего развития являются логическим продолжением теоретических схем, составленных политологами, и практическим применением знания о конкретной стране или регионе, накопленного регионоведами-международниками. Проблема заключается в том, что далеко не каждый политолог владеет регионально-страновым материалом и далеко не каждый регионовед свободно оперирует политологическими категориями. Следовательно, необходимо использовать такую методику прикладного анализа и прогнозирования, которая была бы понятна регионоведам и при этом не теряла своей научной строгости. Такая методика была разработана в 60-х — 80-х гг. прошлого века в стенах ИМЭМО АН СССР и МГИМО МИД СССР. Она известна под названием «ситуационный анализ» [Примаков, Хрусталеv 2006].

Как отмечал один из основателей данной методики профессор М.А. Хрусталеv, ситуационный анализ возник как ответ на запрос со стороны Министерства иностранных дел и органов госбезопасности, которые требовали от аналитиков МГИМО «не просто выявления закономерностей развития обстановки, а конкретных результатов в виде политических рекомендаций» [Хрусталеv 2006: 121].

Для проведения прикладных международно-политических исследований в середине 1970-х гг. в МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПНИЛСАМО), которую в разные годы возглавляли В.Б. Тихомиров, И.Г. Тюлин, М.А. Хрусталеv. В 1990 г. она была переименована в Центр международных исследований (ЦМИ), который, в свою очередь, в 2004 г. был преобразован в Научно-координационный совет по международным отношениям (НКСМО). Ныне преемником ПНИЛСАМО / ЦМИ / НКСМО является Институт международных исследований (ИМИ), созданный в 2009 г.

В феврале 2018 г. в МГИМО была образована Лаборатория анализа международных процессов (ЛАМП), целью которой стало изучение влияния новых технологий на международные отношения и внешнюю политику государств. Возглавил лабораторию директор ИМИ А.А. Сушенцов¹.

По мере того как процессы регионализации превращались в глобальный мегатренд, в МГИМО начали развиваться методология и

¹ Лаборатория анализа международных процессов // МГИМО МИД России. URL: <https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/lamp/> (дата обращения: 20.10.2020).

прикладные методики регионального и кросс-регионального анализа. В 2002 г. на базе кафедры востоковедения и кафедры истории и политики стран Европы и Америки (ИПСЕА) была создана первая на постсоветском пространстве магистратура по зарубежному регионоведению, в образовательную программу которой были включены соответствующие теоретические курсы: «Кроссрегиональный политический анализ», «Кроссрегиональный политико-экономический анализ», а позже и курс обобщающего характера «Методология регионального анализа».

Научные исследования теоретического и прикладного характера по данному профилю (с акцентом на Восточную и Юго-Восточную Азию) ведутся также в созданном в 2017 г. Центре комплексного китаеведения и региональных проектов (ЦККиРП) под руководством профессора А.Д. Воскресенского.

В данной статье описывается алгоритм прикладного международно-политического анализа региональных комплексов, разрабатываемый в ЦККиРП МГИМО МИД России, и оценивается опыт его применения к анализу текущей международно-политической ситуации в Юго-Восточной Азии (и в частности в Мьянме). Вопросы, которые автор ставит перед собой, касаются эффективности существующих подходов к изучению региональной проблематики: в частности, автора интересует то, как и чем исследование регионального комплекса отличается от рутинного исследования международных отношений и насколько оправданным является применение предложенного алгоритма на конкретном регионально-страновом материале. Далее будут рассмотрены основные характеристики данного алгоритма.

«Идеальные типы» региональных комплексов и сценарии их политического развития

В первую очередь, следует дать определение объекта данного исследования, то есть понятия «региональный комплекс». Оно тесно связано с понятием региональной подсистемы международных отношений, однако не

тождественно ему. Региональный комплекс представляет собой «многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде» [Воскресенский, Колдунова, Лунев 2014: 196].

Ключевыми характеристиками регионального комплекса, согласно данному определению, являются:

— *многомерность*, то есть совокупность взаимосвязанных плоскостей (физико-географической, политической, экономической, культурной и т. п.), объединенных общими пространственно-временными рамками;

— *комплексность взаимосвязей*, то есть наличие неких паттернов (устойчивых моделей взаимодействия), повторяющихся на межгосударственном и региональном уровне;

— *разные типы и разная степень интенсивности взаимосвязей*, то есть отношения дружественности / враждебности той или иной степени выраженности;

— *выделенность из внешней среды*, то есть существование неких принципов включения / исключения государств, входящих в состав регионального комплекса.

Отсюда следует, что региональный комплекс — это *сложный аналитический конструкт, образованный в ходе осмысления исследователем совокупности взаимоотношений народов, населяющих изучаемый регион, между собой и со своей средой обитания.*

Отличительной чертой региона в международных отношениях является то, что он представляет собой «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее

существования являются взаимообусловленными» [Воскресенский 2002: 9]. Иными словами, природная и социальная среда накладывают определенные ограничения на деятельность людей, проживающих в данном регионе, и одновременно дают им определенные возможности, обусловленные спецификой международных отношений в той или иной части земного шара. В отличие от классической теории международных отношений теория комплексного регионоведения в полной мере учитывает эту специфику, что позволяет строить более надежные прогнозы и делать более обоснованные выводы [Ефремова 2020: 62].

Теоретически можно выделить разные типы региональных комплексов (например, региональные комплексы безопасности) и разные стадии развития региональных комплексов (например, «незрелые» и «зрелые» региональные комплексы). Как отмечает коллектив авторов под руководством Д. Уитлси, для регионального комплекса, называемого ими «компаж», характерно наличие или отсутствие особого регионального самосознания [Whittlesey, James, Malin, Jones, McCarty et al. 1952: 48]. Там, где оно имеет место, государства региона осознают себя элементами единой региональной общности, которой присуща своя особая региональная идентичность. Продолжая эту мысль, можно предположить, что именно наличие или отсутствие особого регионального самосознания может свидетельствовать о степени «зрелости» регионального комплекса.

Основным критерием выделения регионального комплекса безопасности, как правило, служит наличие некоего «узла противоречий», вокруг которого структурируются региональные взаимодействия. Э.А. Поздняков определяет узлы противоречий как «относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обостренностью отношений и конфликтностью, нестабильностью» [Поздняков 1976: 61]. Границы регионального комплекса безопасности проходят там, где значение этих противоречий для близлежащих

государств снижается или исчезает совсем, а на первый план выходят другие проблемные ситуации. Иными словами, уровень регионального комплекса — это «уровень, где государства и другие единицы связаны между собой достаточно тесно, так, что их безопасность не может быть осмыслена в отрыве друг от друга» [Buzan, Wæver 2003: 43].

Такая тесная взаимосвязь свидетельствует о том, что региональный комплекс безопасности (как частная разновидность регионального комплекса) представляет собой не просто совокупность государств, расположенных в непосредственной близости друг от друга, но особую региональную общность, взаимоотношения в рамках которой подчинены единой логике процессов секьюритизации и десекуритизации.

Согласно Б. Бузану, О. Вэйверу и Я.Х. де Вилду, термин «секьюритизация» подразумевает наивысшую степень политизации какой-либо проблемы, связанной с безопасностью. Теоретически любая проблема может быть секьюритизирована, то есть вынесена на первый план национальной и международной повестки дня. Секьюритизация означает, что государство и общество проявляют повышенный интерес к данной проблеме, в то время как десекуритизация свидетельствует о снижении такого интереса. При этом в реальности значение секьюритизированной проблемы может быть заметно преувеличено, вплоть до того, что внимание лиц, принимающих решения, может оказаться приковано к надуманным сюжетам, практически не имеющим ничего общего с реальностью. Таким образом, «под проблемой международной безопасности может пониматься любое явление, которое признается более значимым, чем другие проблемы, и на этом основании требующим абсолютного приоритета... Некая проблема становится проблемой безопасности не только потому, что она представляет собой реальную экзистенциальную угрозу, но и потому, что она представляется таковой» [Buzan, Waever, de Wilde 1997: 23—24].

Сказанное означает, что региональный комплекс безопасности, центрированный вокруг определенного «узла противоречий»,

имеет свою содержательную динамику, которая определяется процессами секьюритизации и десекуритизации. Это позволяет говорить о региональном комплексе безопасности как о своего рода социальном конструкте, поскольку он сопряжен с действиями государств по поддержанию безопасности и может самовоспроизводиться и трансформироваться в зависимости от того, что или кого они секьюритизируют в данный момент. Анализируя этот конструкт, следует выделить два ключевых параметра, характеризующих его устойчивость:

1) региональную модель силового уравновешивания (полярность);

2) отношения дружественности (amity) и враждебности (enmity) между государствами, образующими региональный комплекс безопасности [Buzan, Wæver 2003: 48—49].

Эти же критерии, на наш взгляд, можно применить к анализу регионального комплекса в целом, поскольку проблемы безопасности, охватывающие широкий спектр традиционных и нетрадиционных параметров (риски, вызовы, угрозы), являются для него структурообразующими.

Первый фактор, характеризующий конфигурацию регионального комплекса — полярность, — подразумевает наличие определенного количества полюсов, или центров силы. Исходя из числа полюсов принято выделять однополярные, биполярные и многополярные региональные комплексы. Вместе с тем взаимодействие государств в рамках регионального комплекса не сводится к простому столкновению центров силы. Оно зависит в том числе от второго фактора — отношений дружественности и враждебности, которые складываются под влиянием целого ряда причин, включая географические, исторические, социально-экономические и т. д. [Buzan, Wæver 2003: 40].

Руководствуясь двумя вышеназванными параметрами, можно составить таблицу типологии региональных комплексов, отражающую степень и характер вовлеченности государств регионального комплекса в решение общих проблем безопасности — со знаком «плюс» или со знаком «минус» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Типология региональных комплексов /
Typology of Regional Complexes**

Параметры / Parameters	Дружественность / Amity	Враждебность / Enmity
Однополярность / Unipolarity	A	D
Биполярность / Bipolarity	B	E
Многополярность / Multipolarity	C	F

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

В таблице суммируются шесть теоретически возможных «идеальных» типов региональных комплексов.

1. *Однополярно-кооперационные региональные комплексы (тип А)*. К данной категории относятся иерархически организованные региональные структуры, во главе которых находится наиболее мощное государство-лидер, существенно превосходящее по своему международно-политическому весу все остальные страны данного региона. При этом среди них существует негласный консенсус относительно права государства-лидера на неформальное доминирование, подкрепленного не просто его превосходящей национальной мощью, но и международным признанием его легитимности [Ауооб 1999: 253].

Государство-лидер, в свою очередь, проводит политику, отвечающую чаяниям малых и средних государств, предоставляя им в обмен на их лояльность определенные блага (например, поддержание региональной безопасности и гарантии сохранения существующего регионального порядка). Остальные страны региона, как правило, поддерживают государство-лидера в ООН и других международных организациях. Таким образом, в регионе складывается определенный симбиоз, от которого выигрывают обе стороны. Такие отношения являются самоподдерживающимися и могут длиться довольно долго.

2. *Биполярно-кооперационные региональные комплексы (тип В)*. Этот достаточно редкий и неустойчивый тип регионального

комплекса складывается там, где присутствуют два примерно равных по мощи государства-лидера, поддерживающие между собой дружественные отношения. Остальные страны региона, как правило, попадают в сферы их экономического, политического, культурного и иного влияния. Катализатором образования подобного альянса обычно является некая внерегиональная угроза, спланированная двух лидеров и заставляющая их на время забыть про свои двусторонние противоречия (которые неизбежно возникают ввиду того, что два равновеликих государства с лидерскими амбициями являются естественными региональными соперниками). Как только она исчезает, соперничество между двумя лидерами усиливается, что может привести региональный комплекс в состояние биполярной конфронтации (тип Е).

Однако возможен и благоприятный вариант развития событий, когда государства-лидеры соглашаются делегировать часть своих функций по поддержанию регионального порядка специально созданной региональной организации, что переводит подсистему к типу С.

3. *Многополярно-кооперационные региональные комплексы (тип С)*. Они образуются там, где сопредельные страны добровольно создают межгосударственные или наднациональные институты для поддержания существующего регионального порядка. Основной задачей подобных структур является укрепление атмосферы взаимного доверия, позволяющей государствам региона не тратить общественные ресурсы на военные цели (или, по крайней мере, существенно сократить свои расходы на оборону). Существует несколько разновидностей комплекса данного типа:

а) концерт держав, предполагающий заключение альянсов между наиболее влиятельными государствами с целью образовать коалицию, ориентированную на поддержание мира и обеспечение спокойствия и процветания региона;

б) организация коллективной безопасности, предусматривающая подписание международного договора, в который включаются

обязательства не прибегать к силе или к угрозе силой, разрешать взаимные споры исключительно мирным путем, оказывать друг другу помощь в вопросах обороны и т. д.;

в) плюралистическое сообщество безопасности, возникающее там, где государства настолько тесно взаимосвязаны общими ценностями и целями, что не рассматривают свою безопасность в отрыве от безопасности своих соседей;

г) интеграционная группировка, означающая наивысшую степень доверия между государствами, когда война между ними становится немыслимой [Lake 2009: 36].

4. *Однополярно-конфронтационные региональные комплексы (тип D)*. Этот тип является аналогом типа А с тем лишь исключением, что государство-доминант не воспринимается малыми и средними странами региона в качестве легитимного лидера. Соответственно, ему приходится навязывать свою волю сопротивляющемуся региональному окружению, буквально силой продавливая желаемые решения и действия [Hettne 1999: xxiii].

Таким образом, образуется региональная гегемония, характерными чертами которой являются односторонние, эгоистичные действия государства-доминанта, предпринимаемые им без учета интересов остальных стран. Однако в силу того, что государство-доминант вынуждено постоянно прикладывать значительные усилия для контроля над ситуацией в регионе, это быстро истощает его ресурсный потенциал и рано или поздно приводит к переходу подсистемы либо к типу А (если доминант пойдет по пути создания региональных институтов и превращению в легитимного лидера), либо к типу Е (если малые и средние страны региона, недовольные его доминированием, выдвинут из своей среды контрлидера, способного бросить ему вызов).

5. *Биполярно-конфронтационные региональные комплексы (тип E)*. Эта модель описывает противостояние двух равновеликих по мощи держав, каждая из которых претендует на лидерство в регионе. Как правило, у обеих держав есть свои страны-сателлиты,

входящие в иерархичные военные блоки на правах «младших партнеров». Кроме того, в регионе могут присутствовать страны, заявившие о своем нейтралитете (однако их роль незначительна). Поскольку кардинальные расхождения интересов двух региональных держав, претендующих на лидерство, не подразумевают возможность нахождения ими приемлемого для обеих сторон компромисса, противостояние двух блоков будет тянуться до тех пор, пока на чьей-либо стороне не окажется значительный перевес (например, за счет вступления в блок ранее нейтральных государств) или один из них не прекратит свое существование, что автоматически приведет региональную подсистему к типу А или D.

6. *Многополярно-конфронтационные региональные комплексы (тип F)*. Это классический пример регионального порядка в духе *Realpolitik*, где царит анархия и идет борьба всех против всех. Более и менее мощные государства объединяются во временные коалиции, которые распадаются сразу же после того, как их цель — не дать возвыситься державе-гегемону — была достигнута. Региональных институтов как таковых в данной ситуации возникнуть практически не может, а если они и возникают, то имеют сугубо формальный характер и не оказывают существенного влияния на ход политических процессов в регионе. В такой системе нет места мерам взаимного доверия и превентивной дипломатии, поэтому она очень неустойчива и существует только до тех пор, пока государствам удастся балансировать на грани войны, не переходя к открытому вооруженному противоборству. У нее практически нет ресурсов для внутренней трансформации, за исключением перехода в тип E или D (которые, при всех их недостатках, все же более устойчивы, нежели тип F).

Каждый из этих шести типов коррелирует с определенной международно-политической ситуацией, при этом три из них (А, С, E) являются стабильными, а другие три (В, D, F) — нестабильными. Стабильные региональные комплексы обладают запасом прочности за счет устойчивой повторяемости взаимодействий, своего рода социальной инерции. Графически это можно изобразить синусоидой (рис. 1).

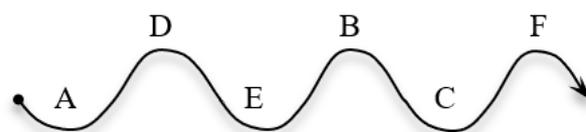

Рис. 1. Стабильные и нестабильные типы региональных комплексов / Fig. 1. Stable and Unstable Types of Regional Complexes

Источник / Source: составлено автором

Региональный комплекс, соответствующий типу А, E или С, находится в зоне устойчивого равновесия, тогда как региональный комплекс, соответствующий типу D, В или F, находится в состоянии неустойчивого равновесия, когда достаточно небольшого толчка, чтобы спровоцировать эскалацию регионального конфликта. Соответственно, чтобы дестабилизировать ситуацию в конкретном регионе, требуется сначала перевести региональный комплекс из устойчивого равновесия в неустойчивое.

Если говорить о современном положении в Юго-Восточной Азии, то его можно охарактеризовать как «тип С», или многополярно-кооперационный региональный комплекс, находящийся на «зрелой» стадии интеграционного сообщества. Он пребывает в состоянии устойчивого равновесия, поскольку все без исключения государства региона заинтересованы в поддержании статус-кво и укреплении существующего регионального порядка, основанного на принципе асеанцентричности. Очевидно, что дестабилизировать ситуацию в регионе можно, только «раскачать» его, то есть выведя из устойчивого равновесия. Если какие-то внешние по отношению к региону силы зададутся этой целью (а такие тенденции уже прослеживаются), то им придется преодолевать социальную инерцию, «стягивающую» государства Юго-Восточной Азии в региональный комплекс.

Одним из вариантов подобной срежиссированной дестабилизации является раздувание тлеющих этноконфессиональных конфликтов. Этот вывод дает нам возможность обозначить события-маркеры, позволяющие заранее отследить магистральное направление трансформации регионального комплекса,

чтобы заблаговременно принять соответствующие меры по недопущению реализации негативного сценария.

Воспользуемся следующими событиями-маркерами, укладывающимися в рамки двух возможных сценариев — пессимистического и оптимистического.

А. Пессимистический сценарий (эскалация конфликта)

1. Секьюритизация. Политизация локальной проблемы, превращение ее в центральный предмет обсуждения на региональном уровне.

2. Пропаганда. Информационная подготовка к конфликту, попытка навязать другим странам региона свое видение политизированной проблемы.

3. Взаимные претензии. Акцентирование противоречий между государствами региона, использование застарелых проблем как поводов для нового регионального конфликта («восстановление исторической справедливости»).

4. Подготовка к войне. Мобилизация населения, заключение оборонительных союзов, образование субрегиональных блоков и альянсов (в том числе с участием внерегиональных держав).

5. Военные действия. Вторжение на территорию других государств региона, оккупация спорных территорий (акваторий) и т. д.

Б. Оптимистический сценарий (деэскалация конфликта)

1. Десекуритизация. Деполитизация проблемы, лежащей в основе регионального дискурса в сфере безопасности, снижение накала страстей, переход сторон к взвешенному диалогу.

2. Позитивная повестка дня. Преобладание в региональных СМИ новостных сюжетов, позитивно трактующих развитие событий в регионе и акцентирующих внимание на региональной общности и идентичности.

3. Региональное сотрудничество. Регулярные встречи официальных лиц высокого и высшего уровня, проведение общерегиональных культурных и спортивных мероприятий.

4. Региональная интеграция. Создание региональных и субрегиональных интеграционных объединений, ставящих целью

развитие всестороннего сотрудничества между странами региона.

5. Создание наднациональных институтов. Образование наднациональных органов, которым страны региона делегируют часть своего национального суверенитета.

Нетрудно заметить, что события-маркеры как негативного, так и позитивного сценария ранжированы в порядке увеличения интенсивности их проявления, что дает возможность квантифицировать предложенную автором условную модель. Ее основные параметры колеблются в пределах от -5 (негативный сценарий) до $+5$ (позитивный сценарий), что позволяет оценить, на какой стадии находится сейчас изучаемая политическая ситуация. Подобранный регионально-страновой материал наглядно иллюстрирует процессы секьюритизации и десекуритизации, происходящие в заданных пространственно-временных координатах, и помогает определить потенциальный вектор дальнейшего развития изучаемой политической ситуации на ближайшую перспективу.

Алгоритм применения сценарного анализа (на примере рохинджийского кризиса)

Задачей данного исследования является описание политической ситуации, потенциально способной стать катализатором регионального конфликта в Юго-Восточной Азии, и определение того, в какую сторону развиваются события и как изменить их ход, чтобы не допустить его дальнейшей эскалации. В качестве такого кейса автор предлагает рассмотреть ситуацию с мусульманами-рохинджа, давно вышедшую за рамки локального конфликта и приобретшую региональное — и даже глобальное — измерение².

Исторические рамки исследования охватывают пять последних лет, с момента первой террористической атаки рохинджийских боевиков на пограничные посты в северных районах Ракхайнской национальной области Мьянмы, граничащих с Бангладеш, и до

² Подробнее о рохинджа см.: [Ефремова 2018].

настоящего времени. В основе применяемой здесь методологии лежит сочетание методов новостного мониторинга и ивент-анализа. В качестве источниковой базы используются материалы ежедневного мьянманского интернет-издания «Иравади» (Irrawaddy.Com), созданного в 1993 г. группой бирманских журналистов-эмигрантов для объективного освещения обстановки в стране и регионе. В отличие от правительственных газет «Иравади» не боится затрагивать деликатные темы, в том числе связанные с этноконфессиональными конфликтами в национальных областях, поэтому его выпуски, как правило, более информативны, чем выпуски официальной прессы.

Основываясь на подборке публикаций, посвященных рохинджа и — шире — ситуации в Ракхайне в целом, нужно выбрать для последующего анализа события-маркеры, характеризующие развитие ситуации по пессимистическому (–5 ... –1) и оптимистическому (+1 ... +5) сценариям. Опираясь на эти данные, можно построить график, отражающий интенсивность развития событий (со знаком «минус» и со знаком «плюс») (рис. 2).

График рис. 2 наглядно демонстрирует, что общая тенденция развития ситуации в Ракхайне (по крайней мере, судя по ее освещению в СМИ) заключается в преобладании негативных сюжетов, свидетельствующих об эскалации конфликта (выделены красным цветом, длина штриха отражает степень интенсивности события). Из графика следует, что начиная с октября 2018 г. наметилась определенная (хотя и неустойчивая) тенденция к его деэскалации (соответствующие новостные сюжеты обозначены зеленым цветом). Тем не менее ситуация все еще не вышла на уровень, предшествующий атакам рохинджийских террористов на пограничные посты на севере Ракхайна в октябре 2016 г., и перспективы ее урегулирования остаются туманными.

Далее будет показано, как секьюритизировалась ситуация с рохинджа и какие меры правительство Мьянмы принимает по ее десекуритизации.

Эскалация конфликта

Истоки рохинджийской проблемы восходят к середине XIX — началу XX вв., когда колониальная Бирма являлась частью Британской Индии. Массовый приток иммигрантов из перенаселенной Бенгалии в сопредельную Бирму, стимулируемый англичанами, стал причиной значительных демографических диспропорций, что спровоцировало конфликт между пришлым и коренным населением пограничных территорий. Взаимное недоверие и борьба за ограниченные ресурсы (в первую очередь, за право на владение землей) привели к кровавым событиям 1942—1943 гг., получившим у британских историков название «араканская резня» (*the Arakan massacre*). Точное число жертв межобщинной розни с обеих сторон до сих пор не установлено — счет идет на десятки тысяч. Эти трагические события оставили о себе недобрую память, омрачив отношения между буддийской и мусульманской общинами Ракхайна на десятилетия вперед [Ефремова 2018: 146—147].

С тех пор противостояние коренных ракхайнцев и бенгальцев-рохинджа то тлело, то разгоралось вновь, при этом вполне укладываясь в общую логику межэтнических и межконфессиональных конфликтов, происходящих в регионе. Однако очередная вспышка насилия, имевшая место в 2016—2017 гг., по мнению экспертов International Crisis Group, «качественно отличалась от всего, что происходило в последние десятилетия», и имела «фундаментальные последствия для развития ситуации в этом беспокойном штате»³.

Во-первых, на этот раз нападению подверглись не местные жители, как это обычно происходит при межобщинных столкновениях, а посты пограничной полиции.

Во-вторых, нападавшие были хорошо подготовлены и действовали осознанно: их целью было захватить оружие, хранившееся на посту.

³ Myanmar: A New Muslim Insurgency in Rakhine State // ICG Asia Report No. 283. Yangon/Brussels, 2016. P. 1.

Рис. 2. Конфликт в Ракхайне (2016—2020 гг.) / Fig. 2. The Rakhine Conflict (2016—2020)

Источник / Source: составлено автором по материалам интернет-издания Irrawaddy.Com.

URL: <https://www.irrawaddy.com> (accessed: 20.10.2020)

В-третьих, нападавшими руководил полевой командир, прошедший военную подготовку в тренировочных лагерях на территории Афганистана и Пакистана. Им оказался Ата Улла (известный также как Абу Аммар Джунуни или Хафиз Тохар) — сын эмигрантов-рохинджа, родившийся в Карачи (Пакистан) и выросший в Мекке (Саудовская Аравия).

В-четвертых, нападавшие преследовали политические цели: привлечь внимание мирового сообщества к бедственному положению их непризнанной народности.

В совокупности эти четыре фактора позволили мьянманским властям отнести рохинджийскую группировку «Движение веры» (позднее переименованную в «Армию спасения рохинджей Аракана» — ARSA) к террористическим организациям и действовать в ее отношении соответственно.

Так, в ответ на нападение боевиков-рохинджа на посты полицейских в Маундо и Ратейдауне в октябре 2016 г. мьянманские власти вооружили местных ополченцев из числа ракхайнцев-буддистов и начали полномасштабную войсковую операцию, которая продолжалась до 15 февраля 2017 г.⁴

⁴ Country Policy and Information Note. Burma: Rohingya (including Rohingya in Bangladesh) // Government

В результате боевых действий, последовавших за повторными атаками рохинджийских боевиков в августе 2017 г., более 700 тысяч рохинджа были вынуждены покинуть места своего проживания и бежать за границу, в соседнюю Бангладеш⁵. Часть из них устремилась в мусульманские страны Юго-Восточной Азии — Индонезию и Малайзию. Таким образом, изначально локальная проблема превратилась в региональную, а когда к ее решению подключились органы ООН — то и в глобальную, приковав к себе внимание наблюдателей по всему миру.

Процесс секьюритизации рохинджийского гуманитарного кризиса, запущенный иностранными журналистами, протекал стремительно и быстро вышел из-под контроля мьянманских властей. В немалой степени этому способствовали боевики ARSA, выступавшие с провокационными заявлениями об одностороннем прекращении огня и своей непричастности к массовому исходу

of the United Kingdom. London: Independent Advisory Group on Country Information, March 2019. P. 25—27. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/790310/Burma_-_Rohingya_-_CPIN_-_v2.0__March_2019_.pdf (accessed: 20.10.2020).

⁵ Ibid. P. 29.

рохинджа из Мьянмы (хотя мьянманские власти утверждали обратное). По официальной версии, именно террористы сжигали целые деревни и запугивали местных жителей, принуждая их бежать в Бангладеш⁶. Однако большинство мировых средств массовой информации распространяли альтернативную версию происходящего, согласно которой вся вина за бедственное положение рохинджа перекладывалась на мьянманских силовиков, проводивших контртеррористическую операцию на севере Ракхайна⁷.

В марте 2017 г. в Бангладеш была направлена мониторинговая миссия Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, зафиксировавшая свидетельства беженцев о внесудебных казнях, убийствах мирных жителей (включая несовершеннолетних), пытках, избиениях и насилии над женщинами, а также о поджоге домов рохинджа и целенаправленном уничтожении их имущества⁸. На этом информационном фоне, формирующем крайне негативное отношение к вооруженным силам Мьянмы (*Тамадо*), доклад специальной комиссии во главе с первым вице-президентом страны генерал-лейтенантом У Мьин Схвеем о расследовании ракхайнских событий⁹ прошел незамеченным для мировой общественности. В то же время значительный резонанс имели публикации неправительственных организаций

(в частности Amnesty International и Human Rights Watch) о бедственном положении рохинджа.

Начиная с 25 августа 2017 г., когда боевики ARSA совершили очередное массированное нападение на посты пограничной охраны, вновь вызвавшее жесткую ответную реакцию силовиков, осуждающие речи в адрес мьянманского руководства стали звучать с самых высоких трибун. Так, суровой критике подверглась позиция государственного советника Мьянмы, лауреата Нобелевской премии мира До Аун Сан Су Чжи, которая отказалась выступить в поддержку рохинджа [Симония 2018: 106—107]. Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейн охарактеризовал происходящее в Ракхайне как «хрестоматийный пример этнических чисток»¹⁰.

События в Мьянме осудил Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш. В середине сентября 2017 г. Совет Безопасности ООН, впервые за девять лет придя к единодушному мнению по ситуации в Мьянме, выразил глубокую озабоченность новым всплеском насилия в Ракхайне и призвал правительство страны принять неотложные меры по деэскалации конфликта¹¹.

Позднее начали появляться новые свидетельства того, что события в Ракхайне могут пойти по пессимистическому сценарию, потенциально способному привести к «балканизации» региона Южной и Юго-Восточной Азии. Так, в июне 2019 г. глава подкомитета Азиатско-Тихоокеанского региона комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США Брэдли Джеймс Шерман во время официальных слушаний прямо заявил о том, что территории на севере Ракхайнской национальной области Мьянмы,

⁶ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar London. 21.08.2017. URL: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350> (accessed: 20.10.2020).

⁷ Burma: Military Commits Crimes Against Humanity. Expulsions, Murder, Rape, Persecution of Rohingya // Human Rights Watch. 25.08.2017. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/09/25/burma-military-commits-crimes-against-humanity> (accessed: 25.09.2020).

⁸ Report of the Independent International Fact-finding Mission on Myanmar // UN Human Rights Council. 12.09.2018. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/FFM-Myanmar/A_HRC_39_64.pdf (accessed: 02.01.2021).

⁹ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar London. 21.08.2017. URL: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350> (accessed: 20.10.2020).

¹⁰ UN human rights chief points to 'textbook example of ethnic cleansing' in Myanmar // UN News Centre. 11.09.2017. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/09/564622-un-human-rights-chief-points-textbook-example-ethnic-cleansing-myanmar#.WblbuchJbIU> (accessed: 20.10.2020).

¹¹ Совбез ООН призвал немедленно прекратить насилие в штате Ракхайн в Мьянме // РИА Новости. 13.09.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170913/1504719768.html> (дата обращения: 20.10.2020).

где компактно проживают рохинджа, должны войти в состав сопредельной Бангладеш. По мнению американского сенатора, США могли бы взять на себя ответственность за защиту прав рохинджа, аналогично тому, как они встали в свое время на защиту прав населения Южного Судана. Мьянманское правительство выразило категорическое несогласие с этой идеей¹².

Еще одним дипломатическим демаршем, усугубляющим и без того непростую политическую ситуацию, стал иск, который Гамбия от лица Организации исламского сотрудничества (ОИС) подала против Мьянмы в Международный Суд ООН, требуя применить по отношению к ней Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Расследование было начато 11 ноября 2019 г. Государственный советник До Аун Сан Су Чжи лично возглавила мьянманскую делегацию, прибывшую в начале декабря 2019 г. в Гаагу, чтобы на заседании Международного Суда ООН защищать свою страну от обвинений в геноциде против рохинджа [Симония 2020: 116].

Наблюдатели отмечают некоторые странности, связанные с этим иском: например, неясно, почему от имени ОИС выступила небольшая африканская Гамбия, а не крупнейшая мусульманская страна Индонезия, расположенная непосредственно в Юго-Восточной Азии? Почему Су Чжи, которую на Западе прозвали «иконой демократии», не встает на сторону гонимого меньшинства рохинджа?

Тем не менее у этих странностей есть свои причины. В частности, их озвучила специальная комиссия во главе с первым вице-президентом У Мьин Схвеем, согласно докладу которой (июнь 2017 г.) конфликт в Ракхайне превратился из коммуналистского

в инспирированный извне, нацеленный на нанесение ущерба суверенитету Мьянмы¹³.

Очевидно, что против Мьянмы ведется целенаправленная дезинформационная кампания, направленная на разжигание как межконфессиональных конфликтов, так и внутренних противоречий в рядах правящей элиты. При этом совершенно ясно, что попытки перекроить политическую карту Юго-Восточной Азии, давно и настойчиво продвигающиеся внерегиональными державами, в случае их успеха приведут к расширению азиатской «дуги нестабильности», что коренным образом противоречит интересам России.

Вооруженное противостояние на юго-западе Мьянмы, в непосредственной близости от индийско-мьянманской границы, угрожает осуществлению проекта строительства Каладанского мультимодального транзитного транспортного коридора, который должен связать Аиджал, столицу индийского штата Мизорам, с городом-портом Ситвей, столицей Ракхайнской национальной области Мьянмы [Egreteau 2011: 472].

Кроме того, обострение ситуации на севере и юго-западе Мьянмы негативно скажется на перспективах реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), так как один из уже согласованных в рамках данного проекта экономических коридоров ведет из Юньнани в Ракхайн [Zhang, Hu, He Y., He Q. 2018: 27; Zaw 2019: 178]. Таким образом, изначально локальная проблема масштабируется до глобальной, затрагивая интересы не только региональных игроков, но и внерегиональных держав.

Деэскалация конфликта

Первые попытки снизить напряженность в Ракхайне датируются сентябрем 2016 г., когда была образована международная Консультативная комиссия по ситуации в Ракхайнской национальной области во главе

¹² US Congressman proposal for Rakhine state under Bangladesh baseless: Myanmar // The Economic Times. 01.07.2019. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/us-congressman-proposal-for-rakhine-state-under-bangladesh-baseless-myanmar/articleshow/70030607.cms?fbclid=IwAR0jYpjuv9YbmViTFAo84tYIslPFR7h44K9VYRaO-E_40hybymhaNlpNZQ0 (accessed: 20.10.2020).

¹³ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar London. 21.08.2017. P. 4—5. URL: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350> (accessed: 20.10.2020).

с бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном [Симония 2017: 133—134]. Комиссия, в состав которой вошли девять человек, получила мандат на исследование взаимоотношений между двумя ракхайнскими общинами (буддийской и мусульманской) и подготовку практических рекомендаций для правительства Мьянмы, нацеленных на примирение сторон.

Доклад комиссии¹⁴ был представлен общественности 24 августа 2017 г., а на следующий день террористы-рохинджа вновь нанесли массированный удар по постам пограничной полиции на севере Ракхайна, что спровоцировало вторую волну насилия. Тем не менее, уже в сентябре мьянманские власти создали специальный Комитет по выполнению рекомендаций Консультативной комиссии Кофи Аннана, а в декабре того же года — Консультативный совет при данном комитете, который возглавил бывший вице-премьер и министр иностранных дел Таиланда Суракиарт Сатиратай.

С середины 2018 г. в мьянманской прессе начали появляться отдельные свидетельства постепенного урегулирования рохинджийской проблемы. Так, в начале июня СМИ сообщили о подписании меморандума о взаимопонимании между правительством Мьянмы, с одной стороны, и Программой развития ООН и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев — с другой¹⁵. В конце июля Министерство труда, иммиграции и народонаселения Мьянмы опубликовало план возвращения беженцев в свои деревни в округах Бутидаун и Маундо, согласованный с ПРООН и Управлением Верховного комиссара ООН по делам

беженцев¹⁶. Тогда же мьянманским правительством была создана независимая Комиссия по расследованию нарушения прав человека в Ракхайне под председательством г-жи Розарио Манало, в которую вошли видные чиновники и дипломаты.

В августе 2018 г. Консультативный совет представил свой итоговый доклад, в котором была высоко оценена деятельность Комитета по выполнению рекомендаций Консультативной комиссии под председательством У Вин Мья Эя. Тогда же члены независимой международной миссии по установлению фактов в Мьянме, созданной под эгидой Совета по правам человека в ООН, представили 20-страничный доклад о бедственном положении рохинджа и других этнических меньшинств, в котором обвинили мьянманских силовиков в геноциде и других преступлениях против человечности¹⁷.

Мьянманское правительство категорически отвергло эти обвинения. Не подтвердила их и Комиссия по расследованию нарушения прав человека в Ракхайне, чей итоговый доклад был опубликован в январе 2020 г.¹⁸

Тем не менее обстановка на юго-западе Мьянмы продолжает оставаться напряженной. Дакка и Нейпидо никак не могут согласовать процедуру возвращения беженцев (преимущественно рохинджа), обвиняя друг друга в срыве договоренностей о репатриации, достигнутых еще в октябре 2018 г. Сами рохинджа опасаются возвращаться в Мьянму, несмотря на заверения мьянманских чиновников о том, что их безопасность будет гарантирована. Многие беженцы, обитающие

¹⁴ Towards a peaceful, fair and prosperous future for the people of Rakhine: Final Report of the Advisory Commission on Rakhine State // Advisory Commission on Rakhine State. 23.08.2017. URL: https://www.rakhinecommission.org/app/uploads/2017/08/FinalReport_Eng.pdf (accessed: 20.10.2020).

¹⁵ Myint M. President's Office Probing Source of Leaked MOU on Rohingya Repatriation // The Irrawaddy. 03.07.2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/presidents-office-probing-source-leaked-mou-rohingya-repatriation.html> (accessed: 25.01.2021).

¹⁶ Naing Zaw H. UN and Myanmar Govt Release Plan to Rehabilitate Rakhine Villages // The Irrawaddy. 23.07.2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/un-myanmar-govt-release-plan-rehabilitate-rakhine-villages.html> (accessed: 25.01.2021).

¹⁷ Доклад независимой международной миссии по установлению фактов в Мьянме // ГА ООН. 12.09.2018. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1648304/files/A_HRC_39_64-RU.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁸ Executive Summary of Independent Commission of Enquiry Final Report // President Office of the Republic of the Union of Myanmar. 25.08.2017. URL: <https://www.president-office.gov.mm/en/?q=briefing-room/news/2020/01/21/id-9838> (accessed: 20.10.2020).

во временных лагерях на бангладешско-мьянманской границе, рассчитывают на переселение в третьи страны и становятся легкой жертвой контрабандистов, обещающих перевезти их в Малайзию или Индонезию, где они якобы получают убежище. Таким образом, говорить о том, что ситуация в Ракхайне и вокруг него стабилизировалась, пока преждевременно.

Заключение

Завершая описание предложенного автором алгоритма прикладного политического анализа региональных комплексов, необходимо подчеркнуть следующие аспекты.

1. Региональный комплекс представляет собой «группу государств, обладающую достаточно высокой степенью функциональной и географической взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса» [Воскресенский, Колдунова, Лунев 2014: 196]. Они могут быть «зрелыми» и «незрелыми» в зависимости от стадии их развития. «Зрелым» считается такой региональный комплекс, который обладает собственной региональной идентичностью и потенциально способен выступать в качестве самостоятельного актора мировой политики [Ефремова 2019: 7]. Региональная идентичность формируется в процессе тесного взаимодействия политических элит государств региона по поводу ключевых региональных проблем, требующих коллективного решения. Существует шесть «идеальных типов» региональных комплексов — три устойчивых и три неустойчивых — каждому из которых соответствует свое соотношение таких факторов как полярность и дружелюбность — враждебность.

2. Прикладной международно-политический анализ региональных комплексов позволяет решать задачи, ранее остававшиеся за рамками ТМО. Так, классическая теория международных отношений, рассматривающая мировую политику как результат центровых взаимодействий (национальный уровень) или системных факторов (глобальный уровень), не может объяснить, почему конфликт локального масштаба между двумя

второстепенными азиатскими странами вдруг приобрел глобальное значение. Если же мы используем объяснение регионального уровня, то становится очевидно, что данный конфликт используется для разбалансировки отношений в рамках регионального комплекса Юго-Восточной Азии, который играет центральную роль в политике великих держав.

3. Региональный комплекс Юго-Восточной Азии относится к устойчивому многополярно-кооперационному типу. Это означает, что страны региона научились решать возникающие между ними противоречия мирным путем, без применения силы. Чтобы дестабилизировать ситуацию в таком региональном комплексе, необходимо иметь экстраординарный предлог — например, обвинения в геноциде, за которыми может последовать военное вмешательство извне. Этот сценарий, предполагающий интернационализацию ракхайнского противостояния, абсолютно не приемлем для России, Индии, Китая и самих стран АСЕАН. Поэтому нам следует и далее прикладывать усилия по его мирному урегулированию на двусторонней основе.

Приведенный автором пример рохинджийского кризиса наглядно демонстрирует неразрывную взаимосвязь между исследованием международных отношений и регионально-страновой проблематики. Не понимая конкретной регионально-страновой специфики, теоретики-международники рискуют дать чрезмерно упрощенные и даже ошибочные прогнозы развития международно-политической ситуации в том или ином регионе. И наоборот, без минимального владения теорией международных отношений практики-регионоведы рискуют переоценить значимость тех или иных событий в изучаемой стране/регионе и сделать неверные выводы относительно дальнейшего направления их развития.

Исследование регионального комплекса отличается от рутинного исследования международных отношений, в первую очередь, глубокой проработкой фактографического материала, помещенного в региональный и глобальный контекст, что подразумевает привлечение источников и научной литературы,

в том числе на языках изучаемой страны / региона.

Вместе с тем два этих вида исследований роднит общая сфокусированность на построении прогностических сценариев, которое невозможно без понимания основ политиче-

ской теории. Таким образом, прикладной анализ международно-политической ситуации в том или ином регионе мира требует комплексной подготовки, включающей и исторические, и политологические аспекты.

Поступила в редакцию / Received: 26.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.12.2020

Библиографический список

- Воскресенский А.Д.* Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3—14.
- Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Лунев С.И.* Макрорегионализация и региональные комплексы. Виды регионов. Региональные подсистемы и региональный порядок // Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр — ИНФРА-М, 2014. С. 176—200.
- Ефремова К.А.* Кризис вокруг рохинджа: национальные, региональные и глобальные аспекты // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 1. С. 144—160.
- Ефремова К.А.* Понятие регионального комплекса: от теории к практике // Материалы X Юбилейного Южно-российского политологического конвента «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты» / отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов-на-Дону — Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 61—64.
- Ефремова К.А.* Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 5—19. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10013
- Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.
- Примаков Е.М., Хрусталева М.А.* Ситуационные анализы: методика проведения. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России, 2006.
- Симония А.А.* Гаагский процесс: Аун Сан Су Чжи отрицает геноцид в Мьянме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 46 (1). С. 115—126. DOI: 10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126
- Симония А.А.* Массовый исход бенгальцев-рохинджа: кто виноват и что делать? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 124—139.
- Симония А.А.* Мьянма: нерешенные политические проблемы правительства НЛД // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4 (41). С. 100—111.
- Хрусталева М.* Две ветви ТМО в России // Международные процессы. 2006. № 2 (4). С. 119—128.
- Ayoob M.* From Regional System to Regional Society: Exploring Key Variables in the Construction of Regional Order // Australian Journal of International Affairs. 1999. Vol. 53. No. 3. P. 247—250.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. H.* Security: A New Framework of Analysis. Boulder, Co: Lynne Rienner, 1997.
- EgretEAU R.* A Passage to Burma? India, Development, and Democratization in Myanmar // Contemporary Politics. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 467—486.
- Hettne B.* The New Regionalism: A Prologue // Globalism and the New Regionalism / ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. London — New York: Palgrave Macmillan, 1999. P. xv—xxxvi.
- Lake D.A.* Regional Hierarchy: Authority and Local International Order // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 35—58.
- Whittlesey D., James P. E., Malin J., Jones C. F., McCarty H. H. et al.* Regional Study with Special Reference to Geography. Washington: National Academy of Sciences — National Research Council, 1952.
- Zaw A.* Tayo-Myanma sibwaye zingyang lanma thomahou Myanma nainggang-i deyth-twin mahabyuha tanbou ahlearuayung [Китайско-мьянманский экономический коридор, или Изменение стратегической значимости Мьянмы в регионе] // *Myanma yeyu*. 2019. No.11. P. 161—190. (На бирманском языке).
- Zhang X., Hu Z., He Y., He Q.* Mianbei chongtu dui “Yi dai yi lu” zai Mian tuijinde yingxiang jili [Механизм влияния конфликта на севере Мьянмы на осуществление проекта «Один пояс, один путь» на территории Мьянмы] // *Shijie dili yanjiu*. 2018. No. 2 (27). P. 26—35. (На китайском языке).

References

- Ayoob, M. (1999). From Regional System to Regional Society: Exploring Key Variables in the Construction of Regional Order. *Australian Journal of International Affairs*, 53(3), 247—250.
- Buzan, B., & Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J.H. (1997). *Security: A New Framework of Analysis*, Boulder, Co: Lynne Rienner.
- Efremova, K.A. (2018). The Rohingya People Crisis: Domestic, Regional and Global Aspects. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, (1), 144—160. (In Russian).
- Efremova, K.A. (2019). Comparative Analysis of Theoretical Approaches to Definition of the Regional Complex. *Comparative Politics Russia*, 10(2), 5—19. (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10013
- Efremova, K.A. (2020). The Notion of Regional Complex: From Theory to Praxis. In R.A. Pupykin & K.P. Piliugina (Eds.), *Materials of the 10th Commemorative South-Russian Convent of Political Scientists "Political Power at the Condition of Social Turbulence: Regional and Global Aspects"*. Rostov-on-Don — Taganrog: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta publ. (pp. 61—64). (In Russian).
- Egreteau, R. (2011). A Passage to Burma? India, Development, and Democratization in Myanmar. *Contemporary Politics*, 17(4), 467—486.
- Hettne, B. (1999). The New Regionalism: A Prologue. In B. Hettne, A. Inotai & O. Sunkel (Eds.), *Globalism and the New Regionalism*. London — New York: Palgrave Macmillan (pp. xv—xxxvi).
- Khrustalev, M. (2006). Two Russian Schools in IR Theory in Russia. *International Trends*, 2(4), 119—128. (In Russian).
- Lake, D.A. (2009). Regional Hierarchy: Authority and Local International Order. *Review of International Studies*, 35(1), 35—58.
- Pozdniakov, E.A. (1976). *The System Approach and International Relations*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Primakov, E.M., & Khrustalev, M.A. (2006). *Situation Analyses: A Methodology*. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, MGIMO MID Rossii publ. (In Russian).
- Simoniya, A.A. (2017). The Exodus of the Bengali-Rohingya: Who is to Blame and What to Do? *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, (36), 124—139. (In Russian).
- Simoniya, A.A. (2018). Myanmar: Non-Resolved Political Problems of the NLD Government. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, 4(41), 100—111. (In Russian).
- Simoniya, A.A. (2020). Hague Trial: Aung San Suu Kyi Denies Genocide in Myanmar. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, 46(1), 115—126. (In Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126
- Voskresenskii, A.D. (2002). The Subject and Goals of Studying Regional Subsystems of International Relations. In A.D. Voskresenskii (Eds.), *East / West: Regional Subsystems and Regional Problems of International Relations*. Moscow: ROSSPEN publ. (pp. 3—14). (In Russian).
- Voskresenskii, A.D., Koldunova, E.V., & Lunev, S.I. (2014). Macrorregionalization and Regional Complexes. Types of Regions. Regional Subsystems and Regional Order. In A.D. Voskresenskii (Eds.), *World Regional Studies*. Moscow: Magistr — INFRA-M publ. (pp. 176—200). (In Russian).
- Whittlesey, D., James, P.E., Malin, J., Jones, C.F., McCarty, H.H. et al. (1952). *Regional Study with Special Reference to Geography*. Washington: National Academy of Sciences — National Research Council.
- Zaw, A. (2019). Tayo-Myanma sibwaye zingyang lanma thomahou Myanma nainggang-i deyth-twin mahabyuha tanbou ahleapyaung [China — Myanmar Economic Corridor, or the Shifting Strategic Importance of Myanmar in the Region]. *Myanma yeya*, (11), 161—190. (In Burmese).
- Zhang, X., Hu, Z., He, Y., & He, Q. (2018) Mianbei chongtu dui “Yi dai yi lu” zai Mian tuijinde yingxiang jili [The Conflict in North Myanmar's Impact on the Realization of “One Belt, One Road” Initiative in Myanmar]. *Shijie dili yanjiu*, 2(27), 26—35. (In Chinese).

Сведения об авторе: Ефремова Ксения Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китайоведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России) (e-mail: efremova@mgimo.ru).

About the author: Efremova Ksenia Aleksandrovna — PhD in Political Science, Associate Professor, Asian and African Studies Department, Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (e-mail: efremova@mgimo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-49-63

Научная статья / Research article

«Европеизация» деятельности аналитических центров в политике групп интересов в ЕС

И.И. Писарев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются характеристики аналитических центров как участников политики групп интересов в Европейском союзе (ЕС). В рамках данной политики они стимулируют общественную дискуссию, проводят исследовательскую работу, инициируют принятие нового законодательства и реализацию более эффективного государственного управления. Значительное количество аналитических центров в странах ЕС оказывается вовлечено в политику групп интересов не только на национальном, но и на наднациональном уровне ЕС, способствуя активизации интеграционных процессов среди стран Союза и европеизации, которая является предметом анализа в данном исследовании. Усиление роли и важности групп интересов в политике ЕС происходит во многом благодаря увеличению объема властных полномочий институтов Союза, поскольку введение нового общего для всех стран ЕС законодательства и регулирования приводит к ответной реакции различных групп частных и общественных интересов. Эти группы при взаимодействии с властными институтами ЕС стремятся к наиболее действенной защите своих интересов, для чего их представители проводят встречи с чиновниками Европейской комиссии и Европейского парламента, а также других структур Союза. Такая деятельность по представительству интересов, существующему в виде лоббирования и адвокатиования, с 2011 г. регулируется Реестром прозрачности, созданным совместными усилиями Европейской комиссии и Европейского парламента. Целью данного исследования является анализ количественных показателей деятельности аналитических центров в ЕС и разработка на его основе Рейтинга стран ЕС по уровню европеизации представляющих их аналитических центров. Его методологическую основу составляет сопоставление статистических данных Реестра прозрачности и Рейтинга аналитических центров мира, на основе которого и выводится этот Рейтинг. Изучение рейтинга позволяет выделить группы стран с высоким, средним и низким уровнем европеизации аналитических центров всех стран ЕС по состоянию на 31 января 2019 г. Выявленные на основе анализа результаты демонстрируют неоднородный характер процесса европеизации деятельности аналитических центров в разных странах ЕС.

Ключевые слова: аналитические центры, группы интересов, политика групп интересов, лоббирование, адвокатиование, представительство интересов, Реестр прозрачности, Рейтинг аналитических центров мира, Европейский союз, Европейская комиссия, Европейский парламента

Для цитирования: Писарев И.И. «Европеизация» деятельности аналитических центров в политике групп интересов в ЕС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 49—63. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-49-63

“Europeanization” of Think Tanks in the EU Interest Group Politics

Ivan I. Pisarev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. The article reveals the characteristics of think tanks as actors of the interest group politics in the European Union (EU). In this policy, they inspire public debate, conduct research, encourage new legislation and

© Писарев И.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

more effective public administration. A large number of European think tanks is engaged in interest group politics both at the national and supranational level of the EU governance, encouraging integration processes among the EU countries and Europeanization, which is the subject of analysis of this study. The strengthening of the role and importance of interest groups in EU policy is largely due to the increased power of the Union's institutions, since the introduction of new legislation and regulation common to all EU countries leads to the feedback from various groups that represent both public and private interests. Obviously, these groups, when interacting with the power institutions of the EU, strive for the most effective protection of their interests. For this purpose their representatives hold meetings with officials of the European Commission and the European Parliament, as well as other structures of the Union. This interaction, aiming at promoting their interests by means of lobbying and advocacy, has been regulated since 2011 by the Transparency Register, jointly created by the European Commission and the European Parliament. The purpose of this study is to analyze the quantitative performance of think tanks in the EU and to develop on its basis the Ranking of EU countries, according to the level of Europeanization of the think tanks representing them. From the research methods perspective, the study is based on the matching of statistical data from the Transparency Register and the Global Go To Think Tank Index, which serves the basis for this Ranking. The study of the ranking makes it possible to identify groups of countries with a high, medium and low level of Europeanization of think tanks in all EU countries as of January 31, 2019. The results revealed on the basis of the analysis demonstrate the heterogeneous nature of the Europeanization process of think tanks in different EU countries.

Key words: think tanks, interest groups, interest group politics, lobbying, advocacy, interest representation, Transparency Register, Global Go To Think Tank Index, European Union, European Commission, European Parliament

For citation: Pisarev, I.I. (2021). "Europeanization" of Think Tanks in the EU Interest Group Politics. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 49—63. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-49-63

Введение

Аналитические центры в последние десятилетия получили широкое распространение во многих странах мира, включая страны ЕС. Свою деятельность они осуществляют посредством подготовки и публикации аналитических отчетов, монографий, тематических исследований, экспертных заключений, докладов, статей, журналов, информационных бюллетеней и т. д., влияя как на всеобщий дискурс в отношении отдельных общественных проблем, так и на актуальную повестку властных институтов, отвечающих за принятие нового законодательства, целью которого является решение данных проблем.

В политике групп интересов в ЕС в последние десятилетия численность аналитических центров увеличивается по причине возрастания их роли в области трансформации научных знаний, полученных на основе исследований, в конкретные политические меры и правовые акты, призванные решать существующие в странах Союза общественно-политические проблемы. Взаимодействуя в политике групп интересов с различными

группами *общественных, частных и региональных* интересов, аналитические центры сами выступают в роли групп интересов, которые через адвокатирование и лоббирование стимулируют обеспечение общественных и частных благ.

Данная статья рассматривает аналитические центры стран ЕС в контексте *европеизации* их деятельности. Под европеизацией подразумевается их участие в политике групп интересов в ЕС, реализуемое через их регистрацию в *Реестре прозрачности*, учрежденном совместно Европейской комиссией и Европейским парламентом в 2011 г. В ходе анализа между собой сопоставляются данные о численности аналитических центров от этих стран, зарегистрированных в *Реестре прозрачности*, и данные об общей численности аналитических центров в отдельных странах ЕС на основе *Рейтинга аналитических центров мира*. На основе этого сопоставления в данной работе выводится *Рейтинг стран ЕС по уровню европеизации представляющих их аналитических центров*, который позволяет ранжировать эти страны по обозначаемому в *Рейтинге* критерию.

Особенности понимания термина «аналитические центры»

Согласно определению одного из ведущих мировых исследователей деятельности аналитических центров Джеймса МакГанна, аналитические центры — это организации, которые специализируются на исследовании и анализе государственной политики и взаимодействия с соответствующими акторами, осуществляют политические исследования, анализ и консультации по внутривластным и международным вопросам, тем самым давая возможность политическому руководству и общественности принимать обоснованные решения в сфере государственной политики¹. При этом в своей деятельности аналитические центры не присуждают дипломов о получении образования и не ведут образовательную деятельность в качестве основного направления своей работы, а также прямо или косвенно осуществляют свою деятельность в общественных интересах [Boucher, Hobbs 2004: 3].

Тема деятельности аналитических центров исследуется в мировой политологии и науке о международных отношениях уже в течение многих десятилетий. Наиболее глубоко данная проблематика прорабатывается исследовательским коллективом под руководством Дж. МакГанна в Университете Пенсильвании. Другими важными исследователями этой темы являются Д. Абельсон [Abelson 2005], С. Бушер и Б. Хоббс [Boucher, Hobbs 2004], Е. Келструп [Kelstrup 2016], Д. Стоун [Stone 2007] и др.

Активно деятельность аналитических центров изучается и в российской науке. К наиболее известным экспертам в этой области стоит отнести таких ученых, как Н.Ю. Беляева и Д.Г. Зайцев [2008], М.Б. Горный [2006], А.П. Ситников [2009], Н.А. Медушевский [2010], А.Ю. Сунгуров [2014], Н.П. Распопов и А.Ю. Беляев [Сунгуров, Распопов, Беляев 2012], Е.В. Журбей [2011; 2014; 2017] и др.

К наиболее важным исследователям политики групп интересов, работы, которых

были затронуты в данной статье, необходимо отнести С. Мэйзи и Дж. Ричардсона [Mazey, Richardson 2001], К. Томаса [Thomas 2001], Д. Коэна [Coen 2007], Я. Бейерса [Beyers 2009], А. Дюра и Г. Матэо [Dür, Mateo 2013; 2016] и др.

Помимо того, что было рассмотрено ранее в данной статье относительно интерпретации понятия «аналитический центр», необходимо также отметить, что англоязычный термин «think tank» является сложным и многовариантным при переводе на русский язык. Кроме такого популярного варианта перевода этого термина, как «аналитический центр», существуют и другие варианты, к которым можно отнести термины «научный центр», «научно-аналитический центр», «фабрика мысли», «мозговой центр», «мозговой трест», «фабрика идей» и т. д. Во избежание проблем, вызываемых множественностью вариантов перевода термина «think tank» на русский язык, в данной работе будет использоваться именно термин «аналитический центр».

Аналитические центры в мире и Европе

Говоря об истории становления аналитических центров, необходимо отметить, что первые из них были основаны в США и Великобритании. Среди них можно назвать такие старейшие центры, как Совет по международным отношениям, Королевский институт международных отношений и Брукингский институт [Журбей 2017: 156].

Термин «think tank» начал широко использоваться во время Второй мировой войны для обозначения закрытых коллективов экспертов-стратегов, занимающихся военным планированием. К 1950—1960-м гг. термин вошел в лексикон англо-американской политической аналитики и начал употребляться применительно к независимым исследовательским институтам по всему англоязычному миру [Stone 2007: 5].

В 1970-е гг. в Европе появились первые евроцентристские аналитические центры, призванные помочь в решении возникших проблем европессимизма и евросклероза²,

¹ McGann J.G. 2018 Global Go To Think Tank Index Report // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2019. No. 87. P. 12.

² Евросклероз (Eurosclerosis) — термин, популяризованный немецким экономистом Г. Гришем после

которые сопровождалась проблемами на мировом рынке нефти, стагнацией и безработицей. В результате наступивших политических перемен в Западной Европе независимые исследователи начали формировать аналитические центры, целью которых стали обучение и подготовка европейских дипломатов, облегчение сложностей законодательного процесса, касающегося интеграции, и выработка политических рекомендаций по поводу укрепления Европейского сообщества [McGann, Sabatini 2010: 23]. Благодаря этому в 1980-е гг. начался период расцвета деятельности аналитических центров, который позже получил название «золотого века» аналитических центров в Европе.

Период 1990-х гг. характеризовался бурным ростом численности аналитических центров в ЕС и мире. Данная тенденция продолжилась и в 2000-х гг. Относительно ситуации в последнее десятилетие исследователи разнятся в своих оценках. В то время как одни авторы говорят о продолжении долгосрочной глобальной тенденции роста численности аналитических центров [Kelstrup 2016: 1], другие отмечают, что рост численности аналитических центров в это десятилетие впервые замедлился [Харкевич 2016: 197].

По оценкам исследовательской группы Дж. МакГанна из Пенсильванского университета, по состоянию на 31 января 2019 г. в мире существует 8162 аналитических центра³, 2219 из которых приходится на Европу в целом, а 1731 — на 28 стран ЕС⁴.

Анализируя ландшафт деятельности аналитических центров в ЕС в настоящее время, можно выделить следующие наиболее известные и влиятельные центры в политике групп интересов в ЕС: Centre for European Policy Studies (Центр европейских политических исследований), BRUEGEL (Институт

БРЕЙГЕЛЬ), Centre for European Reform (Центр европейских реформ), European Policy Centre (Центр европейской политики), Konrad-Adenauer-Stiftung (Фонд имени Конрада Аденауэра), European Council on Foreign Relations (Европейский совет по международным отношениям)⁵.

Большая часть аналитических центров в ЕС имеет юридический статус некоммерческих организаций, ведущих свою деятельность в общественных интересах с целью информирования населения по широкому кругу вопросов общественно-политической проблематики. Поскольку большинство аналитических центров в ЕС представляют различные группы интересов [Dür, Mateo 2016: 25] или поскольку они сами являются таковыми, исследователи относят их к активным участникам *политики групп интересов* [Abelson 2005: 9—11], которую можно рассматривать как сферу взаимодействия между властными институтами и большим количеством групп общественных, частных и региональных интересов с целью принятия новых или изменения существующих общественно-правовых норм. При этом группы интересов необходимо понимать как «объединения частных лиц или формальных организаций, которые ставят перед собой цель оказания влияния на публичную политику» [Thomas 2001: 8].

К другим группам интересов, наряду с аналитическими центрами в политике групп интересов в ЕС, Реестр прозрачности относит профессиональные консалтинговые компании, юридические фирмы и самозанятых консультантов, коммерческие компании и их группы, отраслевые и деловые организации, профсоюзы и профессиональные ассоциации, некоммерческие организации, платформы и сети, учебные заведения, организации, представляющие интересы религиозных сообществ, региональных и других субнациональных органов власти стран ЕС⁶.

публикации одноименной статьи в 1985 г., для описания сложившейся в Европейских сообществах ситуации: высокий уровень безработицы на фоне общего экономического роста и стагнация интеграционных процессов.

³ McGann J.G. 2018 Global Go To Think Tank Index Report // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2019. No. 87. P. 29.

⁴ Ibid. P. 35.

⁵ Cann V. Which Are the Most Influential Think Tanks in Brussels? // LobbyFacts.eu. July 06, 2016. URL: <https://lobbyfacts.eu/articles/06-07-2016/which-are-most-influential-think-tanks-brusse> (accessed: 31.01.2019).

⁶ Transparency Register official website. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do> (accessed: 31.01.2019).

Европеизация деятельности групп интересов в ЕС

В последние десятилетия в политике групп интересов в ЕС становится все более очевидным, что усиление связей между странами — участницами Союза создает предпосылки для развития процессов, которые ведут к усилению роли наднациональных властных институтов, таких как Европейская комиссия, Европейский парламент, Совет ЕС и т. д. Происходит это благодаря расширению законодательного регулирования многих сфер деятельности в ЕС. В ответ на это в складывающихся условиях *европеизации* все активнее и заметнее становится роль различных групп интересов, к которым, как уже было отмечено, относятся и аналитические центры.

Под европеизацией в политике групп интересов Дж. Бейерс предлагает понимать «многокомпонентное явление, которое включает в себя то, как институты ЕС влияют на группы интересов, и то, как они адаптируют свои политические стратегии в рамках взаимодействия с этими институтами» [Beyers 2009: 2].

По мысли Д. Козна, европеизация политики групп интересов достигается в основном благодаря постепенной передаче регулятивных функций от правительств государств — членов ЕС институтам Европейского союза. Согласно этой точке зрения, институты ЕС обладают принудительной изоморфной силой, благодаря воздействию которой стало возможным говорить о формировании и существовании в Европейском союзе своей собственной уникальной модели политики групп интересов [Coen 2007: 334]. В этой связи такие исследователи, как С. Мэйзи и Дж. Ричардсон, предлагают считать, что процесс развития самого Европейского союза и процесс европеизации политики групп интересов являются двумя одновременно развивающимися процессами [Mazey, Richardson 2001: 13].

Необходимо отметить, что увеличение объема властных полномочий институтов ЕС играет важнейшую роль в европейской политике групп интересов, поскольку в сложившихся институциональных условиях

компетенции институтов Европейского союза распространяются на общее для стран — участниц ЕС законодательство очень широкого перечня сфер деятельности, таких как конкуренция, экология, защита прав потребителей, регулирование качества рыночных товаров и услуг, здравоохранение, вопросы безопасности труда и т. д. При этом смещение властных полномочий в ЕС на наднациональный уровень, по мнению А. Дюра, приводит к смещению на этот уровень и политической активности групп [Dür, Mateo 2013: 3].

В условиях европеизации политики групп интересов при принятии нового законодательства на уровне ЕС группы могут осуществлять представительство своих интересов как через национальный уровень посредством взаимодействия с национальным правительством или парламентом (так называемый «*национальный маршрут*»), так и обращаясь напрямую к Европейской комиссии и Европейскому парламенту (так называемый «*европейский маршрут*») [Dür, Mateo 2013: 1].

Э.Дж. Киршнер отмечает, что многие группы видят для себя больше пользы от представительства своих интересов на европейском уровне, поскольку представительство их интересов на национальном уровне может быть затруднено [Kirchner 1980: 132]. По мнению С. Мэйзи и Дж. Ричардсона, такое положительное восприятие необходимости представительства интересов в Европейской комиссии и Европейском парламенте в значительной степени способствует развитию политики групп интересов в ЕС [Mazey, Richardson 2001: 13].

Рассуждая об активности групп в европейской политике групп интересов, С. Мэйзи и Дж. Ричардсон отмечают, что большая часть групп интересов в ЕС не ведет активной деятельности по лоббированию и адвокатированию, а занимается лишь тем, что собирает информацию о возможностях финансирования в рамках инициатив институтов ЕС [Mazey, Richardson 2001: 16].

Несмотря на то, что для многих групп уровень институтов ЕС в политике групп интересов становится все более привлекательным. По мнению А. Дюра и Дж. Матео,

нельзя говорить о том, что европеизация затрагивает всех национальных участников политики групп интересов в равной степени [Dür, Mateo 2013: 3]. Так, для многих групп оказание влияния на властные институты на национальном уровне может быть более значимым, поскольку национальное законодательство для них оказывается более приоритетным, чем общеевропейское [Peter, Semetko, De Vreese 2003], что снижает потенциал европеизации деятельности этих групп.

Численность аналитических центров в политике групп интересов в ЕС

Для количественной оценки европеизации деятельности групп в политике групп интересов в ЕС важным и полезным инструментом представляется Реестр прозрачности, который был создан в 2011 г. совместными усилиями Европейской комиссии и Европейского парламента на основе соответствующего соглашения между двумя этими властными институтами⁷. Изначально Реестр был создан как *средство регулирования и обеспечения прозрачности* деятельности групп при их взаимодействии с Европейской комиссией и Европейским парламентом. Обеспечивая прозрачность, он отвечает на вопросы о том, какие интересы представляются на уровне институтов ЕС, кто их представляет и от чьего имени, а также какой объем финансовых средств на это затрачивается.

Реестр прозрачности является как важным инструментом, регулирующим деятельность групп интересов, к которым среди прочих относятся и аналитические центры, так и единой базой статистических данных, на основании которых можно осуществлять количественно-временной анализ деятельности групп. В Реестре учитывается шесть основных категорий групп интересов и 15 их подкатегорий с разбивкой групп по их типам.

⁷ Agreement between the European Parliament and the European Commission on the Establishment of a Transparency Register for Organizations and Self-Employed Individuals Engaged in EU Policy-Making and Policy Implementation of June 23, 2011 // EUR-Lex. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011Q0722\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011Q0722(01)) (accessed: 31.01.2019).

Аналитические центры относятся к четвертой категории Реестра, куда наряду с ними входят еще и учебные заведения. Более подробно категории и подкатегории групп интересов, зарегистрированные в Реестре прозрачности, можно изучить на его сайте⁸.

Из статистических данных всего объема Реестра прозрачности на рис. 1 показаны количественные данные по подкатегории «Аналитические центры и исследовательские учреждения» с момента появления в нем первых зарегистрированных аналитических центров в 2009 г.

Судя по данным рис. 1, можно утверждать, что начиная с 2009 г. аналитические центры стран ЕС начали играть более заметную и прозрачную с точки зрения регулирования роль в политике групп интересов Союза, поскольку первые пять аналитических центров зарегистрировали свое участие в ней именно в этот год⁹. С момента их появления в 2009 г. и по 2019 г. рост численности аналитических центров не прекращался ни в один из годов существования Реестра прозрачности. В обозначенный период аналитические центры активно участвуют в политике групп интересов в ЕС и оказывают на нее свое влияние, взаимодействуя с Европейской комиссией, Европейским парламентом и другими группами интересов по вопросам актуальной для Союза законодательной и правоприменительной повестки.

Далее рассмотрим количество аналитических центров по отдельным странам (рис. 2). Здесь представлены не только 28 стран ЕС, но еще и полтора десятка других стран, не входящих в ЕС, аналитические центры которых также зарегистрированы в Реестре прозрачности.

⁸ Transparency Register official website. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do> (accessed: 31.01.2019).

⁹ Несмотря на то что Реестр прозрачности был создан совместно Европейской комиссией и Европейским парламентом в 2011 г., на рис. 1 отражаются данные за три года, предшествующие его созданию. Это объясняется тем, что до появления Реестра прозрачности в 2011 г. Европейская комиссия с 2008 г. вела свой собственный *Реестр представителей интересов (Register of Interest Representatives)*. При создании Реестра прозрачности в 2011 г. базы данных обоих реестров были объединены.

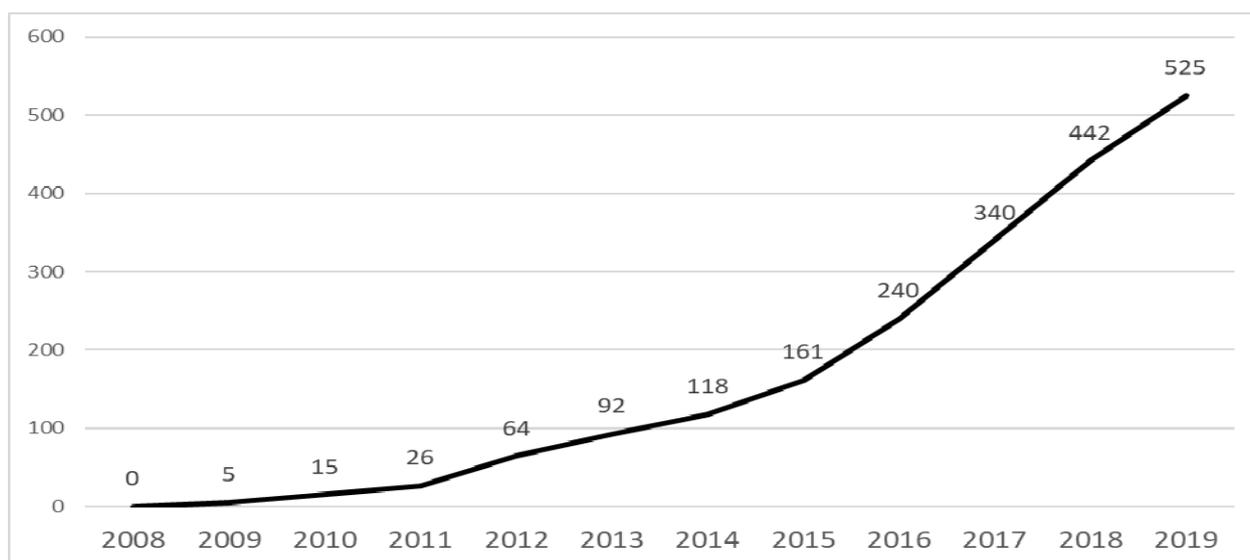

Рис. 1. Численность аналитических центров, зарегистрированных в Реестре прозрачности, с разбивкой по годам (2008—2019) / Fig. 1. Number of think tanks registered in the Transparency register with a breakdown by years (2008—2019)

Источник: составлено автором на основе данных Реестра прозрачности / *Source:* prepared by the author based on the data from the Transparency Register. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/statistics.do?locale=en&action=prepareView> (accessed: 31.01.2019)

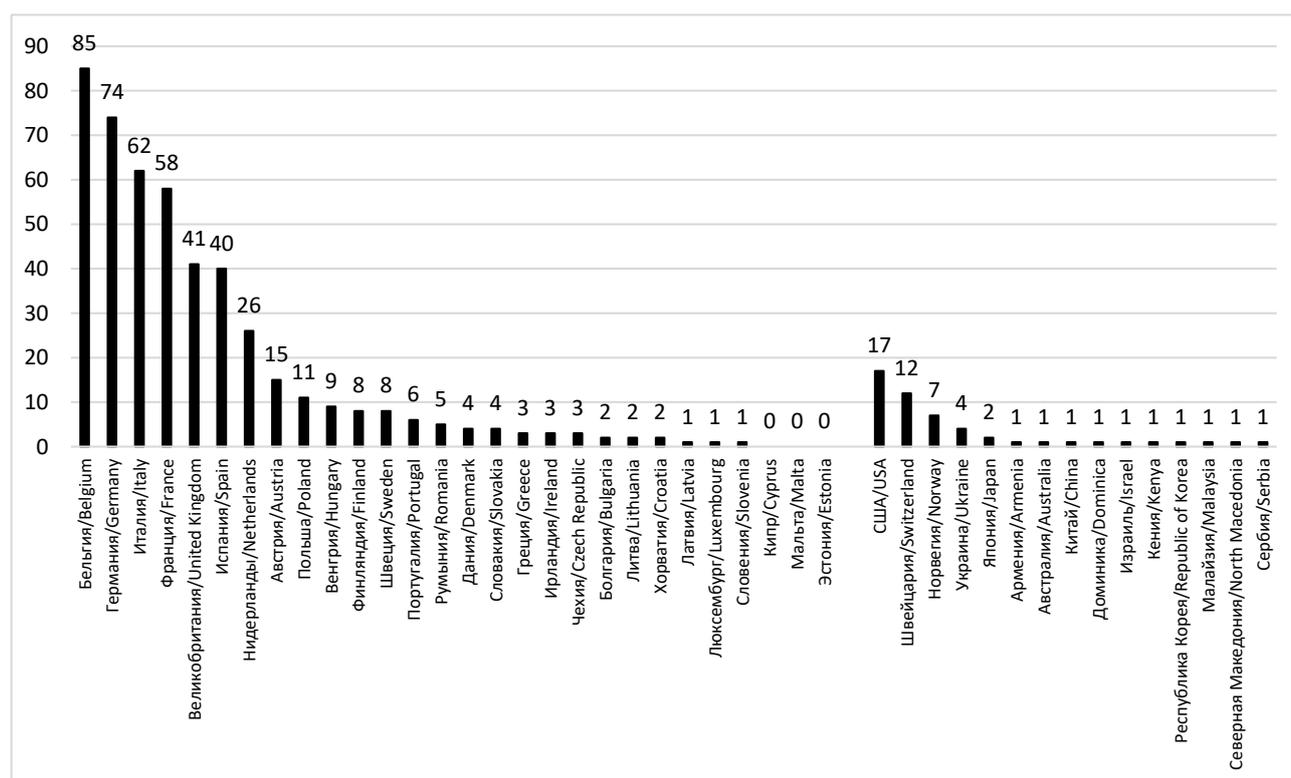

Рис. 2. Численность аналитических центров, зарегистрированных в Реестре прозрачности по состоянию на 31 января 2019 г., с разбивкой по странам / Fig. 2. Number of think tanks registered in the Transparency register as of January 31, 2019 with a breakdown by countries

Источник: составлено автором на основе данных Реестра прозрачности / *Source:* prepared by the author based on the data from the Transparency Register. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/statistics.do?locale=en&action=prepareView> (accessed: 31.01.2019)

В целом, анализируя рис. 2, можно говорить о том, что общая численность представленных в нем аналитических центров от каждой страны ЕС примерно пропорциональна размеру ее населения.

Высокое значение количества аналитических центров приходится на такие страны, как Германия, Италия, Франция, Испания и Великобритания, численность населения которых является наибольшей в ЕС. На эти страны приходится от 40 до 74 аналитических центров в перерасчете на одну страну.

Непропорционально высокое значение численности аналитических центров, базирующихся в Бельгии (85), можно объяснить тем, что в столице этой страны, Брюсселе, зарегистрированы не только бельгийские национальные аналитические центры, но также очень большое количество *общеевропейских* аналитических центров либо ассоциаций аналитических центров, в которые могут входить центры из разных стран ЕС.

Среднее значение численности аналитических центров в перерасчете на одну страну представляют средние по населенности страны ЕС, такие как Нидерланды, Австрия, Польша, Венгрия, Финляндия, Швеция, Португалия, Чехия и Румыния, которые представлены в Реестре прозрачности 5—26 аналитическими центрами.

Малое значение количества аналитических центров приходится на страны ЕС с наименьшей численностью населения. К этим странам можно отнести Данию, Словакию, Грецию, Ирландию, Чехию, Болгарию, Литву, Хорватию, Латвию, Люксембург и Словению. На каждую из них приходится по 1—4 аналитических центра. И только Кипр, Мальту и Эстонию, одни из самых малых по численности населения государств ЕС, не представляет в Реестре ни один аналитический центр.

Среднее значение численности аналитических центров, зарегистрированных в Реестре прозрачности, для одной страны ЕС составляет 17 единиц.

Наряду с этим база данных Реестра прозрачности показывает, что в политике групп интересов в ЕС участвуют аналитические центры не только из государств Евросоюза,

но и из США, Швейцарии, Норвегии, Украины, Японии, Армении, Австралии, Китая, Доминиканской Республики, Израиля, Кении, Республики Корея, Малайзии, Македонии и Сербии.

Интересным фактом является то, что численность американских аналитических центров, зарегистрированных в Реестре (17), равняется средней численности аналитических центров, зарегистрированных в Реестре для одной страны ЕС (17). Это говорит о том, что США, не являясь членом Союза, в политике групп интересов в ЕС в части представленности в ней аналитических центров выглядят как «среднестатистическая» страна ЕС.

Кроме того, из стран, не входящих в ЕС, высокий показатель численности аналитических центров характерен для Швейцарии (12 центров) и Норвегии (10 центров), что объясняется их высоким уровнем интеграции с Европейским союзом. Относительно большая численность аналитических центров, зарегистрированных от Украины (4 центра), может говорить больше о ее европейских устремлениях. Наличие в Реестре двух аналитических центров из Японии может быть свидетельством интенсивного взаимодействия этой страны со странами — участницами ЕС.

В отношении остальных стран можно утверждать, что численность аналитических центров, которые их представляют, находится на статистически незначительном уровне: всего по одному центру в Реестре представляют Армению, Австралию, Китай, Доминику, Израиль, Кению, Республику Корея, Косово, Малайзию, Македонию и Сербию.

Россию в Реестре прозрачности, к сожалению, пока не представляет ни один аналитический центр.

В то время как в отношении аналитических интересов из стран ЕС можно говорить, что численность представляющих их аналитических центров в Реестре прозрачности примерно пропорциональна численности населения этих стран, того же нельзя сказать в отношении численности аналитических центров из стран, находящихся за пределами ЕС. Основными факторами здесь являются либо роль страны в международной экономике и

политике, либо близость и интегрированность этих стран со странами — участницами ЕС.

Обобщая представленные на рис. 2 количественные данные по отдельным странам, можно сказать, что в политике групп интересов в ЕС количество аналитических центров из государств, не входящих в ЕС (52 центра), соотносится с количеством аналитических центров из стран — участниц ЕС (474 центра) примерно в пропорции 1:9. Такое соотношение является свидетельством значительного уровня европеизации и плюралистического характера политики групп интересов в ЕС, в которой наравне с аналитическими центрами из ЕС участвуют и аналитические центры из других стран.

Рейтинг стран ЕС по уровню европеизации представляющих их аналитических центров

Далее рассмотрим уровень «европеизации» аналитических центров в отдельных странах ЕС. С точки зрения операционализации статистического анализа под *европеизацией* будем понимать соотношение количества аналитических центров как групп интересов, зарегистрированных в подкатегории «Аналитические центры и исследовательские учреждения» Реестра прозрачности, к общему количеству аналитических центров в странах ЕС, подсчитанному с помощью Рейтинга аналитических центров мира (англ. — Global Go To Think Tank Index), который также известен как Пенсильванский рейтинг [Харкевич 2016: 196] по состоянию на 31 января 2019 г. Выбор этой конкретной даты обосновывается тем, что Пенсильванский рейтинг публикуется всего лишь раз в году (рейтинг за 2018 г. был опубликован 31 января 2019 г.), в то время как Реестр прозрачности обновляется каждый день в течение года. Таким образом, оба используемых метрических инструмента в течение года пересекаются именно в этой дате.

Показатель европеизации выразим в процентах и рассчитаем по следующей формуле:

$$ПЕ = \frac{РП}{ПР} * 100 \%,$$

где ПЕ — показатель «европеизации» аналитических центров в одной отдельно взятой стране ЕС;

РП — данные Реестра прозрачности по численности зарегистрированных в нем аналитических центров в одной отдельно взятой стране ЕС;

ПР — данные Рейтинга аналитических центров мира (Пенсильванского рейтинга) по общему количеству аналитических центров в отдельно взятой стране ЕС.

Статистические данные проведенного анализа по всем 28 странам ЕС представлены в табл. 1. В первом столбце представлены данные по названию страны, во втором — данные *Рейтинга аналитических центров мира*, в третьем — данные *Реестра прозрачности*, а в четвертом — непосредственно показатель «европеизации» аналитических центров по конкретным странам ЕС, рассчитанный на основе формулы.

Страны, представленные в Рейтинге в табл. 1, можно условно разбить на три группы: (а) с высоким уровнем, (б) со средним уровнем и (в) с низким уровнем «европеизации».

Судя по результатам анализа, в ЕС странами с высоким уровнем «европеизации» аналитических центров являются такие страны, как Бельгия (142 %), Испания (61 %), Италия (54 %), Финляндия (44 %), Германия (34 %), Нидерланды (31 %), Франция (29 %) и Португалия (24 %).

На вершине рейтинга находится Бельгия с непропорционально высоким значением уровня европеизации аналитических центров (142 %). Безусловно, с точки зрения здравого смысла невозможно, чтобы в одной стране наблюдалось 142 % какого бы то ни было явления, однако методологическое объяснение этому есть: Бельгию в рейтинге можно назвать страной-аутлаером, расчетное значение «европеизации» аналитических центров которой со статистической точки зрения объясняется наложением двух существующих достоверных источников данных (Реестра прозрачности и Рейтинга аналитических центров мира). Фактическим объяснением данного статистического явления служит то, что столица Бельгии Брюссель, по сути, является и столицей ЕС, поскольку здесь располагаются ключевые властные институты Союза.

Таблица 1 / Table 1

**Рейтинг стран ЕС по уровню европеизации представляющих их аналитических центров /
Ranking of the EU countries by the level of Europeanization of the tanks registered in these countries**

Страна / Country	Общая численность аналитических центров в стране (данные Рейтинга аналитических центров мира) / Total number of think tanks in the country (data from the Global Go To Think Tank Index)	Численность аналитических центров в стране, зарегистрированных в Реестре прозрачности / Number of think tanks registered in the Transparency Register	Показатель европеизации, % / Europeanization indicator, %
Бельгия / Belgium	60	85	142
Испания / Spain	66	40	61
Италия / Italy	114	62	54
Финляндия / Finland	18	8	44
Германия / Germany	218	74	34
Нидерланды / Netherlands	83	26	31
Франция / France	203	58	29
Португалия / Portugal	25	6	24
Австрия / Austria	74	15	20
Венгрия / Hungary	46	9	20
Ирландия / Ireland	16	3	19
Польша / Poland	60	11	18
Хорватия / Croatia	11	2	18
Словения / Slovenia	6	1	17
Словакия / Slovakia	27	4	15
Великобритания / UK	321	41	13
Люксембург / Luxembourg	8	1	13
Чехия / Czech Republic	27	3	11
Латвия / Latvia	11	1	9
Литва / Lithuania	22	2	9
Румыния / Romania	54	5	9
Швеция / Sweden	90	8	9
Дания / Denmark	51	4	8
Греция / Greece	46	3	7
Болгария / Bulgaria	44	2	5
Кипр / Cyprus	6	0	0
Мальта / Malta	4	0	0
Эстония / Estonia	20	0	0
Всего / Total	1731	474	
Средний уровень европеизации по странам ЕС с учетом Бельгии / Average level of Europeanization among the EU countries with consideration of Belgium			23
Средний уровень европеизации по странам ЕС без учета Бельгии / Average level of Europeanization among the EU countries without consideration of Belgium			18

Источник: составлено автором на основе сопоставления данных Реестра прозрачности / *Source:* compiled by the author based on a comparison of the data of the Transparency Register and Global Go To Think Tank Index Report. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/statistics.do?locale=en&action=prepareView> (accessed: 31.01.2019); URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks (accessed: 31.01.2019).

Именно в этом городе наряду с бельгийскими национальными аналитическими центрами зарегистрировано и самое большое в Европейском союзе количество общеевропейских аналитических центров и их ассоциаций. Сходная высокая представленность в Брюсселе характерна не только для аналитических центров, но и других групп, осуществляющих представительство своих интересов в институтах ЕС.

Средний уровень «европеизации» аналитических центров показывают такие страны, как Австрия (20 %), Венгрия (20 %), Ирландия (19 %), Польша (18 %), Хорватия (18 %) и Словения (17 %).

О низком уровне «европеизации» аналитических центров можно говорить применительно к таким странам, как Словакия (15 %), Великобритания (13 %), Люксембург (13 %), Чехия (11 %), Румыния (9 %), Швеция (9 %), Дания (8 %), Греция (7 %) и Болгария (5 %).

К этой же группе можно отнести и Эстонию, Мальту и Кипр, однако о «европеизации» аналитических центров этих стран говорить сложно, поскольку ни один из существующих в этих странах аналитических центров не зарегистрирован в Реестре прозрачности.

Обобщая ситуацию, необходимо отметить, что средним показателем «европеизации» аналитических центров в ЕС является значение в 23 %, если брать в расчет страну-аутлаер Бельгию. Если исключить показатель этой страны из анализа, то среднее для стран ЕС значение опустится до 18 %. К «среднестатистическим странам» по показателю «европеизации» деятельности аналитических центров, судя по данным Рейтинга, можно отнести Польшу и Хорватию, каждая из которых набрала в нем 18 %.

В свете представленных данных важно заметить, что показатель «европеизации» аналитических центров является относительным, а не абсолютным, поскольку показывает лишь долю аналитических центров, зарегистрированных в Реестре прозрачности, от общей численности таких центров, существующих в стране. Так, Финляндия с

небольшим количеством аналитических центров (8), зарегистрированных в Реестре прозрачности, имеет более высокий показатель «европеизации» своих аналитических центров (44 %), чем Великобритания, показатель «европеизации» аналитических центров которой ниже (13 %), хотя общее количество таких центров (41), представленных в Реестре, в пять раз выше, чем у Финляндии. По этой причине британских аналитических центров в политике групп интересов многократно больше, чем финских.

При этом нужно понимать, что поскольку численность зарегистрированных в Реестре прозрачности аналитических центров год от года растет, то вместе с ней в будущем будет расти и среднее значение их «европеизации» по отдельным странам ЕС.

Среди объяснений исследователей, которые проливают свет на различия в уровне «европеизации» деятельности аналитических центров, существует несколько, которые могут оказаться полезными в объяснении положения отдельных стран в Рейтинге.

Говоря о характере изучаемого в исследовании явления, А. Дюр и Дж. Матео отмечают, что хотя европеизация и происходит с «преобладанием национальных оттенков», она все же идет со значительной вариативностью между разными странами — участницами ЕС, но не происходит автоматически и равномерно [Dür, Mateo 2013: 3], что подтверждается данными, приведенными в данной работе.

Обобщая данные Рейтинга, можно сказать, что в нем «старые» и «новые» страны ЕС отличаются по уровню «европеизации» деятельности их аналитических центров и соответствующему месту этих стран в рейтинге. Так, страны с высокой позицией в рейтинге (Бельгия, Испания, Италия, Финляндия, Германия, Нидерланды, Франция и Португалия), будучи «старыми» странами ЕС, уже очень давно участвуют в интеграционных процессах Союза, что может служить объяснением более высокой «европеизации» аналитических центров этих стран. К двум другим категориям стран в рейтинге — странам со

средним и низким уровнем «европеизации» — относятся одновременно как «старые», так и «новые» государства — члены ЕС. Такое рассмотрение «европеизации» совместимо с гипотезой А. Дюра и Дж. Матео о необходимости достаточных финансовых средств для представительства интересов групп в Брюсселе [Dür, Mateo 2013].

Другое объяснение дает С. Крёгер, которая отмечает, что наиболее активными в процессе европеизации оказываются группы, участвующие в политике групп интересов в сферах с наибольшими компетенциями властных институтов [Köger 2018]. К таким сферам можно отнести регулирование или возможности получения финансирования со стороны институтов ЕС в противоположность таким сферам, как социальная или культурная политика, где институты ЕС не обладают обширными компетенциями.

Кроме того, объяснение, почему аналитические центры в некоторых малых странах ЕС показывают низкую «европеизацию» деятельности своих аналитических центров (Болгария, Литва, Люксембург, Словения, Хорватия) или вообще ее не демонстрируют (Кипр, Мальта, Эстония), по словам С. Соруггер, можно найти в том, что для политических систем этих стран с малой численностью населения характерна секторальная фрагментация и слабая организованность политических акторов, таких как аналитические центры [Saurugger 2013: 336].

Необходимо также отметить, что аналитические центры, в отличие от других групп интересов, более склонны к «европеизации», поскольку их деятельность характеризуется более высокой степенью продвижения европейских интеграционных ценностей, чем, например, у профсоюзов или организаций, представляющих интересы религиозных сообществ.

Заключение

В политике групп интересов в ЕС аналитические центры играют ключевую роль в посредничестве между учеными-исследователями, с одной стороны, и органами власти и

обществом — с другой. Выступая посредниками между наукой, властью и обществом, аналитические центры инициируют публичную дискуссию по поводу основных научно выверенных вариантов решений существующих в обществе проблем.

На основе данных, полученных в результате проведения данного исследования, можно говорить о повышении уровня европеизации деятельности аналитических центров в политике групп интересов в странах ЕС. Это иллюстрируется тем фактом, что в последние 11 лет рост их численности в этой политике, измеряемый Реестром прозрачности, является непрекращающимся и стабильным. По состоянию на 31 января 2019 г. уже 18 % аналитических центров стран ЕС (без учета Бельгии) зарегистрировали свое участие в Реестре. При этом в среднем количество аналитических центров, зарегистрированных в Реестре прозрачности от одной страны ЕС, составило 17 единиц. Таким образом, рост численности аналитических центров в политике групп интересов в ЕС является свидетельством усиливающегося тренда *европеизации* деятельности групп в ЕС в связи с тем, что все большее количество аналитических центров из стран Союза предпочитает представлять свои интересы не только на национальном, но и на наднациональном уровне.

Составленный в данной работе *Рейтинг стран ЕС по уровню европеизации представляющих их аналитических центров* проливает дополнительный свет на то, что процессы «европеизации» деятельности таких центров проходят среди разных стран ЕС весьма неоднородно, что объясняется набором различных факторов, оказывающих свое влияние на эти процессы. К этим факторам кроме численности населения (чем выше численность населения, тем больше количество европеизированных центров) можно отнести длительность участия этих стран в интеграционных процессах в ЕС (через разбивку стран на «новые» и «старые» страны ЕС), наличие достаточных финансовых средств для представительства своих интересов во властных институтах ЕС, объем компетенций институтов ЕС в определенных сферах

деятельности, секторальную фрагментацию, большую склонность к «европеизации» сильную или слабую организованность политических акторов этих стран, а также аналитических центров в сравнении с другими группами интересов в ЕС.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 18.04.2020

Библиографический список

- Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2008. Т. 51. № 4. С. 139—151.
- Горный М.Б. Фабрики мысли и центры публичной политики в конце XX — начале XXI веков // Публичная политика. 2006. № 1 (1). С. 67—80.
- Журбей Е.В. «Институт Брукинга»: история успеха старейшего «мозгового центра» США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. Т. 41. № 2. С. 156—168.
- Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешнеполитический процесс Сингапура: история вопроса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. Т. 28. № 1. С. 100—106.
- Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. Т. 18. № 3. С. 131—139.
- Медушевский Н.А. Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «фабрик мысли» и ее функционирование за пределами США // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2010. Т. 56. № 1. С. 118—132.
- Ситников А.П. Фабрики мысли и независимые центры социально-политической деятельности: классификация и анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 4. С. 186—192.
- Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 72—87. DOI: 10.17976/jpps/2014.02.06
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 99—116.
- Харкевич М.В. МГИМО в Пенсильванском рейтинге 2015 г.: мировые тенденции, локальные ответы // Вестник МГИМО Университета. 2016. Т. 46. № 1. С. 196—201.
- Abelson D. *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Beyers J. *Multilevel Venue-Shopping in Europe: A Comparative Analysis of Interest Organizations in Four EU Member-States* // European Union Studies Association (EUSA): 11th Biennial Conference, 23—25 April 2009. URL: http://aei.pitt.edu/33028/1/beyers_jan.pdf (accessed: 31.01.2019).
- Boucher S., Hobbs B. *Europe and Its Think Tanks, a Promise to Be Fulfilled: An Analysis of Think Tanks Specialized in European Policy Issues in the Enlarged European Union* // Notre Europe: Studies and Research. 2004. No. 35. P. 1—160.
- Coen D. *Empirical and Theoretical Studies in EU Lobbying* // Journal of European Public Policy. 2007. Vol. 3. No. 14. P. 333—345. DOI: 10.1080/13501760701243731
- Dür A., Mateo G. *Insiders versus Outsiders: Interest Group Politics in Multilevel Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Dür A., Mateo G. *The Europeanization of Interest Groups: National Associations in Multilevel Europe* // European Political Science Association (EPSA): Annual Conference in Barcelona, 20—22 June 2013. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2268605 (accessed: 31.01.2019). DOI: 10.2139/ssrn.2268605
- Kelstrup J.D. *The Politics of Think Tanks in Europe*. London; New York, NY: Routledge, 2016.
- Kirchner E.J. *Interest Group Behaviour at Community Level* // Contemporary Perspectives on European Integration / ed. by L. Hurwitz. London: Aldwych, 1980. P. 122—135.
- Kröger S. *The Europeanisation of Interest Groups: Beyond Access, Fit and Resources* // Journal of European Integration. 2018. Vol. 1. No. 40. P. 17—31. DOI: 10.1080/07036337.2017.1345899
- Mazey S., Richardson J. *Interest Groups and EU Policy-Making: Organizational Logic and Venue Shopping* // European Union: Power and Policy-Making / ed. by J. Richardson. London: Routledge, 2001. P. 247—265.

- McGann J., Sabatini R. *Global Think Tanks: Policy Networks and Governance*. London: Routledge, 2010.
- Peter J., Semetko H.A., De Vreese C.H. EU Politics on Television News: A Cross-National Comparative Study // *European Union Politics*. 2003. Vol. 4. No. 3. P. 305—327. DOI: 10.1177/14651165030043003
- Saurugger S. The Europeanization of Interest Groups and Social Movements // *The Member States of the European Union*. 2nd edition / ed. by S. Bulmer, C. Lequesne. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 333—356.
- Stone D. Recycling Bins, Garbage Cans or Think Tanks? Three Myths Regarding Policy Analysis Institutes // *Public Administration*. 2007. Vol. 85. No. 2. P. 259—278. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2007.00649.x
- Thomas C.S. *Political Parties and Interest Groups: Shaping Democratic Governance*. Lynne Rienner Publishers, 2001.

References

- Abelson, D. (2005). *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Belyaeva, N.Yu., & Zaitsev, D.G. (2008). Think Tanks and Public Policy Centers as Subjects of Expert Policy Support. *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 4(51), 139—151. (In Russian).
- Beyers, J. (2009). Multilevel Venue-Shopping in Europe: A Comparative Analysis of Interest Organizations in Four EU Member-States. *European Union Studies Association (EUSA). 11th Biennial Conference*, 23—25 April. URL: http://aei.pitt.edu/33028/1/beyers_jan.pdf (accessed: 31.01.2019).
- Boucher, S., & Hobbs, B. (2004). Europe and Its Think Tanks, a Promise to Be Fulfilled: An Analysis of Think Tanks Specialized in European Policy Issues in the Enlarged European Union. *Notre Europe: Studies and Research*, (35), 1—160.
- Coen, D. (2007). Empirical and Theoretical Studies in EU Lobbying. *Journal of European Public Policy*, 14(3), 333—345. DOI: 10.1080/13501760701243731
- Dür, A., & Mateo, G. (2013). The Europeanization of Interest Groups: National Associations in Multilevel Europe. *European Political Science Association (EPSA). Annual Conference in Barcelona*, 20—22 June. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2268605 (accessed: 31.01.2019). DOI: 10.2139/ssrn.2268605
- Dür, A., & Mateo, G. (2016). *Insiders versus Outsiders: Interest Group Politics in Multilevel Europe*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorny, M.B. (2006). Think Tanks and Centers of Public Policy at the End of the 20th — Beginning of the 21st Centuries. *Public Policy*. *Public Policy*, 1(1), 62—75. (In Russian).
- Kelstrup, J.D. (2016). *The Politics of Think Tanks in Europe*. London; New York, NY: Routledge.
- Kharkevich, M.V. (2016). MGIMO-University in “Go To Think Tanks” 2015 Ranking: Global Trends, Local Responses. *MGIMO Review of International Relations*, 1(46), 196—201. (In Russian).
- Kirchner, E.J. (1980). Interest Group Behaviour at Community Level. In L. Hurwitz (Eds.), *Contemporary Perspectives on European Integration*. London: Aldwych (pp. 112—135).
- Kröger, S. (2018). The Europeanisation of Interest Groups: Beyond Access, Fit and Resources. *Journal of European Integration*, 40(1), 17—31. DOI: 10.1080/07036337.2017.1345899
- Mazey, S., & Richardson, J. (2001). Interest Groups and EU Policy-Making: Organizational Logic and Venue Shopping. In J. Richardson (Eds.), *European Union: Power and Policy-Making*. London: Routledge (pp. 247—265).
- McGann, J., & Sabatini, R. (2010). *Global Think Tanks: Policy Networks and Governance*. London: Routledge.
- Medushevsky, N.A. (2010). Analytical Centers in the Political Process: American Model of Think Tanks and Its Functioning Outside the United States. *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 1(56), 118—132. (In Russian).
- Peter, J., Semetko, H.A., & De Vreese, C.H. (2003). EU Politics on Television News: A Cross-National Comparative Study. *European Union Politics*, 3(4), 305—327. DOI: 10.1177/14651165030043003
- Saurugger, S. (2013). The Europeanization of Interest Groups and Social Movements. In S. Bulmer & C. Lequesne (Eds.), *The Member States of the European Union*. Oxford: Oxford University Press (pp. 333—356).
- Sitnikov, A.P. (2009). Factories of Thought and Independent Centers of Social and Political Activities: Classification and Analysis. *Bulletin of the MSRU. Series: Psychology*, (4), 186—192. (In Russian).
- Stone, D. (2007). Recycling Bins, Garbage Cans or Think Tanks? Three Myths Regarding Policy Analysis Institutes. *Public Administration*, 2(85), 259—278. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2007.00649.x
- Sungurov, A.Yu. (2014). Expert Community, Think Tanks and Power: The Experiences of the Three Russian Regions. *Polis. Political Studies*, (2), 72—87. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2014.02.06

- Sungurov, A.Yu., Raspopov, N.P., & Belyaev, A.Yu. (2012). Mediating Institutions and Their Development in Contemporary Russia. II. Think Tanks and Centers of Public Policy. *Polis. Political Studies*, (4), 99—116. (In Russian).
- Thomas, C.S. (2001). *Political Parties and Interest Groups: Shaping Democratic Governance*. Lynne Rienner Publishers.
- Zhurbey, E.V. (2011). “Think tanks” and Foreign Policy of the People’s Republic of China: Background. *Ojkumena. Regional Researches*, 3(18), 131—139. (In Russian).
- Zhurbey, E.V. (2014). “Think Tanks” and Foreign Policy Process of the Singapore: Background. *Ojkumena. Regional Researches*, 1(28), 100—106. (In Russian).
- Zhurbey, E.V. (2017). “The Brookings Institution”: The Success Story of the Oldest “Think Tank”. *Ojkumena. Regional Researches*, 2(41), 156—168. (In Russian).

Сведения об авторе: Писарев Иван Иванович — преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Восточного Института — Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (e-mail: pinoy@mail.ru).

About the author: *Pisarev Ivan Ivanovich* — Faculty Member, Department of Pacific Asia of the Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (e-mail: pinoy@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78

Научная статья / Research article

Страны БРИКС в международной климатической политике

Ю.Ю. Ковалев, О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ климатических политик стран БРИКС на глобальном и национальном уровнях. Рассмотрены позиции данных государств в рамках проводимых под эгидой ООН с 1992 г. международных климатических конференций (Конференций Сторон), а также на саммитах государств — членов группировки в 2011—2020 гг. Охарактеризованы стратегии и результаты осуществляемой в этих странах национальной климатической политики. Авторы использовали методы структурного и сравнительного анализа и контент-анализа, отмечая, что сегодня странам БРИКС отводится ключевая роль в стабилизации климата нашей планеты. Без комплексной климатической трансформации обществ стран — участниц данной интеграционной группировки достижение главной цели Парижского соглашения (удержание роста глобальных средних температур воздуха к 2100 г. на уровне 1,5—2 °С) неосуществимо. Страны БРИКС являются мировыми лидерами по эмиссиям парниковых газов (более 40 % мировых выбросов CO₂). В своей международной климатической позиции группировка придерживается принципа «общей, но дифференцированной ответственности». Тем самым страны БРИКС выступают за устойчивый экономический рост посредством внедрения новых, экологических технологий и против ограничительных мер, препятствующих их экономическому развитию. В Китае, Индии, Бразилии и ЮАР осуществляются многочисленные проекты экологической трансформации, направленные на декарбонизацию экономики этих стран и достижение углеродной нейтральности. Особенно глубокие изменения заметны в энергетическом секторе перечисленных государств. Вместе с тем высокая зависимость экономики России от добычи и экспорта топливных ресурсов осложняет процессы экологической трансформации. В стране доминирует негативный нарратив в отношении климатических преобразований, в котором необходимая экологическая модернизация экономики страны видится как угроза для ключевых секторов экономики (нефтяного и газового). Реализация международных договоренностей по снижению углеродоемкости, а также создание условий в стране для перехода к климатически нейтральным технологиям не только способствовали бы борьбе с глобальным изменением климата, но и стали бы мощным стимулом для модернизации экономики России, повышения ее конкурентоспособности и инновационности.

Ключевые слова: глобальное изменение климата, климатическая дипломатия, страны БРИКС, экологическая модернизация

Для цитирования: Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64—78. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78

BRICS Countries in International Climate Policy

Yuri Yu. Kovalev, Olga S. Porshneva

Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of the BRICS countries' climate policies at the global and national levels. The authors consider the positions of these states within the framework of both international climate

© Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

conferences (Conference of the Parties) held under the auspices of the UN since 1992, and the summits of BRICS member states in the years 2011—2020. The paper covers strategies and results of national climate policies implemented in these countries. Using structural, comparative, and content analysis methods, the authors emphasize that BRICS countries play a key role in stabilizing the climate of our planet today. It is impossible to achieve the main aim of the Paris Agreement without a comprehensive transformation of environmental practices in these societies. BRICS adheres to the principle of “common but differentiated responsibilities” in its position towards international climate policy; the BRICS countries stand for sustainable economic growth through the introduction of new environmental technologies, and against restrictive measures that impede their economic development. At the same time, the Russian economy’s dependence on the extraction and export of fuel resources complicates environmental transformation. Russia is dominated by a negative narrative of climate change, where the urgent ecological modernization of the economy is seen as a threat to key sectors (oil and gas) of the economy. The implementation of international agreements to reduce the carbon intensity of the Russian economy, the creation of conditions for the transition to climate-neutral technologies, would contribute not only to the fight against global climate change, but would become a powerful incentive for the modernization of the economy, accelerating innovation and increasing its competitiveness.

Key words: global climate change, climate diplomacy, BRICS countries, environmental modernization

For citation: Kovalev, Yu.Yu., & Porshneva, O.S. (2021). BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 64—78. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78

Введение

Рост концентрации парниковых газов в атмосфере Земли является главным фактором дестабилизации климата нашей планеты. Среди мировых лидеров по эмиссиям парниковых газов значимое место отводится государствам БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). В 2018 г. эти страны произвели 43 % всех выбросов антропогенного CO₂ (16,6 млрд т), что практически в два раза больше, чем у стран «Большой семерки» (8,8 млрд т) и в пять раз больше, чем у стран ЕС¹.

К началу третьего десятилетия XXI в. БРИКС превратился в глобального экологического «левиафана», от «поведения» которого зависит жизнь целой планеты. Стремительное экономическое развитие стран группировки с начала 1990-х гг. (за исключением России) было неразрывно связано с ростом потребления природных ресурсов, усилением воздействия на окружающую среду. В 1991—2017 гг. потребление энергетических и материальных ресурсов этих государств выросло в абсолютных показателях с 14,4 до 49 млрд т².

¹ Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

² Domestic Extraction of World in 1970—2017 // The Material Flow Analysis Portal. 2020. URL: <http://www.materialflows.net/visualisation-centre/data-visualisations/> (accessed: 07.01.2020).

Использование ресурсов Китаем увеличилось в 6 раз, Индией — в 2,5 раза, Бразилией — в 2 раза. Одновременно эмиссия CO₂ выросла в этот период в Китае на 332 %, в Индии — на 300 %, Бразилии — на 122 % и ЮАР — на 60 % (в России она сократилась на 33 %)³.

С одной стороны, дальнейший экономический рост стран БРИКС, необходимый для достижения целей устойчивого развития к 2030 г., еще больше увеличит выбросы углерода. И, как следствие, без комплексного и глубокого привлечения группировки к решению климатической проблемы стабилизация глобальной геосистемы невозможна.

С другой стороны, последние тенденции показывают, что государства БРИКС имеют все шансы стать международными лидерами в области климатической трансформации. В 2015 г. страны группировки подписали Парижское соглашение. С этого момента их позиции в международной климатической дипломатии отходят от принципа «отказ от обязательств» по сокращению выбросов парниковых газов к принципу «общей, но дифференцированной ответственности» [Jahrmak 2016: 393].

Выход США из Парижского соглашения по климату в ноябре 2020 г. и практически

³ Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

одновременное принятие китайской стороной обязательств по достижению к 2060 г. углеродной нейтральности ярко демонстрируют существенные сдвиги в сфере международной климатической политики⁴. Китай превращается в наиболее весомого мирового игрока и, возможно, в лидирующего глобального драйвера в борьбе с изменением климата Земли [Ковалев 2018].

В других странах БРИКС (прежде всего в Индии, Бразилии и ЮАР) «зеленая экономика» также развивается быстрыми темпами. Индия занимает одно из лидирующих мест в мире по темпам строительства возобновляемых источников энергии (ВИЭ). России в этих процессах отводится, к сожалению, роль «аутсайдера» группировки БРИКС. В связи с этим представляются чрезвычайно актуальными изучение траектории эволюции международной климатической политики как отдельных стран БРИКС, так и группировки в целом, анализ позиций стран на международных переговорах в рамках Конференций Сторон (КС), рассмотрение национальных программ, политических стратегий по противодействию глобальному изменению климата и достижений в декарбонизации их экономик.

Основными источниками данного исследования послужили итоговые документы наиболее значимых международных климатических конференций (Конференций Сторон), аналитические работы экспертов по климатической дипломатии, декларации саммитов БРИКС, а также национальные программы отдельных стран БРИКС по защите климата и декарбонизации экономики.

Страны БРИКС играли и играют важную и активную роль в формировании международной климатической политики. Однако их позиция оценивалась вплоть до 2015 г. как «сдерживающая» решительные действия в этой области [Stahl 2020: 129]. Усиление значения БРИКС в мировой климатической политике отражено в ряде зарубежных научных публикаций [Leal-Arcas 2013; Brütsch, Para

2013; Gupta 2014; Gladun, Ashan 2016; Downie, Williams 2018].

Комплексное изучение климатической политики стран БРИКС на глобальном, региональном (в рамках группировки) и национальном уровнях определяет новизну и оригинальность представленного исследования.

Методология исследования

Методологическую основу данной статьи образует ретроспективный структурно-аналитический подход. Анализ позиций как отдельных стран БРИКС, так и коалиций (BASIC (Бразилия, ЮАР, Индия, Китай) БРИКС) на международных переговорах по противодействию глобальному изменению климата, отраженный в итоговых документах конференций, а также в декларациях саммитов БРИКС, национальных климатических стратегиях и программах по экологической модернизации Индии, Китая, Бразилии, ЮАР и России позволяет определить направление вектора внешней и внутренней климатической политики, оценить вклад данных стран в мероприятия по спасению климата нашей планеты. Рассмотрение позиций стран БРИКС на конференциях ООН по устойчивому развитию и на саммитах «Группы 20» не входило в цели данного исследования.

Также для оценки динамики климатического дискурса внутри группировки БРИКС авторами использовался метод контент-анализа тем, озвученных на саммитах стран БРИКС и отраженных в их итоговых декларациях, который позволяет выявить приоритетные направления внешней и внутренней политики стран, актуальность определенных политических полей.

Исходя из этого, прежде всего учитывались:

1) место темы глобального изменения климата в повестке дня саммитов в период 2011—2020 гг.;

2) зависимость представленной на саммите «климатической» темы от страны — председателя саммита;

3) степень реализации заявленных в декларациях саммитов мероприятий по борьбе с глобальным изменением климата.

Методологически данное исследование рассматривается как продолжение и расши-

⁴ Глава ООН призвал добиваться полной декарбонизации мировой экономики // Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/11/1390502?utm_source=UN+News+-+Russian&utm_campaign (дата обращения: 19.06.2020).

рение научных изысканий российских ученых из Центра исследований международных институтов РАНХиГС [Ларионова 2015; 2016; 2018; Сафонкина 2017; 2018; Попова 2018]. Анализ дискурса повестки саммитов БРИКС, проведенный данными исследователями, позволяет лучше понять приоритетные направления внешней политики председательствующего на саммите государства. Кроме того, осуществляемая реальная экологическая модернизация хозяйств отдельных стран группировки служит доказательством неоголословности и серьезности намерений их климатической политики.

Позиции стран БРИКС в международной климатической дипломатии

Становление международной климатической политики неразрывно связано с политизацией научного дискурса о глобальном изменении климата. В 1970—1990 гг. происходит становление международной экологической и климатической политики. В это время научная коммуникация по изменению климата превращается в самостоятельную область международной политики. Решающую роль в этом сыграли Всемирная метеорологическая организация и Программа ООН по окружающей среде и развитию. Именно благодаря им в 1988 г. в г. Торонто (Канада) состоялась первая международная конференция по изменению климата Земли [Otto 2017: 266]. Делегаты конференции (300 представителей из 40 стран) приняли обязательства по сокращению выбросов парниковых газов к 2005 г. (так называемые *Toronto Goals*), тем самым возведя научную проблему в ранг международной политики [Handbuch Globale Klimapolitik 2017: 164].

По инициативе конференции при ООН в том же году была создана межправительственная группа экспертов по изменению климата. Первый доклад данной группы вышел в 1990 г. Его содержание, подчеркивающее наличие проблемы глобального изменения климата как планетарной угрозы, стимулировало подготовку к заключению международного договора по стабилизации климата в структурах ООН.

В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция по изменению климата (United Nations Framework Convention on Climate Change, UNFCCC), которую подписали более 196 государств⁵. В документе отмечается нагревание атмосферы как глобальная проблема человечества. В ст. 7 данной Конвенции также отмечено учреждение новой формы сотрудничества стран в области защиты климата — Конференции Сторон (*Conference of the Parties*), или климатические конференции (КС)⁶.

В 1995 г. в Берлине состоялась первая климатическая конференция, а к 1 января 2020 г. в мире было проведено 25 подобных мероприятий с практически постоянным ростом числа делегируемых странами представителей. На конференции в Мадриде в декабре 2019 г. число участников превысило 25 тыс. человек⁷.

Конференции Сторон стали основной глобальной платформой формирования и развития международной климатической политики. На них были разработаны и заключены основные международные договоренности, созданы регулирующие инструменты, определяющие современный характер глобального климатического режима: Киотский протокол (1997 г.)⁸, Дохийская поправка (2012 г.)⁹ и Парижское соглашение (2015 г.)¹⁰.

⁵ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН. 1994. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/climate.pdf (дата обращения: 26.07.2020).

⁶ Там же.

⁷ Участники конференции по климату в Мадриде сами показывают пример экологической ответственности // Новости ООН. 08.12.2019. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1368701> (дата обращения: 12.01.2020).

⁸ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН. 11.12.1997. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 02.12.2020).

⁹ The Doha Amendment // The United Nations. 2020. URL: <https://unfccc.int/process/the-kyoto-protocol/the-doha-amendment> (accessed: 27.07.2020).

¹⁰ Парижское соглашение об изменении климата — итоговый документ 21-й Конференции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКООНИК) // ООН. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

Таблица 1

Основные группировки стран в международной климатической дипломатии	
Группировка стран	Страны
Страны из приложения 1 к Рамочной конвенции по изменению климата (РКиК)	Все индустриальные страны и страны Восточной Европы с переходной экономикой
Страны из приложения 2 к РКиК	Исключительно страны ОЭСР
Страны, не вошедшие в приложение	Все развивающиеся страны
Группа африканских государств	53 страны Африки
Наименее развитые страны мира	50 государств
Группа 77 и Китай	143 государства Азии, Латинской Америки, Африки и Океании (в том числе Индия, Бразилия, ЮАР)
JUSSCANNZ	По начальным буквам входящих в группу стран: Япония, США, Швейцария, Канада, Австралия, Норвегия и Новая Зеландия
Зонтичная группа	JUSSCANNZ плюс Украина и Россия
АОГ	Ассоциация малых островных государств, 43 страны, некоторые из них члены Группы 77
Страны ОПЕК	Страны — экспортеры нефти, 12 государств
Страны BASIC	Бразилия, Индия, ЮАР и Китай

Table 1

Major Groupings of Countries in International Climate Diplomacy

Country grouping	Countries
Countries from Annex 1 to the Framework Convention on Climate Change (UN FCCC)	All industrialized and emerging economies of Eastern Europe
Countries of Annex 2 to the UN FCCC	Only OECD countries
Countries not included in Annex	All developing countries
African states	53 African countries
Least developed countries in the world	50 states
Group 77 and China	143 states of Asia, Latin America, Africa and Oceania (including India, Brazil, South Africa)
JUSSCANNZ	By initial letters of the names of countries included in grouping: Japan, USA, Switzerland, Canada, Australia, Norway and New Zealand
Umbrella group	JUSSCANNZ plus Ukraine and Russia
AOSIS	Association of Small Island States, 43 countries, some of them are members of 77 Group
OPEC	Oil exporting countries, 12 states
BASIC	Brazil, India, South Africa and China

Источник / Source: Reimer N. Schluss-Konferenz. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie. Oecom Verlag. München, 2015. P. 188.

Разнообразие стран по их географическому положению (определяющему уязвимость перед лицом климатических изменений), уровню социально-экономического развития и структуре хозяйства стали предпосылками к формированию политических групп стран с общими интересами и целями в переговорном процессе.

Современная архитектура международной климатической дипломатии представлена в табл. 1, в которой главный «водораздел» проходит по линии развитые и развивающиеся страны, а также между авангардом (ЕС и Ассоциацией островных государств (АОГ))

и приверженцами так называемой «слабой» политики (Зонтичная группа¹¹, ОПЕК).

До 2011 г. страны БРИКС не имели общих позиций в вопросах глобальной климатической политики. В начале переговорного

¹¹ Зонтичная группа (The Umbrella Group) — это коалиция Сторон, сформированная после принятия Киотского протокола. В состав группы входят Австралия, Беларусь, Канада, Исландия, Израиль, Япония, Новая Зеландия, Казахстан, Норвегия, Российская Федерация, Украина и США. Party Groupings // United Nations Climate Change. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/parties-non-party-stakeholders/parties/party-groupings> (accessed: 04.02.2020).

процесса в рамках Конференции Сторон (КС) они находились в различных группировках государств, имеющих общие интересы. Согласно приложению Рамочной конвенции, Россия входила в группу стран, обязующихся сократить выбросы парниковых газов до 2000 г. Бразилия, Индия, Китай и ЮАР, напротив, вплоть до 2015 г. не были связаны никакими международными обязательствами в этой области. Исторические факторы, структура экономики, национальные, социальные и культурные особенности, а также низкие показатели ВВП на душу населения, индекс человеческого развития (Human Development Index (HDI)), огромное отставание от Запада в социальной сфере нашли свое прямое отражение в этой позиции.

До 2011 г. особенно Индия и Китай категорически отказывались принимать на себя какие-либо обязательства по ограничению выбросов [Otto 2017: 282]. Кроме того, они настаивали на технологической и финансовой помощи со стороны развитых государств. Именно благодаря настойчивости Китая и Индии на Конференции Сторон в Копенгагене (2009 г.) было решено создать Глобальный зеленый фонд для экологической модернизации и климатической адаптации менее развитых стран.

Россия, как страна с высокой зависимостью экономики от добычи и экспорта углеводородного сырья, придерживалась (и придерживается) климатической политики, которая защищает ее нефтегазовый комплекс. Интересы России совпадали с целями стран ОПЕК (1-я Конференция Сторон в 1995 г.), а в дальнейшем — со странами JUSSCANNZ, с которыми российская сторона образует в переговорном процессе так называемую «зонтичную группу» [Reimer 2015: 66]. Данная подгруппа характеризуется скептической позицией в отношении причин глобального потепления и результативности тех или иных инструментов в борьбе с ним.

Россия — участник Конвенции ООН 1992 г., принявший на себя обязательства по инициированию национальных мероприятий по стабилизации климата. Внутренний экономический кризис в 1990-х гг. предопределил

достижение климатических целей российской стороной в 2000 г. В 2004 г. страна ратифицировала Киотский протокол, занимала активную позицию на всех Конференциях Сторон с 1995 г. На протяжении 1995—2015 гг. ее позицию в переговорном процессе можно кратко суммировать как «обязательства для всех и во всем»¹². На 12-й Конференции Сторон в Найроби (2006 г.) Россия настаивала на принятии добровольных обязательств всеми развивающимися странами [Otto 2017: 276].

В 2015 г. российская сторона подписала Парижское соглашение и в октябре 2019 г. официально его утвердила. С лета 2018 г. правительство Российской Федерации подготавливает национальную программу действий (национальную стратегию) по борьбе с глобальным изменением климата.

Китай, Индия, Бразилия и ЮАР — страны, не вошедшие в приложение Рамочной конвенции по изменению климата 1992 г. и тем самым освобожденные от обязательств по сокращению выбросов, поскольку конвенция признавала право этих стран на развитие своей экономики. Борьба с бедностью и повышение роста благосостояния населения — главные приоритеты национальной политики этой группы стран. Соответственно, их общая позиция вплоть до Конференции Сторон (17-я Конференция Сторон) в Дурбане в 2011 г. заключалась в отстаивании права на экономический рост и увеличение эмиссии парниковых газов [Otto 2017: 282].

Кроме того, Индия и Китай, как лидеры Группы 77, настаивали на признании развитыми государствами их исторической ответственности за изменение климата Земли [Otto 2017: 279]. Индийские и китайские представители требовали более высоких обязательств по сокращению для более развитых экономик эмиссии углекислого газа, а также ежегодных финансовых трансферов для адаптации уязвимых обществ развивающихся стран к изменяющимся климатическим условиям.

С 2011 г. Индия и Китай согласились обсуждать обязательства по ограничениям их

¹² Таким образом, все страны мира должны принять обязательства по сокращению выбросов парниковых газов во всех отраслях хозяйства.

выбросов на Конференциях Сторон, проходивших в Дохе (2012 г.), Варшаве (2013 г.) и Лиме (2014 г.) [Otto 2017: 282].

На конференции в Лиме страны BASIC признали провозглашенный принцип «общей, но дифференцированной ответственности» в стабилизации климата планеты [Gebauer 2017: 379], а уже в 2015 г. подписали Парижский договор и в 2016 г. его ратифицировали. Каждое из этих государств представило в ООН национальную климатическую стратегию.

Общие позиции стран БРИКС в вопросе глобального изменения климата и борьбы с ним впервые были озвучены на III Саммите стран БРИКС в Китае в 2011 г. [Русакова 2016: 88], когда в итоговом документе была подчеркнута воля стран БРИКС в содействии реализации Климатической конвенции ООН, а также наращивании сотрудничества между странами в целях адаптации экономик и обществ к изменению климата¹³. В 2012 г. в ст. 30 Заключительной декларации IV Саммита отмечается: «Страны БРИКС исполнены решимости играть свою роль в глобальной борьбе с изменением климата и внести вклад в общемировые усилия по противодействию изменению климата посредством устойчивого и инклюзивного роста, а не через введение ограничений на развитие»¹⁴.

Ориентация на дальнейший экономический рост посредством внедрения новых, экологических технологий становится с этого времени «стержнем» климатической политики этих стран.

На следующих саммитах стран БРИКС тема глобального изменения климата все больше входила в круг обсуждаемых главных политических проблем. Принятые на саммитах в Уфе (2015 г.), Гоа (2016 г.), Сямэни (2017 г.), Йоханнесбурге (2018 г.), Бразилиа (2019 г.) и Москве (2020 г.) декларации

расширяют единую позицию стран в области глобальной климатической политики за счет общих устремлений в рамках устойчивого развития, баланса социального, экономического и экологического роста, разработки «чистых» источников энергии и «зеленых» технологий¹⁵. Так, в декларации по итогам саммита стран БРИКС в Гоа тема устойчивого развития, изменения климата и борьбы с ним отражена в 11 статьях¹⁶.

В совместном заключительном документе IX Саммита 2017 г. в статье 16 подчеркивается приверженность «зеленому» развитию и переходу стран к низкоуглеродной экономике в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты. Страны БРИКС обязуются укреплять сотрудничество по борьбе с изменением климата и расширять «зеленое» финансирование¹⁷.

В 2019 г. на саммите в г. Бразилиа темы устойчивого развития, глобального изменения климата, защиты окружающей среды и биоразнообразия находят все больший отклик. В декларации XI Саммита позиции стран в этих областях представлены в начальных ст. 8—13¹⁸.

На последнем XII Саммите, проходившем под председательством России в ноябре 2020 г. в режиме онлайн, тема глобального изменения климата была передвинута на периферию повестки дня саммита. Лишь три статьи Декларации (ст. 80—82) затрагивают данные проблемы. Так, в ст. 82 говорится о приверженности стран БРИКС Парижскому соглашению, «включая принципы общей, но

¹⁵ Согласно авторскому анализу принятых странами БРИКС деклараций.

¹⁶ Подсчитано авторами: Декларация Гоа // Президент России. 16.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5139> (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁷ Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 года // D-Russia. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁸ Декларация Бразилиа Одиннадцатого саммита БРИКС. Бразилиа, 14 ноября 2019 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 12.12.2020).

¹³ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) // Президент России. 14.04.2011. URL: <http://kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 18.01.2020).

¹⁴ Делийская декларация // Президент России. 29.03.2012. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 03.02.2020).

дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, с учетом различных национальных условий». В статье содержится призыв к развитым странам «активизировать предоставление развивающимся государствам финансовой и технологической поддержки, а также помощи в области наращивания потенциала в целях содействия в деле предотвращения изменения климата и адаптации к нему»¹⁹.

Таким образом, позиция стран БРИКС в международной климатической дипломатии характеризуется, с одной стороны, отстаиванием их права на «развитие» (дальнейший экономический рост и повышение эмиссий CO₂), с другой — пониманием необходимости экологической модернизации их хозяйств, усиления энерго- и ресурсоэффективности собственного производства, широкого внедрения «чистых», «зеленых» технологий, охраны окружающей среды. Это во многом определяет национальную климатическую политику этих стран, которая все больше отходит от доктрины «роста любой ценой» к политике «качественного роста», где экологические, социальные и экономические цели не противоречат друг другу, а создают комплексное единство.

Однако среди стран БРИКС существуют заметные различия в оценке значения климатической политики и «зеленых» технологий в развитии государств. На саммитах под председательством Китая, Индии и Бразилии эти темы занимают одно из приоритетных мест [Ларионова 2015: 130; Сафонкина 2018: 361]. Наоборот, под председательством России и ЮАР на саммитах стран БРИКС темы глобального изменения климата и «зеленой экономики» получили меньше внимания.

Национальные климатические стратегии стран БРИКС

Национальная климатическая политика стран БРИКС формируется на основе взаимодействия целого комплекса как внешних, так

и внутренних факторов. В инициировании локальных мероприятий по сокращению парниковых газов и адаптации обществ к климатическим изменениям значительную роль играет глобальный климатический режим (с 2015 г. — Парижское соглашение), который создает правовые рамки для формирования и реализации национальной политики в области климата. Сформированные на Конференциях Сторон финансовые механизмы стабилизации климата в системе отношений «Север — Юг» (CDM, REDD, Green Climate Fund)²⁰ дополнительно стимулируют формирование климатической политики в развивающихся странах, в том числе и в странах группировки.

Одновременно национальная климатическая политика стран БРИКС охватывает многочисленные переплетенные между собой внутренние социально-экономические, политические, демографические и экологические факторы. При этом в Индии, ЮАР, Бразилии многие социальные проблемы (нищета, голод, безработица, отсутствие жилья, санитарных условий) стоят особенно остро. И, как следствие, их ликвидация является приоритетом политики устойчивого развития этих стран, без которой их невозможно решить (отстаивание права на экономический рост этих стран особенно наглядно было продемонстрировано на 25-й Конференции Сторон в Мадриде в декабре 2019 г.²¹).

²⁰ CDM — Механизм чистого развития (МЧР) — механизм сотрудничества, созданный в рамках Киотского протокола, открывает потенциальные возможности для помощи развивающимся странам в обеспечении устойчивого развития за счет поддержки экологически благоприятных инвестиций правительств и бизнеса промышленно развитых стран; REDD — программа ООН, направленная на сокращение выбросов в результате обезлесения и деградации лесов; Green Climate Fund (зеленый климатический фонд) — это фонд, созданный в рамках РККК ООН в качестве оперативного органа финансового механизма для оказания помощи развивающимся странам в адаптации и смягчении воздействий для противодействия изменению климата.

²¹ Результаты конференции в Мадриде: мелкими шагами, но все-таки движение вперед есть // Новости ООН. 23.12.2019. URL: <https://news.un.org/ru/interview/2019/12/1369571> (дата обращения: 23.12.2019).

¹⁹ Московская декларация XII Саммита БРИКС 17 ноября 2020 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 20.11.2020).

Однако экономический рост служит причиной существенных внутренних экологических проблем, поэтому экологическая трансформация хозяйств этих стран для достижения климатических целей рассматривается их руководством как инструмент для решения этих национальных задач [Hein, Betz, Eucker, Hein, Holstenkamp, Neve 2017: 409].

Китай является мировым лидером по выбросам антропогенного углерода, в 2018 г. страна произвела 11,3 млрд тонн CO₂ (27,5 % мирового выброса), что практически на 9 млрд т больше по сравнению с 1990 г.²² Экономический рост стал главной причиной резкого ухудшения показателей чистоты воздуха, воды и почвы во многих регионах Китая. Прогрессирование заболеваний населения, связанных с плохой экологической обстановкой, вынуждало руководство к переосмыслению концепции экономического развития, что нашло свое отражение в пятилетних планах развития Китая [Su, Heshmati, Geng, Yu 2013]. В частности, в программе одиннадцатого пятилетнего плана (2006—2011 гг.) были обозначены задачи по устранению экологических проблем и сокращению потребления природных ресурсов, декларировались трансформация экономики Китая в направлении циклического хозяйства (замкнутой экономики) и создание энергетически эффективного, экологически сознательного общества²³.

В двенадцатом пятилетнем плане, принятом в 2011 г., слово «трансформация» получает уже конкретное смысловое наполнение: «Трансформация модуса хозяйственного развития должна акцентировать внимание на важности создания ресурсосаждящего и природоохранного общества для экономии энергии, сокращения выбросов парниковых газов и противодействия глобальному изменению

²² Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

²³ The 11th Five-Year Plan: Targets, Paths and Policy Orientation // Government of China. URL: http://www.gov.cn/english/special/115y_index.htm (accessed: 12.01.2020).

климата. Мы должны развивать замкнутую циркулярную экономику и новые технологии декарбонизации»²⁴.

В тринадцатом пятилетнем плане (2016—2021 гг.) экологическая модернизация стала приоритетом среди семи главных направлений развития страны. Переход к «новой экономике» закреплен в государственных законодательных актах: Законе об экономике замкнутого цикла (Circular Economy Promotion Law, 2009)²⁵, Программе по эффективному использованию энергии (Energy Conservation Law, 2007)²⁶, Законе об экологическом производстве (Cleaner Production Promotion Law, 2003)²⁷, законах о пространственном планировании и природоохранных мероприятиях (Land Administration Law, 1999²⁸; Environmental Protection Law, 2015²⁹).

В 2015 г. Китай подписал Парижское соглашение и взял на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов: согласно данным обязательствам, пик выбросов CO₂ в стране будет достигнут в 2030 г., что составляет приблизительно 17,6 млрд т. После 2030 г.

²⁴ Delegation of the European Union in China: China's 12th Five-Year Plan 2011—2015 // China Direct. URL: https://cbi.typepad.com/china_direct/2011/05/chinas-twelfth-five-new-plan-the-full-english-version.html (accessed: 18.01.2020).

²⁵ Circular Economy Promotion Law. Order No. 16 of the President of the People's Republic of China. 29.08.2008. URL: <https://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/policy-database/CHINA%20Circular%20Economy%20Promotion%20Law%20%282008%29.pdf> (accessed: 25.02.2020).

²⁶ Law of the People's Republic of China on Conserving Energy // The National People's Congress of the People's Republic of China. 01.11.1997. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383579.htm (accessed: 25.02.2020).

²⁷ Cleaner Production Promotion Law // Ministry of Commerce. People's Republic of China. 19.03.2007. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/internationalpolicy/200703/20070304471061.shtml> (accessed: 25.02.2020).

²⁸ Land Administration Law of the People's Republic of China // China.org.cn. 14.02.2011. URL: http://www.china.org.cn/china/LegislationsForm2001-2010/2011-02/14/content_21917380.htm (accessed: 25.02.2020).

²⁹ Environmental Protection Law of the People's Republic of China // China.org.cn. URL: <http://www.china.org.cn/english/government/207462.htm> (accessed: 19.02.2020).

предполагается уменьшение данного показателя [Gebauer 2017: 381].

Результаты реализации планов экологической трансформации хозяйства КНР не имеют на сегодняшний день аналогов в мире. Мощности производимой возобновляемой электроэнергии выросли в стране в период 1996—2019 гг. с 3 до 464 ГВт, что составило 32,2 % мировых мощностей ВИЭ. В 2019 г. Китай стал мировым лидером по производству солнечной электроэнергии (204 ГВт) и энергии ветра (236 ГВт). В том же году мощности китайской альтернативной возобновляемой энергетики в 1,2 раза превосходили аналогичные показатели всех стран ЕС, в 2,2 раза — США, в 5 раз — Индии и более чем 6-кратно — Японии³⁰.

Экологическая трансформация китайской энергетики идет параллельно с невиданными в мире темпами электрификации населения, развитием климат-нейтральных моделей проживания и производства. Одновременно Китай реализует широкомасштабную программу озеленения пустынных территорий страны (так называемая Китайская зеленая стена). В период 2013—2020 гг. правительство выделило 34,5 млрд долл. США на создание новых лесных массивов, а до 2050 г. на западе страны должны быть посажены леса по площади, сравнимой с территорией стран Западной Европы (более 400 тыс. кв. км)³¹.

Главный политический документ, определяющий национальную политику Индии в области защиты климата, был принят в 2008 г. (India's National Action Plan on Climate Change)³². В нем намечено 8 главных направлений, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию индийского общества к изменяющимся внешним условиям. Среди направлений

отмечаются развитие солнечной энергетики, повышение энергетической эффективности общества, улучшение устойчивости среды проживания человека, повышение эффективности использования воды, защита экосистемы Гималаев, новые лесопосадки, устойчивая сельскохозяйственная политика и создание фонда исследования по изменению климата³³.

Климатической трансформации значительное внимание уделяется в программах развития целого ряда отраслей. Согласно национальной стратегии развития «зеленой экономики» доля возобновляемой энергии к 2030 г. должна составить 40 %³⁴. Предполагается строительство «солнечных парков» (25 парков до 2022 г.), развитие ветровой электроэнергетики (60 ГВт), гидро- и биоэнергетики, а также возведение АЭС (до 63 ГВт в 2032 г.)³⁵.

В рамках мероприятий по созданию устойчивой жизненной среды человека правительство Индии намерено построить порядка 100 «умных городов» (смарт-сити), которые обеспечат повышение качества жизни в изменяющихся климатических условиях. Намечены планы по переработке твердых отходов в рамках замкнутой экономики, очистки сточных вод. Особого внимания заслуживает программа «озеленения» Индии (Green India Mission), в которой предлагается расширение лесных массивов до 6 млн га³⁶.

Национальная политика Бразилии в области защиты климата начала формироваться в конце первого десятилетия XXI в. В 2009 г. парламент принял постановление о национальной политике в области защиты климата. В 2012 г. вступил в силу Закон о защите девственных лесов страны, и в 2015 г. Бразилия подписала Парижское соглашение. В 2016 г.

³³ Ibid.

³⁴ Renewables 2020. Global Status Report. 2020. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

³⁵ Green Growth and Sustainable Development in India // Towards the 2030 Development Agenda. 2015. URL: https://www.teriin.org/projects/green/pdf/National_SPM.pdf (accessed: 30.01.2020).

³⁶ India's National Action Plan on Climate Change // Government of India. URL: <http://www.nicra-icar.in/nicrarevised/images/Mission%20Documents/National-Action-Plan-on-Climate-Change.pdf> (accessed: 22.06.2020).

³⁰ Renewables 2020. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

³¹ Chinas Grüne Große Mauer // Telepolis. 16.01.2020. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Chinas-Gruene-Grosse-Mauer-4638653.html> (accessed: 27.01.2020).

³² India's National Action Plan on Climate Change // Government of India. URL: <http://www.nicra-icar.in/nicrarevised/images/Mission%20Documents/National-Action-Plan-on-Climate-Change.pdf> (accessed: 22.06.2020).

была принята национальная стратегия по стабилизации климата, согласно которой намеченные правительством мероприятия приведут к сокращению выбросов CO₂ примерно на 16 % к 2030 г.³⁷ Для этого планируется повышение доли возобновляемых источников энергии до 45 % к 2030 г., увеличение энергоэффективности производства и транспорта, внедрение «чистых» технологий в промышленность, рост производства и потребления биотоплива, а также расширение площади лесных массивов на 12 млн га³⁸.

В этом направлении Бразилия демонстрировала колоссальные успехи вплоть до 2019 г. Так, во время правления президента Бразилии Л.И. Лула да Силвы (2003—2011 гг.) вырубка лесов сократилась с ежегодных 30 тыс. кв. км до 5 тыс. кв. км³⁹. Доля возобновляемой энергетики в рамках национального производства выросла с 2,2 % (2003 г.) до 12,1 % (2019 г.). Производство солнечной электроэнергии увеличилось в стране более чем в 10 раз, ветровой — в 65 раз⁴⁰.

Однако существуют опасения, что прогрессивные достижения Бразилии в борьбе с изменением климата полностью нивелируются политикой правого президента Ж. Болсонару. Прошедшие годы (2019—2020 гг.) показали, что экологические задачи не являются приоритетными для проводимой президентом внутренней политики страны.

ЮАР занимает первое место в Африке по показателям выбросов углерода в атмосферу. В 2018 г. уровень эмиссии составил в абсолютных показателях 477 млн тонн CO₂, увеличившись на 165 млн тонн по сравнению с 1990 г.⁴¹

Согласно национальной стратегии ЮАР берет на себя обязательство контролировать выбросы CO₂ в период 2025—2030 гг. в границах 398—614 млн т⁴². Широкий диапазон плановых показателей указывает на существование различных сценариев экономического развития страны. Так же как и другие страны БРИКС, ЮАР делает упор на развитие «зеленой экономики» в достижении климатических целей. Особенно значительный потенциал страна демонстрирует в области возобновляемой электроэнергетики, занимая третье место в мире по количеству поступающей солнечной энергии на единицу территории [Schubert 2019: 19] и обладая впечатляющим потенциалом для производства ветровой энергии.

Однако по темпам развития альтернативной энергетики ЮАР заметно уступает Китаю, Индии и Бразилии. Проблема заключается в том, что часть населения ЮАР (15 %) вообще не имеет доступа к электричеству [Schubert 2019: 81]. Более 43 % населения страны относится к «энергетически» бедному, лишь отчасти способному оплачивать тарифы на электроэнергию, что негативно влияет на инвестиции в альтернативные источники [Schubert 2019: 84]. При том что доля возобновляемой энергетики в общей структуре производства электроэнергии составляла в 2019 г. всего 3,1 %, в 1996—2018 гг. ее производство выросло с 60 млн кВт/ч до 6,4 млрд кВт/ч⁴³. По планам правительства доля ВИЭ возрастет к 2030 г. до 9 %⁴⁴.

Климатическая политика России начала формироваться в начале 1990-х гг., что предопределило создание в 2009 г. Климатической доктрины Российской Федерации, согласно

³⁷ Intended Nationally Determined Contribution towards achieving the Objective of the United Nations Framework Convention on Climate Change // UNO. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Brazil%20First/BRAZIL%20iNDC%20english%20FINAL.pdf> (accessed: 02.02.2020).

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Renewables 2020. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

⁴¹ Crippa M., Oreggioni G. et al. Fossil CO₂ and GHG emissions of all world countries 2019. Luxembourg:

Publications Office of the European Union, 2019. DOI: 10.2760/687800

⁴² NDC Registry UNO // UNO. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/pages/All.aspx> (accessed: 29.01.2020).

⁴³ Renewable Energy in South Africa // Department Mineral Resources and Energy Republic of South Africa. URL: http://www.energy.gov.za/files/renewables_frame.html (accessed: 22.07.2020).

⁴⁴ Renewables 2020. Global Status Report. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (accessed: 08.02.2020).

которой Россия обязуется осуществлять комплексную климатическую политику, принимать меры по адаптации к изменению климата, смягчать антропогенные воздействия на климат, укреплять международное сотрудничество в этой сфере, а также сократить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 25 % по сравнению с объемом выбросов 1990 г.⁴⁵

В докладе 2018 г. о выполнении доктрины отмечается, что выполнено 30 из 65 мероприятий Комплексного плана (46 %), остальные 35 (54 %) находятся в процессе выполнения либо по ним не наступил срок реализации⁴⁶.

По сравнению с другими странами БРИКС внутренняя климатическая политика России характеризуется чрезмерной «сдержанностью» в проведении «зеленых» преобразований и осуществлением лишь робких шагов в направлении экологической модернизации. Так, в Российской Федерации планируется довести долю альтернативных источников энергии до 4,5 % к 2024 г., стимулируется дальнейшее развитие атомной энергетики как климатически нейтральной. При этом одна из огромных проблем — зависимость экономической и социальной жизни от добычи и экспорта топливных ресурсов, поскольку топливно-энергетический комплекс является «фундаментом» российской экономики (порядка 60 % ее товарного экспорта)⁴⁷.

Таким образом, в России преобладает «антиклиматический» политический дискурс, ставящий под сомнение сам феномен глобального изменения климата или его антропогенную природу. В этой связи дальнейший

упор в экономическом развитии на «грязные» технологии и «конечные» ресурсы (уголь, нефть и газ) грозит стране технологическим отставанием от передовых стран и потерей конкурентоспособности ее экономики.

Не менее важно и значительное сокращение российской доли в глобальных выбросах CO₂ ввиду уже ощущаемых негативных последствий изменения климата. Засухи, пожары, наводнения наносят огромный финансовый урон как отдельным регионам России, так и в целом ее экономике, приводят к социальной и политической дестабилизации страны. Следует ожидать, что периодичность данных явлений (лесные пожары, засухи, наводнения и проч.), вызванных глобальным изменением климата, будет возрастать⁴⁸.

Заключение

Страны БРИКС — «ключевые» игроки международной климатической дипломатии, выступающие с 2011 г. с единой позицией на международных переговорах в рамках Конвенции по изменению климата (17-я Конференция Сторон) [Jahrmarkt 2016: 235]. Эта позиция озвучена в Декларации III Саммита стран БРИКС как «общая, но дифференцированная ответственность» стран мира в борьбе с глобальным потеплением.

Участники группировки настаивают на своем праве дальнейшего экономического роста, устранения внутренних социальных проблем, повышения благосостояния населения. Их климатические доктрины и национальные цели отличаются от аналогичных в развитых государствах мира. Кроме того, среди стран группировки имеются существенные различия в степени оценки угрозы глобального изменения климата и необходимости экологической модернизации (декарбонизации) экономик государств, что отражается в структуре деклараций саммитов БРИКС.

⁴⁵ Климатическая доктрина Российской Федерации // Президент России. 17.12.2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 16.06.2020).

⁴⁶ Доклад о ходе выполнения в 2018 г. комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г. // Министерство природных ресурсов РФ. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_vypolnenii_kompleksnogo_plana_realizatsii_klimaticheskoy_doktriny_doklad_o_khode_vypolneniya_v_2018_godu_kompleksnogo_plana_realizatsii_klimaticheskoy_doktriny_rossiy/ (дата обращения: 18.01.2020).

⁴⁷ Товарная структура экспорта РФ // Росстат. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/ (дата обращения: 09.02.2020).

⁴⁸ Доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году» // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. 2019. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 22.01.2020).

Большинство государств-участниц планирует увеличение выбросов парниковых газов до 2030 г. с одновременным проведением широких мероприятий по экологической модернизации их хозяйств. В энергетическом секторе доля солнечной, ветровой и водной электроэнергии (малые ГЭС) в ЮАР, Бразилии, Китае и Индии в 2030 г. достигнет, согласно национальным программам, соответственно 9⁴⁹, 23⁵⁰, 35 % [Gebauer 2017: 381] и 40 %⁵¹. Одновременно страны группировки быстрыми темпами проводят модернизацию городской и транспортной инфраструктуры,

повышая энерго- и ресурсоэффективность производства и увеличивая долю «чистых» технологий. Сотрудничество в этой области между государствами будет и в дальнейшем углубляться.

Россия на сегодняшний день отстает по скорости экологической модернизации от других стран БРИКС, поскольку, к сожалению, доминирует негативный нарратив в отношении климатических преобразований. Новые «чистые» технологии, изменяющиеся модели производства и потребления рассматриваются в России как большая угроза для национального хозяйства, чем глобальное изменение климата.

Признание важности политических мер по противодействию глобальному изменению климата, создание условий в стране для перехода к климатически нейтральным технологиям не только способствовали бы борьбе с глобальным изменением климата, но и стали бы мощным стимулом для модернизации экономики России, повышения ее конкурентоспособности и инновационности.

⁴⁹ Renewable Energy in South Africa // Department Mineral Resources and Energy Republic of South Africa. URL: http://www.energy.gov.za/files/renewables_frame.html (accessed: 22.07.2020).

⁵⁰ Intended Nationally Determined Contribution towards achieving the Objective of the United Nations Framework Convention on Climate Change // UNO. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Brazil%20First/BRAZIL%20INDC%20english%20FINAL.pdf> (accessed: 02.02.2020).

⁵¹ India's National Action Plan on Climate Change // Government of India. URL: <http://www.nicra-icar.in/nicrarevised/images/Mission%20Documents/National-Action-Plan-on-Climate-Change.pdf> (accessed: 22.06.2020).

Поступила в редакцию / Received: 18.08.2020
Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Библиографический список

- Ковалев Ю.Ю. «Зеленая экономика» и экологическая модернизация хозяйства КНР // На пути к Китайскому миру: коллективная монография / под ред. Н.А. Слуки. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. С. 145—159.
- Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Немного хороших новостей для глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 7—33. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01
- Ларионова М.В. Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 1. С. 125—134.
- Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113
- Попова И.М. Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 925—941. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941
- Русакова Ю.А. Проблемы международной экологической безопасности и поиск дипломатических путей их преодоления на современном этапе (на примере современных переговоров по климату): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО МИД России, 2016.
- Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367
- Сафонкина Е.А. Председательство Индии в БРИКС в 2016 г. // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7. С. 15—20.

- Brütsch C., Papa M. Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? // *The Chinese Journal of International Politics*. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 299—327. DOI: 10.1093/cjip/pot009
- Downie C., Williams M. After the Paris Agreement: What Role for the BRICS in Global Climate Governance? // *Global Policy*. 2018. Vol. 9. Iss. 3. P. 398—407. DOI:10.1111/1758-5899.12550
- Gebauer S. China und andere Schwellenländer // *Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017. P. 377—397.
- Gladun E., Ahsan D. BRICS Countries' Political and Legal Participation in the Global Climate Agenda // *BRICS Law Journal*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 8—42. DOI: 10.21684/2412-2343-2016-3-3-8-42
- Gupta J. *The History of Global Climate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. DOI: 10.1017/CBO9781139629072
- Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017.
- Hein W., Betz J., Eucker D., Hein J., Holstenkamp L., Neve B. Klimapolitik und Entwicklung // *Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017. P. 397—441.
- Jahrmarkt L. *Internationales Klimaschutzrecht: Der Weg Zu Einem Weltklimavertrag Im Sinne Gemeinsamer, Aber Differenzierter Verantwortlichkeit*. Baden-Baden: Nomos, 2016.
- Leal-Arcas R. The BRICS and Climate Change // *International Affairs Forum*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 22—26. DOI: 10.1080/23258020.2013.824246
- Otto D. Entstehung und Ausdifferenzierung des UN-Klimaregimes // *Handbuch Globale Klimapolitik* / Hg. von G. Simonis. Paderborn: UTB, 2017. P. 260—301.
- Reimer N. *Schluss-Konferenz. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie*. München: Oecom Verlag, 2015.
- Schubert T. *Eine analytische Betrachtung der Klimapolitik in Südafrika: Instrumente zur Förderung des Ausbaus erneuerbarer Energien*. Stuttgart: Fraunhofer Verlag, 2019.
- Stahl B. *Internationale Politik verstehen*. Opladen & Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2020.
- Su B., Heshmati A., Geng Y., Yu X. A Review of the Circular Economy in China: Moving from Rhetoric to Implementation // *Journal of Cleaner Production*. 2013. Vol. 42. P. 215—227. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.11.020

References

- Brütsch, C., & Papa, M. (2013). Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*, 6(3), 299—327. DOI: 10.1093/cjip/pot009
- Downie, C., & Williams, M. (2018). After the Paris Agreement: What Role for the BRICS in Global Climate Governance? *Global Policy*, 9(3), 398—407. DOI:10.1111/1758-5899.12550
- Gebauer, S. (2017). China und andere Schwellenländer. In G. Simonis (Eds.), *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB (pp. 377—397). (In German).
- Gladun, E., & Ahsan, D. (2016). BRICS Countries' Political and Legal Participation in the Global Climate Agenda. *BRICS Law Journal*, 3(3), 8—42. DOI: 10.21684/2412-2343-2016-3-3-8-42
- Gupta, J. (2014). *The History of Global Climate Governance*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139629072
- Hein, W., Betz, J., Eucker, D., Hein, J., Holstenkamp, L., & Neve, B. (2017). Klimapolitik und Entwicklung. In G. Simonis (Eds.), *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB (pp. 397—441). (In German).
- Jahrmarkt, L. (2016). *Internationales Klimaschutzrecht: Der Weg Zu Einem Weltklimavertrag Im Sinne Gemeinsamer, Aber Differenzierter Verantwortlichkeit*. Baden-Baden: Nomos. (In German).
- Kovalev, Yu.Yu. (2018). “Green Economy” and the Ecological Modernization of China's Economy. In N.A. Sluka (Eds.), *On the way to Pax Sinica*. Moscow: Izdatel'stvo MGU im. M.V. Lomonosova publ. (pp. 145—159). (In Russian).
- Larionova, M.V. (2015). South Africa's BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15(1), 125—134. (In Russian).
- Larionova, M.V. (2016). Russian BRICS Presidency: Models of Engagement with International Institutions. *International Organisations Research Journal*, 11(2), 113—139. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113
- Larionova, M.V. (2018). The G20, BRICS and APEC in the System of International Institutions: A Piece of Good News for Global Governance. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 7—33. (In Russian). DOI: 10.17323 / 1996-7845-2018-01-01
- Leal-Arcas, R. (2013). The BRICS and Climate Change. *International Affairs Forum*, 4(1), 22—26. DOI: 10.1080/23258020.2013.824246

- Otto, D. (2017). Entstehung und Ausdifferenzierung des UN-Klimaregimes. In G. Simonis (Eds.), *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB (pp. 260—301). (In German).
- Popova, I.M. (2018). Brazil's 2019 BRICS Presidency: What to Expect from the Start of a New Decade of Cooperation and the J. Bolsonaro's Administration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(4), 925—941. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941
- Reimer, N. (2015). *Schluss-Konferenz. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie*. München: Oecom Verlag. (In German).
- Rusakova, Y.A. (2016). *Problems of International Environmental Security and Search for Diplomatic Ways to Overcome Them at the Present Stage (Case of Contemporary Negotiations on Climate)* [thesis]. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Safonkina, E.A. (2017). India's 2016 BRICS Presidency. *Asia and Africa Today*, (7), 15—20. (In Russian).
- Safonkina, E.A. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: Expanding Cooperation Horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 356—367. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-36
- Schubert, T. (2019). *Eine analytische Betrachtung der Klimapolitik in Südafrika: Instrumente zur Förderung des Ausbaus erneuerbarer Energien*. Stuttgart: Fraunhofer Verlag. (In German).
- Simonis, G. (Eds.). (2017). *Handbuch Globale Klimapolitik*. Paderborn: UTB. (In German).
- Stahl, B. (2020). *Internationale Politik verstehen*. Opladen & Toronto: Verlag Barbara Budrich. (In German).
- Su, B., Heshmati, A., Geng, Y., & Yu, X. (2013). A Review of the Circular Economy in China: Moving from Rhetoric to Implementation. *Journal of Cleaner Production*, (42), 215—227. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.11.020

Сведения об авторах: Ковалев Юрий Юрьевич — кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: yukowaljow@gmail.com).

Поршнева Ольга Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: porshneva@yandex.ru).

About the authors: Kovalev Yuri Yurievich — PhD in Geographical Sciences, Associate Professor, Chair of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: yukowaljow@gmail.com).

Porshneva Olga Sergeevna — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Head, Department of Theory and History of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: porshneva@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90

Научная статья / Research article

Центральноазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции

А.А. Забелла, Е.Ю. Каткова, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Выявляются причины растущего внимания к евразийской идеологии среди политических и научных кругов России, а также интересы Китая в Центральной Азии. В рамках реалистической парадигмы были проанализированы аспекты российской и китайской внешней политики в контексте укрепления влияния в данном регионе. В качестве ведущего нарратива внешнеполитического курса России в Центральной Азии рассмотрена идеология евразийства, основанная на традиционных ценностях. Большое внимание отводится анализу эффективности российской концепции евразийства и китайской политики Шелкового пути в регионе. Используются теоретико-аналитический и системно-исторический подходы, которые позволили проанализировать позиции России и Китая по укреплению своего влияния в Центральной Азии, а также изучить перспективы и проблемы сотрудничества двух стран в регионе. Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс, один путь» рассматривается в качестве способа укрепления российско-китайского взаимодействия, возможности получения больших дивидендов странами Центральной Азии, а также расширения российского и китайского присутствия в регионе. Выделяются сильные и слабые стороны России и Китая в рамках их взаимодействия со странами региона. Подчеркивается, что, хотя российская сторона обладает целым рядом значимых преимуществ, Китай благодаря особой политике в области международного движения капитала усиливает свое присутствие в Центральной Азии. Главная гипотеза состоит в том, что сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» может служить фактором сдерживания конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Азии, однако авторы не исключают шанхайский сценарий, который демонстрирует постепенное усиление позиций Китая.

Ключевые слова: евразийская идеология, Россия, Китай, Центральная Азия, Евразийский экономический союз, «Один пояс, один путь»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Для цитирования: Забелла А.А., Каткова Е.Ю., Шабага А.В. Центральноазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 79—90. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90

Eurasian Concept: Central Asia in Russian and Chinese Foreign Policy

Anastasiya A. Zabella, Evgeniya Yu. Katkova, Andrey V. Shabaga

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article focuses on the reasons for both increasing attention to Eurasian ideology among political and scientific circles in Russia and the Chinese interest in Central Asia. Given a realistic paradigm, the authors analyzed aspects of Russian and Chinese foreign policy in the context of strengthening their influence in the region. Based on traditional values the ideology of Eurasianism is considered as a basis of Russia's foreign policy in Central Asia. The authors paid attention to an analysis of the effectiveness of the Russian concept of Eurasianism

© Забелла А.А., Каткова Е.Ю., Шабага А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and the Chinese initiative “the Belt and Road Initiative”, reminiscent of the Silk Road, in Central Asia. The paper covers theoretical-analytical and systemic-historical methods that offered an opportunity both to analyze the approaches of Russia and China to strengthen their influence in Central Asia and to examine the possibilities and contradictions of cooperation between Russia and China in Central Asia. The authors consider an interface among the EAEU and “the Belt and Road Initiative” as an opportunity to increase the efficiency of Russian-Chinese interaction, to create significant benefits to the countries in the Central Asia, and to expand the Russian and Chinese presence in the region. The authors pointed out the strengths and weaknesses of Russia and China in their interaction with the countries of Central Asia. Although Russia enjoys significant advantages, China is strengthening its presence in the region by its investments. The main hypothesis of this article is that the interface among the EAEU and “the Belt and Road Initiative” initiatives may curb competition between Russia and China in Central Asia, but the authors do not rule out the Shanghai scenario, which demonstrates a gradual strengthening of China’s position.

Key words: Eurasian ideology, Russia, China, Central Asia, Eurasian Economic Union, “the Belt and Road Initiative”

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00165).

For citation: Zabella, A.A., Katkova, E.Yu., & Shabaga, A.V. (2021). Eurasian Concept: Central Asia in Russian and Chinese Foreign Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 79—90. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90

Введение

Сто лет назад основатели евразийского движения утверждали, что с течением времени коммунистическая идеология в России ослабнет и на смену ей придет евразийство [Флоровский 1998: 316, 317].

Прошли годы, и, надо признать, их предсказание в определенном смысле сбылось. В России нет идеократического режима и демократической формы самоорганизации общества, о которых писали евразийцы, но на уровне идеологии евразийская концепция постепенно входит в сознание и, в особенности, в политическое сознание. Окончательно феномен проявился, когда в начале XXI в. возникла необходимость в формировании нового внешнеполитического курса. В 2012 г. президент России В.В. Путин отметил: «Евразийство — традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически перекочевало в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы»¹.

¹ Путин В.В. Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия» // Правительство

На общеполитической дискуссии 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отмечая губительные последствия фрагментации мировой политики и экономики, министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Гармонизация построения интеграционных процессов — это философия, которая лежит в основе инициативы В.В. Путина о формировании Большого евразийского партнерства с участием стран — участниц ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и всех государств Евразии, включая членов ЕС». По мнению министра иностранных дел России, «последовательное сопряжение ЕАЭС и инициативы “Один пояс, один путь” (ОПОП) позволит не только повысить динамику экономического роста, но и заложит добротный фундамент для построения пространства мира, стабильности и сотрудничества от Лиссабона до Джакарты»².

Истоки евразийской концепции и современные проблемы евразийской интеграции

России. 24.04.2012. URL: <http://archive.government.ru/docs/18763/> (дата обращения: 22.11.2020).

² Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк // Посольство России в Китае. 28.09.2019. URL: <http://www.russia.org.cn/ru/news/vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-obshhepoliticheskoy-diskussii-74-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-nyu-jork/> (дата обращения: 14.12.2020).

сегодня являются актуальной темой исследования ввиду повышенного интереса к данной проблематике со стороны российской политической элиты. Кроме того, Россия в отношениях с сопредельными странами в последние десятилетия сталкивается с сильной конкуренцией со стороны других могущественных держав, в частности США и КНР [Brzezinski 2016]. В связи с возрастающим интересом Китая к постсоветскому пространству аспекты евразийской концепции России, ее отношения с сопредельными странами, а также «китайский фактор» в Центральной Азии получили широкое освещение в российских, китайских и западных научных кругах.

Среди фундаментальных работ, посвященных истокам евразийской идеологии, следует выделить монографии А. Гумбольдта [1915], К.Н. Леонтьева [2000] и П.И. Савицкого [1997]. Более современные исследования по данной проблематике включают труды В.И. Ламанского [2010], В.А. Никонова [2015] и коллективную статью У.Э. Батлера, М.Л. Энтина, Е.Г. Энтиной и Е.А. Торкуновой [Butler, Entin, Entina, Torkunova 2020].

Подробный анализ проблем формирования нового мирового порядка, а также политики России в рамках данной проблематики содержится в работах А. Королева [Korolev 2020], М.М. Лебедевой [2020], А.В. Лукина [2015], коллективной статье сотрудников Института Дальнего Востока РАН А.Е. Савченко и И.Ю. Зуенко [2020], а также в коллективной статье сотрудников МГИМО МИД России А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова и Е.В. Колдуновой [2020].

Следует отметить, что обсуждение тематики «поворота» России на Восток, начавшееся в 2012 г., не теряет своей актуальности. В частности, концептуализации данной политики, ее вызовам и угрозам посвящен сборник докладов Валдайского клуба [К Великому океану... 2019]. Однако самое пристальное внимание сегодня обращено к китайской инициативе «Один пояс, один путь», которая стала центральным элементом исследования китайских и российских авторов П. Цая [Cai 2017], Е. Мина [Ye 2015], Чжао Хуна [Zhao Hong 2016], Чэн Го, Чен Лу, Д.А. Дегтерева, Чжао Цзелин [Cheng, Chen, Degterev, Zhao 2019].

В связи успешностью китайской инициативы в последнее время начали появляться работы, посвященные сопряжению ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», например статьи Л.Б. Аристовой и Н.К. Семеновой [2019], А.В. Лукина [2020], И.А. Макарова и А.К. Соколовой [2016], Чжао Хуашэна [Zhao Huasheng 2018] и т. д.

В исследовании применяются теоретико-аналитический и системно-исторический подходы. С целью проведения более глубокого анализа потенциала применения российской концепции евразийства в современных реалиях авторами дан краткий обзор теоретических подходов к идее Большой Евразии и места России в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, а также обозначены ключевые проблемы и угрозы политики России в отношениях со странами региона. Особое внимание уделено политике Китая в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь», а также вопросам возможного усиления конкуренции между двумя странами в условиях повышения внимания Пекина к данному региону.

Теоретические подходы

Большое евразийское партнерство — это, во-первых, каркас геополитического и геоэкономического взаимодействия государств-участников с непротиворечащим геоидеологическим мышлением. Цель проекта заключается в политическом, экономическом и культурном возрождении государств-участников.

Во-вторых, «поворот» России на Восток зачастую рассматривается сквозь призму трех процессов:

- 1) участия России в глобальном соперничестве за реконфигурацию мира;
- 2) реализации Россией стратегии по реинтеграции постсоветского пространства;
- 3) выстраивания Россией альтернативных западному направлению политико-экономических связей [Савченко, Зуено 2020: 113].

По мнению члена законодательного собрания Раджастан (Индия) Раджа Кумара, «большое евразийское партнерство олицетворяет разочарование российской стороны, связанное с ее усилиями в рамках интеграции с

Европой, которое подтолкнуло Россию на Восток, а также является попыткой Москвы защитить свои экономические интересы и интересы в сфере безопасности»³.

Как отмечает ведущий российский востоковед, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) МГИМО МИД России А.В. Лукин, «ухудшение отношений с Западом стало ценой, которую Москва платит за собственную независимость, но ее экономический базис пока вряд ли достаточен для ее обеспечения. Вопрос экономической эффективности заставляет обратить внимание и на то, как наладить более тесные экономические связи в Азии, способствующие ускоренному развитию России» [Лукин 2020: 54].

Впрочем, следует отметить, что сегодня наблюдаются не только трансформация Вестфальской системы и системы межгосударственных отношений, но и значительные «повороты» в политических системах многих государств на рубеже XX—XXI столетий: Восточной Европы, государств постсоветского пространства, Ближнего Востока, Латинской Америки [Лебедева 2020: 31]. Как нам представляется, в этой связи актуальность приобретает «поворот» Китая на Запад, в частности экономический, путем продвижения инициативы «Один пояс, один путь».

Введенные Западом санкции способствовали как теоретической проработке внешнеполитического курса России в формат, приближающий его к евразийству, так и переводу политических решений в практическую плоскость, соотносящуюся с его концептуальной интенцией. Предполагается, что наблюдаемые сейчас аксиологические расхождения между Россией и коллективным Западом, проявляющиеся в «повороте на Восток», находят теоретическое обоснование, прежде всего, в евразийской идее, основным посылом которой было отрицание западных ценностей.

³ Raj Kumar S. Russia's Greater Eurasian Partnership is an Opportunity for India // The Economic Times. 06.10.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/etcommentary/russias-greater-eurasian-partnership-is-an-opportunity-for-india/> (accessed: 23.11.2020).

В данном контексте интересно, что евразийские проекты начала 30-х гг. XX в. и современные неоевразийские проекты объединяет призыв к социальной симфонии. Под симфонией подразумевается, с одной стороны, духовность общества, ориентированная главным образом на сохранение традиционных ценностей, а с другой — построение государственно-частной системы хозяйства, гарантирующей подлинное обеспечение интересов трудящихся [Евразийство: декларация, формулировка... 1932: 2]. По мнению авторов, в настоящее время к построению общества такого типа стремится большинство азиатских государств. Кроме России эти представления распространены в Китае и большей части стран Центральной Азии (ЦА).

Место Центрально-Азиатского региона, сообразно смыслу высказываний предтечи евразийства В.И. Ламанского, состоит в том, чтобы соединять Россию с «собственно азиатским миром» [Ламанский 2010: 263]. Особо отметим, что ученый определял Евразию не столько географически, сколько политически. В силу этого известная ценностная общность, присущая населению этого региона, находит сегодня свое проявление в политическом единении в рамках Евразийского экономического союза. Подчеркнем также вхождение большинства центральноазиатских стран в ШОС, где Россия и Китай играют важную роль. Эти две страны охватывают половину пространства евразийского материка, представляя собой ядро интегрирующейся Евразии.

Интеграционные процессы, охватившие азиатский мир в XX в., в значительной степени проявились в двух проектах: британском (колониальном) и советском (коммунистическом). Попытка Японии создать путем военной экспансии Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания оказалась на редкость неудачной. Британский (в рамках Британской Индии) и советский (на севере Евразии) интеграционные проекты были успешнее, но завершились, не пройдя испытание на аксиологическую валидность. Переход британского проекта в Содружество наций⁴ знаменовал

⁴ Рассматривается его азиатская часть — Индия, Пакистан, Бангладеш и Мьянма.

новый поворот, сообразно которому западные ценности, прежде довлевшие над населением и элитами стран Южной Азии, перестали считаться универсальными. В этих условиях значительно больше внимания стали уделять традиционным устоям.

Советский проект, как представляется, оказался более устойчив, причем именно в азиатской части Евразии. В то время как бывшие союзные республики европейской части либо осуществили явный выбор в пользу западноевропейского интеграционного процесса, либо колебались относительно возможности его принятия, центральноазиатские республики выбрали иной путь, фактически антизападный, главными акторами которого являются Россия и Китай.

Оба эти государства подвергают сомнению право Запада на гегемонию в масштабе Земного шара, и в особенности на евразийском пространстве, официально заявляя о своей приверженности многополярности [Никонов 2015: 404].

В рамках российского политического мировосприятия складывающаяся в последнее время дружба России и Китая в противовес Западу проще всего описывается в рамках евразийского дискурса. Российская парадигма позволяет включить Китай в евразийское пространство, поскольку один из главнейших основателей евразийства П.Н. Савицкий еще в 1933 г. предусмотрительно различил Евразию в целом и Россию-Евразию. Он сделал это в духе немецкого ученого А. Гумбольдта [Гумбольдт 1915: 59, 60], введя разделение евразийского пространства на Евразию в строгом смысле (*Eurasia in sensu strictu*) и Евразию в широком смысле (*Eurasia in sensu latiore*) [Савицкий 1997: 511]. Такого рода разграничение дает возможность для теоретического маневра россиянам, но не является достаточно убедительным для китайцев, для которых геополитика начинается, а возможно, и заканчивается китаеццентричной концепцией Тянься, что в российской политической науке может быть соотнесено лишь с российской историософской концепцией «Москва — Третий Рим».

Политика России в отношении стран Центральной Азии в контексте евразийства

Для Центральной Азии концепция евразийства открыла хорошие возможности, что не преминули использовать исследователи и политические деятели этого региона. Первым заявил о важности объединения бывших советских республик на базе евразийской идеологии президент Казахстана Н.А. Назарбаев. По его мнению, важные составляющие евразийства включают в себя:

- 1) экономический прагматизм;
- 2) добрую волю;
- 3) равенство, невмешательство в дела друг друга, уважение суверенитета и территориальной целостности;
- 4) создание наднациональной структуры, принимающей решения на основе консенсуса⁵.

Эти идеи легли в основу подписанного 6 января 1995 г. Соглашения о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, а затем — Соглашения о Таможенном союзе (ТС) России, Белоруссии и Казахстана. Позже, в 1996 г., к ТС присоединилась Киргизия, что впоследствии привело к трансформации Таможенного союза в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и в дальнейшем — в Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС). Данное объединение, в первую очередь, базируется на доброй воле участников, общем историческом прошлом, а также евразийской идеологии.

Именно евразийская идеология стала важным компонентом российской внешней политики в отношении государств Центральной Азии в XXI в.⁶ Здесь важно подчеркнуть, что евразийство апеллирует к исторической преемственности и ценностной близости, и именно это увеличивает значимость евразийства как идеологического течения в

⁵ Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 25.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 22.11.2020).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 30.11.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 01.09.2020).

Центрально-Азиатском регионе. Из этого следует, что евразийская идентичность России дает возможность как ей, так и региональным государствам обеспечивать непрерывное развитие своих этносов, сохраняя, таким образом, свою идентичность в единстве многообразия.

На основе такого понимания был создан геополитический конструкт Большого евразийского партнерства (Большая Евразия), который был провозглашен в 2016 г. лидерами России и Казахстана в качестве внешнеполитической основы обоих государств с возможностью подключения к этому партнерству других евразийских государств⁷. И хотя концептуальное понимание евразийства у лидеров России и Казахстана различается — каждый в неявной форме высказывает идею особой значимости своей страны⁸, на политическом уровне оба государства демонстрируют решимость воплотить в жизнь политическую и экономическую интеграцию стран Центрально-Азиатского региона.

У входящей в ЕАЭС Киргизии на евразийских идеях основывает свою политическую деятельность партия «Биримдик»⁹. Из других центральноазиатских государств наибольшую заинтересованность в сотрудничестве в рамках евразийского партнерства проявляет Узбекистан. 11 мая 2020 г. на заседании верхней палаты узбекского парламента принято постановление о вхождении в ЕАЭС в качестве наблюдателя. По данным опроса, проведенного в 2020 г. Центром экономических исследований и реформ при админи-

страции президента Узбекистана, 74 % анонимно опрошенных граждан выступают за вхождение страны в ЕАЭС¹⁰.

Что касается Таджикистана, он занимает особую позицию. Несмотря на то что страна была одной из основательниц ЕвразЭС, в преемственную ей организацию Душанбе вступать не спешит. Причины заключаются в недостаточно устойчивом характере его двусторонних связей с другими центральноазиатскими республиками [Попов 2020: 102, 117], хотя, согласно концепции внешней политики 2015 г., для Таджикистана отношения с этими странами являются вторыми по значению после России¹¹. При этом необходимо отметить, что затем по степени значимости указываются государства СНГ и Китай.

Всеобъемлющее большое евразийское партнерство становится привлекательным для большинства потенциальных участников, так как в его основе лежат такие принципы, как «невмешательство во внутренние дела и суверенное равенство государств, недопустимость дестабилизации конституционного строя и законно избранных властей, уважительное отношение к культурным традициям и цивилизации» [Butler, Entin, Entina, Tokkunova 2020: 18].

Один из видных идеологов евразийства К.Н. Леонтьев, на чьи взгляды ориентировались многие представители этого движения, протестуя против навязывающего индивидуализм эгалитарного либерализма, выступал за «нововосточную культуру», противостоящую, по его мнению, разрушающему культуру западному утилитаризму [Леонтьев 2000: 426, 427]. Разумеется, этическая критика К.Н. Леонтьева, воспринятая и творчески переработанная евразийцами первой волны, задает лишь интенцию для их наследников на

⁷ Кофнер Ю. Теория евразийской интеграции. I // Российский совет по международным делам. 31.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34501/> (дата обращения: 22.11.2020).

⁸ Назарбаев Н.А. От идеи Евразийского союза — к новым перспективам евразийской интеграции. Выступление Первого Президента — Елбасы Н.А. Назарбаева в Московском университете имени М.В. Ломоносова 28 апреля 2014 года // 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). Нур-Султан, 2019. С. 40.

⁹ «Биримдик» озвучила свою политическую идеологию // Вечерний Бишкек. 06.02.2020. URL: https://www.vb.kg/doc/385204_birimdik_ozvychila_svou_politicheskyu_ideologiu.html (дата обращения: 22.11.2020).

¹⁰ Бурханов А. Узбекистан вступит в ЕАЭС: альтернативы нет // EurAsia Daily. 03.09.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/09/03/uzbekistan-vstupit-v-caes-alternativy-net> (дата обращения: 22.11.2020).

¹¹ Концепция внешней политики Республики Таджикистан, утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332 // МИД Республики Таджикистан. 27.01.2015. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 23.11.2020).

объединение стран Центральной и Восточной Евразии. В настоящее время она воспринимается в контексте реалистической парадигмы, учитывающей прежде всего баланс сил и интересов основных акторов Центрально-Азиатского региона.

Китайский подход к евразийству и странам Центральной Азии

Несмотря на увеличивающееся внимание КНР к странам Центральной Азии, важно отметить, что у китайской стороны нет разработанной стратегии в отношении Евразии в целом. Скорее, данная стратегия находится пока в процессе формирования. Безусловно, Китай ищет свою нишу в регионе с учетом своего растущего экономического влияния на развитие мира. Китайское руководство большое внимание уделяет происходящим изменениям в балансе сил в Евразии и понимает необходимость формирования евразийской политики, в том числе принимая во внимание современное состояние отношений между Россией и западными партнерами. Несомненно, китайское руководство особенно воспринимает евразийскую политику в контексте возрастающей конкуренции со стороны США. Здесь следует отметить, что многие американские авторы — сторонники внешнеполитического реализма — рассматривают сближение России и Китая в качестве угрозы собственным национальным интересам, а Евразию — в качестве «важного аспекта глобальной геостратегии США» [Brzezinski 2016: 41].

Тем не менее нельзя отрицать существенное влияние Китая на страны ЦА, а также на весь евразийский регион, что в будущем может негативно отразиться на позициях России в регионе. Здесь, прежде всего, следует говорить о возможном вытеснении российских позиций в будущем со стороны Китая ввиду невозможности предоставления российской стороной тех «благ», которые сулит странам ЦА взаимодействие с Китаем. Геополитическая стабильность на просторах Евразии также в немалой степени зависит от китайской стороны.

Таким образом, для китайского руководства становится очевидной важность усиления

роли страны на пространстве Евразии. Примечательно, что Пекин делает особый акцент на государственно-цивилизационное понимание международной повестки дня, формирование многополярного мира и уход от американоцентричного однополярного миропорядка. И этот подход сближает позиции России и Китая как на глобальном уровне, так и в евразийском измерении. В этом смысле Центрально-Азиатский регион является пространством, где инициативы двух стран проходят проверку на совместимость.

Возможности расширения российско-китайского сотрудничества на пространстве Центрально-Азиатского региона, в первую очередь, предопределены тем, что оба государства находят евразийскую политику США и стран Запада угрожающей их национальным интересам и геополитическим амбициям. Растущее внимание западных партнеров в отношении центральноазиатских стран вынуждает Россию и Китай привлекать существенные политические и финансовые ресурсы для усиления своих позиций. Географическая близость стран ЦА как к Российской Федерации, так и Китайской Народной Республике, а также особое отношение китайского руководства к синьцзян-уйгурской проблематике определяет заинтересованность сторон в сохранении стабильности в регионе. Необходимость обеспечения региональной безопасности становится единой задачей для России и Китая.

Ввиду того что на региональную политику накладывает отпечаток сложная внутривнутриполитическая обстановка в Афганистане, стороны считают необходимым сотрудничать по вопросам безопасности, а том числе в рамках ШОС. По мнению А.В. Лукина, «отказ от экономического сотрудничества с Китаем в Центральной Азии усилит отставание и России, и Китая как торгового-экономических партнеров государств региона от внерегиональных игроков, в первую очередь от ЕС и его отдельных членов» [Лукин 2015: 464]. Таким образом, объективно теория «китайской угрозы» [Broomfield 2003: 265, 266] в Центральной Азии приведет к укреплению позиций Запада [Лукин 2015: 464].

Рассматривая экономический и финансовый аспект, необходимо отметить, что Россия постоянно оказывает помощь центральноазиатским государствам, считая ее политически необходимой. По словам В.В. Путина, Россия «оказывает Киргизии значительную помощь в выделении кредитных средств и вхождении как раз в пространство Евразийского экономического союза»¹².

Хотя Россия уступает Китаю место ведущего инвестора в страны Центральной Азии, она не дает ему возможности сменить себя в качестве политического лидера в регионе. В сфере финансов это выражается в том, что, в отличие от Китая, Россия периодически списывает долги центральноазиатским государствам, что, однако, можно рассматривать в качестве сомнительного способа удержания своих позиций.

В укреплении позиций Китая в Центрально-Азиатском регионе важную роль играет инициатива «Один пояс, один путь». По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, «сегодня инициатива “Один пояс, один путь”, Евразийский экономический союз и другие инициативы значительно расширили межцивилизационные обмены и взаимное обучение»¹³.

Шелковый путь предоставляет Китаю уникальную платформу для реализации своего геокультурного преимущества как цивилизационного государства [Winter 2020: 17]. При этом данная инициатива — это не соло в исполнении Китая, а симфония с участием всех стран, расположенных вдоль маршрута. Это, в частности, ансамбль Китая и Европы, рука об руку работающих на большом евразийском рынке¹⁴. Ряд экспертов ожидают,

¹² Путин В.В. О ситуации в Киргизии // Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике. 07.10.2020. URL: https://kyrgyz.mid.ru/novosti/-/asset_publisher/IOOK5cWypndN/content/id/29327929 (дата обращения: 22.11.2020).

¹³ Xi Jinping's addresses conference on dialogue of Asian Civilizations // Beijing Review. 26.06.2019. URL: http://www.bjreview.com/Beijing_Review_and_Kings_College_London_Joint_Translation_Project/2019/201906/t20190626_800171719.html (accessed: 14.12.2020).

¹⁴ Шпангер Х.-Й. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на

что тщательная координация усилий и гибкие стратегии соответствующих стран инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» позволят сформировать третью ось экономического сотрудничества на евразийском континенте, помимо оси Атлантического и Тихоокеанского экономического сотрудничества в глобальном масштабе [Cheng, Chen, Degterev, Zhao 2019: 85].

Особое место во внешнеполитических приоритетах Китайской Народной Республики отводится реализации инициативы «Один пояс, один путь», которая является своего рода «дорожной картой» последующей внешнеполитической стратегии Китая. По оценкам китайских ученых, данная инициатива становится «основой китайской региональной дипломатии» [Ye 2015: 207] и включена в качестве определяющего элемента 13-го пятилетнего плана Всекитайского Собрания народных представителей (2016—2020 гг.). По мнению кандидата политических наук, сотрудника Института востоковедения РАН Н.К. Семеновой и кандидата экономических наук, сотрудника Института востоковедения РАН Л.Б. Аристовой, «одно из ключевых слов в китайском опыте развития в нынешнем веке — инфраструктура, и именно вокруг этого понятия выстроен проект пояса и пути. Идея придания новых импульсов экономическому развитию за счет инфраструктурного толчка в принципе не нова, но для внутриконтинентальных районов Евразии она неизменно актуальна» [Аристова, Семенова 2019: 14].

По мнению китайского ученого Чжан Юньлина, экс-президента Ассоциации Азиатско-Тихоокеанских исследований Китайской Академии общественных наук, «целью ОПОП является создание платформы для будущего международного сотрудничества на основе различных инициатив Китая»¹⁵.

Шелковом пути // Международный дискуссионный клуб Валдай. Май 2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22146/> (дата обращения: 22.11.2020).

¹⁵ Zhang Y. One Belt, One Road: A Chinese View // Global Asia. 2015. Vol. 10. No. 3. URL: https://www.globalasia.org/v10no3/cover/one-belt-one-road-a-chinese-view_zhang-yunling (accessed: 23.11.2020).

Официальная позиция Китая заключается в том, что инициатива «Один пояс, один путь» — это приглашение к экономическому сотрудничеству, а вовсе не инструмент геополитики. Она не направлена против какой-либо конкретной страны, а выступает полезным дополнением к существующим международным и региональным структурам [Zhao Hong 2016: 4].

Без активного участия России парадигма ОПОП потерпит серьезное поражение, что нанесет ущерб не только интересам Китая, но и России, поскольку ее невключение может привести к серьезным стратегическим потерям для самой российской стороны, в первую очередь, из-за институционализированной многосторонней структуры ОПОП, которая позволяет Москве использовать множество политических и экономических ресурсов для взаимодействия как с Европой, так и Азией [Yilmaz, Liu 2019: 273].

Инициатива «Один пояс, один путь» нацелена не только на развитие северо-запада Китая, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района, но и на получение доступа к ресурсам государств Центральной Азии. В большей степени инвестиции Китая в странах ЦА приходятся на такие сферы экономики, как топливно-энергетический комплекс, а также на инфраструктуру, строительство, сборочное производство и сельское хозяйство¹⁶. Следует также упомянуть, что в условиях перепроизводства и избыточных производственных мощностей китайская сторона проявляет заинтересованность в переносе китайских предприятий на территорию центральноазиатских государств. При этом реализация инфраструктурных проектов в развивающихся странах позволяет сохранить доход китайских строительных фирм [Макаров, Соколова 2016: 50]. В то же время перенос трудоемких производств за границу поднимает проблему трудоустройства непосредственно самого китайского населения в стране [Cai 2017: 14].

¹⁶ China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. 2020. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 20.09.2020).

Хотя Российская Федерация и Китайская Народная Республика заинтересованы в сохранении региональной безопасности, их собственные подходы к данной проблематике различаются. Так, российская сторона видит необходимым укрепление военной составляющей стран ЦА ввиду нестабильной ситуации в Афганистане, а также в странах Ближнего и Среднего Востока. Китайская сторона, напротив, считает важным экономический рост в государствах региона. Однако очевидно, что в процессе евразийской интеграции как Россия, так и Китай рассматривают страны Центральной Азии с позиции торгового или транзитного коридора, что, безусловно, будет влиять на узкую направленность инвестиций, предполагающую приоритетность вложений в развитие инфраструктуры, а не промышленности.

Россия и Китай заинтересованы как в укреплении своего влияния в регионе, так и расширении сфер сотрудничества, а также в недопущении других сильных игроков в Центрально-Азиатский регион. Данное стремление находит свое подтверждение в Совместном заявлении сторон о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового Пути¹⁷, а также в Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой — с другой¹⁸.

Более тесное взаимодействие между Китаем и Россией может также ускорить слияние их флагманских геополитических проектов, таких как ОПОП и ЕАЭС, которые

¹⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 23.11.2020).

¹⁸ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. 25.10.2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20орусский%20%28ЕАЕУ%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

могут стратегически изменить евразийское пространство, а более тесные отношения между российской и китайской сторонами сузят кооперацию между Россией и США, Китаем и США по вопросам, имеющим решающее стратегическое значение для Вашингтона [Kogolev 2020: 787].

В политической сфере российская сторона находится в более выигрышном положении. Культурные связи между Российской Федерацией и странами Центральной Азии также положительно влияют на динамику сотрудничества. Невзирая на наличие у России целого ряда сильных сторон в экономической сфере, Москва не может рассчитывать на реальный успех в инвестиционной, финансовой, торговой конкуренции с Пекином в ЦА. Авторы полагают, что расширение геополитических интересов Китая в Центральной Азии в обозримом будущем не повлияет на позиции России в данном регионе. Несмотря на то что обе стороны преследуют собственные национальные интересы, все же Российская Федерация и Китайская Народная Республика в большей степени заинтересованы в сохранении текущего внутривосточного и внутриэкономического положения в регионе.

Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути — одна из наиболее перспективных концепций сотрудничества. Задачей сопряжения является создание синергии двух проектов и формирование вокруг транспортно-логистического евразийского каркаса нового пространства совместного развития [К Великому океану... 2019: 223].

Применительно к российско-китайским отношениям концепция Большой Евразии может создать платформу, которая позволит избежать конкуренции между Российской Федерацией и Китайской Народной Респуб-

ликой. Однако, по мнению авторов, это также крайне сомнительно. Китайская сторона уже играет ведущую роль в ШОС, аналогичная ситуация, вероятно, будет наблюдаться и в случае с Большой Евразией.

Ставя своей целью превращение Евразии в один из центров мировой экономики и политики, концепция Большой Евразии имеет большую привлекательность для менее развитых или менее крупных стран региона, позволяя им ускорить свое развитие, оставаясь в рамках неконфронтационной парадигмы [Торкунов, Стрельцов, Колдунова 2020: 20].

По мнению профессора Фуданьского университета (КНР) Чжао Хуашэна, «большое евразийское сотрудничество не только отвечает интересам Китайской Народной Республики, но и придаст новый импульс развитию китайско-российского взаимодействия» [Zhao Huasheng 2018: 81]

Заключение

Что касается концептуального оформления российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии в контексте идеи Большой Евразии, оно пока находится в состоянии эвентуального возникновения. Дополнит ли евразийскую политическую концепцию коммуникационно-экономическая концепция «Один пояс, один путь», пока неясно. Вместе с тем очевидно, что они уже сейчас комплементарны друг другу в плане противостояния — политического и экономического соответственно — влиянию западных стран как на Евразию в целом, так и на Центральную Азию в особенности. И как бы ни определились в дальнейшем их концептуальные интенции, внешнеполитическое значение обеих стратегий в регионе несомненно.

Поступила в редакцию / Received: 15.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 11.01.2021

Библиографический список

- Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Россия и Китай в Евразии: транспортные измерения безопасности: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2019.
- Гумбольдт А. Центральная Азия. Т. 1. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1915.
- Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага: Изд. Евразийцев, 1932.

- К Великому океану: хроника поворота на Восток: сборник докладов Валдайского клуба / науч. ред. Т.В. Бордачев. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019.*
- Ламанский В.И.* Геополитика панславизма / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
- Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 24—35. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03
- Леонтьев К.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2000.
- Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). М.: Международные отношения, 2015.
- Лукин А.В.* Россия и Китай в Большой Евразии // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 46—59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04
- Макаров И.А., Соколова А.К.* Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 2. С. 40—57.
- Никонов В.А.* Код цивилизации. Что ждет Россию в мир будущего. М.: Эксмо, 2015.
- Попов Д.С.* Государства Центральной Азии во внешней политике Республики Таджикистан: проблемы и динамика взаимоотношений // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 4 (61). С. 102—120.
- Савицкий П.И.* Географические и геополитические основы евразийства // *Основы геополитики / под ред. А. Дугина. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1997. С. 294—298.*
- Савченко А.Е., Зуенко И.Ю.* Движущие силы российского поворота на Восток // *Сравнительная политика*. 2020. № 11. С. 111—125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009
- Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В.* Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 8—21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02
- Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
- Broomfield E.V.* Perceptions of Danger: The China Threat Theory // *Journal of Contemporary China*. 2003. No. 12 (35). P. 265—284. DOI: 10.1080/1067056022000054605
- Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 2016.
- Butler W.E., Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A.* Greater Eurasia: In Search of a Legal Order // *Polis. Political Studies*. 2020. No. 4. P. 9—23. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.02
- Cai P.* Understanding China's Belt and Road Initiative. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2017.
- Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J.* Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Korolev A.* How Closely Aligned Are China and Russia? Measuring Strategic Cooperation in IR // *International Politics*. 2020. No. 57. P. 760—789. DOI: 10.1057/s41311-019-00178-8
- Winter T.* Geocultural Power: China's Belt and Road Initiative // *Geopolitics*. 2020. 1—24. DOI: 10.1080/14650045.2020.1718656
- Ye M.* China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road // *Asian Security*. 2015. Vol. 11. No. 3. P. 206—224. DOI: 10.1080/14799855.2015.1109509
- Yilmaz S., Liu C.* Remaking Eurasia: The Belt and Road Initiative and China — Russia Strategic Partnership // *Asia Europe Journal*. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 259—280. DOI: 10.1007/s10308-019-00547-1
- Zhao Hong.* Trends in Southeast Asia: China's One Belt One Road: An Overview of the Debate. Singapore: Mainland Press, 2016.
- Zhao Huasheng.* Greater Eurasian Partnership: China's Perspective // *China International Studies*. 2018. No. 68. P. 68—84.

References

- Aristova, L.B., & Semenova, N.K. (2019). *Russia and China in Eurasia: Transport Security Dimensions*. Part 1. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Bordachev, T.V. (Eds.). (2019). *Towards the Great Ocean: A Chronicle of the Turn to the East: collection of reports of the Valdai Club*. Moscow: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" publ. (In Russian).
- Broomfield, E.V. (2003). Perceptions of Danger: The China Threat Theory. *Journal of Contemporary China*, 12(35), 265—284. DOI: 10.1080/1067056022000054605

- Brzezinski, Z. (2016). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Butler, W.E., Entin, M.L., Entina, E.G., & Torkunova, E.A. (2020). Greater Eurasia: In Search of a Legal Order. *Polis. Political Studies*, (4), 9—23. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.02
- Cai, P. (2017). *Understanding China's Belt and Road Initiative*. Sydney: Lowy Institute for International Policy.
- Cheng, G., Chen, L., Degterev, D.A., & Zhao, J. (2019). Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Eurasianism: Declaration, Formulation, Theses*. (1932). Prague: Izd. Evraziytssev publ. (In Russian).
- Florovsky, G. (1998). *Out of the Past Russian Thought*. Moscow: Agraf publ. (In Russian).
- Humboldt, A. (1915). *Central Asia*. Vol. 1. Moscow: Tipolitografiya t-va I.N. Kushnerev i Ko publ. (In Russian).
- Korolev, A. (2020). How Closely Aligned Are China and Russia? Measuring Strategic Cooperation in IR. *International Politics*, (57), 760—789. DOI: 10.1057/s41311-019-00178-8
- Lamansky, V.I. (2010). *Geopolitics of Pan-Slavism*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii publ. (In Russian).
- Lebedeva, M.M. (2020). New World Order: Parameters and Possible Contours. *Polis. Political Studies*, (4), 24—35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03
- Leontyev, K. (2000). *The Average European as an Ideal and a Weapon of Worldwide Destruction*. Moscow: AST, AST Moskva, Khranitel' publ. (In Russian).
- Lukin, A.V. (2015). *Rising China and the Future of Russia (Works on China and Russian-Chinese Relations)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Lukin, A.V. (2020). Russia and China in Greater Eurasia. *Polis. Political Studies*, (5), 46—59. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04
- Makarov, I.A., & Sokolova, A.K. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *International Organizations Research Journal*, 11(2), 40—57. (In Russian).
- Nikonov, V.A. (2015). *Civilization Code. What Awaits Russia in the Future World*. Moscow: Eksmo publ. (In Russian).
- Popov, D.S. (2020). Tajikistan's Foreign Policy Dealing with the Central Asian Countries: Issues and Dynamics of Relations. *Problems of National Strategy*, (4), 102—120. (In Russian).
- Savchenko, A.E., & Zuenko, I.Y. (2020). The Driving Forces of Russia's Pivot to East // *Comparative Politics Russia*, (11), 111—125. (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009
- Savitsky, P.I. (1997). Geographic and Geopolitical Foundations of Eurasianism. In A.G. Dugin (Eds.), *Fundamentals of Geopolitics*. Moscow: ARKTOGEYa-tsentr publ. (pp. 294—298). (In Russian).
- Torkunov, A.V., Streltsov, D.V., & Koldunova, E.V. (2020). Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects. *Polis. Political Studies*, (5), 8—21. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02
- Winter, T. (2020). Geocultural Power: China's Belt and Road Initiative. *Geopolitics*, 1—24. DOI: 10.1080/14650045.2020.1718656
- Ye, M. (2015). China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road. *Asian Security*, 11(3), 206—224. DOI: 10.1080/14799855.2015.1109509
- Yilmaz, S., & Liu, C. (2019). Remaking Eurasia: The Belt and Road Initiative and China — Russia Strategic Partnership. *Asia Europe Journal*, 18(3), 259—280. DOI: 10.1007/s10308-019-00547-1
- Zhao, Hong. (2016). *Trends in Southeast Asia: China's One Belt One Road: An Overview of the Debate*. Singapore: Mainland Press.
- Zhao, Huasheng. (2018). Greater Eurasian Partnership: China's Perspective. *China International Studies*, (68), 68—84.

Сведения об авторах: Забелла Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: zabella-aa@rudn.ru).

Каткова Евгения Юрьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: katkova-eyu@rudn.ru).

Шаблага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: shabaga-av@rudn.ru).

About the authors: Zabella Anastasiya Aleksandrovna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: zabella-aa@rudn.ru).

Katkova Evgeniya Yur'yevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: katkova-eyu@rudn.ru).

Shabaga Andrey Vladimirovich — Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: shabaga-av@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Научная статья / Research article

«Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России

А.А. Ирхин, О.А. Москаленко

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Внешнеполитическая активность Р.Т. Эрдогана показывает, что современная модель мирового порядка уже не удовлетворяет видению ближайшего будущего Турецкой Республики. «Мир больше пяти» — формула, предлагаемая первым лицом Турции с 2013 г. Однако Анкара меняет мир не только на эмоциональном уровне — по крайней мере, в нескольких ключевых регионах, но и на уровне воздействия на него через «жесткую и мягкую силу»: Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Черноморский регион, Кавказ и Центральная Азия. Авторы рассматривают основные показатели турецкой «мягкой» и «жесткой силы»: военный, экономический, технологический факторы и фактор притягательности широкой массовой культуры — с целью определить геополитические возможности Турции в качестве влиятельного глобального актора в ближайшей исторической перспективе и выявить последствия приобретения такого статуса для двусторонних российско-турецких отношений. Были применены геополитический, цивилизационный и системный подходы с требуемым в каждом случае набором методов для решения конкретной исследовательской задачи. Исследование осуществлено в рамках парадигмы классической и критической геополитики. За время нахождения у власти Партии справедливости и развития умеренные исламисты дали стране новый импульс развития, который можно охарактеризовать как возвращение к своим цивилизационным корням. Государство сделало заметные успехи в развитии экономики, военно-промышленного комплекса, армии и флота и позиционировании себя в мире как защитника всех мусульман. Современную Турцию можно определить как великую региональную державу с секторальным глобальным лидерством в военных показателях и в области притягательности модели развития — успешного мусульманского государства. Анкара инвестирует значительные средства в «мягкую силу», а ее успех основывается на существовании турецкой идеологии развития как синтеза неоосманских, неопантюркистских и панисламистских идей в определении картины будущего. Возрождение Турции в качестве региональной державы и ее стремление стать мировой державой неизбежно будет увеличивать пространство противоречий в российско-турецких отношениях, сокращая сферу сотрудничества двух держав.

Ключевые слова: Турция, Россия, «мир больше пяти», великая держава, США, неоосманизм, Крым, «мягкая сила», «жесткая сила», Черноморско-Средиземноморский регион

Для цитирования: Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91—107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

“The World is Bigger than Five”. Turkey’s Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia

Aleksandr A. Irkhin, Olga A. Moskalenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The foreign policy realized by Turkey’s president clearly evidences the fact that Erdogan does not accept today’s world order as a model for the near future. This has led to the proposition of *The World Is Bigger*

© Ирхин А.А., Москаленко О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

than Five formula since 2013. At least in several key regions, Ankara attempts to change the world order through more than emotional declarations; it uses both hard and soft power in the Eastern Mediterranean, Middle East, Black Sea region, Caucasus, and Central Asia. The main indicators of Turkish soft and hard power (military, economic, technological factors, and attractiveness of mass culture) are examined to identify possibilities of Turkey to change the balance of power in key regions and on a global scale. From 2007, the vision of Turkey as an influential actor globally has been propagated by the Turkish elite of the Justice and Development Party (AKP). Geopolitical, civilizational, and systematic approaches are used. The research process is carried out within the paradigm of classical and critical geopolitics. During the AKP's time in power, moderate Islamists gave Turkey a new impetus — a return to its civilizational roots. One must note the state's development of its economy, military-industrial complex, and the new national position globally as a patron of every Muslim. Modern Turkey can be considered a great regional power with sectoral global leadership in its military attainment, and due to the attractiveness of its model of development. Ankara invests heavily in soft power, its success is based on the Turkish development ideology, which represents a synthesis of neo-Ottoman, neo-Pan-Turkic and pan-Islamic ideas. The revival of Turkey as a regional power and its desire to become a world power will inevitably increase the space of contradictions in Russian-Turkish relations, reducing the sphere of cooperation between the two countries.

Key words: Turkey, Russia, “The World is Bigger than Five”, great power, USA, Neo-Ottomanism, Crimea, “soft power”, “hard power”, Black Sea and Mediterranean Region

For citation: Irkhin, A.A., & Moskalenko, O.A. (2021). “The World is Bigger than Five”. Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 91—107. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Введение. «Мир больше пяти»

Выступая на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (ГА ООН) в сентябре 2019 г., президент Турции Р.Т. Эрдоган повторил тезис, с 2013 г. ставший его визитной карточкой: «Мир больше пяти» (*Dünya Beşten Büyüktür*), критикуя структуру и систему принятия важных решений управления миром внутри ООН, когда пять постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН имеют привилегированный статус. Р.Т. Эрдоган отметил, что современный мировой порядок был создан после Второй мировой войны с целью устранения несправедливости. Однако сегодня международная общественность шаг за шагом теряет способность к разработке путей устранения долгосрочных угроз для будущего человечества. Он также пояснил, что современный мир столкнулся с кризисом справедливости: недопустимо, чтобы одна часть мира жила в условиях высокого благосостояния и роскоши, а другая — пребывала в нищете и невежестве; меньшая часть человечества обсуждает высокие технологии, создание роботов, искусственного интеллекта, проблему ожирения, тогда как более чем 2 млрд человек живут за чертой бедности, а еще 1 млрд — голодает. Будущее мира не должно зависеть

от решения постоянных членов СБ ООН. Путем коренных реформ необходимо обеспечить справедливость — требуются срочные перемены. Турция — государство, чья деятельность нацелена на справедливость и справедливое урегулирование проблем на международной арене¹.

Президент Турции перечислил проблемы современного мира, показав свою обеспокоенность притеснением мусульман в разных регионах: от Кашмира и Палестины, Южного Кавказа, Северо-Западного Китая до Балкан и Северной Африки, подчеркнув, что Анкара не позволит строить новый мировой порядок за счет мусульман. Кроме того, Р.Т. Эрдоган подверг критике сложившийся привилегированный ядерный клуб, когда его члены, с одной стороны, используют фактор ядерного оружия для политического давления, а с другой — запрещают его разработку в иных странах: мир должен либо отказаться от ядерного оружия и уничтожить его запасы, либо позволить другим его иметь², —

¹ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 30.11.2020).

² Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019.

заклучил Р.Т. Эрдоган. Налицо заявка государственного лидера на решающую роль в формирующемся новом мировом порядке.

Цель статьи — определить геополитические возможности Турции в качестве влиятельного глобального актора в ближайшей исторической перспективе и выявить последствия приобретения такого статуса для двусторонних российско-турецких отношений. Авторы руководствуются логикой последовательного решения следующих задач, а именно:

— анализа турецкого потенциала по четырём показателям силы: военному, экономическому, технологическому и фактору «мягкой силы»;

— выявления идеологических оснований политики Партии справедливости и развития (ПСР), которые позволяют государству сформировать привлекательный для других стран и народов проект будущего совместного развития;

— идентификации внешних условий, которые позволили руководству Турции пересмотреть свои внешнеполитические установки и перейти к активной и наступательной внешней политике;

— оценки возможности, перспективы и угрозы турецкого усиления для Российской Федерации.

Объект исследования — внешняя политика Турецкой Республики (ТР) с момента прихода к власти ПСР. Предмет — система мер руководства Турцией по становлению государства в качестве влиятельного глобального актора. В основе используемой методологии — системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Авторы опираются на аналитические доклады ведущих зарубежных аналитических центров Stockholm International Peace Research Institute (2020), Center for Strategic and International Studies (2012), Barcelona Centre for International Affairs (2011), RAND Corporation (2020) и др., статистические данные ресурсов CIA World Factbook, Global Firepower Index, SIPRI Military Expenditure

Database, Trading Economics; приводят результаты исследований последних лет турецких и английских ученых, а также учитывают в работе существенный вклад в изучение заявленной научной и политической проблемы и смежных тем российских исследователей: В.А. Аваткова [2019], А.А. Ирхина [2016], В.А. Надеина-Раевского [2019], Н.Ю. Ульченко [2012], П.В. Шлыкова [Ульченко, Шлыков 2014], М.А. Шпаковской и О.В. Барнашова [2018].

Современная Турция

Турецкая Республика — пример уникального государства, причем как с точки зрения цивилизационного, так и геополитического развития. Современная Турция — наследница Османской империи, которая без малого на протяжении полутысячелетия, с 1453 по 1923 г., была одним из имперских центров Евразии.

Высшая точка геополитического развития Османской империи приходится на XVI в., когда владения османов превышали территориальный ареал Римской империи [Кеннеди 2018: 39]. Еще задолго до XVI в. мусульманский мир в своем развитии — как в культурном, так и техническом — значительно опережал Европу, главенствуя в таких областях науки и техники, как математика, картография, медицина, обработка металлов, производство пушек, строительство маяков, выращивание лошадей, и во многих других сферах [Кеннеди 2018: 39].

В период между чрезмерным ослаблением Османской империи и формированием ТР в начале XX в. турецкая элита испытала на себе действие так называемого «Севрского синдрома» [Larrabee, Lesser 2003: 135, 162]. Подписав в августе 1920 г. Севрский мирный договор, османская элита потеряла, по сути, большую часть оставшейся территории и ощутила на себе давление объединенного Запада. Однако в 1923 г. этот период закончился через национально-освободительную войну и формирование ТР, создание которой было закреплено подписанием Лозаннского договора (1923 г.), за чем последовала вестернизация Турции, которая в годы

холодной войны сменилась западнцентристским курсом. Таким образом, на протяжении более чем 70 лет Турция пыталась и в цивилизационном, и в геополитическом пространстве стать частью Запада.

Окончание холодной войны открыло перед ТР ряд внешнеполитических перспектив, которые одновременно стали вызовами: в начале 1990-х гг. выдвигаются идеи пантюркизма, а с приходом к власти в 2002 г. ПСР, которая продолжает руководить страной, идеи пантюркизма были интегрированы во внешнеполитические концепции панисламизма и неоосманизма. Современный внешнеполитический курс Турции в идеологическом пространстве включает в себя три направления: *неоосманизм*, *неопантюркизм* и *неоисламизм*. При этом первые две идеологические платформы имеют региональный и макрорегиональный характер, а последняя — глобальный.

По сути, с 2002 г. турецкая политическая элита начала процесс контрреволюционных реформ в отношении того цивилизационного выбора, который она сделала после 1923 г. С. Хантингтон [2016] называет этот процесс *индигенизацией* — когда второе и третье поколения незападной элиты возвращаются своим цивилизационным корням развития.

После 2002 г. ПСР, приобретя в Турции статус правящей, делает значительные внешнеполитические успехи, проводит экономические и технологические реформы, возвращает Республику к своим цивилизационным корням, а Анкара получает возможность утвердиться в Черноморском регионе и в регионе Восточного Средиземноморья в качестве регионального лидера, а также претендовать на более масштабную роль в мировой политике.

Современная Турция является одним из растущих центров геополитического влияния. У действующей турецкой политической элиты рубежным этапом развития обозначается 2023 г. — год столетия создания ТР. Правящая турецкая элита планирует, что к этой базовой точке государство подойдет, демонстрируя военное, экономическое, технологическое лидерство и притягательную массовую культуру не только в региональном, но и в глобальном масштабе [Ульченко 2012: 91—92].

Первая мировая война вынудила Турцию отказаться от имперского статуса; в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений ТР прошла путь от южного фланга НАТО до региональной державы — после ослабления и дезинтеграции СССР. Тем не менее с 2007 г. руководство ПСР продвигает идею о становлении Турции в качестве влиятельного глобального актора, что зафиксировано в содержании партийной программы 2007 г.³

Так, состоявшиеся в 2007 г. парламентские выборы не только подтвердили успех ПСР, но и определили для правительства спектр новых задач. Функционеры ПСР поставили перед собой цель придать внешней политике новое качественное измерение: она должна была стать более амбициозной, наступательной и независимой. Собственно эта цель — придать новое качество внешней политике — была заявлена в предвыборной декларации ПСР 2007 г. Турция больше не ограничивалась стремлением стать «региональной силой»: теперь предстояло превратить страну во «влиятельного глобального актора», для чего требовалось, «отказавшись от позиции страны, реагирующей на международные кризисы и обороняющейся, вооружившись региональным и глобальным видением, стать силой, влияющей на характер международного развития» [Ульченко 2012: 97].

Следующий этап пересмотра Турцией существующего мирового порядка относится уже к 2013—2014 гг.: именно в этот период Р.Т. Эрдоган, будучи премьер-министром, выдвигает тезис «Мир больше пяти». Эти слова зазвучали на различных внутренних и международных платформах, демонстрируя разочарование руководства Турции в системе ООН. Например, во время выступления на сессии ГА ООН 24 сентября 2014 г. лидер Турции использовал тезис «Мир больше пяти», чтобы привлечь внимание к трагическим последствиям привилегированного

³ AK Parti'nin seçim beyannamesi: Guven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam // Akparti resmi sitesi. Haziran, 2007. URL: <http://www.akparti.org.tr/media/272213/2007-2007-secim-beyannamesi-ozet.pdf> (accessed: 30.11.2020).

присутствия пяти постоянных членов, а именно США, Великобритании, Франции, Китая и России в СБ ООН.

В своем обращении к ГА ООН осенью 2018 г. Р.Т. Эрдоган повторил девиз и заявил: «Совет Безопасности стал служить только интересам его пяти постоянных членов, обладающих правом вето, при этом со стороны наблюдая за притеснениями в других частях мира... мы подчеркиваем необходимость проведения всеобъемлющей реформы структуры и работы Организации Объединенных Наций, в частности Совета Безопасности. Мы считаем, что, когда мы говорим, что “мир — это больше, чем пятерка государств”, мы вторим голосу здравого смысла всего человечества»⁴.

Если рассматривать традиционные параметры силы государства: военный, экономический, технологический, а также фактор притягательности широкой массовой культуры, то можно констатировать региональное лидерство современной Турции по первому и последнему параметрам.

Обобщенные в табл. 1 статистические данные (на основе информации ресурса CIA World Factbook на 2020 г.⁵) позволяют определять позицию Турции в Черноморском регионе как регионального лидера.

Фактор притягательности массовой культуры, в более широком смысле определяемый как продвижение мироустроительной концепции новой Турции, целью которой является лидерство в суннитской части исламского мира, позволяет Анкаре получить статус региональной державы с секторальным лидерством в глобальном масштабе, о чем речь пойдет ниже.

Концептуальные основы внешней политики Турецкой Республики

Распад Ялтинско-Потсдамской системы и советского проекта спровоцировал

⁴ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 30.11.2020).

⁵ CIA World Factbook // CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 30.11.2020).

трансформацию существующих идентичностей великих держав по всему миру [Irkhin, Moskalenko, Nelina, Beloglazov, Demeshko 2020]. Не исключением оказалась и Турция, которая использует возможности для восстановления статуса региональной державы, опираясь на идеологию единения всех тюркских народов. Также выдвигаются идеи панисламизма, создания «пространства стратегической глубины», которая обосновывается популяризирующей идеологией неоосманизма. С 2016 г., после отставки А. Давутоглу с поста премьер-министра Турции, концепция «стратегической глубины» трансформируется в концепцию «морального реализма» [Keyman 2017].

А. Давутоглу, который в настоящее время является оппозиционным политиком и лидером «Партии будущего» (*Gelecek Partisi*), внес существенный вклад в имперское возрождение Турции и развитие правящей с 2002 г. партии. Именно он дал концептуальное обоснование идеологии неоосманизма, которая подразумевает отказ от прагматичной политики, диктуемой интересами национального государства, во имя преобразования Турции в глобальный центр ислама⁶.

Э. Уастнидж отмечает, что в различных исследованиях встречаются как минимум три интерпретации неоосманизма, причем все они присущи внешнеполитическому курсу ПСР: во-первых, Османская империя как колыбель цивилизации; во-вторых, Османская империя как исламская империя; в-третьих, Османская империя как империя мультикультурализма [Wastnidge 2019].

Российские исследователи, обобщая различные научные трактовки неоосманизма, выделяют точку зрения, при которой неоосманизм воспринимается как «идеология, которая стремится выйти на более широкий геополитический охват, используя географические преимущества Турции, находящейся на стыке Востока и Запада... синтез турецкого ислама, привнесенного во внешнюю политику» [Шпаковская, Барнашов 2018: 32].

⁶ Erdogan Getting Rid of Neo-Ottomanism // Katehon. URL: <http://www.katehon.com/ru/node/27201> (accessed: 30.11.2020).

Таблица 1 / Table 1

Соотношение параметров лидерства в Черноморском регионе /
Parameters of Leadership in the Black Sea Region

Государство / Country	Площадь, км ² / Total area, km ²	Береговая линия, км / Length of coastline, km	Сухопутная граница, км / Land border, km	Население, чел. / Population	ВВП, долл. США / GDP, billion USD	Государственный долг, % от ВВП / National debt, % of GDP	Военный бюджет, % от ВВП / Military expenditures, % of GDP
Россия / Russia	17 098 242	38 403	22 408	143 722 205	4016,0	15,5	3,9
Турция / Turkey	783 562	7 200	2 816	82 017 514	2186,0	28,3	1,89
Грузия / Georgia	69 700	310	1 814	3 997	39,85	44,9	2
Украина / Ukraine	603 550	2 032	5 618	43 922 939	369,6	71	3,9
Болгария / Bulgaria	110 879	354	1 806	6 966 899	153,5	23,9	3,25
Румыния / Romania	238 391	225	2 844	21 302 893	483,4	36,8	2,04
Молдова / Moldova	33 851	0 (п. Джурджулешты) / 0 (Port of Giurgiulești)	1 885	3 364 496	23,72	31,5	0,4

Источник / Source: составлено авторами по данным CIA World Factbook // CIA. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/> (accessed: 30.11.2020)

Показательным является сравнение по ключевым параметрам концепций «стратегической глубины» и «морального реализма», что позволяет судить о характере эволюции внешней политики ТР. Турецкая «Стратегическая глубина» может быть описана рядом взаимосвязанных параметров: «Турция как центральное государство», «приоритет “мягкой силы”», «ноль проблем с соседями», «экономическая взаимозависимость», «историческое наследие», «гуманитарная дипломатия», «международное посредничество», «страна-модель», «энергетический хаб-коридор»⁷. Каждый из упомянутых параметров в турецкой системе внешней политики должен был работать на достижение главной цели — вынесения в глубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства. Таким образом, речь идет

о воссоздании новой усеченной Османской империи на основе новых/старых смыслов.

Анализ концептуальных основ внешней политики Турции позволяет сделать вывод, что ее базовым принципом, несмотря на отставку в 2016 г. А. Давутоглу с поста премьер-министра, остается его концепция «Стратегическая глубина», хотя в настоящее время на официальном и экспертном уровне декларируется существенный отход от нее в сторону более жестких методов ведения политики [Keuman 2017]: исключается приоритет «мягкой силы» над «жесткой» и принцип «ноль проблем с соседями».

Вместе с тем переход к «жесткой силе» был связан и с объективными причинами — новыми явными вызовами национальной безопасности, возникшими во втором десятилетии XXI в., такими как: борьба с ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламским государством»⁸),

⁷ Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre yayınları, 2001.

⁸ Организация запрещена в РФ.

силовое участие в сирийском кризисе, вооруженное противостояние с курдскими движениями (Рабочая партия Курдистана и региональные филиалы партии), миграционный кризис, сдерживание экспансии Ирана и России, проблема «несостоявшихся государств», которые могут дать импульс созданию курдского государства, силовая политика США в регионе — заставили руководство Турецкой Республики перейти к более отвечающим таким вызовам методам, которые уже не могла обеспечивать «мягкая сила» [Ирхин 2019: 56].

Турция в западной системе безопасности и турецкие национальные интересы

Несмотря на то что Турция, лишившаяся имперского статуса в результате Первой мировой войны, может быть отнесена к «коллективному Востоку», она является частью современной западной системы безопасности. Одним из последствий холодной войны оказывается сохранение НАТО, где ТР представлена как один из активных и ключевых членов. Стратегическое партнерство с Турцией уже более семи десятилетий является центральным элементом стратегии США в Средиземноморском регионе и на Ближнем Востоке.

Турция остается мощным участником Организации Североатлантического договора и имеет ключевое влияние в трех регионах, которые становятся все более важными для безопасности США после окончания холодной войны: Левант, Ближний Восток и Персидский залив, а также Кавказ и Центрально-Азиатский регион. Во всех перечисленных регионах Турция стремится играть сегодня более весомую роль, чем десятилетия назад. Турция контролирует (в соответствии с международными конвенциями) проливы Босфор и Дарданеллы, которые связывают Черное море со Средиземным.

Соединенные Штаты и Турция давно и продуктивно сотрудничают по ряду глобальных проблем, включая борьбу с терроризмом и экстремизмом, в сфере предотвращения распространения оружия массового

уничтожения, укрепления энергетической безопасности и содействия процветанию и развитию [Flanagan, Larrabee, Binnendijk, Costello, Efron et al. 2020].

В то же время возвращение Анкары к логике османского развития в целом ослабляет «коллективный Запад» и возвращает Турции утраченный столетие назад статус субъекта региональной и мировой политики. Не первый раз возникает проблема нестыковки блоковых и национальных интересов, когда Анкара, как это было во время Кипрского кризиса 1974 г., отдает безусловное предпочтение национальным интересам и готова отстаивать их силой оружия.

После окончания Второй мировой войны и на протяжении последующих 50 лет Турция являлась последовательным и покорным союзником США. Единственным исключением был уже упомянутый Кипрский кризис 1974 г., за которым последовали американские санкции. Вашингтон создал систему долговременного влияния на внешнюю и внутреннюю политику Анкары, вписывающуюся во внешнеполитическую стратегию США в отношении Турции. Этим фактором можно объяснить регулярные военные перевороты последних десятилетий в Турции, однако последняя попытка в 2016 г. оказалась неудачной в том числе вследствие масштабных армейских реформ и отстранения значительного числа офицеров, которые были связаны с обучением и стажировками в США и не проявляли лояльности к правящей партии.

В целом одним из достижений ПСР является ликвидация модели зависимого развития турецкого государства от США, которую Вашингтон выстраивал с 1945 г. Она основывалась на американском контроле ключевых элементов турецкого общества: армии, части экономики, турецкой элиты и моделировании внешней политики через втягивание Анкары в проамериканские блоки [Ирхин 2016: 23—75]. Ликвидация американской системы долговременного влияния на Турцию позволила властям в XXI в. проводить более независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Военное лидерство и экономическая модернизация

После вступления в Североатлантический альянс в 1952 г. Турция стала его южным флангом, располагая второй по численности армией в блоке после США⁹. С 1948 по 1975 г. Турция получила от США военную помощь на сумму более 4,5 млрд долл. США [Aliriza, Aras 2012: 3].

Показательным для понимания американского подхода к Турции в сфере обеспечения безопасности в годы холодной войны является диалог между сенатором А. Вайли и государственным секретарем Дж.Ф. Даллесом, состоявшийся в американском Сенате в 1957 г.:

«*Вайли*: Правда ли, что содержание одного турецкого солдата обходится в 300 долларов в год?

Даллес: Да, в этих пределах.

Вайли: А правда, что один американский солдат обходится нам более чем в 6000 долларов?

Даллес: Да.

Вайли: В таком случае держать на войне турка с экономической точки зрения выгодно»¹⁰.

По итогам этого диалога Министерством обороны США было сделано уточнение и представлено Сенату: содержание турецкого солдата обходилось бюджету США в 234 долл. США, а содержание американского солдата на территории Турции обходилось бы в 5463 долл. США ежегодно¹¹.

Природа современного военного лидерства Анкары имеет качественное отличие. Руководство ПСР стремится к достижению технологической самодостаточности турецко-

го военно-промышленного комплекса (ВПК), тогда как до прихода умеренных исламистов к власти в военно-технологическом плане турки в значительной степени были зависимы от своих партнеров по НАТО, прежде всего США.

В Глобальном индексе военной мощи (Global Firepower Index) за 2020 г. Турция занимает 11-ю позицию из 138¹². Данный рейтинг строится на основе комплексной оценки военной мощи государств мира: интегрированный показатель выводится в зависимости от размеров военного бюджета, численности армии, количества танков, самолетов, подводных лодок и авианосцев; он основан на учете обычного вооружения, а также других факторах, среди которых экономическая мощь, протяженность границ, самодостаточность (в отношении ресурсов, таких как нефть), доступ к воде и проч. Турция уступает в рейтинге США, России, Китаю, Индии, Японии, Южной Корее, Франции, Великобритании, Египту и Бразилии¹³.

По данным Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), за последние 10 лет Турция постоянно повышала свои военные расходы¹⁴. Статистические данные с ресурса Trading Economics, обобщающего и анализирующего более 20 млн экономических показателей для 196 стран мира, позволяют говорить о стабильной динамике роста за последнее десятилетие (рис. 1).

В настоящее время Турция обладает второй по численности армией в блоке НАТО и динамично развивающимся военно-промышленным комплексом [Ирхин 2016: 18]. Планы и программы экономического развития Турции в последнее время неизменно включают стратегическую задачу обеспечения сдвига

⁹ Defence and Security Policy of the Turkish Republic // CIDOB International Yearbook 2011. Country Profile: Turkey. CIDOB, 2011. P. 241—247.

¹⁰ The President's Proposal on the Middle East. Hearings before the Committee on Foreign Relations and the Committee on Armed Services US Senate. 85th Congress. 1st Session. Part 1. Washington, 1957. P. 456. URL: <https://books.google.com/books?id=d8ZEAQAAMA-AJ&lpq=PA456&ots=LKdZ1Qq82i&dq=dulles%20wiley%20turkish%20soldier&hl=ru&pg=PP5#v=onepage&q&f=false> (accessed: 30.11.2020).

¹¹ Ibid.

¹² Turkey Military Strength (2020) // Global Firepower. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=turkey (accessed: 30.11.2020).

¹³ 2020 Military Strength Ranking // Global Firepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 30.11.2020).

¹⁴ Military expenditure by country, in constant (2018) US\$ m., 1988—2019 // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf> (accessed: 30.11.2020).

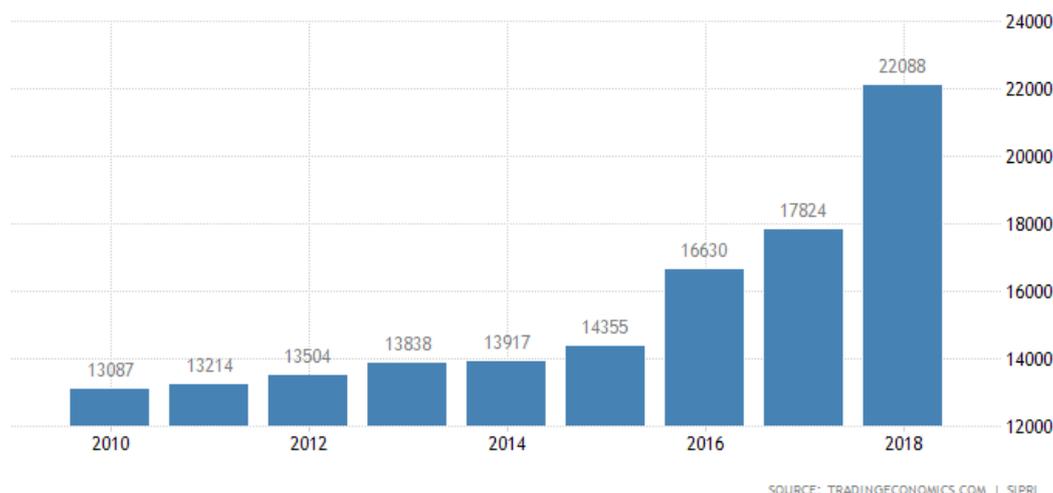

Рис. 1. Военные расходы Турецкой Республики в 2010—2018 гг., млн долл. США / Fig. 1. Turkey's Military Expenditures in 2010—2018, millions USD

Источник / Source: Turkey Military Expenditure // Trading Economics.

URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/military-expenditure> (accessed: 30.11.2020)

в пользу производства продукции с высокой добавленной стоимостью. К 2023 г. — столетнему юбилею Республики — турецкая элита правящей партии планирует достигнуть превращения Турции в страну, производящую и экспортирующую свои винтовки, пушки, танки, вертолеты, самолеты, в том числе беспилотные [Ульченко 2012: 92].

Турецкие военные в настоящее время присутствуют по крайней мере в девяти странах, от Ирака до Сомали, а также на территории не признанной на международном уровне Турецкой Республики Северного Кипра и имеют большую военную базу в Катаре. Кроме того, Турция контролирует участки территории на севере Сирии после серии трансграничных операций¹⁵. Возвращение Турции в Закавказье и стремление в Центральную Азию, возможно, расширит военное присутствие государства в этих регионах. Таким образом, турецкие военные находятся в Ливии, Сирии, Ираке, Катаре, Сомали, на Кипре, в Афганистане, Азербайджане¹⁶.

¹⁵ Yackley A. How Turkey Militarized Its Foreign Policy // Politico. 15.10.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/how-turkey-militarized-foreign-policy-azerbaijan-diplomacy/> (accessed: 30.11.2020).

¹⁶ Nasaoglu S. Mapping the Turkish Military's Expanding Footprint // The Washington Post. 31.08.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/energy/mapping-the-turkish-militarys-expanding-footprint/2020/>

Турция стремится увеличить военное присутствие в Албании¹⁷, а в августе 2020 г. проявились намерения турецкой стороны по дальнейшему расширению военного турецкого присутствия в Западной Африке — Нигере¹⁸.

Р.Т. Эрдоган называет современную военно-политическую активность турецкого государства военными инвестициями, которые проходят в условиях глобального экономического кризиса и экономического спада в Турции и являются необходимым условием для восстановления доминирования Турции на историческом пространстве Османской империи в Средиземноморье и на Ближнем Востоке до ее распада после Первой мировой войны¹⁹.

08/28/0ac8a114-c8e3-11ea-bf44-0d31c85838a5_story.html (accessed: 14.12.2020).

¹⁷ Габриэлян А. Турция усиливает военное присутствие за рубежом // Институт Ближнего Востока. 07.03.2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=33110> (дата обращения: 14.12.2020).

¹⁸ Лавров А. Место — силе: зачем Анкаре понадобилась военная база в Нигере // Известия. 15.08.2020. URL: <https://iz.ru/1048403/anton-lavrov/mesto-sile-zachem-ankare-ponadobilas-voennaia-baza-v-nigere> (дата обращения: 14.12.2020).

¹⁹ Yackley A. How Turkey Militarized Its Foreign Policy // Politico. 15.10.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/how-turkey-militarized-foreign-policy-azerbaijan-diplomacy/> (accessed: 30.11.2020).

Оценка развития турецкой экономики представляется более сложной задачей. Макроэкономические показатели выглядят весьма оптимистично (динамично растущий ВВП и отсутствие перекредитованности), однако финансовая нестабильность национальной валюты добавляет к позитивной картине высокую степень неопределенности. Успехи умеренных исламистов в модернизации турецкой экономики очевидны даже для их политических оппонентов. За время правления ПСР структура турецкой экономики значительным образом изменилась. Благодаря политической стабильности после выборов 2002 г. и связанным с ними экономическим и финансовым реформам ВВП на душу населения увеличился более чем в три раза и составил около 10 000 долл. США, а государственный долг как процент от ВВП заметно снизился: с 70 до 28 %. Уровень инфляции снизился до однозначных цифр после 34 лет очень высоких показателей, в то время как экспорт резко вырос с 36 млрд долл. США до более чем 168 млрд долл. США. Резкий рост демонстрирует и промышленный сектор. Между 2002 и 2017 гг. отраслевой сектор вырос на 163 %, значительно превысив общий показатель экономического роста, который составил 131 % [Gür, Tatliyer, Dilek 2019].

В 2011 г. правительство активно разрабатывало долгосрочные прогнозы развития Республики, ориентируясь опять же на 2023 г. Предполагалось, что к этой дате Турция войдет в число 10 крупнейших экономик мира²⁰. Глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., существенно повлиял на экономический рост Турции. Так, фактически в результате сильных колебаний мировой экономики и финансов в последнее десятилетие многие страны, такие как Турция, столкнулись с определенными макроэкономическими проблемами, которые включали высокий уровень дефицита текущего счета и повторное появление двузначных темпов инфляции спустя долгое время. И здесь

ощутимо проявилась уязвимость экономической модели Турции. Поскольку государство в значительной степени зависит от внешних источников энергии и промежуточных товаров, оно переживает рост дефицита текущего счета в периоды высокого экономического роста. Следовательно, рост стоимости импортных промежуточных товаров из-за обесценивания турецкой лиры, а также некоторые структурные проблемы в сельском хозяйстве и цепочках поставок продовольствия вызвали умеренный рост инфляции в 2017 г.

Однако ни обострение дефицита текущего счета, ни рост уровня инфляции не могут объяснить подобный скачок волатильности обменного курса в такой короткий промежуток времени — непросто обосновать обесценивание лиры в 2018 г. только с экономической точки зрения. В период с мая по август 2018 г. Турция пережила одно из самых сильных колебаний обменного курса в своей истории: курс доллара США к турецкой лире резко вырос с 3,75 в декабре 2017 г. до 7,22 в августе 2018 г. [Gür, Tatliyer, Dilek 2019: 146]. После ряда мер со стороны Р.Т. Эрдогана, призвавшего соотечественников не беспокоиться о колебаниях курса национальной валюты, к концу 2019 г. турецкая экономика продемонстрировала положительные результаты [Надеин-Раевский 2019: 275].

Тем не менее в настоящее время экономика Турции находится в крайне уязвимом положении из-за финансовой нестабильности и отсутствия самостоятельного доступа к углеводородным ресурсам. Р.Т. Эрдоган, понимая это положение, стремится получить более независимый доступ к ресурсам через военно-политическую экспансию в Азербайджане, Сирии, Ливии и Катаре. Доступ к нефти и газу и другим источникам обеспечит стабильную позицию для проведения внешней политики и преодоления кризиса роста турецкой экономики. Необходимо также учитывать, что Севрский и даже Лозаннский мир отрезали Турцию от источников доступа к углеводородам, что впоследствии во многом обусловило условия зависимого развития ТР от своих западных союзников на протяжении почти 100 лет. Поэтому военно-политическая

²⁰ 61 inci Hükümet Programı // Resmi Gazete. 13.07.2011. Sah. 6. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/07/20110717-1.htm> (accessed: 14.12.2020).

экспансия и экономическое развитие для современной Турции, ставшей на путь возрождения в качестве влиятельного глобального актора, идут рука об руку.

ТИКА как проводник «мягкой силы»

Одним из важных параметров оценки становления Турции в качестве глобального влиятельного актора является фактор «мягкой силы». После окончания холодной войны турецкое руководство вне зависимости от партийной принадлежности начинает искать новые формы и методы продвижения своей внешней политики. Следствием этих поисков стало учреждение Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА; ТИКА), которое было образовано в январе 1992 г. на основании решения Кабинета министров. Деятельность агентства регулируется Законом о структуре и задачах ТИКА № 4668, вступившим в силу 12 мая 2001 г. [Akıllı, Çelenk 2019].

Эволюция деятельности агентства должна рассматриваться в зеркальном отражении возможностей государства. С момента прихода к власти в 2002 г. ПСР и до настоящего времени возможности государства и, следовательно, ТИКА для проведения своей экспансии резко расширились, что проявилось уже к середине 2000-х гг. Однако именно в этот период произошел переход от пантюркистских концепций во внешней политике Республики к реализации панисламистской доктрины в рамках реализации концепции «стратегической глубины», которая в общем сводится к лидерству Турции в суннитском мире, но при этом пантюркистские проекты были интегрированы в панисламистские как часть в целое.

При исследовании внешней политики Турции в отношении постсоветского пространства целесообразно выделить следующие этапы ее реализации.

1. 1992—1997 гг.: период реализации внешнеполитических проектов на пантюркистской основе; идея создания исключительной зоны влияния Турции — от Балкан до Великой китайской стены. Данный вектор активно поддерживался ресурсами западных

государств, прежде всего США; идея создания единой конфедерации всех тюрков, включая не только государства, но и отдельные территории. Из-за нехватки возможностей по «внешнеполитическим инвестициям» Турция свернула реализацию данных идей после очередного внутреннего финансового кризиса 1997 г.

2. 1997—2002 гг.: период неопределенности во внешней политике Турции, пересмотр прежних приоритетов и сужение внешнеполитической экспансии и деятельности ТИКА до гуманитарных, образовательных и культурных проектов.

3. 2002—2009 гг.: период реализации ближневосточных инициатив, в том числе в деятельности ТИКА.

4. 2009—2020 гг.: новое издание тюркского проекта во главе с Турцией — Совета сотрудничества тюркоязычных государств (куда вошли Турция, Азербайджан, Киргизия, Казахстан и Узбекистан), который имеет в большей степени цивилизационное (панисламистское) измерение, чем националистическое (тюркское). Во втором издании пантюркистского проекта речь идет исключительно о состоявшихся государствах (с богатой энергетической экспортной базой), исключая отдельные тюркские территории. Таким образом, сужен масштаб и повышен «коэффициент полезного действия» внешнеполитических инициатив в энергетической сфере [Ирхин 2016: 105—106].

Бюджетные возможности ТИКА в 1990-е гг. — начале XXI в. были сравнительно невелики, что объяснялось в первую очередь не только хронической нехваткой средств, но и недостаточным контролем за их использованием. В период с 2003 по 2013 г. бюджет ТИКА увеличился почти в пять раз по сравнению с периодом 1992—2002 гг., а по состоянию на 2011 г. турецкая помощь в размере 1,2 млрд долл. США была предоставлена более чем сотне стран [Akıllı, Çelenk 2019]. Именно ТИКА позволяет Турции выходить на глобальный уровень в соответствии с целями внешней политики, которые начали озвучиваться руководством ПСР с 2007 г.

В настоящее время ТИКА, осуществляя проекты сотрудничества в рамках помощи развитию в более чем 150 странах на пяти континентах, является одним из двигателей бренда Турции как на национальном, так и международном уровнях. Количество офисов Агентства в мире увеличилось с 12 в 2002 г. до 25 — в 2011 г. и до 62 — в 2020 г.

По данным официального отчета ТИКА, в 2019 г. Турция оказала другим странам помощь в различной форме на общую сумму в 9 371,77 млн долл. США, из которой государственные средства, вложенные в «мягкую силу», составили 8 806,89 млн долл. США, а остальные были предоставлены частными организациями и лицами (564,88 млн долл. США)²¹. Расходы Турции на гуманитарную помощь и помощь, направленную на развитие других стран, в размере 1 % ВВП позволяют ей занимать лидирующую позицию в мире по этому показателю, а руководству — оправданно называть Турцию «совестью мира»²².

Выступая на ГА ООН в сентябре 2019 г., президент Турции Р.Т. Эрдоган отметил, что Турция — государство, чья деятельность нацелена на справедливость и справедливое урегулирование проблем на международной арене. Назвав Турцию самым щедрым государством мира в гуманитарной сфере, президент подчеркнул, что оно занимает первое место в мире по соотношению гуманитарной помощи и ВВП²³.

Таким образом, «мягкая сила» не потеряла своего значения для внешней политики государства при переходе руководства Турции к более жестким действиям. Как отмечает В.А. Аватков, «Турецкая Республика реализует широкую внешнеполитическую деятельность, заключающуюся в расширении своего влияния за счет целого ряда механизмов и

инструментов “мягкой силы” — распространения собственных ценностей и идей» [Аватков 2019: 125]. Глава Турции представляет Республику как лидера и защитника всех мусульман мира, способного доказывать справедливость своих слов военной силой. Следовательно, отход руководства Турции от «стратегической глубины» к «моральному реализму» свидетельствует не об отрицании эффективности «мягкой силы», а о переходе к оптимальному соотношению «жесткой» и «мягкой силы» в своей внешней политике.

Российско-турецкие отношения

Современные российско-турецкие отношения представляют собой взаимодействие в сложной системе сдержек и противовесов, которую Анкара и Москва выстраивают, опираясь на исторический опыт и геополитическую динамику. До военного конфликта в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. данная система работала на двух уровнях.

Первый — это непосредственное взаимодействие двух региональных держав по стратегическим направлениям:

- 1) разделение сфер влияния в Черноморском регионе [Larrabee 2010: 84];
- 2) сотрудничество в сирийском конфликте;
- 3) экономическое и военно-техническое сотрудничество;
- 4) взаимодействие в других сферах, направленное на формирование многополярности нового мироустройства и большей свободы выбора региональных держав в военной, финансово-экономической сферах и в целом в сфере реализации национальных интересов [Ульченко, Шлыков 2014: 13].

Особенностью этого уровня взаимодействия видится и то, что сфера сотрудничества в российско-турецких отношениях является одновременно и зоной конкуренции, то есть в каждом из этих направлений, казалось бы, сотрудничества, существует значительный потенциал конфликтности.

Второй уровень двусторонних отношений связан с конкуренцией России и Турции, которая в настоящее время осуществляется опосредованно, через создаваемую двумя

²¹ Türkiye kalkınma yardımları raporu 2019 // TİKA. 2019. Sah. 12. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/publication/2019/TurkiyeKalkinma2019Web.pdf> (accessed: 30.11.2020).

²² Ibid.

²³ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 30.11.2020).

сторонами систему стран-партнеров и союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра и др. в своей внешней политике получают четко противоположную ориентацию в рамках системы взаимодействия Москвы и Анкары, формируя тем самым региональный баланс сил.

Однако с осени 2020 г. проявляется *третий уровень* взаимодействия Турции и России: непосредственная военно-политическая силовая конкуренция Москвы и Анкары, прежде всего, на Южном Кавказе. Похоже, что политика ПСР усиливает турецкий потенциал по четырем показателям силы и, объективно нарушая сложившееся с периода окончания Первой мировой войны равновесие, выводит Турцию в число лидеров в трех важных регионах Евразии: в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе — и стремится через Южный Кавказ получить непосредственный военно-политический и энергетический доступ в Центральную Азию.

Система российско-турецких противоречий имеет ясную природу:

1) турецкая концепция лидерства в исламском мире потенциально угрожает целостности России;

2) интеграционная активность Турции в рамках пантюркистских площадок, главной из которых является Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан), противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Центральной Азии;

3) турецкая политика на Ближнем Востоке — в зоне «стратегической глубины», особенно по сирийской проблематике, слабо совместима с российскими подходами [Халилева 2013];

4) непризнание Турцией российского статуса Крыма и активное военно-политическое и военно-технологическое сотрудничество с Украиной полностью противоречит российским подходам в западной части постсоветского пространства;

5) замещение Турцией российских газовых поставок из Азербайджана и Катара

после реализации Россией дорогостоящих трубопроводных проектов по дну Черного моря («Голубой» и «Турецкий» потоки) является критическим для окупаемости вложенных инвестиций.

Авторы предполагают, что в ближайшее десятилетие в Черноморско-Средиземноморском регионе будет сформирована новая геополитическая реальность, которую можно обозначить как возрождение традиционных региональных центров силы на фоне эрозии проекта глобализации. Такая архитектура мира будет преобладать до формирования новой системы международных отношений, которая, как показывает исторический опыт, сформируется на период не менее 50 лет. Поэтому, хотя Р.Т. Эрдоган и использует идеалистическую риторику, критикуя «мир пяти», сложившийся после Второй мировой войны, по сути, Турция пересматривает итоги Первой и Второй мировых войн, полностью пользуясь инерцией окончания холодной войны, исключительно в духе *Realpolitik*.

Москва и Анкара имеют амбивалентные геополитические интересы и экономические связи и как два региональных субъекта обречены быть одновременно и союзниками, и конкурентами, однако в текущий исторический период правительства великих держав прилагают усилия для преобладания сферы сотрудничества в российско-турецких отношениях. Современное беспрецедентное сближение России и Турции повторялось в истории двусторонних отношений государств неоднократно (Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., большевистско-кемалистское сближение в начале 1920-х гг.), однако это лишь подчеркивает цикличность и изменчивость таких отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, справедливость стала не только брендом ПСР, но и лозунгом внутренней и внешней политики правящей турецкой партии. «Мир больше пяти» (*Dünya Beşten Büyüktür*) — вот тезис, который популяризует лидер Турции, критикуя структуру и

систему принятия важных решений управления миром внутри ООН, когда пять постоянных членов СБ имеют привилегированный статус, что является отражением несправедливости современного мирового порядка, сформировавшегося после Второй мировой войны. Отсутствие справедливости в отношении распределения всех видов ресурсов в мире, создание мировых систем за счет мусульманской цивилизации и несправедливый военно-политический порядок, когда члены ядерного клуба используют это оружие для политического давления, но препятствуют получению ядерных технологий другими государствами, должны быть изменены (либо в сторону его полного запрещения, либо — либерализации режима доступа к ядерным технологиям).

Архитекторы Версальского и Лозаннского мира почти на 100 лет создали систему сдерживания возрождения великодержавного потенциала Турции, однако ПСР, пользуясь инерцией победы США в холодной войне, пересматривает итоги Второй и Первой мировых войн, становясь геополитическим и цивилизационным центром развития. Этому способствует объективная эрозия проекта глобализации и размывание основ *Pax Americana*.

По четырем параметрам силы: военному, экономическому, технологическому и культурному — Турция может быть отнесена к региональным державам с секторальным лидерством в глобальном масштабе в военных показателях и в сфере притягательности массовой культуры — «мягкой силе».

Сопоставление основных параметров силы России и Турции доказывает безусловное преимущество первой в «жесткой силе»: военных технологиях и экономическом объеме ВВП, однако конфликты в Азербайджане, Ливии и Сирии показали, что за годы правления ПСР проведенные военные реформы и реформы ВПК создали условия для повышения субъектности Анкары сразу в нескольких критических регионах мира: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморско-Средиземноморском регионе, на Кавказе и — потенциально — в Центральной Азии. Кроме

того, сопоставление площади двух государств показывает, что и на ВВП России, и на армию ложится гораздо бóльшая нагрузка по обеспечению безопасности и поддержанию инфраструктуры пространства. Площадь России в 21,8 раза больше площади Турции, а объем ВВП России всего в два раза превышает турецкий.

Понимая ресурсную уязвимость турецкой экономики, необходимо отметить совершенно разную структуру российского и турецкого экспорта и стремление Р.Т. Эрдогана получить непосредственный доступ к газу и нефти за счет военных инвестиций.

Во-вторых, благодаря ПСР Турция вновь обрела веру в свою государственную и цивилизационную исключительность, так как деятельность ПСР вернула ей статус стержневого государства исламской цивилизации. В настоящее время государственная идеология Турции — это синтез идей неосманизма как триединой сущности: колыбель цивилизации, лидер исламского мира, пространство мультикультурализма, пантюркизма и панисламизма. Последнее идеологическое направление позволяет Турции выходить на глобальный уровень влияния и позиционировать себя защитником мусульман всего мира. Для подтверждения данного статуса Турция направляет масштабные инвестиции в сферу «мягкой силы», которые в условиях наличия привлекательной идеологии показывают свою эффективность.

В-третьих, если победители в Первой мировой войне лишили центр распавшейся Османской империи ресурсов для возможного имперского возрождения, то интеграция ТР в западные военные и экономические системы после Второй мировой войны происходила на условиях формирования зависимого развития в таких ключевых позициях, как армия и ВПК, экономическая модель, формирование элиты через западные образовательные и грантовые программы и, как следствие, — моделирование турецкой внешней политики. Лидеры ПСР во многом освободились от данной зависимости, что и определяет их более независимый внешнеполитический курс и внутренние реформы по укреплению

горизонтали президентской власти. Хотя армия, как ранее, не может эффективно смещать турецкую элиту (перевороты в 1960, 1971, 1980, 1997 гг. и неудавшийся в 2016 г.), все же фактор финансовой зависимости от мировых финансовых центров остается актуальным и сдерживает амбиции Р.Т. Эрдогана.

В-четвертых, становление Турции в качестве влиятельного глобального актора формирует систему перспектив и военно-политических рисков для России. Причем со временем риски становятся все более очевидными, а перспективы призрачными. К перспективам можно отнести ту систему возникающих противоречий, когда региональные амбиции Турции столкнулись с глобальными амбициями США.

По сути, американский проект «Большой Ближний Восток» столкнулся с турецкой концепцией «стратегической глубины» в первом десятилетии XXI в. Инерция этих противоречий сохраняется и сегодня, однако в российской политике и экспертном сообществе их масштаб и характер существенным образом переоцениваются. США и Турция вследствие объективных геополитических факторов находятся в состоянии стратегического союза и тактических разногласий. В данном контексте можно прогнозировать, что убывающая мощь США будет

масштабировать потенциал российско-турецких противоречий.

После 2014 г. Россия вернулась к активной внешней политике в Черноморско-Средиземноморском регионе, которая напрямую затрагивает интересы Анкары. Следовательно, логика действий российской элиты в рамках приведенной оценки возрождения Турции в качестве региональной державы и «глобального влиятельного актора» должна исключать создание в ответ на российскую внешнеполитическую активность в регионе объединенной коалиции держав Запада и Турции по аналогии с Крымской войной 1853—1856 гг.

Наиболее вероятный сценарий развития современного глобального кризиса — это распад мира на ряд валютных и военно-политических макрорегионов, среди которых: американская зона, включающая Северную и Южную Америку, европейская зона германизированной Европы, Британская зона, которая в большей мере будет охватывать британское Содружество наций, Индийская и Индо-Тихоокеанская зона, Турция и неоосманское пространство, Иран с выстраиваемой зоной «шиитского полумесяца», китайский макрорегион — и очень хотелось бы, чтобы самостоятельным интеграционным центром влияния стала и Россия, осуществив, наконец, евразийскую интеграцию.

Поступила в редакцию / Received: 10.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 21.01.2021

Библиографический список

- Аватков В.А.* Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 113—129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Ирхин А.А.* Внешняя политика руководства партии справедливости и развития Турции и геополитические интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия, Политология, Культурология». 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 51—62.
- Ирхин А.А.* США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз. Севастополь: Рибест, 2016.
- Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты. Екатеринбург: Гонзо, 2018.
- Надеин-Раевский В.А.* Турция: непростой союзник // Год планеты: ежегодник. Вып. 2019 г.: экономика, политика, безопасность / под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс, 2019. С. 274—286.
- Ульченко Н.Ю.* Новый путь Турции? // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 90—101.

- Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
- Халилева Д.Р. Конфликтный потенциал в современных отношениях России и Турции // Науковий вісник ОНЕУ. Економіка, політологія, історія. 2013. № 12 (191). С. 146—169.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.
- Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2. С. 30—36.
- Akilli E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 3. P. 135—151. DOI: 10.25253/99.2018EV.05
- Aliriza B., Aras B. U.S.-Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post-Cold War Era // CSIS Report. 2012. P. 1—22.
- Flanagan S., Larrabee S., Binnendijk A., Costello K., Efron S. et al. Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.
- Gür N., Tatliyer M., Dilek Ş. The Turkish Economy at the Crossroads: The Political Economy of the 2018 Financial Turbulence // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 4. P. 135—160. DOI: 10.25253/99.2019214.08
- Irkhin A., Moskalenko O., Nelina L., Beloglazov R., Demeshko N. Building a New World Order: Russia and the Competition of Civilizational Projects // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 102. International Scientific Forum “National Interest, National Identity and National Security”. 10—12 March 2020. London: European Publisher, 2021 (в печати).
- Keyman E.F. A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive “Moral Realism” // Insight Turkey. 2017. Vol. 19. No. 1. P. 55—69. URL: <https://www.insightturkey.com/fuat-keyman/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (accessed: 30.11.2020)
- Larrabee F.S. Troubled Partnership: U.S.-Turkish Relations in an Era of Global Geopolitical Change. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010.
- Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2003.
- Wastnidge E. Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics // Middle East Critique. 2019. Vol. 29. Iss. 1. P. 7—28. DOI: 10.1080/19436149.2018.1549232

References

- Akilli, E., & Çelenk, B. (2019). TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*, 21(3), 135—151. DOI: 10.25253/99.2018EV.05
- Aliriza, B., & Aras, B. (2012). *U.S.-Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post-Cold War Era*. CSIS Report, 1—22.
- Avatkov, V.A. (2019). Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 113—129. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Flanagan, S., Larrabee, S., Binnendijk, A., Costello, K., Efron, S. et al. (2020). *Turkey's Nationalist Course: Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Gür, N., Tatliyer, M., & Dilek, Ş. (2019). The Turkish Economy at the Crossroads: The Political Economy of the 2018 Financial Turbulence. *Insight Turkey*, 21(4), 135—160. DOI: 10.25253/99.2019214.08
- Huntington, S. (2016). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST publ. (In Russian).
- Irkhin, A., Moskalenko, O., Nelina, L., Beloglazov, R., & Demeshko, N. (2021). Building a New World Order: Russia and the Competition of Civilizational Projects. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Vol. 102. International Scientific Forum “National Interest, National Identity and National Security”. 10—12 March (in press).
- Irkhin, A.A. (2016). *The USA and Turkey: Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast*. Sevastopol: “Ribest” publ. (In Russian).
- Irkhin, A.A. (2019). The External Policy of the Justice and Development Party of Turkey and Geopolitical Interests of Russia. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*, 5(3), 51—62. (In Russian).
- Kennedy, P. (2018). *The Rise and Fall of the Great Powers*. Yekaterinburg: Gonzo publ. (In Russian).
- Keyman, E.F. (2017). A New Turkish Foreign Policy: Towards Proactive “Moral realism”. *Insight Turkey*, 19(1), 55—69. URL: <https://www.insightturkey.com/fuat-keyman/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (accessed: 30.11.2020).

- Khalileva, D.R. (2013). Conflict Potential in Modern Russian-Turkish Relations. *Naukovy Vistnik ONEU. Economic, Political and Historical Science*, 12(191), 146—169. (In Russian).
- Larrabee, F.S., & Lesser, I.O. (2003). *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Larrabee, F.S. (2010). *Troubled Partnership: U.S.-Turkish Relations in an Era of Global Geopolitical Change*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Nadein-Raevskiy, V.A. (2019). Turkey: The Difficult Ally. In V.G. Baranovski & E.G. Soloviev (Eds.), *Year of the Planet: Yearbook 2019*. Moscow: Idea-Press publ. (pp. 274—286). (In Russian).
- Shpakovskaya, M.A., & Barnashov, O.V. (2018). The Concept of Neo-Ottomanism as an Instrument of “Soft Power” of the Foreign Policy of Turkey. *Asia and Africa Today*, (2), 30—36. (In Russian).
- Ulchenko, N.Yu., & Shlykov, P.V. (2014). *The Dynamics of the Russian-Turkish Relations under Instability*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Ulchenko, N.Yu. (2012). Turkey’s New Way? *World Economy and International Relations*, (6), 90—101. (In Russian).
- Wastnidge, E. (2019). Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics. *Middle East Critique*, 29(1), 7—28. DOI: 10.1080/19436149.2018.1549232

Сведения об авторах: *Ирхин Александр Анатольевич* — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (e-mail: alex.irhin@mail.ru).
Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (e-mail: kerulen@bk.ru).

About the authors: *Irkhin Aleksandr Anatolievich* — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Head, Political Science and Philosophy Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (e-mail: alex.irhin@mail.ru).
Moskalenko Olga Aleksandrovna — PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (e-mail: kerulen@bk.ru).

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-108-118

Research article / Научная статья

U.S. Migration Policy Radicalization (2017—2019): Case of Mexico and Central America

Arkadiy A. Eremin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is an attempt to critically analyze the policy of the 45th President of the United States Donald Trump regarding the southern border of the USA with Mexico. The paper analyzes the approach of Washington under the administration of D. Trump to the problem of the joint border between USA and Mexico, as well as conducts a comprehensive assessment of the main programs underlying the most pressing changes in D. Trump's policy in this area. In particular, the paper focuses on the structure of migration flows between 2017 and 2019, as well as on the reasons behind those changes. The author looks at the root causes of the unprecedented increase in the flow of potential migrants and refugees, and correlates them with the ongoing political, economic and humanitarian crises in the Central American sub-region. An important focus is given to the increasing role of Mexico in the settlement of this issue, as well as to the potential impact of such cooperation between the authorities of the United States and Mexico on the situation in Central America and Latin America in general. The significance of this paper is determined by the objective necessity of academic evaluation of the Donald Trump's administration impact on the United States governmental and foreign policy course. The author argues that the approach of the 45th president of the United States regarding traditionally sensitive issues like US — Mexico border control and migration has been mostly based on coercive tactics with obvious disregard towards social basis and root-causes of the issue at hand. One of the most distinguished traits of this approach is the practice of “outsourcing” managing the problem of refugees from Central America to the border-country, which in this specific case is Mexico.

Key words: migration flows, border control, refugees, USA, Mexico, Central America, Donald Trump

For citation: Eremin, A.A. (2021). U.S. Migration Policy Radicalization (2017—2019): Case of Mexico and Central America. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 108—118. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-108-118

Радикализация миграционной политики США в 2017—2019 гг. на примере Мексики и Центральной Америки

А.А. Еремин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка критического анализа политики 45-го президента США Дональда Трампа по ужесточению мер миграционного контроля. Детально раскрывается вектор развития

© Eremin A.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

современных подходов Вашингтона к проблеме пограничного контроля США по южному и юго-западному направлению, а также проводится комплексную оценку основных программ, стоящих в основе наиболее актуальных изменений политики Дональда Трампа в данной сфере. В частности, особое внимание уделяется структуре миграционных потоков в 2017—2019 гг., а также причинам, стоящим за происходящими изменениями. Рассматриваются первопричины беспрецедентного роста масштабов потока потенциальных мигрантов и беженцев в контексте прогрессирующего политического, экономического и гуманитарного кризиса в Центральноамериканском субрегионе. Важное место отведено возрастающей роли Мексики в урегулировании данного вопроса, а также потенциальным последствиям подобного сотрудничества властей США и Мексики для ситуации в Центральной Америке и регионе Латинской Америки в целом. Актуальность статьи обусловлена объективной необходимостью научного осмысления и качественной оценки политики администрации Дональда Трампа. Автор приходит к выводу, что подход 45-го президента США по ключевым и наиболее деликатным вопросам, как, например, пограничный контроль на южной границе между США и Мексикой, а также миграционный вопрос, основан на усилении роли силовой составляющей при показательном игнорировании социальных первопричин возникающих проблем. В этом ключе одной из уникальных отличительных характеристик подхода Дональда Трампа является попытка перенести ответственность за решение проблемы беженцев из Центральной Америки на пограничное государство, которым в данном случае является Мексика.

Ключевые слова: миграционные потоки, пограничный контроль, беженцы, США, Мексика, Центральная Америка

Для цитирования: Eremin A.A. U.S. Migration Policy Radicalization (2017—2019): Case of Mexico and Central America // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 1. С. 108—118. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-108-118

Introduction

An important ideological core of both Donald Trump's election strategy and his subsequent policy in general was anti-globalism in its broad sense. During the liberal administration of Barack Obama, whose supporters had shared the position that globalization was an objective and natural process, a certain part of American society became dissatisfied with a number of its consequent manifestations. Perhaps the greatest emotional response of the majority of American population is the question of structural change in the labor market in favor of services and its general digitalization. On the one hand, due to the scientific and technological progress certain professions become outdated, therefore some Americans were forced to change their specialty and acquire new skills. The situation is aggravated by the fact that the remaining workplaces, where manual labor is still needed, are claimed by both legal and illegal migrants — another consequence of open borders. Given this public sentiment, President Trump's policy focused on two pillars — protectionism and stronger migration control, which seem to be as antagonistic as possible to globalization.

In his election race, President Donald Trump placed particular emphasis on combating illegal migration, which included reorganization of southern border control regime. The wide Mexican border has been for many years one of the most effective ways to smuggle illegal cargo and illegal migration into the United States, which led to the formation of the “source of all evils” image in the minds of both officials and common people [Collins 2013].

Taking advantage of the popular pre-election rhetoric of stricter migration controls against Mexico during the election, Donald Trump decided not to retreat from his promises by issuing a number of contradictory decrees in this area [Frolova 2017]. Moreover, the toughening anti-migration rhetoric has not just influenced illegal migrants — Trump's administration went an extra mile and turned to restricting many perfectly legal migration mechanisms, sabotaging its participation in a number of previously adopted international treaties like the 2016 New York Declaration¹ and

¹ Resolution A/RES/71/1 adopted by the General Assembly on 19 September 2016. New York Declaration for Refugees and Migrants // United Nations. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/71/1 (accessed: 30.03.2020).

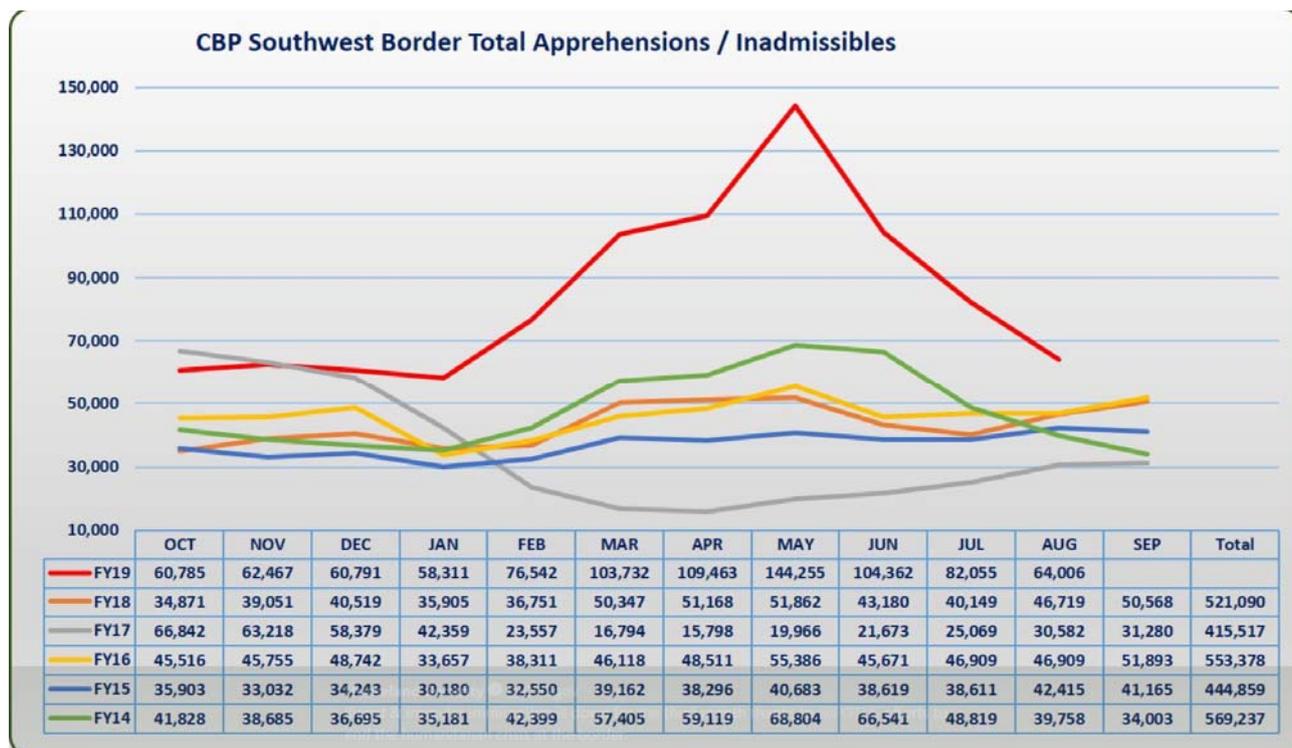

Fig. 1. Statistics on Apprehensions and Inadmissibles at the Southwest Border between Mexico and the US

Source: Department of Homeland Security // Twitter.

URL: <https://twitter.com/DHSgov/status/117115598982145153> (accessed: 01.10.2019).

subsequent Global compact for migration² that was abandoned by US party before it was supposed to be signed. After this Trump’s administration has substituted these initiatives with new ones: Border Security and Immigration Enforcement Improvements³ and Immigration Plan of 2019⁴.

Despite extensive criticism of the first initiatives to tighten migration legislation, the presidential administration continued the course,

² Global compact for migration. 13 July 2018 // United Nations. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/180713_agreed_outcome_global_compact_for_migration.pdf (accessed: 30.03.2020).

³ Executive Order 13767: Border Security and Immigration Enforcement Improvements // Federal registry. January 30, 2017. Vol. 82. No. 18. P. 8793—8797.

⁴ Remarks by President Trump on Modernizing Our Immigration System for a Stronger America. May 16, 2019 // IAICC. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewjMxejsp8TuAhVG2SoKHQoQCpkQFjACegQIAXAC&url=https%3A%2F%2Fiaicc.world%2Fpdf%2FModernization-of-U.S-Immigration-System.docx&usq=AOvVaw3k1zJhMAV6R2wNd2H2KU4m&cshid=1612032213186799> (accessed: 30.01.2020).

this time focusing on the US-Mexican border. On June 15, 2019 Donald Trump has pressured the Southern neighbor into signing a joint declaration on the fight against illegal migration⁵, mainly by utilizing one of the favorite Trumps methods — economic and fiscal policy pressure. The main innovation of the agreement was the principle of keeping all U.S. asylum seekers from south in Mexico, which has one of the highest levels of violent crime and per capita homicide. The new migration control regime at the border with Mexico came into effect almost immediately, and the U.S. Border Protection Agency has by September of 2019 rapidly provided data on decreasing detention rates at the border (Fig. 1). It is noteworthy that the Presidential Administration has been actively using these statistics to demonstrate the success of the chosen approach, as well as to justify further pressure on the Mexican government to tighten border controls.

⁵ U.S. — Mexico Joint Declaration. June 8, 2019 // Archive.org. URL: <https://archive.org/details/6143935-U-S-Mexico-Joint-Declaration> (accessed: 01.10.2020).

It is important to mention that such a strategy of the 45th President of the United States in the area of migration control is a cause for extensive criticism not only from experts in the political decision-making process, but also from the scientific community. The problem of the efficacy and security of the Mexican-U.S. border has a broad scientific basis in the context of Western academia. However, it is important to note that the situation from 2017 to 2019 is not limited to the traditional issues of the effectiveness of the joint border between Mexico and the United States but is taking on a new dimension in the context of a profound ongoing crisis in Central America, which de facto creates a fundamentally new problem that requires a full-scale scientific reflection.

Historiography

The issue under consideration can be considered relatively new, but there is already a number of western scientific works that consider both individual aspects of the tightening of U.S. migration policy by Donald Trump and complex studies in relation to the situation in Central America [Armendares, Moreno-Brid 2019; Martin 2019a; De Zarate, Shubic 2018; Kaczmarek 2018; Ganster, Lorey 2015]. It is important to outline the publications of Mexican researchers such as Juan Carlos Moreno-Brid, Professor at the National Autonomous University of Mexico, whose paper focuses on the impact of new migration policies on Mexico and its citizens. Among U.S. researchers it would be impossible not to mention Phillip L. Martin, an honorary professor at University of California — he concentrates on inefficiency of Trump's approaches towards mass migration threat from Central America and possible negative outcomes.

In Russian science this new dimension of the traditional southern US border issue has mainly been covered by N.M. Travkina from the Institute of United States and Canada of the Russian Academy of Science — she specifically studies Trump's policies and new changes to the migration legislation is among her top research priorities [Travkina 2018a; 2018b; 2018c]. From the perspective of Latin America this problem has been studied by A. Manuhin [2018; 2019],

N. Kudeyarova [2017; 2019] from Institute of Latin America of the Russian Academy of Science, and by Y. Krasnov from MGIMO University [Krasnov 2017].

It is noteworthy that authors both from Russia and from abroad come to the conclusion that attempts to tighten migration control based only on forceful methods, which Trump's administration has actively utilized over the years, are ultimately ineffective, as they do not solve the root-causes of the problem and only tackle the immediate consequence. At the same time, a distinctive feature of the agreement, implemented by Donald Trump, is his commitment to a coercive approach, at the head of which is a force-based solution to the problem, rather than searching for the original and underlying causes of the growing flow of illegal migrants and refugees.

Increased Concentration of Migrants in Border Towns

The spirit of Donald Trump's administration approach to the immigration issue is fully reflected in the attitude towards asylum seekers in the U.S. who attempt to enter the country through the common border with Mexico — now they must remain on Mexican territory for the duration of the official registration procedure. The same fate awaits those who have already entered the country but were detained by the immigration service — they will also have to wait on the other side of the border. This procedure was introduced back in January 2019 by Migrant Protection Protocols⁶. However, neither these agreements, nor the ones adopted later take any measures to ensure the safety of applicants who are forced to stay in areas with sufficiently high level of criminality. This way the "Remain in Mexico" program significantly increases the concentration of people seeking U.S. asylum in Mexican border towns, which have for many decades been characterized by increased crime rates, in particular per capita homicide [Woodward 2018].

⁶ Migrant Protection Protocols // U.S. Department of Homeland Security. 24.01.2019. URL: <https://www.dhs.gov/news/2019/01/24/migrant-protection-protocols> (accessed: 01.10.2020).

In fact, people seeking asylum in the U.S. are by definition socially vulnerable, which on insecure Mexican soil makes them an ideal target for both organized crime and natural violence. The “Human Rights First” organization has counted 110 violent crimes against this social group in Mexico since the program was launched⁷.

The amount of transit points between Mexico and US has recently decreased from 10 to 8 and the amount of asylum seekers has gone over 52,000 people⁸ [Martínez Flores 2020]. All of the above contributes to the extremely high concentration rates of this socially unprotected group, once again making its representatives even more visible and vulnerable to criminal structures. For comparison, before the adoption of the program “Remain in Mexico”, the amount of people awaiting the decision on Mexican soil used to be almost 10 times lower and did not exceed the mark of 5,000⁹.

Combined with the long and overly bureaucratic decision-making process on migration issues by the US authorities, such a high risk of becoming a violent crime victim for refugees is a reason for human rights defenders to consider it a fundamental human rights violation on Washington’s part [Armendares, Moreno-Brid 2019].

Mexico’s Position on Tightening U.S. Migration Policy

With the radicalization of migration policy in the United States, Mexican President Andrés Manuel López Obrador has faced increasing pressure from the administration of the 45th US President, in whose understanding Mexico is the

main source of problems in this area. It is important to consider that Mexico is seriously dependent on the US in many spheres, most of all trade and economy. This undoubtedly gives Washington an opportunity to effectively exert serious political pressure, which President Trump actively uses in negotiations on tightening the border control between Mexico and the United States. A good example in this vein is the elimination of NAFTA, which has long been criticized by a conservative part of the American population for making too many concessions to Canada and Mexico. In the context of Donald Trump’s commitment to anti-globalism, such a step not only proved to be an effective deterrent mechanism for Mexico, but also blended perfectly into the formed image of a “successful businessman willing to negotiate better terms”. Instead of NAFTA, US-M-CA (USMCA)¹⁰ was introduced, changing basic trade agreements in North America.

President Trump’s attitude towards the Southern neighbor can be seen throughout his political career since the election race, when Donald Trump conceptually revived the idea of building a wall on the border between the two countries¹¹. In his understanding building such a wall should happen mainly at the expense of the Mexican authorities. The quintessence of such an idea is to shift the responsibility for reducing the flow of illegal immigrants onto the US soil to Mexico and its border security agencies. In fact, this notion of making border security the problem of Mexico has even become a reality under Trumps administration — while the U.S. Border Agency reports a decrease in the number of detainees, their Mexican counterparts have reported record numbers of deportations from their territory in the first seven months of 2019, which is 38 % higher than in the previous year¹².

⁷ Delivered to Danger: Illegal Remain in Mexico Policy Imperils Asylum Seekers’ Lives and Denies Due Process // Human Rights First. August 2019. URL: <https://www.humanrightsfirst.org/sites/default/files/Delivered-to-Danger-August-2019%20.pdf> (accessed: 30.09.2020).

⁸ Increasing Numbers “Remain in Mexico” Awaiting Immigration Court Hearings // Transactional Records Access Clearinghouse. URL: <https://trac.syr.edu/immigration/reports/571/> (accessed: 01.10.2020).

⁹ Petition for a writ of Certiorari // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/brief/file/1269196/download> (accessed: 01.10.2020).

¹⁰ United States — Mexico — Canada agreement // USMCA. URL: <https://usmca.com/> (accessed: 30.01.2020).

¹¹ Donald Trump wants to build a wall on the border with Mexico. Can he do it? // PBS. 02.05.2016. URL: <https://www.pbs.org/weta/washingtonweek/blog-post/donald-trump-wants-build-wall-border-mexico-can-he-do-it> (accessed: 20.09.2020).

¹² Boletín Mensual de estadísticas migratorias // Unidad de política migratoria, registro e identidad de personas.

Thus, Mexico provides a significant service to the United States — reducing the number of potential applicants for asylum in the United States, as well as reducing the number of those waiting for a decision by the U.S. Migration Service in the USA's own territory, which naturally, always takes up federal funds. This means that many people with a legitimate claim to asylum in the United States will often not even get a chance to apply, as they will be deported back to their country by the Mexican authorities. Experts predict that this pattern will not only fail to harm the services of criminal gangs who guarantee transfer across national borders, but also motivates people to turn to them more often, even though such routes will become even more complicated and dangerous. It is clear, however, that potential clients of such services are at great risk of being subjected to violent crimes and being sold into slavery [Armendares, Moreno-Brid 2019].

By shifting responsibility to its southern neighbor, Washington was able to declare the success of the new direction — official figures demonstratively say that the border area between the two countries has become much less accessible to people, as evidenced by the significant decrease in the total number of arrests at the common border. The fact that a significant share of these potential migrants ends up in the hands of Mexican border guards is overlooked [Barret 2016].

Thus, the statistically vital performance indicator is formally decreasing, but in absolute figures the flow of potential migrants, including those from Central America, continued to grow rapidly. This fact, however, did not prevent Donald Trump from stating that further success depends primarily on the Mexican side's contribution to solving the problem of illegal migration.

According to one of the Washington Post's articles, one of the president's goals in this situation was to get the numbers to the level of 2017, when the 45th president was just beginning

to reform the system of migration control in the United States¹³.

However, most experts agree that it is almost impossible to achieve such a level, because initially the record of 2017 was motivated by the wait-and-see tactics of criminal elements who tried to predict further actions of the new administration on the issue of border control¹⁴.

The abovementioned statistical phenomenon has a great chance to return to its original state, as during previous attempts to tighten the border regime, migration patterns had a tendency to stabilize after strong statistical fluctuations. This fate, for example, fell upon the initiative of the previous U.S. President Barack Obama in the period from 2014 to 2015, when the “Southern Border Plan” program was implemented, which logically resembled the “Merida Initiative”, only aimed at the problem of illegal migration¹⁵. Significant statistical result that immediately followed the implementation of the program was not of great benefit in the long run — migration flows have successfully adapted to new obstacles. This suggests that the new measures to tighten border controls will lose effectiveness after some time [Martin 2019a].

It is worth mentioning that with the general trend of pushing Mexico towards more responsibilities in the issue of border control, it is already receiving a record number of asylum applications from people who originally sought asylum in the United States. In 2019 Mexican authorities already received more than 48,000 applications, which is almost twice as

¹³ Miroff N., Sieff K. Mexico's crackdown on migrants is stalling, U.S. officials say ahead of talks next week // Washington Post. 07.09.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/immigration/mexicos-crackdown-on-migrants-is-stalling-us-officials-say-ahead-of-talks-next-week/2019/09/06/b46296a6-d0b3-11e9-8c1c-7c8ee785b855_story.html?noredirect=on (accessed: 01.10.2020).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Programa Frontera. 2012 // U.S. Environmental Protection Agency. URL: https://www.epa.gov/sites/production/files/documents/b2012close_esp.pdf (accessed: 01.10.2019).

2019. URL: http://portales.segob.gob.mx/work/models/PoliticaMigratoria/CEM/Estadisticas/Boletines_Estadistico/s/2019/Boletin_2019.pdf (accessed: 30.09.2020).

many as in 2018¹⁶. At the same time asylum program in Mexico has a very limited budget (only 1.2 million USD), which makes it impossible to process all the applications in due time¹⁷. The experts of the UN High Commissioner for Refugees therefore tend to question the very ability of Mexican government to cope with the influx of Central American refugees¹⁸.

Contemporary Dimension of Illegal Migration in the USA

The main claim of human rights defenders to the new policy on migration by Trump's administration is that it definitely ignores the preconditions of the problem, preferring to focus on the consequences, making deterrence the basic instrument of border control. First and foremost, the problem of the U.S. — Mexico border in the context of migration today is not about weak border regime but growing instability in Central America. Statistics on violent crime in countries such as El Salvador and Guatemala are among the most discouraging not only in the region, but worldwide¹⁹. Moreover, situation is aggravated by the fact that people most often susceptible to violence are the most vulnerable social groups including women and children. All this has led to a structural change in migration flows, which now include not only men of single

Mexican origin (a major trend until 2012), but also entire families from Central America, who under current circumstances account for up to 2/3 of the total migrant population²⁰.

While a predominantly forceful approach to combating migration could still be justified before the conservative part of the electorate when speaking about adult males seeking the obvious benefits of the North American economy; in case of entire families fleeing from violence and arbitrariness public sentiment is not be favorable for new policy [De Zarate, Shubic 2018]. Unfortunately, the administration of the 45th President of the United States was not seeking to adapt migration programmes to the humanitarian catastrophe in Central America — instead, it has shifted responsibility to a country that itself is experiencing highest levels of instability regarding violence and organized crime.

The situation gets even more aggravated by cancellation of more than 450 million USD in humanitarian aid to Central American countries at the initiative of D. Trump²¹. The money was to be channeled through USAID to help develop programs in a variety of areas: stimulate economic growth, ensure food security, rural development and promote social mobility. Among other spheres of cooperation that are now be underfinanced because of this decision include combating drug trafficking and crime, strengthening political institutions, ensuring human rights and judicial system improvements²².

Another interesting tendency is the way how the Trump's administration is utilizing the image of looming humanitarian disaster to justify the

¹⁶ Meyer M., Isacson A. The 'Wall' Before the Wall: Mexico's Crackdown on Migration at its Southern Border // WOLA. URL: <https://www.wola.org/analysis/mexico-southern-border-report/> (accessed: 01.10.2020).

¹⁷ Diaz L., Schrank D. Mexico's refugee agency turns to U.N. amid asylum surge, funding cuts // Reuters. 22.05.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-immigration-mexico/mexicos-refugee-agency-turns-to-u-n-amid-asylum-surge-funding-cuts-idUSKCN1SS06N> (accessed: 01.10.2020).

¹⁸ Fontanini F., Romo A. Central American refugees and migrants reach Mexico City // United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). 07.11.2018. URL: <https://www.unhcr.org/news/latest/2018/11/5be2ed814/central-american-refugees-migrants-reach-mexico-city.html> (accessed: 01.10.2020).

¹⁹ Dalby C., Carranza C. InSight Crime's 2018 Homicide Round-Up // InSight Crime foundation. 22.01.2019. URL: <https://www.insightcrime.org/news/analysis/insight-crime-2018-homicide-roundup/> (accessed: 01.10.2019).

²⁰ Total Illegal Alien Apprehensions by Fiscal Year // The U.S. Border patrol. URL: <https://www.cbp.gov/sites/default/files/assets/documents/2019-Mar/bp-southwest-border-sector-apps-fy1960-fy2018.pdf> (accessed: 01.10.2020).

²¹ Wroughton L., Zengerle P. As promised, Trump slashes aid to Central America over migrants // Reuters. 17.06.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-immigration-trump-idUSKCN1T2C7> (accessed: 01.10.2020).

²² USAID Guatemala country fact sheet // USAID. July 2018. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1862/Guatemala_External_Fact_Sheet_July_2018.pdf (accessed: 01.10.2020).

strengthening of the coercive component in the anti-migration policy. In early 2019, the U.S. government went into the so-called “Shutdown”²³ due to inability of two major parties to settle on federal budget [Genovese 2017]. A significant role in the Shutdown was caused by president himself after his aggressive anti-migrant policy including decision to delegitimize “Dreamers”²⁴, obtrusive intention to build a costly wall on the Southern border and restricting the rights of children born from baby tourism²⁵.

To gain leverage against the liberal public the presidential administration actively relied upon the fact that during the closure of federal institutions an impressive wave of illegal aliens has crossed the border with Mexico into the US soil. Trump’s main argument in this regard was that without a wall on the border with Mexico it is impossible to contain such numerous caravans of illegal migrants. So, under the proposed logics the only way out is to intensify border control. It is worth noting that such manipulation of a direct consequence of the humanitarian crisis in Central America played a significant role in stopping the “Shutdown” in favor of Donald Trump’s anti-migration initiatives.

Conclusion

Analysis of the US migration policy under Donald Trump allows us to draw a number of conclusions.

First, it seems logical to conclude that the problem with the Mexican-American border is now being reincarnated in the context of the humanitarian crisis in Central America. The rapid increase in the flow of migrants to the United States through the South and South-West borders is happening primarily due to the desire

²³ A state of affairs in United States when federal institutions cannot function because the parliament could not agree on annual budget.

²⁴ People who were illegally brought in United States at a very young age. They are socially adapted to the life in the US and at times do not even know their native language.

²⁵ Children born on US soil until recently had legal right to citizenship, which created a blooming touristic multimillion industry of baby tourism.

of the people who are unfortunate enough to have been born in world’s most dangerous countries to seek refuge from an unprecedented level of violent crime, corruption, impunity, social injustice and poverty, making them refugees rather than illegal migrants. This, in turn, implies that a fundamentally different approach is required — most of these people are legally eligible to get the help they want from United States. However, it would seem like Washington, D.C. under Donald Trump was not willing to provide it anymore at a previous extent, at least to the applicants from Latin America.

A proper approach required in this situation should be based on the principles of humanism and human rights protection and definitely not force and coercion. It also seems quite reasonable to conclude that with the annulment of a considerable number of international assistance programs to Central America, where most refugees in the continent tend to originate, the situation in this sub-region will only continue to worsen, leading to an even greater increase in migration. This will in return contribute to the development of organized crime operation on the U.S. — Mexico border due to a high demand on smugglers.

It is obvious that in order to avoid possible allegations of human rights violations and the aggravation of a growing humanitarian catastrophe in the region President Trump’s administration chose to shift responsibility to the Mexican authorities. Donald Trump’s new political rhetoric on this issue directly links the success of the border issue to that country’s new obligations and contribution. Meanwhile, it is already clear that pressure on the Mexican side will continue to grow in the short term. This will help Washington to minimize the number of people from Central America who will get the chance to exercise the right of asylum on U.S. territory — and all that at the expense of Mexican party. Mexico, with its own set of unresolved problems, appears even more constrained and will almost certainly base their approach on coercive measures.

It should be noted that such a development of the 45th President administration’s approach

to the issue of migration control clearly outlines a trend for general policy radicalization. Of course, factors such as the decline in popularity of the incumbent president among the electorate [Balakina, Jucovscaia 2019], as well as the unsuccessful attempt at impeachment have played a significant role in this process. An important consequence of such a radical migration policy is that it has definitely costed Donald Trump some credibility points with the potential electorate, which could be considered one of the reasons why he lost the 2020 elections to Joe Biden. On top of that, Western scientific community has already given Donald Trump a partial evaluation of his policies, naming them

nationalist and populist [Martin 2019b] besides being obviously disastrous for U.S. economy in the upcoming years [Valli 2018; Rodrik 2018]. In this regard, newest President of the United States will be the one to face direct negative consequences of his predecessor's aggressive migration policy and also will find himself responsible to undo the damage and fundamentally change the course of U.S. migration policy for good. Moreover, this will be additionally complicated by the drop of significance of presidential public leadership that was caused in the last years of Trump's Presidency [Heith 2020; Walsh 2020].

Received / Поступила в редакцию: 05.10.2020

Accepted / Принята к публикации: 21.12.2020

References

- Armendares, P.E., & Moreno-Brid, J.C. (2019). La política migratoria de Trump: antecedentes y consecuencias para los migrantes mexicanos y sus comunidades. *México y la Cuenca del Pacífico*, 8(22), 1—31. (In Spanish). DOI: 10.32870/mycp.v8i22.606
- Balakina, Yu.V., & Jucovscaia, A. (2019). Public Reaction to the US Restrictive Migration Policy in Twitter: The Analysis of Intertextuality. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 13(1), 47—58. (In Russian).
- Barret, W. (2016). *Trump: The Greatest Show on Earth: The Deals, the Downfall, and the Reinvention*. New York: Regan Arts.
- Collins, K. (2013). Life in the US — Mexican Border Region: Residents' Perceptions of the Place. *Journal of Borderlands Studies*, 28(1), 127—146. DOI: 10.1080/08865655.2013.796210
- De Zarate, A.O., & Shubic, Y.G. (2018). Humanitarian Crisis: Unaccompanied Migrant Minors from Central America to the US — Mexican Border. *The Copernicus Journal of Political Studies*, 1(7), 160—175.
- Frolova, O.A. (2017). The Issue of Migration Control in Presidential Race of 2016: Historical Aspect and Modernity. *Russian Political Science*, 1(2), 56—62. (In Russian).
- Ganster, P., & Lorey, D.E. (2015). *The US-Mexican Border Today: Conflict and Cooperation in Historical Perspective*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Genovese, M.A. (2017). *How Trump Governs: An Assessment and a Prognosis*. New York: Cambria Press.
- Heith, D.J. (2020). *The End of the Rhetorical Presidency? Public Leadership in the Trump Era*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781003057178
- Kaczmarek, A. (2018). The Right to Life Denied: The Culture of Violence along the US-Mexican Border. *Studia Anglica Resoviensia*, (15), 47—58. DOI: 10.15584/sar.2018.15.1.4
- Krasnov, Y.K. (2017). Donald Trump's Migration Policy Reform. *Migratsionnoe Pravo*, (3), 18—21. (In Russian).
- Kudayarova, N. (2017). Mexico: "The Population Explosion" and Mass Migration. *Cuadernos Iberoamericanos*, (2), 56—62. (In Russian). DOI: 10.46272/2409-3416-2017-2-56-62
- Kudayarova, N.Yu. (2019). The Southwest Border Problem Politicization: The U.S. and Mexico in Regional Migration System. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 49(11), 55—70. (In Russian). DOI: 10.31857/S032120680007286-8
- Manukhin, A. (2019). The Features of Donald Trump Administration's Policy in Latin America. *Rossiia i Amerika v XXI Veke*, (S1), 1—14. (In Russian). DOI: 10.18254/S207054760005322-1
- Manukhin, A.A. (2018). Mexico and the United States: Are There New Treats for Old Sores? *Latinskaia Amerika*, (4), 52—66. (In Russian).
- Martin, P.L. (2019a). President Trump and Migration Policy. *Journal of Economy Culture and Society*, 60(1), 1—15. DOI: 10.26650/JECS2019-0024
- Martin, P.L. (2019b). Trump, Migration, and Agriculture. *Border Crossing*, (9), 19—27. DOI: 10.33182/bc.v9i1.674

- Martínez Flores, F. (2020). The Effects of Enhanced Enforcement at Mexico's Southern Border: Evidence from Central American Deportees. *Demography*, (57), 1597—1623. DOI: 10.1007/s13524-020-00914-3
- Rodrik, D. (2018). Is Populism Necessarily Bad Economics? *AEA Papers and Proceedings*, (108), 196—199. DOI: 10.1257/pandp.20181122
- Travkina, N.M. (2018a). Donald Trump's Immigration Policy: Intermediate Results. *Perspectives*, 2(14), 69—81. (In Russian).
- Travkina, N.M. (2018b). November 2018 United States Elections: Referendum on Donald Trump. *Perspectives*, 3(15), 45—60. (In Russian). DOI: 10.32726/2411-3417-2018-3-45-59
- Travkina, N.M. (2018c). *USA: Changing Algorithm of Development*. Moscow: Ves' mir publ. (In Russian).
- Valli, V. (2018). *The American Economy from Roosevelt to Trump*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-96953-4
- Walsh, K.T. (2020). *Presidential Leadership in Crisis: Defining Moments of the Modern Presidents from Franklin Roosevelt to Donald Trump*. Routledge.
- Woodward, B. (2018). *FEAR: Trump in White House*. New York: Simon & Schuster.

Библиографический список

- Балакина Ю., Жуковская А. Общественная реакция в Твиттере на ограничительную политику США: анализ интертекста // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 1. С. 47—58.
- Краснов Ю.К. Реформа миграционной политики Дональда Трампа // Миграционное право. 2017. № 3. С. 18—21.
- Кудярова Н.Ю. Мексика: «демографический взрыв» и массовая миграция // Ибероамериканские тетради. 2017. № 2 (16). С. 56—62. DOI: 10.46272/2409-3416-2017-2-56-62
- Кудярова Н.Ю. Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 11. С. 55—70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8
- Манухин А.А. Мексика и США: есть ли новые решения старых проблем // Латинская Америка. 2018. № 4. С. 52—66.
- Манухин А.А. Особенности политики администрации Дональда Трампа в Латинской Америке // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № S1. С. 1—14. DOI: 10.18254/S207054760005322-1
- Травкина Н.М. Иммиграционная политика Д. Трампа: промежуточные итоги // Перспективы. Электронный журнал. 2018а. № 2 (14). С. 69—81.
- Травкина Н.М. Ноябрьские выборы 2018 г. в США: референдум по Д. Трампу // Перспективы. Электронный журнал. 2018б. № 3 (15). С. 45—60. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-3-45-59
- Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018.
- Фролова О.А. Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.: исторический аспект и современность // Русская политология. 2017. № 1 (2). С. 56—62.
- Armendares P.E., Moreno-Brid J.C. La política migratoria de Trump: antecedentes y consecuencias para los migrantes mexicanos y sus comunidades // México y la Cuenca del Pacífico. 2019. Vol. 8. No. 22. P. 1—31. DOI: 10.32870/mycp.v8i22.606
- Barret W. *Trump: The Greatest Show on Earth: The Deals, the Downfall, and the Reinvention*. New York: Regan Arts, 2016.
- Collins K. Life in the US—Mexican Border Region: Residents' Perceptions of the Place // Journal of Borderlands Studies. 2013. Vol. 28. Iss. 1. P. 127—146. DOI: 10.1080/08865655.2013.796210
- De Zarate A.O., Shubic Y.G. Humanitarian Crisis: Unaccompanied Migrant Minors from Central America to the US — Mexican Border // The Copernicus Journal of Political Studies. 2018. Vol. 1. No. 7. P. 160—175.
- Ganster P., Lorey D.E. *The US-Mexican Border Today: Conflict and Cooperation in Historical Perspective*. Rowman & Littlefield Publishers, 2015.
- Genovese M.A. *How Trump Governs: An Assessment and a Prognosis*. New York: Cambria Press, 2017.
- Heith D.J. *The End of the Rhetorical Presidency? Public Leadership in the Trump Era*. New York: Routledge, 2020. DOI: 10.4324/9781003057178
- Kaczmarek A. The Right to Life Denied: The Culture of Violence along the US-Mexican Border // Studia Anglica Resoviensia. 2018. Vol. 15. No. 1. P. 47—58. DOI: 10.15584/sar.2018.15.1.4
- Martin P.L. President Trump and Migration Policy // Journal of Economy Culture and Society. 2019a. Vol. 60. No. 1. P. 1—15. DOI: 10.26650/JECS2019-0024

- Martin P.L.* Trump, Migration, and Agriculture // *Border Crossing*. 2019b. Vol. 9. No. 1. P. 19—27. DOI: 10.33182/bc.v9i1.674
- Martínez Flores F.* The Effects of Enhanced Enforcement at Mexico's Southern Border: Evidence from Central American Deportees // *Demography*. 2020. Vol. 57. Iss. 5. P. 1597—1623. DOI: 10.1007/s13524-020-00914-3
- Rodrik D.* Is Populism Necessarily Bad Economics? // *AEA Papers and Proceedings*. 2018. Vol. 108. P. 196—199. DOI: 10.1257/pandp.20181122
- Valli V.* *The American Economy from Roosevelt to Trump*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-96953-4
- Walsh K.T.* *Presidential Leadership in Crisis: Defining Moments of the Modern Presidents from Franklin Roosevelt to Donald Trump*. Routledge, 2020.
- Woodward B.* *FEAR: Trump in White House*. New York: Simon & Schuster, 2018.

About the author: *Eremin Arkadiy Alekseevich* — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: eremin_aa@pfur.ru).

Сведения об авторе: *Еремин Аркадий Алексеевич* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: eremin-aa@rudn.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-119-135

Научная статья / Research article

Венесуэльский аспект «восходящего партнерства» Турции и стран Латинской Америки: факторы, динамика и риски

А.Н. Пятаков

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Проведен анализ турецко-венесуэльских отношений на фоне активизации связей Турции и Латинской Америки. В 2015—2019 гг. данный вектор межконтинентального сотрудничества вышел на пиковую стадию. Это отразилось и в интенсификации торгово-экономических отношений, и в укреплении дипломатических связей. Выявлены причины и международные факторы происходящего сближения. Исследование проводится при прослеживании траектории изменения внешнеполитической линии Турции, проявляющемся в постепенном отходе от прозападного курса. Основной акцент сделан на рассмотрении эволюции и актуального состояния турецко-венесуэльских отношений. Пережив периоды спадов и подъемов, к 2016 г. отношения между Венесуэлой и Турцией вошли в фазу кульминации. В последние годы их двустороннее партнерство заметно выделяется на фоне отношений Анкары с остальными государствами региона. Об этом свидетельствует рекордная частота межгосударственных официальных визитов и высокая степень взаимопонимания турецкого и венесуэльского руководства по ряду принципиальных вопросов. В статье проводится компаративный анализ политических и исторических особенностей двух государств. Автор приходит к выводу, что турецко-венесуэльское партнерство строится на основе реагирования на текущие внешние вызовы, общие для двух государств. И Венесуэла, и Турция находятся под санкционным давлением, хотя и в разной степени; в экономиках обоих государств наблюдаются кризисные моменты. Данные факторы оказывают стимулирующее воздействие на развитие экономического взаимодействия между государствами на взаимовыгодной основе. Для Венесуэлы экономическое сотрудничество с Турцией является значимым фактором, позволяющим амортизировать отрицательные последствия перманентного экономического кризиса. Поставки турецких продуктов питания во многом помогают снизить остроту продовольственного дефицита в Венесуэле, а закупки Анкарой венесуэльского золота способствуют пополнению бюджета латиноамериканской страны валютными средствами. Можно говорить о сложившемся геостратегическом партнерстве, имеющем если не долгосрочный, то среднесрочный потенциал.

Ключевые слова: Турция, Латинская Америка, Венесуэла, внешняя политика, санкции, межконтинентальные связи, экономическое сотрудничество, военно-техническое сотрудничество

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-014-00053.

Для цитирования: Пятаков А.Н. Венесуэльский аспект «восходящего партнерства» Турции и стран Латинской Америки: факторы, динамика и риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 119—135. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-119-135

© Пятаков А.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Venezuelan Aspect of “Emerging Partnership” between Turkey and Latin America: Factors, Dynamics and Risks

Andrei N. Piatakov

Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article provides an analysis of Turkish-Venezuelan relations amid Turkey-Latin American ties enhancing. In 2015-2019, this way of intercontinental cooperation has reached a peak. This was reflected in the intensification of trade and economic relations, as well as in the strengthening of diplomatic ties. The author analyzes the causes and international factors of the ongoing rapprochement. The analysis is carried out by tracking the trajectory of the changes in Turkey's foreign policy from the perspective of its gradual departure from the pro-Western course. The main emphasis is placed on the evolution and current stage of the Turkish-Venezuelan relations. After periods of recession and boom by 2016 relations between Venezuela and Turkey had come into a turning point. In recent years, their bilateral partnership has been markedly distinguished on the background of Ankara's relations with other states of the region. Venezuela has a record frequency of interstate official visits and a high degree of mutual understanding with the Turkish leadership on fundamental issues. The author carried out a comparative analysis of the two states' political and historical special characteristics. The author comes to the conclusion that the format of Turkish-Venezuelan partnership is built on the basis of responding to common to the two states current external challenges. Both states are under sanctions pressure, although with a varying degrees of severity; both economies are experiencing crisis moments. These factors contribute to the development of economic interaction between the states on a mutually beneficial basis. For Venezuela, its economic cooperation with Turkey is a significant factor mitigating the negative effects of the permanent economic crisis. The supply of Turkish foodstuffs helps to reduce a food shortage, while Ankara's purchases of Venezuelan gold contribute to the replenishment of the Venezuelan budget with currency assets. We can talk about the existing geostrategic partnership, which has, if not long-term, then medium-term potential.

Key words: Turkey, Latin America, Venezuela, foreign policy, sanctions, intercontinental links, economic cooperation, military-technical cooperation

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project №18-014-00053.

For citation: Piatakov, A.N. (2021). Venezuelan Aspect of “Emerging Partnership” between Turkey and Latin America: Factors, Dynamics and Risks. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 119—135. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-119-135

В последние годы внешняя политика Турции на латиноамериканском направлении носит столь активный характер, что можно говорить о полноценном функционировании в регионе нового внерегионального «игрока» как о свершившемся факте. Поступательное освоение Анкарой относительно нового для нее региона развенчивает миф о том, что географическая удаленность является существенным препятствием для развития полноценных двусторонних отношений между странами разных континентов.

Активизация турецко-латиноамериканских связей

С момента прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития

(ПСР) произошли коренные изменения во внешней политике, придав импульс «экспансии» турецких интересов во все регионы мира. Наиболее активно наблюдается диверсификация связей на африканском и азиатском направлении [Ozkan 2011] (например, в 2009—2012 гг. в Африке открылось 20 турецких посольств). Интенсивнее стала действовать Турция и в Латиноамериканском регионе, к которому Анкара стала проявлять больше интереса [González Levaggi 2012]. Проблематика этого вектора турецкой внешней политики еще недостаточно изучена в российских исследованиях, хотя в целом сотрудничество Латинской Америки и Карибского региона (ЛКА) с внерегиональными партнерами стоит в повестке отечественной латиноамериканистики [Разумовский 2016].

Предпочтение, особенно в изучении внешнего взаимодействия Венесуэлы, отдается преимущественно таким внерегиональным партнерам, как Китай [Розенталь 2016], Россия [Розенталь 2018] и Индия [Воротникова 2019].

Первопроходцем в изучении турецкого аспекта латиноамериканских связей стал политолог А.В. Сулейманов, осветивший исторический аспект межконтинентальных отношений и основные сферы сотрудничества к 2014 г. [Сулейманов 2014а]. В монографии Института Латинской Америки РАН (ИЛА РАН), посвященной, в частности, диверсификации внешних связей ЛКА по линии «Юг — Юг», анализ проводится до 2016 г. [Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов 2017].

Существенный научный задел сделан турецкими и латиноамериканскими исследователями. В 2004 г. вышла монография М. Темеля, в которой были освещены взаимоотношения Турции со странами ЛКА в XIX—XX вв. [Temel 2004]. В 2016 г. опубликована фундаментальная монография на испанском языке «Турция — Латинская Америка и Карибы: восходящая ассоциация», посвященная анализу эволюции межконтинентальных отношений вплоть до 2015 г. [Turquía — América Latina y el Caribe... 2016]. Однако реальная практика межгосударственного сотрудничества в прошедшее пятилетие (2015—2019) была настолько насыщена (особенно на венесуэльском направлении), что заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Прежде чем перейти к анализу турецко-венесуэльского партнерства, целесообразно показать общий, латиноамериканский, контекст активности Турции.

Активизация турецкой внешней политики в ЛКА в указанный период вызвана тремя ключевыми факторами.

Во-первых, сирийский кризис и в целом конфликтная ситуация на Ближнем Востоке усилили необходимость диверсификации внешнеэкономических связей Турции.

Во-вторых, на фоне миграционного кризиса осложнились отношения Анкары с ЕС.

Наконец, в-третьих, после попытки госпереворота в Турции (июль 2016 г.)

произошло заметное охлаждение отношений с США, в результате чего «к 2018 г. турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю их развития» [Шлыков 2019].

Произошедшее «стратегическое разъединение» [Боровков, Косарев, Виловатых, Глазова, Михайлов, Алхименков, Кравченко 2019] США и Турции открыло «вер» внешнеполитических возможностей для Анкары, реализованный в том числе и на латиноамериканском направлении. Постепенная трансформация турецкого геополитического видения шла и в предыдущие годы [Yeşiltaş 2013], однако указанные факторы ускорили этот процесс, а в практическом плане — стимулировали активные действия по диверсификации внешней политики и торговли, начало которым было положено еще в 2001 г. после серьезного внутреннего экономического кризиса.

Наряду с внешними факторами негативного порядка сыграл роль последовательный рост геополитического веса Турции [Ataman 2008]. Анкара стала все более активно действовать на международной арене. Будучи членом двух престижных международных «клубов» — G20 и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Анкара начала проводить более самостоятельную внешнюю политику. Так, в декабре 2018 г. на саммите G20 в Буэнос-Айресе именно президент Турции Р.Т. Эрдоган активно выступал за прием в ОЭСР Аргентины¹.

Активная диверсификация внешнеэкономических связей Турции происходит на фоне сближения с альтернативными центрами на глобальной арене. Так, Анкарой выдвинута инициатива вступления в БРИКС. Турция была приглашена в статусе наблюдателя на X Саммит группировки «восходящих стран-гигантов» (июль 2018 г., Йоханнесбург), где Р.Т. Эрдоган озвучил идею потенциального расширения БРИКС путем

¹ Macri agradeció a Erdogan el apoyo de Turquía para el ingreso argentino a la OCDE // Telam. 01.12.2018. URL: <https://www.telam.com.ar/notas/201812/311136-macri-agradecio-a-erdogan-el-apoyo-de-turquia-para-el-ingreso-argentino-a-la-ocde.html> (accessed: 10.08.2019).

включения в него Турции². Нельзя исключать, что активная внешняя политика Анкары на латиноамериканском направлении является «подготовкой почвы» для реализации этих планов. Для этого особенно важно заручиться поддержкой Бразилии. Потенциальное вступление Турции в БРИКС может существенно изменить актуальную конфигурацию глобального баланса сил. Одновременно это сможет дать Анкаре дополнительные возможности взаимодействия с партнерами ЛКА, а уже активно действующие в регионе Китай и Индия получают нового заинтересованного единомышленника.

При анализе внешнеполитических связей членов БРИКС с третьими странами в западной политологии нередко используется термин «восходящее партнерство» (*emerging partnership*). Например, именно так квалифицируются современные индийско-израильские [Kumaraswamy 2002] или китайско-африканские [Тоогоод 2016] отношения. По мнению ряда исследователей, существуют все основания квалифицировать статус партнерства Турции и ЛКА в том же ключе: «С приходом к власти правительства ПСР и с важными изменениями, произошедшими в международной системе в связи с подъемом восходящих держав, к числу которых относятся Бразилия, стали возможными рост числа визитов на высшем уровне, увеличение количества дипломатических представительств, и помимо этого — расширение взаимодействия в сферах науки и культуры. Реструктуризация мира, унаследованного после холодной войны, произошедшая после 11 сентября 2001 г. и приведшая к формированию многополярной системы, придала множество импульсов для образования таких нетрадиционных межрегиональных ассоциаций, как восходящее партнерство между Латинской Америкой и Турцией» [Turquía — América Latina y el Caribe... 2016: 29].

К 2019 г. Анкара подошла с весомым «багажом» связей с ЛКА. В немалой степени

этому способствовали два латиноамериканских турне Р.Т. Эрдогана в 2015 г. (Куба, Колумбия, Мексика) и в 2016 г. (Чили, Перу, Эквадор).

Договорная база отношений Турции с латиноамериканскими странами включает более 200 межгосударственных соглашений (четверть из них заключена после 2016 г.)³. Анкара принимает участие в более чем 650 совместных проектах с латиноамериканскими партнерами, в том числе в области энергетики⁴. Так, нефтегазовый гигант Turkish Petroleum (ТРАО) занимается разведкой нефтяных месторождений; Турция также сотрудничает с Бразилией в области атомной энергетики. Если в 2009 г. в регионе насчитывалось только 6 турецких дипломатических представительств, то к 2019 г. их стало 13: в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Гватемале, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Колумбии, Мексике, Панаме, Перу, Эквадоре, Чили и на Кубе. К 2023 г. (к столетию Республики) планируется довести их число до 20, и Анкара успешно продвигается к этой цели. Так, в феврале 2019 г., спустя три месяца после визита Р.Т. Эрдогана, в Асунсьоне (Парагвай) заработало четырнадцатое дипломатическое представительство в ЛКА⁵. В свою очередь, 12 государств региона имеют посольства в Турции.

Чрезвычайно активно действует на латиноамериканском направлении Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТІКА) — флагман продвижения механизмов «мягкой силы». С 2008 по 2018 г. ТІКА

³ Turquía ha firmado más de 200 acuerdos con América Latina // El Día. 27.11.2015. URL:

<https://eldia.com.do/turquia-ha-firmado-mas-de-200-acuerdos-con-america-latina/> (accessed: 12.08.2019).

⁴ Dinatale M. Turquía, el país que exporta su economía en auge y sus contradicciones // La Nación. 06.07.2014. URL: <https://www.lanacion.com.ar/opinion/turquia-el-pais-que-exporta-su-economia-en-auge-y-sus-contradicciones-nid1707055> (accessed: 29.01.2020).

⁵ Paraguay abre embajada en Turquía y ya trabaja en próxima visita de Abdo Benítez // Ministerio de Relaciones Exteriores. Republica del Paraguay. 18.02.2019. URL: <https://www.mre.gov.py/index.php/noticias/paraguay-abre-embajada-en-turquia-y-ya-trabaja-en-proxima-visita-de-abdo-benitez> (accessed: 14.08.2019).

² Erdogan busca añadir el 'T' de Turquía a BRICS // HispanTV. 30.07.2018. URL: <https://www.hispantv.com/noticias/turquia/383930/erdogan-entrada-brics-tension-eeuu> (accessed: 29.01.2020).

открыло представительства в Мексике (2014 г.) и Колумбии (2015 г.), реализовало 172 проекта в таких областях, как образование, здравоохранение, сельское хозяйство и строительство инфраструктурных объектов (в частности школ)⁶.

Установив стратегическое партнерство с Бразилией и Мексикой и заключив Соглашение о свободной торговле с Чили, Турция ведет переговоры о подписании аналогичных соглашений с Мексикой, Колумбией, Перу и Эквадором.

Развитию отношений способствует налаживание прямого авиасообщения между Стамбулом и 6 латиноамериканскими столицами (Сан-Паулу, Буэнос-Айресом, Боготой, Панамой, Гаваной и Каракасом). Со многими государствами заключены соглашения о безвизовом режиме. Турпоток из ЛКА в Турцию достигает ежегодно 1 млн человек⁷. В традицию вошло проведение Турецко-латиноамериканских конгрессов (третий подобный форум состоялся в Стамбуле в апреле 2016 г.).

Турция имеет торговые представительства в 9 странах и 3 военных атташе (в Мехико, Боготе и Бразилии)⁸.

Предпосылкой культурно-цивилизационных связей Турции и ЛКА является довольно мощная диаспора. По оценкам, в регионе постоянно проживает до 20 млн граждан «турецкого» происхождения (9 млн — в Бразилии, 3,5 млн — в Аргентине, 1,6 млн — в Венесуэле, по 1,1 млн — в Чили и Мексике, 800 тыс. — в Колумбии)⁹. Впрочем, вряд ли

эти цифры имеют непосредственное отношение к современной Турции, поскольку условное обозначение «турки» (*los turcos*) в странах ЛКА охватывает потомков мигрантов из Османской империи, большей частью арабского происхождения [Борзова, Савичева 2017; Кудярова 2016].

На фоне других внерегиональных «игроков» Турция занимает довольно скромные позиции, являясь шестым торговым партнером региона после ЕС, Китая, Индии, Японии и России (табл. 1). В абсолютном выражении объем взаимной торговли Анкары с ЛКА уступает традиционным лидерам в разы. С начала 2000 г. до 2018 г. турецкий товарооборот с ЛКА возрос с 1 до 11,8 млрд долл. США. В период с 2016 по 2018 г. объем импорта из региона в Турцию увеличился с 5 до 8,5 млрд долл. США, а экспорта — с 1,9 до 3,2 млрд долл. США¹⁰. По объемам товарооборота Анкара значительно обогнала Иран (ранее активно развивавший связи с ЛКА) [Сударев, Харламенко, Щербакова 2012] и вплотную приблизилась к показателям России, став серьезным конкурентом Москвы на этом направлении. Так, объем российского импорта из Латинской Америки в 2018 г. составил 8,3 млрд долл. США, увеличившись с 6,9 млрд долл. США в 2016 г.¹¹ Турция же за этот период продемонстрировала более высокие темпы роста импорта.

В структуре латиноамериканского экспорта в Турцию доминирует сырье для обрабатывающей и строительной промышленности (68 %), 2-е место занимает топливо (в первую очередь нефть) — 25,4 %. Остальная доля приходится на продукцию, связанную с сельскохозяйственным сектором (семена, удобрения и др.). Турецкая сторона экспортирует то же сырье, но уже в обработанном виде (металлопрокат, сталь, цемент, драгметаллы и пр.). В совокупности на

⁶ TİKA carried out 172 projects and activities in 10 years in Latin America // TİKA. 2019. URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_carried_out_172_projects_and_activities_in_10_years_in_latam_america-49205 (accessed: 14.07.2019).

⁷ Kucher F. América Latina y Turquía: espacios para cooperación // CELAG. 28.09.2018. URL: <https://www.celag.org/america-latina-turquia-espacios-cooperacion/> (accessed: 12.08.2019).

⁸ Turquía fomenta sus relaciones comerciales con América Latina // ICTSD. 18.02.2016. URL: <https://ictsd.iisd.org/bridges-news/puentes/news/turquia-fomenta-sus-relaciones-comerciales-con-america-latina> (accessed: 28.01.2020).

⁹ 3er Congreso turco-latinoamericano y caribeño. Cooperación estratégica y Los Turcos // Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi (TASAM). Abril 2016.

URL: https://tasam.org/Files/Etkinlik/File/VizyonBelgesi/LAK3_Vizyon_ES_pdf_40f32edf-d6e1-42bb-9799-9436350f1ae6.pdf (accessed: 25.08.2019).

¹⁰ Trade statistics for international business development // UN COMTRADE. 2019. URL: <https://trademap.org> (accessed: 20.01.2020).

¹¹ Ibid.

Таблица 1 / Table 1

**Торговля внерегиональных партнеров с латиноамериканским регионом (2016—2018 гг.) /
Non-regional partner trade with Latin American region (2016—2018)**

Внерегиональный партнер / Non-regional partner	Годы / Years	Импорт из ЛКА, млн долл. США / Import from Latin America, millions USD	Доля в мировом экспорте из ЛКА, % / Share in world export from Latin America, %	Экспорт в ЛКА, млн долл. США / Export to Latin America, millions USD	Доля в мировом импорте в ЛКА, % / Share in world import from Latin America, %
Европейский союз / European Union	2016	114 022	14,2	123 946	13,5
	2018	134 402	12,5	145 522	13
Китай / China	2016	102 396	11,5	113 155	12,4
	2018	157 610	14,7	148 046	13,2
Индия / India	2016	18 206	2	10 293	1,1
	2018	26 082	2,4	13 182	1,2
Япония / Japan	2016	22 721	2,5	26 732	2,9
	2018	27 450	2,5	29 920	2,7
Россия / Russia	2016	6 928	0,7	5 206	0,5
	2018	8 319	0,7	7 604	0,7
Турция / Turkey	2016	5047	0,5	1 935	0,2
	2018	8 561	0,8	3 244	0,3
Иран / Iran	2016	1 671	0,2	189	0,02
	2017	1 095	0,1	69	0,006

Источник / Source: составлено автором на основе данных UN COMTRADE. URL: <https://trademap.org> (accessed: 20.01.2020).

данный вид товаров приходится 85 % латиноамериканского импорта¹².

В результате тесного сотрудничества в бизнес-кругах ЛКА сформировался привлекательный имидж Турции. В частности, президент Турецко-латиноамериканской предпринимательской палаты следующим образом оценивает качества турецкого торгового партнера: «Это Китай в Европе, но с тем отличием, что предоставляет продукцию лучшего качества и гораздо быстрее. Это поставщик, вызывающий доверие»¹³.

До 2016—2017 гг. две трети совокупных торговых потоков в Латинской Америке

приходилось на четырех традиционных партнеров Турции (Бразилию, Колумбию, Аргентину и Мексику), однако к 2018 г. произошел прорыв в отношениях с «левым сегментом» ЛКА, в частности с Венесуэлой, ставшей третьим торговым контрагентом. Начиная с 2016 г. Анкарой сделан мощный рывок по наращиванию политико-экономических отношений с Каракасом. Об этом свидетельствует необычайно высокая за последние два года интенсивность контактов на высшем уровне. Стимулом интенсификации этого направления турецкой внешней политики стали события июля 2016 г. Правительство Венесуэлы одним из первых выразило поддержку Р.Т. Эрдогану, после чего отношения вышли на новый уровень.

Прежде чем рассмотреть их актуальное состояние, следует провести компаративный анализ двух государств и проследить эволюцию развития двустороннего сотрудничества.

¹² Kucher F. América Latina y Turquía: espacios para cooperación // CELAG. 28.09.2018. URL: <https://www.celag.org/america-latina-turquia-espacios-cooperacion/> (accessed: 25.07.2019).

¹³ Rodríguez María D. Empresarios turcos trabajan para abrirse camino en el país // Debates IESA. Vol. XX. No. 1. Enero-marzo 2015. P. 81—82. URL: <https://studylib.es/doc/6817106/empresarios-turcos-trabajan-para-abrirse-camino-en-el-pais> (accessed: 25.07.2019).

Турция и Венесуэла: общее и особенное

Параллели в тенденциях развития двух государств можно проследить как во внутриполитическом, так и внешнеполитическом аспектах. В первую очередь, сходство касается роли личности в становлении нынешней государственности как Турции, так и Венесуэлы. Несмотря на то что Турецкая Республика как национальное государство «моложе» своего южноамериканского партнера почти на столетие, в основе становления их государственности лежат факторы, по мнению ряда исследователей, сходные. Данный вопрос уже стал предметом совместного исследования латиноамериканских и турецких историков в книге «Боливар и Ататюрк. Ататюрк и Боливар» [Nweihed, Rojas, Necati Kutlu 2009]. Истоки обоих государств восходят к двум крупным историческим деятелям — С. Боливару в Венесуэле и М.К. Ататюрку в Турции. В обеих странах имеет место культ «отцов-основателей» как на уровне официальной риторики, так и в стихийной исторической памяти общества. Осознание взаимосвязи между ними находит отражение и в топонимике столиц. Так, в Анкаре на Площади им. С. Боливара в 2005 г. был воздвигнут бюст венесуэльского исторического лидера. В Каракасе установлено два памятника «Отцу турок»: первый возведен еще в 1995 г. в муниципалитете Барута, второй — на бульваре баррио Катиа в 2010 г. в ознаменование 60-й годовщины диктаторств.

Персоналистский генезис власти откладывает отпечаток и на современность. Пришедший к власти в 1999 г. президент Венесуэлы У. Чавес опирался на постулаты боливаризма и идейное наследие Освободителя. В Турции аналогичную роль в национальной идеологии играет образ первого президента Турецкой Республики М.К. Ататюрка. ПСР в ходе многочисленных электоральных кампаний неоднократно использовала его образ в пропаганде своих идеалов и в борьбе за избирателя [Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития... 2015], хотя в последние годы по оценке видного российского тюрколога В.А. Аваткова «происходит

снижение роли личности основателя республики» [Аватков 2019].

В обоих случаях отчетливы тенденции к установлению суперпрезидентской власти, что выступает заметным конфликтогенным фактором как в турецком, так и в венесуэльском обществе [Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов 2017]. В Венесуэле на протяжении всего правления У. Чавеса шло последовательное расширение полномочий исполнительной ветви власти и концентрация всей ее полноты в руках президента. В Турции данный вектор также в целом набирал силу. Окончательно эта тенденция оформилась в ходе Конституционного референдума в апреле 2017 г., когда произошел переход к президентской форме правления, частично оформившей и смену экономического курса [Ульченко 2019].

Поражает синхронность и взаимосвязанность последовавших вслед за этой датой политических событий, что свидетельствует о типологической близости двух режимов. Как Н. Мадуро (преемник У. Чавеса), так и Р.Т. Эрдоган приняли решение о практически одновременном проведении досрочных президентских выборов: 20 мая 2018 г. — в Венесуэле, а 24 июня 2018 г. — в Турции (ранее были назначены на ноябрь 2019 г.).

Возвращаясь к политической реформе в Турции в 2017 г., следует отметить, что она во многом повторяет «механизм» продления президентских полномочий, апробированный левыми правительствами ЛКА (Венесуэлой, Боливией и Эквадором). Трудно сказать, учитывал ли Р.Т. Эрдоган латиноамериканский опыт, но логика почти идентична. Дело в том, что конституционная реформа «обнуляет» президентский мандат (после ее принятия счет президентских сроков идет заново) и требует «перезагрузки» политической системы (проведения выборов во все ветви власти). Так было в Венесуэле в 1999 г., в Боливии — в 2009 г. [Vorotnikova 2018], в Эквадоре — в 2008 г. [Ивановский 2019]. По той же схеме действовали власти в Турции. Проведение реформы позволяет президенту, чьи полномочия ограничены двумя сроками, удержаться у власти до 2029 г.

Предпосылки серьезных сдвигов в турецкой внешней политике стали возникать, начиная с «арабской весны» и особенно после июля 2016 г. Кульминация пришлась на 2019 г., когда США заморозили поставки истребителей F-35 на фоне приобретения Анкарой российских комплексов ПВО С-400 [Шумилов, Нуруллаев 2019].

Переориентация Турции во внешней политике сопровождалась ростом внешнеэкономического давления со стороны Запада. Здесь также обнаруживается сходство с Венесуэлой: оба государства оказываются под ударами санкционной политики США. Речь идет как о введении персональных санкций в отношении высокопоставленных должностных лиц турецкого истеблишмента в 2018 г., так и о введении пошлин на импорт алюминия и стали в августе 2018 г. и отмене режима преференциальной торговли, действовавшего с 1975 г. Однако следует признать, что на венесуэльском направлении санкционное давление стало разворачиваться раньше (с 2014 г.) и в более жестком режиме.

Сближение позиций двух стран стимулирует и фактор потенциальной внутривнутриполитической нестабильности. В 2015 г. произошло совпадение политических циклов двух стран, связанных с утратой былого веса правящих партий: в Турции в июне 2015 г. ПСР, по оценке российского востоковеда С.Б. Дружиловского, «впервые с момента прихода к власти потеряла большинство в турецком парламенте» [Дружиловский 2016], а в Венесуэле после парламентских выборов в декабре 2015 г. оппозиция стала контролировать Национальную ассамблею. С июля 2016 г. возможность насильственной смены власти стала актуальна для Турции. В Венесуэле в годы правления Н. Мадуро эта опасность превратилась в константу. Неслучайно оба лидера оперативно реагируют на попытки дестабилизации положения в стране-партнере. Р.Т. Эрдоган в числе первых выразил безоговорочную поддержку Н. Мадуро и после попытки покушения в сентябре 2018 г., и в момент самопровозглашения Х. Гуайдо временным президентом в январе 2019 г. В этом плане общность внешних вызовов

выступает существенным фактором сближения двух государств.

Долгий старт венесуэльско-турецких отношений (1950—1999 гг.)

Дипломатические отношения между странами установлены в 1950 г. Спустя семь лет в Каракасе открылось турецкое посольство. На протяжении десятилетий двусторонние контакты в большей степени из-за географической удаленности и разности внешнеполитических векторов находились в замороженном состоянии. В системе биполярного миропорядка Турецкая Республика находилась в орбите интересов Запада, что выразилось, в частности, во вступлении страны в НАТО в 1951 г.

В 1960—1980-е гг. одним из приоритетов Турции выступало сближение с Европейским экономическим сообществом [Сулейманов 2014b]. Венесуэла же, хоть и находилась под экономическим влиянием США, политически старалась придерживаться нейтралитета в международных делах, что привело к ее вступлению в 1989 г. в Движение неприсоединения. В силу разновекторности внешней политики к началу XXI в. отношения двух стран подошли с весьма скромной договорной базой. Лишь в августе 1991 г. было заключено Соглашение о культурном, образовательном и научном сотрудничестве. Оно предполагает обмен профессорами и исследователями из университетов с целью развития научных связей, стимулирование изучения турецкого языка в Венесуэле и испанского — в Турции и т. д.¹⁴ Соглашение, рассчитанное на 5 лет с возможностью автоматической пролонгации, актуально и по сей день.

В 1998 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве между Дипломатической академией им. П. Гуаля и Турецким центром зарубежного образования. В октябре 1999 г. было подписано рамочное Соглашение о сотрудничестве в области туризма.

¹⁴ Acuerdo Básico de Cooperación Cultural, Educativa Y Científica Entre La República de Turquía y La República de Venezuela // Türkiye dışişleri bakanlığı. Karar sayisi 95/7107. 10.08.1995.

В 1993—1996 гг. в Каракасе шло строительство нового здания турецкого посольства¹⁵, где дипмиссия работает по настоящее время.

Откат и разморозка двустороннего сотрудничества при У. Чавесе (1999—2013 гг.)

Начало Боливарианского процесса в Венесуэле в 1999 г. не повлекло за собой быстрого сближения с Турцией. Наоборот, произошел откат к прежней — нулевой — интенсивности. Это было вызвано тем, что Венесуэла взяла курс на сближение с Ираном, конкурентом Турции в Ближневосточном регионе. И хотя на фоне вторжения США в Ирак внешнеполитические позиции Анкары и Тегерана сблизились [Сулейманов 2013], это не вызвало резонанса на латиноамериканском направлении. Сближению препятствовали и диаметрально противоположные позиции в сирийском вопросе. У. Чавес резко критиковал турецкое правительство за открытую враждебность президенту Сирии Б. Асаду, ключевому после Ирана союзнику Венесуэлы на Ближнем Востоке.

Первые признаки оживления отношений проявились спустя несколько лет после прихода к власти в Турции ПСР в 2002 г. Принятие новой внешнеполитической концепции, разработанной министром иностранных дел А. Давутоглу, на практике привело к тому, что «к концу первого десятилетия XXI века у турецкого государства возникли новые (внеевразийские) внешнеполитические ориентиры. Турция помимо взаимоотношений с Россией стала проявлять значительный интерес к взаимодействию с другой великой державой — США, а также наращивать связи с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна» [Сулейманов 2015].

Общая тенденция сближения с ЛКА не прошла и мимо Венесуэлы, в результате чего к 2010 г. существенно расширилась двусторонняя договорная база, стали интенсивнее связи в сфере торговли, инвестиций

и энергетики. В 2005 г. стороны подписали Соглашение о безвизовом режиме, призванное стимулировать туристические потоки в рамках договора от 1999 г.

В период правления лидера Боливарианского процесса сторонам так и не удалось обменяться официальными визитами на высшем уровне. В 2007 г. Анкару посетил заместитель министра иностранных дел Боливии Р. Чавес. Были согласованы общие контуры сотрудничества и «Рабочий план» потенциального взаимодействия¹⁶. Речь шла также о механизме политических консультаций (создан в октябре 2009 г.), взаимодействии в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, снятии двойного таможенного тарифа. Предлагалось также разработать рамочный договор о кооперации (принят в 2009 г.). Время масштабного сближения еще не пришло: сказывалась инерция натянутых отношений в треугольнике Венесуэла — Иран — Турция. Показателен инцидент в январе 2009 г., когда таможенные службы Турции задержали иранское судно с грузом химикатов для производства взрывчатых веществ, перевозимых в Венесуэлу¹⁷.

Период 2010—2013 гг. стал в развитии отношений двух стран довольно насыщенным. Если в первое десятилетие XXI в. стороны подписали семь соглашений, то к 2013 г. на стадии подготовки находились уже 28¹⁸. С 2010 г. на первый план вышли экономические интересы. В сентябре 2010 г. в Стамбуле состоялся первый «Форум взаимодополняемости Турция — Венесуэла» с участием частных и государственных компаний обеих стран. Через месяц — в ноябре 2010 г. — прошел первый министерский визит: Анкару и Стамбул в ходе международного турне посетил глава МИД Венесуэлы Н. Мадуро. Именно Турция стала первым

¹⁶ Venezuela y Turquía redefinen plan de trabajo para el 2007 // Agencia Bolivariana de Noticias (ABN). 20.06.2007.

¹⁷ Casto Ogando. Turquía retiene carga peligrosa que tenía por destino Venezuela // El Nuevo Herald. 06.01.2009.

¹⁸ Informe situacional de la cooperación Venezuela — Turquía. Ministerio del Poder Popular para Relaciones Exteriores de Venezuela. Septiembre 2013. P. 3.

¹⁵ Embajada de la República de Turquía en Caracas. 2019. URL: <http://caracas.emb.mfa.gov.tr/Mission/About> (accessed: 25.08.2019).

пунктом его визита перед Белоруссией, Украиной и Сирией. По итогам его переговоров с турецким коллегой А. Давутоглу было заключено соглашение о поставках в Турцию венесуэльской нефти. Происходит институционализация сотрудничества: стороны договорились о создании переговорного механизма — совместной межправительственной комиссии, первое заседание которой прошло в сентябре 2011 г. в Каракасе.

Началась реализация проектов в таких областях, как строительство жилья и модернизация инфраструктурных объектов, энергетика, поставки продовольствия и продукции легкой промышленности, туризм и культурный обмен. Что касается первого пункта, турецкие строительные компании изъявили желание участвовать в национальной программе Венесуэлы — социальной миссии «Жилье», инициированной в 2011 г., на которую ассигновалось 1,5 млрд долл. США¹⁹. Уже к октябрю 2012 г. частная турецкая корпорация SUMMA сдала в эксплуатацию 1,5 тыс. квартир в прибрежном штате Варгас, пострадавшем от оползней²⁰.

В последующие годы турецкие фирмы провели ремонт национального аэропорта Майкетия и прокладку дополнительных посадочных полос, строительство автотрассы между Каракасом и городом-спутником Ла-Гуайра и др. Данный опыт стал прецедентом в латиноамериканском регионе для Турции как второй после Китая мировой строительной державы, занимающейся возведением жилья в 90 странах²¹.

В энергетической сфере начались переговоры о создании совместного предприятия по добыче и транспортировке нефти, которое так и не удалось реализовать. Продолжились контакты и по линии сотрудничества на международной арене. Так, в январе 2013 г.

¹⁹ Chávez anunció inversión de \$1.500 millones para construir viviendas en 2011 // Agencia Bolivariana de Noticias (ABN). 07.11.2011.

²⁰ Informe situacional de la cooperación Venezuela — Turquía. Ministerio del Poder Popular para Relaciones Exteriores de Venezuela. Septiembre 2013. P. 3.

²¹ Tovar E.J. Turquía se interesa en el petróleo venezolano // El Universal. 29.10.2012. P. 9.

Турция обратилась к Венесуэле за поддержкой своей кандидатуры в непостоянные члены Совета Безопасности ООН на 2015—2016 гг.

Таким образом, к концу правления У. Чавеса был создан задел для расширения сотрудничества. В полную силу этот потенциал был раскрыт с приходом к власти его преемника — Н. Мадуро.

Актуальное состояние отношений (2013—2019 гг.)

В первые 3 года правления Н. Мадуро страну сотрясали волны внутривластных кризисов (уличные протесты 2014—2017 гг., избрание оппозиционного парламента в 2015 г.), поэтому международная повестка находилась на втором плане. В этот период Турция также окончательно не определилась во внешнеполитических приоритетах и балансировала между Западом и сугубо региональными интересами. Затишье в двусторонних отношениях иллюстрируется тем, что вторую межправительственную комиссию удалось провести только в 2017 г. Большие сомнения по поводу контактов с Анкарой в леворадикальных кругах чавизма вызывала позиция Анкары в отношении Б. Асада в период сирийского конфликта. Тем не менее в итоге скептицизм был преодолен, и в венесуэльском истеблишменте возобладал прагматизм.

Качественный скачок в сотрудничестве произошел после июля 2016 г. За 2016—2019 гг. между Анкарой и Каракасом реализовано рекордное для ЛКА количество визитов высокопоставленных должностных лиц — 18: показатель, которым могут похвастаться не все государства, имеющие общие границы. Пять из них — официальные визиты на высшем уровне. Максимально насыщенная переговорная повестка определила выход сотрудничества на новый уровень.

Абстрагируясь в дальнейшем изложении от хронологического подхода, остановимся на характеристике актуального состояния партнерства.

В сфере торговли по итогам 2018 г. достигнут существенный прогресс — впервые

Таблица 2 / Table 2

**Внешняя торговля Турции с ключевыми странами Латинской Америки (2018 г.) /
Turkey's external trade with the key Latin American countries (2018)**

Страна / показатель Country / criteria	Импорт, млн долл. США / Import, millions USD	Доля в импорте Турции, % / Share in Turkey's import, %	Прирост в 2014—2018 гг., % / Increase in 2014—2018, %	Экспорт, млн долл. США / Export, millions USD	Доля в экспорте Турции, % / Share in Turkey's export, %	Прирост в 2014—2018 гг., % / Increase in 2014—2018, %
Бразилия / Brazil	3 257	1,5	18	489	0,3	-11
Колумбия / Colombia	1 888	0,8	27	241	0,1	6
Венесуэла / Venezuela	1 019	0,5	54	120	0,1	29
Мексика / Mexico	634	0,3	-9	600	0,4	17
Уругвай / Uruguay	497	0,2	75	44	0	-3
Чили / Chile	370	0,2	36	386	0,2	18
Аргентина / Argentina	357	0,2	9	169	0,1	7
Перу / Peru	108	0	10	162	0,1	-16
Парагвай / Paraguay	107	0	-15	39	0	10
Панама / Panama	41	0	35	238	0,1	5
Боливия / Bolivia	92	0	195	20	0	8
Куба / Cuba	11	0	-8	32	0	29
Латинская Америка / Latin America	8 561	0,5	-	3 244	0,2	-

Источник / Source: составлено автором на основе данных UN COMTRADE. URL: <https://trademap.org> (accessed: 20.01.2020).

объем двустороннего товарооборота превысил миллиардную отметку и составил 1,14 млрд долл. США²². Также необходимо отметить, что уже заключены соглашения на сумму 5,1 млрд долл. США. Объем товарооборота только за 2018 г. почти в 1,5 раза превысил совокупный аналогичный показатель за период 2013—2017 гг. (803 млн долл.

США). В результате Венесуэла стала третьим торговым партнером Турции в регионе после Бразилии и Колумбии, а наиболее высокие темпы роста отмечены в 2014—2018 гг.: 54 % по импорту и 29 % по экспорту (табл. 2).

Вместе с тем наблюдается существенный профицит торгового баланса в пользу Анкары: в 2018 г. венесуэльский импорт составил 120 млн долл. США, а турецкий экспорт — 1,19 млрд долл. США. Данный дисбаланс вызван тем, что Турция, как и Китай, рассматривает Венесуэлу в качестве эффективной ресурсной базы. Ведущими статьями экспорта

²² Bilateral trade between Turkey and Bolivarian Republic of Venezuela in 2018 // Trade Map. 2018. URL: <https://trademap.org/Bilateral.aspx?nvpm=1%7c792%7c%7c862%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c%7c1%7c1%7c1> (accessed: 30.08.2019).

являются вовсе не нефть (что объяснимо в условиях падения ее добычи в Венесуэле), а драгоценные камни и редкоземельные металлы (901 млн долл. США), золото, бриллианты и востребованный в высокотехнологических отраслях колтан («голубое золото»)²³.

Выбор Турции очевиден: Венесуэла входит в число ведущих государств по доказанным запасам этих ископаемых. На втором месте с немалым отрывом находится экспорт железной руды (47 млн долл. США), на третьем — древесина (35 млн долл. США)²⁴. В рамках последнего направления в феврале 2019 г. создано единственное совместное предприятие по экспорту древесины MAVETUR (Mixta Maderas de Venezuela у Turquía)²⁵.

В условиях падения мировых цен на нефть и уровня ее добычи в Венесуэле [Яковлев 2019] в какой-то мере субституту углеродородов для страны выступает золото, ставшее для Каракаса, по выражению престижного бизнес-издания *Dialogo*, «новой нефтью Мадуро»²⁶. Этим воспользовалась Турция, начавшая активную экономическую политику сдерживания финансовой гегемонии США и их союзников. Симптомами переориентации в этом направлении стали три факта.

Во-первых, Центробанк Турции изъял из Федеральной резервной системы США 220 т золота (апрель 2018 г.). Начинание поддержали два крупных частных банка — Ziraat и Vakifbank, вернувшие под национальную юрисдикцию 90 т золота²⁷.

²³ Gómez D. PDVSA rompe una regla de oro para ciertos negocios con Turquía // *AlNavio*. 09.07.2019. URL: <https://alnavio.com/noticia/19210/actualidad/pdvsarompe-una-regla-de-oro-para-ciertos-negocios-con-turquia.html> (accessed: 30.07.2019).

²⁴ Ibid.

²⁵ Gaceta oficial. Caracas. No. 41.588. 18.02.2019. URL: <https://www.ghm.com.ve/wp-content/uploads/2019/02/41588.pdf> (accessed: 30.08.2019).

²⁶ El oro, el nuevo petróleo de Maduro // *Dialogo*. Revista militar digital. 30.08.2019. URL: <https://dialogo-americas.com/es/articles/gold-maduros-new-oil> (accessed: 30.07.2019).

²⁷ Pedraza J.A. Turquía retiró su oro de la Reserva Federal por su enfrentamiento con EEUU // *Agencia*

Во-вторых, в августе 2018 г. была обнародована официальная позиция Турции, озвученная вице-президентом по экономическим делам ПСР Э. Караоглу: золото рассматривается Турцией как главная альтернатива доллару²⁸.

В-третьих, Р.Т. Эрдоган в июле 2018 г. заявил о переходе на расчеты в национальной валюте в торговле с Китаем, Россией и Ираном²⁹. Сотрудничество с Венесуэлой по импорту золота, начавшееся на рубеже 2017—2018 гг., стало звеном в этой цепи событий.

Для Каракаса в условиях дефицита валютных резервов помощь Турции оказалась кстати. До этого Венесуэла отправляла добытое золото на переработку в Швецию, мировому лидеру в данной области. Однако прецеденты с заморозкой венесуэльских счетов в банках ЕС и США поставили этот канал под угрозу. Опасаясь конфискации золота под предлогом санкций, Венесуэла нашла альтернативного партнера.

Рынок услуг по переработке золота сильно монополизирован, всего в мире около 100 сертифицированных центров подобного рода, два из которых находятся в Турции³⁰. Венесуэла с 2014 г. вела переговоры с английской корпорацией по строительству на ее территории золотоочистительного завода, который стал бы третьим в ЛКА, но экономический кризис и санкции поставили крест на этих планах³¹.

OroInformacion. 20.04.2018. URL: <https://oroinformacion.com/turquia-retiro-su-oro-de-la-reserva-federal-por-su-enfrentamiento-con-eeuu/> (accessed: 01.08.2019).

²⁸ Karagöl E.T. Dolar üzerine kurulan ekonomik sistemin çarpıklığı // *Yeni Şafak*. 16.07.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/erdaltanaskaragol/dolar-uzerine-kurulan-ekonomik-sistemin-carpikligi-2046885> (accessed: 30.08.2019).

²⁹ Turquía usará moneda nacional en negocios con Irán, Rusia y China // *HispanTV*. 14.07.2018. URL: <https://www.hispantv.com/noticias/turquia/382536/erdogan-negocio-iran-rusia-china-moneda-nacional-dolar> (accessed: 01.08.2019).

³⁰ BCV refina al menos 20 toneladas de oro en Turquía para evitar sanciones // *Banca&Negocios*. 19.07.2018. URL: <http://www.bancaynegocios.com/bcv-refina-oro-del-arco-minero-en-turquia-para-evitar-sanciones/> (accessed: 24.09.2019).

³¹ Ibid.

Сотрудничество с Турцией позволяет Венесуэле не подвергать риску третьи страны, на которые могут быть наложены вторичные санкции: в торговле с ними Анкара выступает посредником. По оценкам консалтинговой компании Esoanalítica, по итогам 2019 г. продажа золота принесла в казну от 1,6 до 3 млрд долл. США (сумма, сопоставимая с доходами от продажи нефти)³². Однако большая часть импортируемого золота возвращается в Венесуэлу в обработанном виде, пополняя золотовалютный резерв государства. По итогам 2018 г., в турецкие залоточистительные центры было поставлено 35,2 т венесуэльского золота³³.

Довольно оптимистичное видение перспектив в отношении Венесуэлы сложилось в турецких бизнес-кругах. Об этом можно судить по факту открытия в Каракасе в феврале 2018 г. филиала Ассоциации независимых промышленников и предпринимателей (Müstakil Sanayici ve İşadamları Derneği, MÜSİAD)³⁴. Эта коммерческая организация имеет 216 представительств в 86 странах мира (из них три в ЛКА: в Венесуэле, Мексике и Колумбии)³⁵.

Заинтересованность турецкого бизнеса выражается в том, что в ближайшие годы частные и государственные предприятия планируют инвестировать в венесуэльскую экономику 4,5 млрд евро³⁶.

³² El oro, el nuevo petróleo de Maduro // *Dialogo. Revista militar digital*. 30.07.2019. URL: <https://dialogo-americas.com/es/articles/gold-maduros-new-oil> (accessed: 26.09.2019).

³³ Turquía y Venezuela, amigos de conveniencia frente a Occidente // *El País*. 26.01.2019. URL: https://elpais.com/internacional/2019/01/26/actualidad/1548520359_118267.html (accessed: 27.09.2019).

³⁴ Kasapoglu C. Qué busca Turquía en Venezuela // *BBC Turquía*. 28.08.2018. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-45195934> (accessed: 29.09.2019).

³⁵ Asociación turca de industriales se expande en Latinoamérica // *Anadolu Agency*. 28.11.2018. URL: <https://www.aa.com.tr/es/econom%C3%ADa/asociaci%C3%B3n-turca-de-industriales-se-expande-en-latinoam%C3%A9rica/1324290> (accessed: 28.09.2019).

³⁶ Venezuela y Turquía acuerdan inversiones conjuntas por € 4.500 millones // *Twitter*. 05.12.2018. URL: <https://twitter.com/DiarioTalCual/status/1070132913059053570> (accessed: 25.01.2020).

Одновременно с переговорами на высшем уровне в Каракасе прошел первый Торговый форум Венесуэла — Турция. Возможно, ведущей сферой для инвестирования станет сельское хозяйство. Неслучайно уже к концу 2018 г. в пользование турецких агропромышленных компаний было передано около 4 млн га венесуэльской земли³⁷. Компаниям, пожелавшим открыть бизнес в Венесуэле, предоставляются льготные условия (70 % извлеченной прибыли идет туркам, 30 % — в госбюджет). Стимулирует развитие бизнес-контактов и то обстоятельство, что с декабря 2016 г., когда многие европейские (в частности германские и испанские) авиаперевозчики прекратили полеты в Венесуэлу, между Стамбулом и Каракасом было установлено прямое авиасообщение с регулярностью три рейса в неделю, осуществляемое авиакомпанией Turkish Airlines.

Что касается турецкого экспорта в Венесуэлу, его основную статью составляет продовольствие — 61 млн долл. США (2018 г.). Страна приняла участие в стартовавшей в 2016 г. программе по продаже населению продуктовых наборов посредством «Местных комитетов по производству и снабжению» (Comités Locales de Abastecimiento y Producción, CLAP). В данной сфере Турция занимает лидирующую позицию среди зарубежных поставщиков (69 %)³⁸. При этом турецкая сторона выступает в качестве посредника: ее компания Yaula Agro Food Industry & Transport занимается транспортировкой в Венесуэлу продуктов, купленных в Европе, Азии и Африке. Это помогает Венесуэле обходить наложенные на нее санкции. Наряду с продовольствием Турция экспортирует медикаменты, товары личной гигиены и др.

Помимо перечисленных форм сотрудничества турецкие компании участвуют в

³⁷ Turquía y Venezuela, amigos de conveniencia frente a Occidente // *El País*. 26.01.2019. URL: https://elpais.com/internacional/2019/01/26/actualidad/1548520359_118267.html (accessed: 27.09.2019).

³⁸ 69 % de los alimentos CLAP provienen de Turquía // *El Nacional*. 16.09.2018. URL: https://www.elnacional.com/economia/los-alimentos-clap-provienden-turquia_251966/ (accessed: 27.09.2019).

модернизации портов и других инфраструктурных объектов, с 2016 г. возобновлена строительная деятельность в рамках миссии «Жилье». В 2017 г. венесуэльскому флоту передано также 17 транспортных кораблей, построенных на турецких судостроительных верфях³⁹.

Потенциал военно-технического сотрудничества обсуждается сторонами с декабря 2017 г., в октябре 2018 г. в Анкаре министр обороны Венесуэлы В. Падрино встретился с главой Генерального штаба ВС Турции Я. Гюлером, а также с вице-президентом Турции Ф. Октаем. По итогам визита были подписаны соглашения о взаимодействии между высшими учебными заведениями военного профиля, а также достигнута договоренность об обмене стратегической информацией. Также стороны обменялись делегациями с целью знакомства с состоянием военных комплексов двух стран и изучения перспектив военно-технического сотрудничества (ВТС). Венесуэла не исключает возможности поставок турецкого вооружения. Хотя пока никаких конкретных договоренностей достигнуто не было, сам факт переговорного процесса говорит о готовности сторон к взаимодействию.

Турция в своем внешнеполитическом курсе жестко преследует свои интересы и продвигает «мягкую силу». В плане продвижения механизмов культурной и образовательной дипломатии Турция в последние годы активно участвует в Международной выставке книг, ежегодно проводимой в Каракесе, систематически организует мероприятия по популяризации турецкой культуры. Между ведущими университетами двух стран налажены программы студенческого обмена. Большую популярность среди латиноамериканской аудитории в целом и венесуэльской в частности приобрели турецкие телесериалы.

Ключевым взаимовыгодным «товаром» в отношениях является такая относящаяся к разряду «символического капитала» услуга,

как оказание внешнеполитической поддержки. В первую очередь, это относится к Венесуэле, оказавшейся в международной изоляции. Всякий раз в острые кризисные моменты, грозящие внутривнутриполитической дестабилизацией, одна из стран, у которой Венесуэла сразу находит поддержку, — Турция. Между президентами сложились доверительные и открытые отношения. Так, в ходе нового витка венесуэльского кризиса в январе 2019 г. Р.Т. Эрдоган обратился к коллеге: «Мадуро, брат, сопротивляйся! Турция с тобой!»⁴⁰

Одновременно Н. Мадуро приобрел большую популярность в турецком обществе на фоне роста критического отношения к США. Показательно, что на следующий день после самопровозглашения Х. Гуайдо президентом в турецком сегменте социальной сети Twitter максимальную популярность приобрели сообщения с хештегом #WeAreMaduro.

Заключение

Таким образом, венесуэльский аспект внешнеполитического прорыва Турции на латиноамериканском направлении, происходящего в настоящее время, значимо для обеих сторон. Для Венесуэлы взаимодействие с Турцией выступает стабильным фактором амортизации негативных последствий экономической блокады и санкционной политики США и ЕС. Для Турции — это возможность диверсифицировать внешнеэкономические связи, освоить новые торговые пути и на практике продемонстрировать серьезность намерений изменить традиционный прозападный курс.

Если рассматривать турецко-венесуэльское партнерство в контексте мировых геополитических тенденций, следует отметить, что оно вписывается в логику выстраивания современных международных партнерств, где прагматизм доминирует над идеологией. В данном случае речь идет о партнерстве

³⁹ Opalín L. Venezuela recibe oxígeno de Turquía // El Financiero. 14.12.2018. URL: <https://www.elfinanciero.com.mx/opinion/leon-opalin/venezuela-recibe-oxigeno-de-turquia> (accessed: 28.10.2019).

⁴⁰ BCV refina al menos 20 toneladas de oro en Turquía para evitar sanciones // Banca&Negocios. 19.07.2018. URL: <http://www.bancaynegocios.com/bcv-refina-oro-del-arco-minero-en-turquia-para-evitar-sanciones/> (accessed: 28.09.2019).

между центристским умеренным исламизмом и левым боливаризмом.

Казалось бы, это имеет реальные преимущества: партнерство выстраивается на более гибкой и динамичной основе. Однако в этом же заключаются и риски подобного рода альянсов: рафинированный прагматизм и конъюнктурность накладывают отпечаток на формат сотрудничества. Альянсы подобного

рода рискуют оказаться сугубо ситуативным, временным и конъюнктурным явлением. Относится ли это к турецко-венесуэльскому партнерству, остается открытым вопросом. На данный момент оно проявляет себя как стратегическое, поскольку стоящие перед обеими странами внешние вызовы, служащие основой для сотрудничества, носят если не долгосрочный, то среднесрочный характер.

Поступила в редакцию / Received: 23.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 13.05.2020

Библиографический список

- Аватков В.А.* Турция сегодня. Ключевые тенденции в политическом курсе // *Свободная мысль*. 2019. № 2(1674). С. 141—146.
- Борзова А.Ю., Савичева Е.М.* Особенности арабской миграции в страны Латинской Америки // *Латинская Америка*. 2017. № 8. С. 48—59.
- Боровков И.И., Косарев В.А., Виловатых А.В., Глазова А.В., Михайлов С.А., Алхименков М.А., Кравченко И.Ю.* Политика администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке как отражение лозунга «Америка прежде всего» // *Проблемы национальной стратегии*. 2019. № 2 (53). С. 11—51.
- Воротникова Т. А.* Индия — новый игрок на венесуэльском поле (к 60-летию индийско-венесуэльских отношений) // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 4. С. 17—23. 10.31857/S032150750004378-7
- Дружиловский С.Б.* О внутренних причинах политической нестабильности в Турецкой Республике // *Вестник МГИМО Университета*. 2016. № 2 (47). С. 15—21.
- Ивановский З.В.* Политическая поляризация в Латинской Америке. Итоги электорального цикла // *Свободная мысль*. 2019. № 1 (1627). С. 149—168.
- Кудярова Н.Ю.* Периодизация миграционных процессов в Латинской Америке // *Латинская Америка*. 2016. № 7. С. 68—74.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов* / отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2017.
- Разумовский Д.В.* Торговое сотрудничество Латинской Америки с внерегиональными партнерами // *Латинская Америка*. 2016. № 3. С. 5—21.
- Розенталь Д.М.* Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы // *Латинская Америка*. 2018. № 10. С. 49—60.
- Розенталь Д.М.* Дракон над Каракасом. Китайско-венесуэльские отношения в начале XXI века // *Латинская Америка*. 2016. № 3. С. 39—50.
- Сударев В.П., Харламенко А.В., Щербакова А.Д.* Иран и Латинская Америка // *Латинская Америка*. 2012. № 11. С. 41—53.
- Сулейманов А.В.* Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 135—143.
- Сулейманов А.В.* Новейшая эпоха отношений Турции и Латинской Америки // *Латинская Америка*. 2014а. № 10. С. 59—71.
- Сулейманов А.В.* Проблемы внешней политики Турции на современном этапе // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014б. № 3. С. 162—169.
- Сулейманов А.В.* Турция, Иран, США и Иракский кризис 2003 г. // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 62—66.
- Ульченко Н.Ю.* К вопросу об изменении экономической политики Турции в условиях усиления президентской власти // *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. № 20. С. 10—18.
- Шлыков П.В.* Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического изменений // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 1. С. 184—228. DOI: 10.31249/ape/2019.01.09
- Шумилов М.М., Нуруллаев Ш.Х.* РЗК С-400 как фактор изменений в турецко-американских отношениях // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 2. С. 93—102.

- Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы (2002—2015)* / отв. ред. Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова. М.: Институт востоковедения РАН, 2017.
- Яковлев П.П. Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 1 (17). С. 38—52. DOI: 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52
- Ataman M. Leadership Change: Özal's Leadership and Restructuring in Turkish Foreign Policy // *Alternatives. Turkish Journal of International Relations*. Vol. 7. No.1. 2008. P. 77—96.
- González Levaggi A.S. América Latina y el Caribe, la última frontera de la “Nueva” Política exterior de Turquía. Araucaria // *Revista Iberoamericana de Filosofía, Política y Humanidades*. 2012. Vol. 14. No. 28. P. 179—202.
- Kumaraswamy P.R. India and Israel: Emerging Partnership // *Journal of Strategic Studies*. 2002. Vol. 25. No. 4. P. 192—206.
- Nweihed K.G., Rojas R., Necati Kutlu M. Bolívar y Atatürk, Atatürk y Bolívar. Caracas: Ediciones OPSU, 2009.
- Ozkan M. Turkey's New Engagement in Africa and Asia // *Perceptions. Journal of International Affairs*. 2011. Vol. XVI. No. 3. P. 111—137.
- Temel M. XIX. ve XX. Yüzyılda Osmanlı Latin Amerika İlişkileri. İstanbul: Nehir yayınları — kelepir, 2004. (На турецком языке).
- Toogood K. Understanding the Emerging Relationship between China and Africa: The Case of Nigeria // *Stimson Center Research Report*. 2016. No. 1. P. 1—10.
- Turquía — América Latina y el Caribe. Una asociación emergente / com. por A.S. González Levaggi, M. Ferez. İstanbul: Basım Tarihi, 2016.
- Vorotnikova T.V. Contradicciones campesino-indígenas en Bolivia contemporánea // *Iberoamerica*. 2018. No. 1. P. 120—142.
- Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision of Turkish Foreign Policy // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14. No. 3. P. 661—687. DOI: 10.1080/14683849.2013.862927

References

- Ataman, M. (2008). Leadership Change: Özal's Leadership and Restructuring in Turkish Foreign Policy. *Alternatives. Turkish Journal of International Relations*, 7(1), 77—96.
- Avatkov, V.A. (2019). Turkey Today. Key Trends in Political Course. *Svobodnaya mysl'*, (2), 141—146. (In Russian).
- Borobkov, I.I., Kosarev, V.A., Vilovatykh, A.V., Glazova, A.V., Mikhailov, S.A., et al. (2019). The Trump Administration's Middle Eastern Policy as a Reflection of the “America First” Slogan. *Problems of National Strategy*, (2), 11—51. (In Russian).
- Borzova, A.Yu., & Savicheva, E.M. (2017). The Main Characters of Arab Migration to Latin America. *Latinskaia Amerika*, (8), 48—59. (In Russian).
- Druzhilovsky, S.B. (2016). The Internal Causes of Political Instability in the Republic of Turkey. *MGIMO Review of International Relations*, (2), 15—21. (In Russian).
- González Levaggi, A.S., & Ferez, M. (Eds.). (2016). *Turquía — América Latina y el Caribe. Una asociación emergente*. İstanbul: Basım Tarihi. (In Spanish).
- González Levaggi, A.S. (2012). América Latina y el Caribe, la última frontera de la “Nueva” Política exterior de Turquía. Araucaria. *Revista Iberoamericana de Filosofía, Política y Humanidades*, 14(28), 179—202. (In Spanish).
- Ivanovsky, Z.V. (2019) Political Polarization in Latin America. Results of the Electoral Cycle. *Svobodnaya mysl'*, (1), 149—198. (In Russian).
- Kudeyarova, N.Yu. (2016). The Latin America Migratory Processes Periodization. *Latinskaia Amerika*, (7), 68—74. (In Russian).
- Kumaraswamy, P.R. (2002). India and Israel: Emerging Partnership. *Journal of Strategic Studies*, 25(4), 192—206.
- Nweihed, K.G., Rojas, R., & Necati Kutlu, M. (2009). Bolívar y Atatürk, Atatürk y Bolívar. Caracas: Ediciones OPSU. (In Spanish).
- Ozkan, M. (2011). Turkey's New Engagement in Africa and Asia. *Perceptions. Journal of International Affairs*, 16(3), 111—137.
- Razumosky, D.V. (2006). Trade Cooperation between Latin America and Exrtaregional Partners. *Latinskaia Amerika*, (3), 5—21. (In Russian).
- Rozental, D.M. (2016). The Dragon over Caracas. Relations between China and Venezuela in the Beginning of the XXI Century. *Latinskaia Amerika*, (3), 39—50. (In Russian).
- Rozental, D.M. (2018). The Venezuelan Node in the Latin American Policy of Moscow. *Latinskaia Amerika*, (10), 49—60. (In Russian).

- Shlykov, P.V. (2019). Turkish-American Relations in the Mirror of Middle Eastern and Euro-Atlantic Dimensions. *Current Problems of Europe*, (1), 184—228. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.01.09
- Shumilov, M.M., & Nurullayev, Sh.K. (2019). S-400 Anti-Aircraft Missile System as a Factor of Turkish-American Relations. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, (2), 93—102. (In Russian).
- Sudarev, V.P., & Simonova, L.N. (Eds.). (2017). *Latin America on Fracture of Global Regional Trends*. Moscow: ILA RAN publ. (In Russian).
- Sudarev, V.P., Harlamenko, A.V., & Sherbakova, A.V. (2012). Iran and Latin America. *Latinskaia Amerika*, (11), 41—53. (In Russian).
- Suleymanov, A.V. (2013). Turkey, Iran, USA and the Iraq Crisis of 2003 Year. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History, International Relations*, 33(4), 162—169. (In Russian).
- Suleymanov, A.V. (2014a). New Era of Relations between Turkey and Latin America. *Latinskaia Amerika*, (10), 59—73. (In Russian).
- Suleymanov, A.V. (2014b). Major Problems of Contemporary Turkish Foreign Policy. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Political Science. International Relations*, (3), 162—169. (In Russian).
- Suleymanov, A.V. (2015). A. Davutoglu's Ideology of Turkish Foreign Policy. *Vestnik RUDN, International Relations*, 15(3), 135—143. (In Russian).
- Temel, M. (2004). *XIX. ve XX. Yüzyılda Osmanlı Latin Amerika İlişkileri*. Istanbul: Nehir yayınları — kelepir. (In Turkish).
- Toogood, K. (2016). Understanding the Emerging Relationship between China and Africa: The Case of Nigeria. *Stimson Center Research Report*, (1), 1—10.
- Ulchenko, N.Yu. (2019). On the Issue of Changing the Economic Policy of Turkey in the Face of Increasing Presidential Power. *Institute of Oriental Studies of RAS Works*, (20), 10—18. (In Russian).
- Ulchenko, N.Yu. (Eds.). (2017). *Justice and Development Party's Reign: Preliminary Results and Forecasts (2002—2015)*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Vorotnikova, T.A. (2018). Contradicciones campesino-indígenas en Bolivia contemporánea. *Iberoamerica*, (1), 120—142. (In Spanish).
- Vorotnikova, T.A. (2019). India — New Player on Venezuela's Field (to the 60th Anniversary of India — Venezuela Diplomatic Relations). *Asia and Africa Today*, (4), 17—23. (In Russian). DOI: 10.31857/S032150750004378-7
- Yakovlev, P.P. (2019). Venezuela's Crisis in an Era of Conflictual Multipolarity. *Perspektivy*, 1(17), 38—52. (In Russian). DOI: 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52
- Yeşiltaş, M. (2013). The Transformation of the Geopolitical Vision of Turkish Foreign Policy. *Turkish Studies*, 14(3), 661—687. DOI: 10.1080/14683849.2013.862927

Сведения об авторе: *Пятаков Андрей Николаевич* — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (e-mail: anpyatakov@yandex.ru).

About the author: *Piatakov Andrei Nikolaevich* — PhD in Political Sciences, Leading Research Fellow, Political Studies' Center, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (e-mail: anpyatakov@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-136-147

Research article / Научная статья

Political Economy of Cross-Strait Relations

Ekaterina O. Nakhatakyan

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the interrelation of political and economic factors in Cross-Strait relations. The main political factor considered in the study is the policy of the ruling party in Taiwan towards the Mainland, its acceptance of Beijing's "One China" policy and "1992 Consensus", put forward by Mainland China as a political basis for building Cross-Strait dialogue between the parties. Key economic factors include economic cooperation and exchanges between the two sides in such fields as bilateral trade, international capital flows and tourism. The relevance of the study refers to the settlement of the so-called Taiwan issue and the implementation of the complete reunification of the People's Republic of China that embodies one of the fundamental interests of Mainland China. The aim of the research is to examine the impact of political cycle in Taiwan on the economic cooperation between Beijing and Taipei, the further intensification of which could lead to the peaceful reunification through economic integration. The study provides a broad overview of the development of relations between Taiwan and Mainland China, focusing on the policies of the Taipei administrations from 1949 to 2019 and its impact on economic cooperation between the two sides. The methodological framework of the paper is mainly based on international political economy. The results of the research suggest that political cycle in Taiwan has almost no impact on Cross-Strait trade and investment. Meanwhile it has quite significant influence on Cross-Strait tourism, especially from the PRC, as it has the administrative means of regulation of the number of Mainland tourists wishing to visit Taiwan.

Key words: Cross-Strait relations, Mainland China, PRC, ROC, Taiwan, Kuomintang party, Democratic progressive party, 1992 Consensus, One China policy, Taiwan Strait

For citation: Nakhatakyan, E.O. (2021). Political Economy of Cross-Strait Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 136—147. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-136-147

Политическая экономия отношений КНР и Тайваня

Е.О. Нахатакян

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представлен всесторонний анализ взаимосвязи политических и экономических факторов в отношениях между материковым Китаем и Тайванем. Основным политическим фактором, учитываемым в исследовании, является позиция правящей партии на Тайване в отношении материка, принимающей политику Пекина «Один Китай» и «Консенсус 1992 года», выдвинутого материковым Китаем в качестве политической основы для выстраивания диалога между сторонами. Ключевые экономические факторы охватывают такие сферы сотрудничества между Пекином и Тайбэем, как двусторонняя торговля, международное движение капитала и туризм. Актуальность исследования определяется тем фактом, что урегулирование тайваньского вопроса и реализация полного воссоединения Китайской Народной Республики являются фундаментальными интересами материкового Китая. Цель статьи — анализ влияния политического цикла на Тайване на экономическое сотрудничество между Пекином и Тайбэем, дальнейшая интенсификация

© Nakhatakyan E.O., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

которого может привести к мирному воссоединению путем экономической интеграции. Представлен широкий обзор развития отношений между Тайванем и материковым Китаем с акцентом на политике администраций Тайбэя с 1949 по 2019 г. и ее влияния на экономическое сотрудничество между двумя сторонами. В основе методологии исследования лежит международная политическая экономия. Основные результаты позволяют сделать вывод, что политический цикл на Тайване практически не влияет на торговлю и инвестиционную деятельность между материковым Китаем и Тайванем, однако оказывает значительное влияние на туризм, в особенности со стороны КНР, которая может административным путем регулировать (сокращать или увеличивать) количество материковых туристов, желающих посетить Тайвань.

Ключевые слова: отношения между материковым Китаем и Тайванем, материковый Китай, КНР, Китайская Республика, Тайвань, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия, Консенсус 1992 года, политика «Одного Китая», Тайваньский пролив

Для цитирования: *Nakhatakyan E.O. Political Economy of Cross-Strait Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 136—147. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-136-147*

The so-called Taiwan issue constitutes one of the longest-running unsolved international political and security problems inherited from the Cold War. Taiwan question became prominent in international relations after the civil war in China in 1945—1949 that resulted in the retreat of the Kuomintang party (KMT) to Taiwan, where it continued to position itself as the legitimate government the Republic of China (ROC), established in 1911 [Edmonds, Goldstein 2001: 213]. At the same time, the People's Republic of China (PRC) was established on the Mainland by the winner Chinese Communist Party that was claiming itself to be the sole representative of the Chinese nation. As long as the United States with most of the international community and Western bloc continued recognizing the ROC government as the legitimate government of China and supported it as such in international organizations notably in the United Nations where the KMT proceeded to represent China, the regime's claim was given a degree of credibility.

In the 1970s after the realignment of power in East Asia and the rapprochement between the PRC and the U.S. the situation changed dramatically. As a result, in 1971 Taiwan was forced to withdraw from the UN. Following it as well as the U.S. de-recognition of the ROC and official recognition of the PRC in 1979 the capitalist states one-by-one shifted their recognition and began to recognize the PRC as the representative of the whole China. However, the existence of autonomous Taiwan administration and a number of diplomatic allies

threatens the Mainland China's legitimacy to be the sole ruler and representative of the Chinese nation and runs counter to the "One China" policy, which means that there is only one China (PRC) in the world and Taiwan is an inalienable part of China.

Although the first measures taken by the government of the Mainland China to re-integrate Taiwan were the military ones that resulted in military conflicts in 1954, 1955 and 1958. Gradually they were transformed into economic measures. The latter were the result of the institutionalization of Cross-Strait relations and expansion of Cross-Strait economic cooperation that took place in the 1990s. Under the impact of the PRC's economic reforms as well as Taiwan's democratization since the late 1980s Beijing and Taipei established informal channels of communication, such as the Straits Exchange Foundation (SEF) and the Association for Relations Across the Taiwan Straits (ARATS) [Wei-Cheng Wang 2002: 121]. The two sides also increased their economic cooperation and overall improved relations.

However, despite entering the new era of peaceful development of Cross-Strait relations the main political factor that continues to influence Cross-Strait economic cooperation and exchanges has been the political attitude of the ruling party in Taiwan towards Cross-Strait relations and its acceptance of Beijing's so-called precondition ("One China" principle), which is considered to be a political foundation for Cross-Strait dialogue.

The relevance of the analysis refers to the settlement of the Taiwan issue and realization of

the complete reunification of China that embodies one of the fundamental interests of Mainland China. The novelty of the research is a broad analysis of different approaches of Taiwan's administration towards "One China" policy, Beijing's reaction to their policies and the whole impact of political factors on economic cooperation between the two sides in such fields as trade, international capital flows and tourism.

The research methodology is interdisciplinary and combines quantitative and qualitative, genetic, historical, economic and political methods. Genetic and historical methods are used to analyze the stages of development of Cross-Strait relations at different periods and under several administrations. Economic methods include structural and dynamic comparison, factor analysis and correlation analysis. Structural and dynamic comparison is used to compare economic indicators over different time periods. Political methods mainly include case-study method that analyzes limited number of events, objects or conditions and their relationships. As political and economic factors are analyzed together the concept of international political economy (IPE) is also used.

The bibliography includes the publications of D. Fell [2012], J.B. Jacobs [Jacobs, I-hao 2007], E. Dagdag [2005], Chien-min Chao [2003], Wei-Cheng Wang [2002], F. Muiyad [2010], J.-P. Cabestan [Cabestan, deLisle 2014], G. Lin [2019], Y. Matsuda [2015], K. Churchman [2016] and others, which examine Cross-Strait relations during Lee Teng-hui, Chen Shui-bian, Ma Ying-jeou or Tsai Ing-wen administrations. The research provides the broad review of the development of Cross-Strait relations under Taiwanese administrations from 1949 to 2019 with specific focus on their policies and their impact on economic cooperation and exchanges between the two sides. Thus, the core of the research is the analysis of Cross-Strait dynamics under the perspective of interrelation of political and economic factors.

Cross-Strait Trade

There are two main political parties in Taiwan that support Taiwan's status-quo but at the same share opposing approaches towards

Mainland China: the Kuomintang party (KMT) and the Democratic progressive party (DPP). The KMT has pro-unification platform that promotes dialogue with the Mainland China under the "1992 Consensus", adheres to the title of ROC for Taiwan, accepts the "One China" principle and prioritizes Cross-Strait relations over foreign relations, claiming that only through better relations with the Mainland Taiwan can overcome an international isolation and improve international presence. The DPP, on the contrary, has pro-independence platform that doubts the existence of the "1992 Consensus", does not accept the "One China" principle, priorities foreign relations over the Cross-Strait relations and emphasizes Taiwanese identity. Intuitively we can assume that the Cross-Strait economic cooperation and exchanges should thrive during the KMT leadership and stagnate during the DPP one.

As Taiwan went through three waves of power transition¹ the Cross-Strait economic cooperation and exchanges should have a zigzag course: increasing during the KMT leadership and decreasing during the DPP leadership (see Fig. 1).

However, according to Mainland Affairs Council statistics, the change of the ruling party in Taiwan does not profoundly influence Cross-Strait economic cooperation. For instance, as a general trend Cross-Strait trade has been increasing since 1991 (President of the Republic of China Lee Teng-hui's period) despite the power transition (see Fig. 2).

The analysis of the Cross-Strait economic cooperation has been based on the data since Lee Teng-hui's period as during Chiang Kai-shek dictatorship (1949—1975) Taiwan was to a large degree cut off from the Mainland China. There was no direct or indirect trade and citizens of either side of the Taiwan Strait could not pass the border [Fell 2012: 153]. During his son Chiang Ching-kuo's leadership (1978—1988) Cross-Strait relations began to improve gradually. Although initially Chiang Ching-kuo continued

¹ After 50 years of the KMT's leadership in 2000 the DPP became the ruling party for the first time, in 2008 the KMT came to power again but in 2016 it lost its power and the DPP became the ruling party.

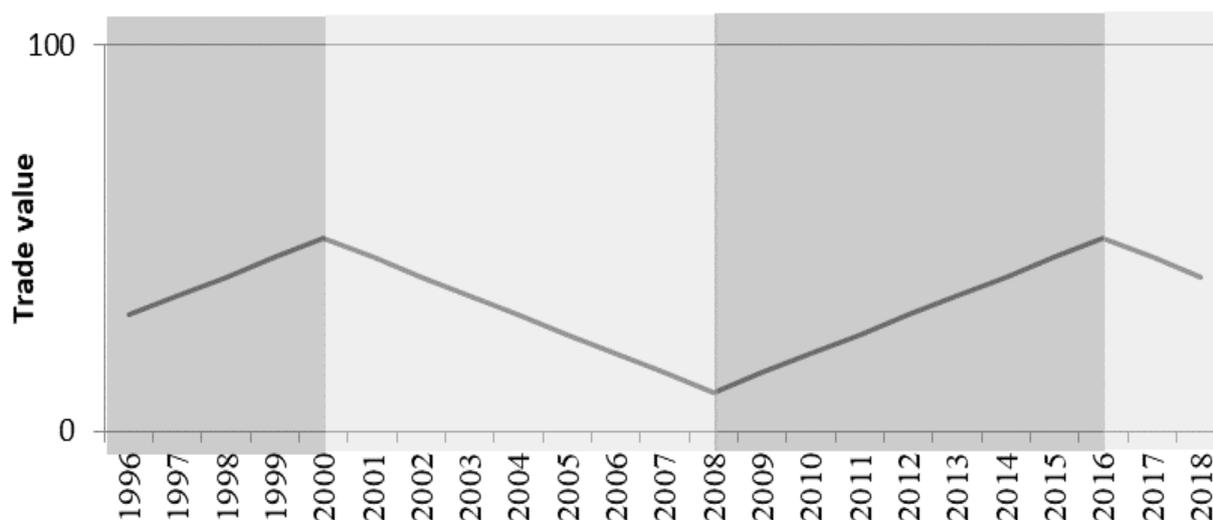

Fig. 1. Projection of Political Cycle on Trade Relations across the Straits, 1996—2018

Note: dark grey zone shows the KMT leadership; light grey zone shows the DPP leadership. 0 is the lowest value of trade; 100 is the highest value of trade

Source: compiled by the author.

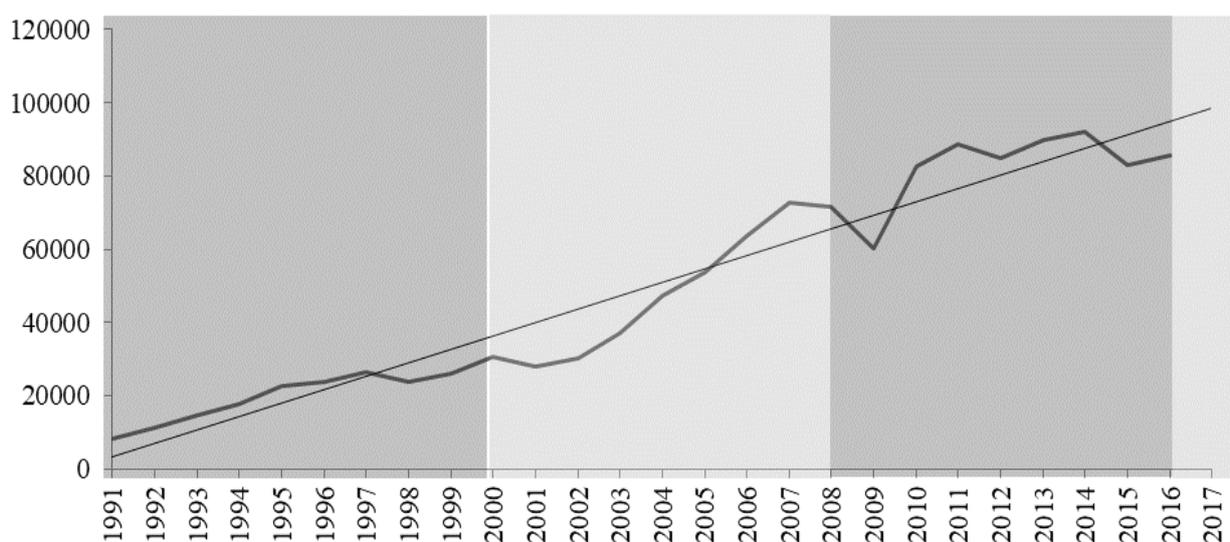

Fig. 2. Cross-Strait Trade, millions USD, 1991—2016

Note: dark grey zone shows the KMT leadership; light grey zone shows the DPP leadership.

Source: compiled by the author according to the estimation method of Mainland Affairs Council. 2020.

URL: <http://www.mac.gov.tw> (accessed: 21.02.2019).

to pursue his father’s Cross-Strait policy and rejected Mainland China’s initiative to establish Three Links (trade, transportation and mail) by announcing the “Three Noes” policy of no negotiations, no contacts and no compromise with the CPC (Communist Party of China).

At the end of his leadership Chiang Ching-kuo shifted from the “Three Noes” policy to pragmatic diplomacy that resulted in dramatic developing of indirect Cross-Strait trade, mainly

via Hong Kong, and became a solid base for further Cross-Strait relations [Fell 2012: 154]. However, despite Chiang’s moderate policy in the late 1980s that included the lift of martial law and many long-term political bans Cross-Strait relations were still in their infancy. The passing of Chiang Ching-kuo in 1988 led to the breakdown of authoritarian regime and transition to democracy in Taiwan.

Under Lee Teng-hui's leadership (1988—2000) a new stage of Cross-Strait relations started. The two sides moved towards the institutionalization of Cross-Strait relations. National Unification Council was founded in 1990. During its third meeting on February 23, 1991 the National Unification Guidelines (NUG) that outlined major steps towards unification were adopted. Another important bodies created at the time were the Mainland Affairs Council (MAC) in Taiwan and the Taiwan Affairs Office (TAO) in Mainland China [Jacobs, I-hao 2007: 381]. Moreover, in order to launch talks between the two sides on semi-official basis non-governmental bodies were also established: the Straits Exchange Foundation (SEF) in Taiwan and Association for Relations across the Taiwan Straits (ARATS) in Mainland China [Jacobs, I-hao 2007: 381].

In 1991 the two sides launched formal SEF-ARATS talks to discuss relationship and the competing "One China" principle. In 1992 during the meeting in Hong Kong they adopted the so called "1992 Consensus", according to which two sides of the Taiwan Straits agreed that there is only one "China": both Mainland China and Taiwan belong to the same China. Although Beijing and Taipei defined the meaning of the "China" differently (Beijing insists that "China" means the People's Republic of China with Taiwan as a "Special Administrative Region", Taipei in contrast considers "China" as the Republic of China with de jure sovereignty over all of China) it was the first political compromise reached between Taiwan and Mainland in over 40 years [Fell 2012: 158]. Thus, it is naturally to analyze Cross-Strait economic cooperation and exchanges from 1991 when Cross-Strait dialogue between the two sides was established.

From 1991 to 1995 Cross-Strait indirect trade (via Hong Kong) significantly increased with average annual growth rate of 29 %. However, in 1995 the growth rate accounted for only 5 % due to several reasons:

1) the announcement of "Go South" policy by Lee Teng-hui that was targeted to develop relations with Southeast Asia;

2) the deterioration of Cross-Strait relations after Lee's visit to the U.S. that was strongly

condemned in the Mainland China. Even the negotiations between the two sides were postponed in 1995. Furthermore, during the same year Mainland China conducted military exercises close to the island that provoked anti-Chinese sentiments in Taiwan [Fell 2012: 162].

In 1998 the annual growth rate of trade dropped to a negative 9.1 % as a result of Asian financial crisis together with Lee's pro-independence speeches and his policy shift towards expanding international cooperation rather than developing Cross-Strait relations. In 1999 volume of trade almost reached the level of 1997, however the Cross-Strait tensions continued to increase. In 1999 SEF-ARATS talks were ceased by Beijing after Lee's interview for Deutsche Welle, where he stated that the relations between Taiwan and the Mainland China were state-to-state or special state-to-state relations [Jacobs, I-hao 2007: 389].

In 2000 Chen Shui-bian, the DPP's candidate, won presidential elections in Taiwan. Despite Beijing's distrust towards the DPP and Chen personally and its insistence to accept "One China" principle and "1992 Consensus" as a precondition for Cross-Strait dialogue Cross-Strait economic cooperation and exchanges expanded dramatically [Wei-Cheng Wang 2002: 92]. Although Chen did not accept the "One China" principle he tried to reduce Cross-Strait tensions by switching to more pragmatic diplomacy and gaining mutual benefits through economic cooperation with the Mainland China [Dagdag 2005: 76].

From 2001 to 2007 Cross-Strait indirect trade (via Hong Kong) increased dramatically the average annual growth rate accounted for 17.3 %. The boost of trade in 2001 was a result of an establishment of Three Mini-Links (direct transportation, trade and postal services between the offshore islands Kinmen, Matsu and Penghu and Chinese Province of Fujian). However, further trade growth between the two sides cannot be explained by Chen's Cross-Strait policy [Chien-min 2003: 131].

In 2002 he switched from "political integration" formula that was proposed in 2001 to "state-to-state" concept that provoked Cross-Strait tensions [Wei-Cheng Wang 2002: 119].

During the second term of his presidency Chen proceeded with a more assertive policy. In 2007 he addressed a speech at the 25th anniversary of the Formosan Association for Public Affairs publicly announcing his desire for Taiwan's independence and new constitution that caused the escalation of Cross-Strait tensions. Nevertheless, the Cross-Strait trade was growing during the whole Chen's period with a slight decline at the beginning of 2008, the year of presidential elections in Taiwan [Lychagin, Komarov 2017: 535]. Total trade volume increased in more than two times since 2000. In 2008 it accounted for 71.7 billion USD, in contrast to 2000 when it accounted for 30.6 billion USD (Fig. 2).

After 2008 elections in Taiwan when the KMT came back to power a new stage in Cross-Strait relations started. New China policy of President of the Republic of China Ma Ying-jeou's (2008—2016) was focused on lowering the Cross-Strait tensions and strengthening economic ties with the Mainland China [Cabestan, deLisle 2014: 125]. After Ma's acceptance of the "1992 Consensus" in his 2008 inaugural address the Cross-Strait dialogue was resumed through the semi-governmental organizations: the SEF for Taiwan and the ARATS for Mainland China. Since first round of SEF-ARATS talks in 2008 they had been conducted every six months and by the end of Ma's leadership resulted in signing of 23 Cross-Strait agreements, which were directly related to economic exchanges [Lin 2019: 181]. However, Cross-Strait trade sharply decreased in 2008 because of the global financial crisis that hit Taiwan with full force in the fourth quarter of 2008. In 2009 Cross-Strait trade dramatically recovered.

One of the main achievements of Ma's administration was the signing in 2010 of the Economic Cooperation Framework Agreement (ECFA) which was adopted to expand access to the Chinese market by strengthening investment guarantees, and providing tariff reductions and protection of intellectual property rights [Fuller 2014: 97]. In 2011 the annual growth rate of trade accounted for 7.5 % and in 2012, the year of Taiwan's presidential election, it dropped to a

negative growth of 4 % and recovered back to 5.4 % in 2013. In 2014 the annual growth rate of trade increased slightly and accounted for 2.9 % as a result of follow-up agreements to the ECFA, for instance, Cross-Strait Customs Cooperation Agreement (2012).

However, in 2015 bilateral trade decreased sharply to a negative growth rate of 9.8 %. The main reasons for such drop were growing concerns of Taiwan's economic dependence on Mainland China and public discontent with Ma's Cross-Strait policy [Matsuda 2015: 6], especially after signing the Cross-Strait Agreement on Trade in Services in 2013 that according to many Taiwanese could lead to increasing asymmetric competition as Taiwan's service sector consisted of small- and medium-sized enterprises (SME), in contrast to Mainland China where the majority of the market was divided between large state-owned enterprises (SOE) [Fell 2012: 161].

Thus, the Taiwanese companies that could not compete with the Chinese ones are likely to lose competition or even be forced to leave the market. This in turn would negatively affect the welfare of the Taiwanese population that could lose their work places or face the reduction in salary. As a result, in 2014 Taiwanese students and social activists organized the "Sunflower movement" that paralyzed the ratification of the Cross-Strait Agreement on Trade in Services and limited Ma's further Cross-Strait policy. Although new agreements (Cross-Strait Agreement on Avoidance of Double Taxation and Enhancement of Tax Cooperation and Cross-Strait Collaboration Agreement on Flight Safety and Airworthiness) were signed in 2015 [Tsai, Tony 2017: 32]. They mainly improved the institutional foundation for contacts across the Strait but did not have a significant effect on the Cross-Strait trade.

Although the election campaign took place on 16 January 2016 and the DPP's candidate Tsai Ing-wen won the presidential elections [Yitan, Enyu 2016: 7], the annual growth rate of Cross-Strait trade accounted for 3.1 % in 2016 that was a sign of economic recovery after 2015 decline.

Thus, according to the Cross-Strait dynamics the political transition in Taiwan had

little or almost no influence on Cross-Strait trade [Min-hua 2015]. Moreover, during Chen Shui-bian administration that had a sharp pro-independence stance and provoked tensions in Cross-Strait relations the trade volume continued to increase to even a greater degree than during Lee and Ma administrations due to economic rather than political factors.

Cross-Strait Investment

Taiwanese investment in Mainland China (TIC) tends to fluctuate from year to year (Fig. 3). In fact, there was no impact of the turnovers of political power in Taiwan in 2000, 2008 and 2016 on the amount of TIC. On the contrary to the KMT's and the DPP's attitude towards Cross-Strait relations, TIC increased in 2001, one year after the DPP took power, decreased in 2009, one year after the KMT took power and increased in 2016, the year when the DPP again took power. Thus, trend of TIC has not been closely linked to the political administrations' orientation and it is more related to Taiwanese business considerations and economic motivations. Moreover, TIC has been greatly influenced by the macroeconomic environment in Mainland China.

In 1979 Mainland government released a "Message to Compatriots in Taiwan" (高台湾同胞书) proposing open up of economic exchanges [Tsai C. 2017: 137]. Several preferential policies were also announced to promote TIC by Mainland China such as "Regulations on Encouraging the Investments of Taiwan Compatriots" (关于鼓励台湾同胞投资的规定) in 1988 that provided very comprehensive and detailed regulations on how Taiwanese entrepreneurs could invest in Mainland China and the "Law Regarding the Protection of Investment by Taiwan Compatriots" (台湾同胞投资保护法) in 1994 that was aimed to protect and encourage TIC [Tsai C. 2017: 137].

Moreover, in 1984 Mainland China's State Council passed the "Special Preferential Regulations on Taiwanese Patriots' Investment in the Special Economic Zones" (关于台湾同胞到经济特区投资的特别优惠办法) to make it easier for Taiwanese investors to invest in the special economic zones (Shenzhen, Zhuhai, Shantou, Xiamen) that were established in 1979 [Tsai C. 2017: 138]. The first wholly

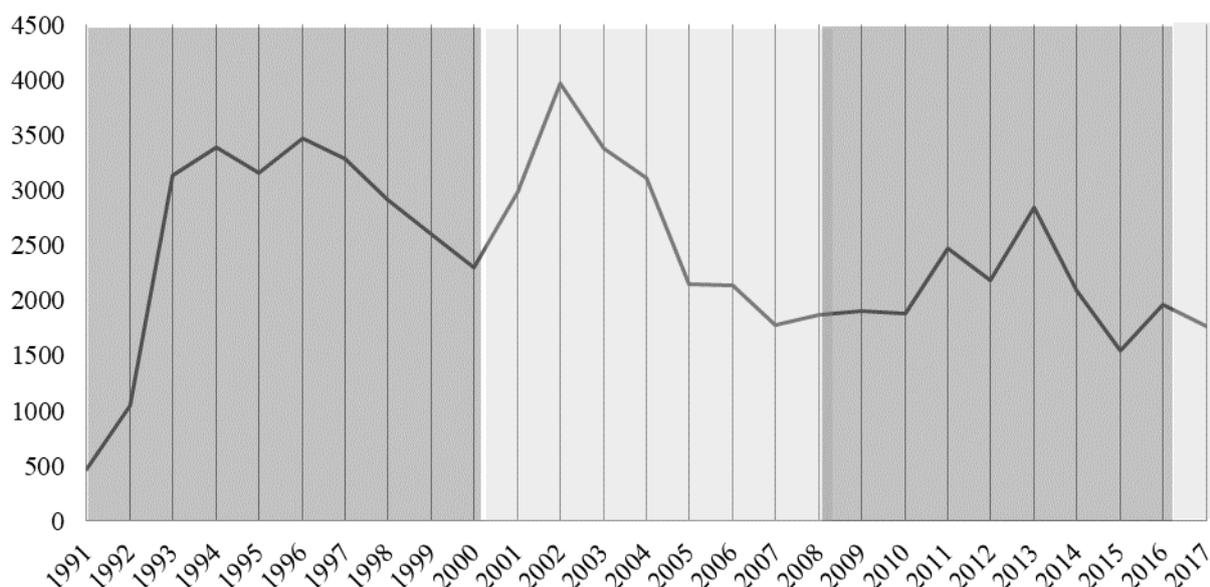

Fig. 3. Taiwan's Investment in Mainland China (TIC), million USD

Note: dark grey zone shows the KMT leadership; light grey zone shows the DPP leadership.

Source: Cross-Strait Economic Statistics // Mainland Affairs Council. 2020.

URL: <http://www.mac.gov.tw> (accessed: 15.05.2019).

owned Taiwanese enterprise was established in Fuzhou in 1984. However, in the 1980s TIC was still limited because of Taiwanese government's restriction.

Taiwanese government lifted the ban on foreign exchanges and facilitated capital outflow in 1987. This policy shift substantially promoted TIC. In 1990, Lee administration announced the "Measures on Indirect Investment and Technical Cooperation with the Mainland" and officially lifted the ban on investing in Mainland China. Since then many Taiwanese entrepreneurs have moved their factories to Mainland China to reduce labor costs. In 1992, TIC accounted for 1050 million USD that more than doubled in comparison with 1991 (466 million USD). Due to the economic reforms and open-up policy aiming to establish the socialist market economy system the growth of TIC continued at even a greater pace in 1993 (3139 million USD) (see Fig. 3). By 1995 more than a half of Taiwan's overseas investment has gone to the Mainland China [Fell 2012: 153].

However, the announcement of "Go South" policy by Lee administration together with the anti-Chinese sentiments in Taiwan after of the PRC conducted military exercises close to the island in 1995 led to a slight decrease of TIC. Lee administration was also concerned about Taiwan's economic dependence on the Mainland. Thus, in 1996 Lee limited the investment flows to the Mainland China announcing the "Go Slow, Be Patient" policy that strictly regulated Taiwanese investments in Chinese infrastructure and IT projects, and determined that Taiwanese individual investments should not exceed 50 million USD [Fell 2012: 153]. Despite Lee's tough attitude towards Mainland China and the implementation of new regulations on TIC there was only a slight decline of TIC in 1997. The sharp drop of TIC was in 1998 and 1999 after the Asian financial crisis in 1997.

During Chen Shui-bian's period the DPP promoted TIC and provided tax breaks low-interest loan funds and subsidies to stimulate Taiwanese companies to invest in Mainland China [Shaocheng 2009: 251]. In 2001 during the Economic Development Advisory

Conference Chen replaced the "Go Slow, Be Patient" policy with the new policy of "Active Opening, Effective Management" that eliminated the 50 million USD cap on individual investments in Mainland China and simplified review process for Mainland-bound investments of less than 20 million USD [Wei-Cheng Wang 2002: 150].

Taiwanese banks were also allowed to transfer money directly to and from Chinese banks through special offices and offshore accounts. These initiatives led to the increase of TIC. However, the main reason for such a boost of TIC was the joining of Mainland China to the WTO in 2001, which improved its institutional investment environment and strengthened Taiwanese investors' confidence in investing in the PRC. That led to the growth for TIC in 2002 when it reached its peak and accounted for 3971 million USD (see Fig. 3). In 2002, Taiwan became a very important investor in the Mainland China; it was the second largest source of FDI into the Mainland China. Taiwan also had the third highest amount of contracted FDI and the fourth highest amount of investment projects realized in Mainland.

However, during Chen Shui-bian's second term TIC decreased significantly because of the deterioration of Cross-Strait relations. By the end of Chen's period the amount of TIC accounted for only 1774 million USD (see Fig. 3), even less than after the Asian financial crisis. The main reason was the distrust of Taiwanese investors towards Chen's Cross-Strait policy and their concerns of possible Mainland China's response to Chen's pro-independence speeches.

Ironically, even during the tenure of the KMT President Ma Ying-jeou the amount of TIC continued to decrease, especially after the global financial crisis. In 2011, TIC abruptly rose after signing the ECFA in 2010 [Lin 2012: 5]. In 2013, TIC slightly increased, after signing the Cross-Strait Investment Protection and Promotion Agreement in 2012. However, the amount of TIC was still less than during first years of Lee and Chen administrations. Despite the KMT's promotion of economic cooperation with the Mainland China during the whole Ma's period TIC fluctuated on the low level. This fact

can be explained by rising labor costs and increased competition in Mainland China. More and more multinational corporations started investing in Mainland [Yi-Wen, Ko-Chia, Tse-Chun 2016: 11]. Moreover, Mainland's own domestic enterprises gradually developed and became competitive after experiencing economic reforms for two consecutive decades. Thus, the fluctuation of actual TIC can be contributed to the shifting economic environment in the Mainland China 2000s.

During Tsai Ing-wen's presidency the amount of TIC dropped slightly and accounted for 1770 million USD in 2017 (see Fig. 3). The decline of TIC is likely to continue because of the stagnation of Cross-Strait relations as Tsai does not accept the "One China" principle and the "1992 Consensus" that rise the concerns of Taiwanese investors in possible Beijing's "punishment" measures in forms of economic sanctions. Moreover, rising labor costs in Mainland China and Tsai's New Southbound Policy led to the relocation of Taiwanese entrepreneurs' factories from Mainland China to developing Southeast Asia, especially to Vietnam and Cambodia [Churchman 2016: 14].

All in all, during 1991—2017 the amount of TIC increased because of:

1) friendly investment environment that was created by Mainland China's government at the beginning of 1990s;

2) the entry of the PRC into the WTO that improved the institutional environment for investment, strengthened Taiwanese investors' confidence to invest in Mainland China and as a result increased the amount of TIC;

3) profit-driven considerations of investors such as low labor costs in Mainland China that attracted Taiwanese entrepreneurs to move their factories to Mainland China.

The decline in the amount of TIC was caused by:

1) the Asian financial crisis in 1997 and the global financial crisis in 2008 that damaged the macroeconomic environment;

2) increasing labor costs and rising competition;

3) growing concerns of Taiwanese investors over possible Beijing's response on the DPP's policy in forms of economic sanctions.

In terms of Mainland China's investment in Taiwan, the six-decade ban from Chiang Kai-shek era was lifted during Ma administration in 2009. In 2017, 1404 projects have been recorded and the total amount of investments has been 2.4 billion USD (see Fig. 3). In fact, the number of projects is smaller compared to TIC (3464 projects in 2017) as to some companies, especially state-owned enterprises, the scale of the Taiwanese market is too small to benefit from the business operations². Thus, unlike Taiwanese counterparts, large-scale Chinese entrepreneurs invest with political goals in mind such as promoting Cross-Strait economic cooperation.

Cross-Strait Tourism

Tourism between the two sides has also been rapidly increasing (Fig. 4). Mainland China opened its doors to Taiwanese travelers first in 1987 while the Taiwanese government allowed Mainland tourists to visit Taiwan only since 2002. Major policies aimed at increasing the number of tourists from both side were implemented during Ma Ying-jeou's period and included the establishment of direct air flight in 2008 between Taiwan and Mainland China, the foundation of first tourism offices in Taipei and Beijing in 2010 and the permission of students' exchanges [Muyard 2010: 17].

The number of Taiwanese tourists in Mainland China has been increasing since 1991 with slight declines in 2002 after Chen Shui-bian's speech before the 29th Annual Meeting of the World Federation of Taiwanese Associations in 2002, where he stated that Taiwan and China stood on opposite sides of the Strait, and there was one country on each side (一边一国)³. In 2010, Taiwanese tourists flow to Mainland exceeded five million. Mainland China became the main destination of Taiwanese tourists. In 2017, they amounted to almost six million.

² Cross-Strait Economic Statistics // Mainland Affairs Council. 2020. URL: <http://www.mac.gov.tw> (accessed: 15.05.2019).

³ Yibian yi guo lun [Одна страна] // Baidu. 2002. (На китайском языке). URL: <https://baike.baidu.com/item/一边一国论/3162848?fr=aladdin> (accessed: 02.02.2019).

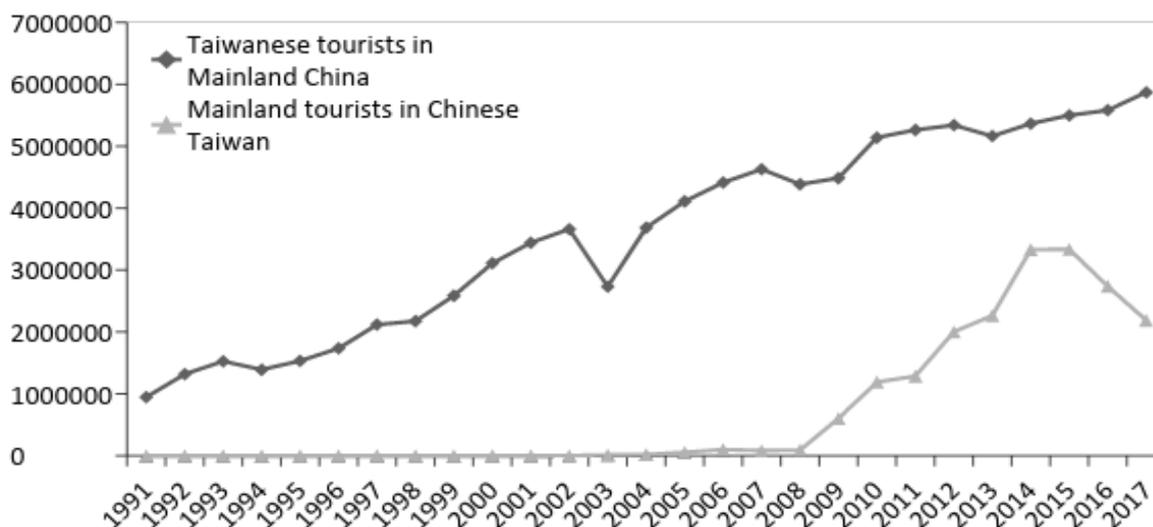

Fig. 4. Number of Travelers between Mainland China and Taiwan, 1991—2017

Source: Cross-Strait Cultural and Educational Exchanges // Mainland Affairs Council. 2020.

URL: <http://www.mac.gov.tw> (accessed: 18.03.2019).

The number of Mainland tourists has sharply increased since 2002. In 2014, they exceeded three million people. Considering that only 90 035 Mainland tourists visited Taiwan in 2008 before the ban on leisure travel was lifted the number of visitors had increased in 37 times in 6 years (see Fig. 4). However, since 2016 the number of Mainland tourists has been sharply decreasing [Fukuda 2018: 16]. The main reason is the PRC's restrictions on visiting Taiwan that are used as an instrument to force president Tsai to accept the "One China" principle and the "1992 Consensus".

Thus, tourism, unlike trade or investment, is very sensitive to political landscape that exacerbates Anti-Chinese sentiments in Taiwan. Moreover, having at their disposal many other options, people can easily change the travel destination. However, Taiwan's tourism is still very dependent on Mainland tourists and will suffer, if the decline in the number of Mainland tourists continues. The continued decrease is expected to damage not only Taiwan's tourism, but also some related areas, such as hotel industry and restaurant business.

Conclusion

The analysis of the interrelation of political and economic factors in Cross-Strait relations brings us to the following concluding remarks.

1. Political cycle in Taiwan has no impact on Cross-Strait trade that was growing at the highest speed during Chen Shui-bian's period, who had clear-cut pro-independence stance and whose actions provoked Cross-Strait tensions. Even under Ma Ying-jeou's leadership whose policy was mainly focused on improving Cross-Strait relations and deepening economic ties with Mainland China, Cross-Strait trade increased at a lower speed than during Chen's period.

2. The policies of the PRC and Taiwan's administrations have created the foundation for Taiwan's investment since 1987 and since 2009 for the Mainland Chinese investment in the island's economy. The trend of Taiwan's investment outflow to Mainland China (TIC) has not been closely linked to the Taiwanese administrations' positions on Cross-Strait relations and has been more related to Taiwanese business considerations and economic motivations. The fluctuation of TIC can be caused to a large degree by the shifting economic environment and business climate in Mainland China rather than by the changing political landscape in Taiwan.

3. Mainland China's investment in Taiwan has been increasing since 2009. Unlike Taiwanese counterparts, large-scale Chinese entrepreneurs are investing with political goals in mind such as promoting Cross-Strait economic cooperation.

4. Tourism tends to be very sensitive to political landscape as people can easily change the travel destination. Thus, Mainland China government can easily restrict the number of tourists visiting Taiwan, thereby damaging not only Taiwan's tourism sector that is highly dependent on Mainland China, but also some related areas. It has been the case since the beginning of president Tsai's tenure in 2016.

Thus, the political cycle in Taiwan has almost no or little influence on Cross-Strait trade and investment, whereas the attitude of the ruling party in Taiwan towards Mainland China and the overall political landscape have a heavy impact on people-to-people exchanges, particularly on tourism.

Received / Поступила в редакцию: 12.03.2020

Accepted / Принята к публикации: 21.06.2020

References / Библиографический список

- Cabestan, J.-P., & deLisle, J. (Eds.). (2014). *Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges*. New York: Routledge.
- Chien-min, C. (2003). One Step Forward, One Step Backward: Chen Shui-bian's Mainland Policy. *Journal of Contemporary China*, 12(34), 125—143. DOI: 10.1080/10670560305460
- Churchman, K. (2016). *Cross-Strait Relations in the Era of Tsai Ing-wen: Shelving Differences and Seeking Common Ground?* Center for the National Interest. October. URL: https://cftni.org/wp-content/uploads/2016/10/Churchman_Official-1.pdf (accessed: 13.02.2020).
- Dagdag, E. (2005). Chen Shui-Bian and Taiwan-China (Cross-Strait) Relations: An Initial Assessment. *Asian Studies*, 2005, (39), 64—85. URL: <https://www.asj.upd.edu.ph/mediabox/archive/ASJ-39-1-2-2003/dagdag.pdf> (accessed: 12.05.2019).
- Edmonds, R.L., & Goldstein, S.M. (2001). Taiwan in the 20th Century: An Introduction. *The China Quarterly*, (165), 210—223. DOI: 10.1017/S0009443901000006
- Fell, D. (2012). *Government and Politics in Taiwan*. New York: Routledge.
- Fukuda, M. (2018). *The Current Situation and Prospects for Taiwan under the Tsai Ing-wen Administration*. Washington, D.C.: HOSEI University.
- Fuller, D.B. (2014). ECFA's Empty Promise and Hollow Threat. In J.-P. Cabestan & J. deLisle (Eds.), *Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges*. New York: Routledge (pp. 85—99).
- Jacobs, J.B., & I-hao, B.L. (2007). Lee Teng-hui and the Idea of "Taiwan". *The China Quarterly*, (190), 375—393. DOI: 10.1017/S0305741007001245
- Lin, G. (2019). *Taiwan's Party Politics and Cross-Strait Relations in Evolution (2008—2018)*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Lin, W. (2012). Taiwan in Ma's Second Term: International Implications. *Agora Asia-Europe*, 2012, (9), 1—6.
- Lychagin, A.I., & Komarov, I.D. (2017). The Taiwan Question: External and Internal Determinants. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(3), 530—538. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538 [Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 3. С. 530—538. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538.]
- Matsuda, Y. (2015). Cross-Strait Relations under the Ma Ying-jeou Administration: From Economic to Political Dependence? *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 4(2), 3—35. DOI: 10.1080/24761028.2015.11869083
- Min-hua, C. (2015). *China-Taiwan Rapprochement: The Political Economy of Cross-Straits Relations*. Routledge.
- Muyard, F. (2010). Mid-Term Analysis of the Ma Ying-jeou Administration. *China Perspectives*, (3), 5—20. DOI: 10.4000/chinaperspectives.5299
- Shaocheng, T. (2009). Relations across the Taiwan Strait: A New Era. *Institute of International Relations*, (21), 248—262. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72507/UNISCI%20DP%2021%20-%20TANG.pdf> (accessed: 12.08.2019).
- Tsai, C. (2017). The Nature and Trend of Taiwanese Investment in China (1991—2014). In L. Dittmer (Eds.), *Taiwan and China: Fitful Embrace*. University of California Press (pp. 133—150).

- Tsai, T., & Tony, T.L. (2017). Cross-Strait Relations and Regional Integration: A Review of Ma Ying-jeou Era (2008—2016). *Journal of Current Chinese Affairs*, 46(1), 11—35.
- Wei-Cheng Wang, V. (2002). The Chen Shui-Bian Administrations Mainland Policy: Toward a Modus Vivendi or Continued Stalemate? *American Asian Review*, 20(3), 91—124. URL: https://digitalcommons.ithaca.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1016&context=politics_faculty_pubs (accessed: 10.09.2019).
- Yitan, L., & Enyu, Zh. (2016). *Cross-Strait Relations after the 2016 Taiwan Presidential Election: The Impact of Changing Taiwanese Identity*. Seattle University. P. 1—24. URL: <http://www.wpsanet.org/papers/docs/WPSA2016%20Li%20and%20Zhang.pdf> (accessed: 08.08.2019).
- Yi-Wen, Y., Ko-Chia, Y., & Tse-Chun, L. (2016). Political Economy of Cross-Strait Relations: Is Beijing's Patronage Policy on Taiwanese Business Sustainable? *Journal of Contemporary China*, 25(99), 1—17. DOI: 10.1080/10670564.2015.1104871

About the author: *Nakhatakyan Ekaterina Oganessovna* — Master in Economics, Postgraduate (applicant), Department of Oriental Studies, MGIMO University (e-mail: kate-nakhatakyan@mail.ru; nakhatakyan.e.o@my.mgimo.ru).

Сведения об авторе: *Нахатакян Екатерина Оганесовна* — магистр экономики, соискатель кафедры востоковедения МГИМО МИД России (e-mail: kate-nakhatakyan@mail.ru; nakhatakyan.e.o@my.mgimo.ru).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-148-156

Research article / Научная статья

The Role of the Cyprus Issue in the Greek-Soviet Relations (1956—1960)

Argyrios Tasoulas

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the role of the Cyprus issue in the bilateral relations between Greece and the USSR in 1956—1960. It is based on primal archival research realised at the Constantine Karamanlis Archive (AKK) and at the Diplomatic and Historical Archive of the Greek Foreign Ministry (DIAYE) in Athens. The analysis of the recently declassified documents relate to the events which took place in 1954, when the Soviet Union supported the Greek claims for self-determination of the Cypriot people in the United Nations on the basis of the anti-colonial principles. This contributed to the impressive increase in trade between Greece and the USSR, especially after the unofficial visit of the Soviet Foreign Minister D.T. Shepilov to Athens in 1956. Against the backdrop of the deterioration of the international situation in 1957, Kremlin heavily criticized NATO's decision to deploy the US Intermediate Range Ballistic Missiles (IRBMs) in Europe and applied diplomatic pressures to NATO member-states including Greece. The shift from tensions to a peaceful offensive strategy, characteristic of the Soviet diplomacy towards Greece, proved to be a double-edged sword for Moscow in the long term. The author concludes that both countries exploited the Cyprus issue for their benefit. Thus, Moscow managed to take advantage of the Greek discontent with the NATO allies as a means of increasing its own prestige in the region, while the Greek governments capitalized on the Soviet tactics in order to increase its political leverage in confronting NATO on Cyprus.

Key words: the Cyprus issue, Greece, the Soviet Union, Greek-Soviet relations, self-determination, Cold War, United Nations General Assembly, NATO

For citation: Tasoulas, A. (2021). The Role of the Cyprus Issue in the Greek-Soviet Relations (1956—1960). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 148—156. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-148-156

Кипрский вопрос в отношениях между Грецией и Советским Союзом (1956—1960 гг.)

А. Тасулас

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется роль кипрского вопроса в двусторонних отношениях Греции и СССР в 1956—1960 гг. Работа выполнена на основе исследований, проведенных в архиве Константиноса Караманлиса (АКК) и Дипломатическом и историческом архиве Министерства иностранных дел Греции

© Tasoulas A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

(DIAYE) в Афинах. Анализ недавно рассекреченных документов относится к событиям 1954 г., когда Советский Союз поддержал притязания Греции на самоопределение кипрского народа в ООН на основе антиколониальных принципов. За этим последовал существенный рост объемов торговли между Грецией и СССР, особенно по итогам неофициального визита министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова в Афины в 1956 г. На фоне обострения международной обстановки в 1957 г. Кремль выступил с критикой решения НАТО по размещению американских баллистических ракет средней дальности на подводных лодках (БРПЛ) на территории Европы, пытаясь оказать дипломатическое давление на страны — члены НАТО, включая Грецию. Характерные для советской дипломатии в отношении Греции переходы от напряженности к мирной наступательной стратегии в долгосрочной перспективе привели к весьма неоднозначным результатам. Автор приходит к выводу, что обе страны использовали кипрский вопрос в собственных интересах: Москве удалось воспользоваться недовольством Греции своими союзниками по НАТО как средством повышения собственного престижа в регионе, в то время как греческое правительство взяло на вооружение советскую тактику для усиления политических рычагов в противостоянии НАТО по Кипру.

Ключевые слова: кипрский вопрос, Греция, Советский Союз, греко-советские отношения, самоопределение, холодная война, Генеральная Ассамблея ООН, НАТО

Для цитирования: *Tasoulas A. The Role of the Cyprus Issue in the Greek-Soviet Relations (1956—1960) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 148—156. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-148-156*

Introduction

The role of the Cyprus issue in the bilateral Greek-Soviet relations remains an under-researched topic of the Cold War history. Greece, a small country who had had a bitter experience of a recent civil war between the Greek government army and the Democratic Army of Greece (the military branch of the Communist Party of Greece from 1946 to 1949), partially managed to surpass its fears and insecurities in order to restore the diplomatic relations with the Soviet Union in 1953, after J.V. Stalin's death, during a period of a vehement anti-communism [Sfikas 2001]. On the other hand, the USSR aimed to strengthen the economic and trade relations with Greece in order to improve its position in the Eastern Mediterranean. The Cyprus issue could help to dissolve the mutual mistrust since both countries ultimately agreed on this delicate matter. The Greek claims in favour of Cyprus' independence were supported by the USSR, driven by its anti-imperialist and anti-colonial principles against Great Britain, one of its main rivals in the region. This created strong pro-Soviet feelings in the Greek population at a time when its NATO allies opposed the Greek claims in the United Nations General Assembly (UNGA) [Xydis 1967].

The starting point for our research is 1956, when a seasoned politician Constantine Karamanlis and his party — the National Radical

Union (ERE) won the elections. The Karamanlis' governments of 1956—1963 had a great impact on numerous aspects of Greece's political life. Karamanlis took pains regarding Greek foreign policy and with the assistance of his Foreign Minister Evangelos Averoff-Tossizza made long-term decisions, mainly focusing on the independence of Cyprus and Greece's membership in the European community [Hatzivassiliou 2006]. Our analysis ends in 1960, the year when Cyprus finally received its long-awaited independence after the 1959 Zürich and London agreements. While historical research has comprehensively analyzed the Cyprus issue in the relations between Greece, Great Britain and the United States [Hatzivassiliou 1991; Johnson 2000; Ioannides 2014] relatively fewer works have appeared on its interaction with other major powers of the Cold War, the Soviet Union [Ulunyan 2001].

The author argues that the Cyprus issue did not play a primary role in the Greek-Soviet relations, as Moscow did not perceive it as a bilateral matter, both sides managed to exploit the situation in their favour to a certain degree: the Greek government treated it as a means of pressure on NATO, and the Soviet Union tried to improve its political position in the Eastern Mediterranean. Kremlin policy-makers had accurately predicted that Cyprus would have turned into an 'apple of discord' between NATO

member-states [Tasoulas 2020b]. Cyprus remained a place of a great interest, as it was stated by N.S. Khrushchev during the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union in 1956.

The research was carried out thanks to the use of archived data from the Historical and Diplomatic Archive of the Greek Foreign Ministry (DIAYE) and the Constantine Karamanlis Foundation (AKK) in Athens. The published collection of the Karamanlis archives provided the research with supplementary explanatory data.

The Post-war Situation in Cyprus and the Soviet Support in the United Nations

The ideology of post-war politics in Cyprus was formed by three major political actors: the Progressive Party of Working People of Cyprus (AKEL) [Philippou 2010], the Church of Cyprus and the right-wing Cypriot National Party (KEC). The conservative forces' main objective was the *Enosis* (unification) of the island with Greece. In 1950, Makarios III (who became the first President of the independent Republic of Cyprus in 1960) was elected Archbishop of Cyprus and at the same time a pan-Cypriot referendum showed that over 95 % of Greek Cypriots were in favour of *Enosis*. KEC was soon replaced by the National Organization of Cypriot Fighters (EOKA), which was a highly politicized movement of the Greek Cypriots. This organization, headed by colonel Georgios Grivas, quickly turned into a spontaneous popular movement [French 2015].

Nationalism became a decisive factor in Cyprus and extensively influenced the interaction and cooperation of the island's politicians with the British colonial authorities [Alecou 2016]. Meanwhile Makarios believed that the Cyprus issue could be resolved only if Cyprus and Greece put serious pressure on Great Britain. Nevertheless, EOKA decided to carry out an armed struggle. It officially started on April 1, 1955, after the diplomatic failures in the United Nations regarding the Cyprus issue. AKEL passionately opposed an armed struggle and expressed its support for a peaceful mass

political fight that would involve all Cypriots (Greeks and Turks). The EOKA armed movement was a radical method of establishing *Enosis*; it lacked any anti-colonial character and sometimes took the form of an anti-Communist crusade. By 1957, the EOKA armed struggle was clearly at an impasse. Makarios decided to change his goals and seek independence instead of *Enosis*. This was made public in September 1958 [Katsourides 2014].

After the end of the Greek civil war (the first proxy war of the Cold War era) diplomatic relations between Greece and the USSR were normalized after Stalin's death in 1953 [Kalinin 2018]. The first step was taken on July 28, 1953 with the signing of the Greek-Soviet trade agreement [Hatzivassiliou 1992].

Two months later, on September 17, 1953 (after the Greek civil war) the first Soviet Ambassador M.G. Sergeev arrived in Greece. The Soviet Foreign Ministry aimed at expanding trade and cultural cooperation [Kalinin 2017] and the Kremlin's decision to support the Greek claims in the UNGA had considerably helped towards this direction. It is noteworthy that the Greek Embassy in Moscow informed the Greek MFA that in August 1954 the Soviet newspaper "Krasnaya Zvezda" (*Red Star*), which was the official newspaper of the Soviet Ministry of Defence, had criticized Great Britain for its refusal to give independence to the Cypriots. According to the Soviet newspaper, the British plans to maintain Cyprus as a strategic military base and to transfer its troops there from the Suez Canal was the main reason for the British intransigence¹.

M.G. Sergeev met with Makarios in Athens and gave him guarantees of the Soviet support in the United Nations in favour of self-determination [Antoniou 2015: 221]. In September 1954 during the 9th session of the UNGA Greece asked for the registration of the Cyprus issue on the agenda. The USSR and the members of the Cominform voted in favour of the registration, while Greece's allies in NATO

¹ Diplomatic and Historical Archive of the Greek Foreign Ministry (DIAYE). 1954/25/4. Charge d'affaires of Greece to the USSR G.D. Kaloudis to the Greek Ministry of Foreign Affairs. August 3, 1954.

(Great Britain, France) voted against it and the USA abstained. On December 18, 1954, in a letter sent by Makarios to the Soviet Ambassador to Washington, the Archbishop officially thanked the Soviet Union for its support during the discussions in the UN General Assembly [Tasoulas 2020a: 48].

At its 10th session on September 23, 1955 the UNGA voted against the inscription of the item on the agenda. The Soviet Union anew supported the Greek request [Xydis 1967]. The main Soviet reason behind the support was the elimination of the declining British influence in the Eastern Mediterranean. Moreover, the Soviet Union tried to capitalize on the NATO members' differences over the Cyprus issue [Stergiou 2007]. Until the end of 1955 Moscow sought to extend its influence in Greece and fight Washington's propaganda and for this reason the Soviet Foreign Ministry sought to identify potential British-American contradictions in Greece in order to use them for proper interests [Kalinin 2017].

In other words, the positions of the USSR and Greece on the Cyprus issue were similar, although their goals did not coincide. Consequently, Greek diplomacy's initiatives at the UN were supported by the Soviet Union in order to exploit the Greek dissatisfaction with Great Britain. The Cyprus question seemed promising indeed, as it not only worsened Greece's relations with Great Britain and the United States but also divided Greece and Turkey. The Soviet tactics were aimed at the strengthening of trade and economic relations with Greece, while the leftist powers in Greece and especially the United Democratic Left Party (EDA) would expand their influence among the Greek electorate.

The Cyprus Issue during the Visit of Dmitri Shepilov in Athens in 1956

On June 28, 1956, the Soviet Foreign Minister D.T. Shepilov arrived in Athens for an unofficial visit. The Greek government agreed to accept Shepilov considering that Greece had normalized its diplomatic relations with the USSR [Kalinin 2017: 108]. It understood the importance of Shepilov's visit in connection with the Middle East agenda and the Cyprus issue.

The note by the Greek Foreign Minister Averoff to the Greek Prime Minister Karamanlis with his remarks on the Greek-Soviet relations precisely reflected the Greek intentions. Averoff underlined to Karamanlis that Shepilov's visit coincided with Khrushchev's reforms in his country. Greece, being a small country in a neuralgic geographical location, could not ignore the fact that the USSR was evolving rapidly in both economic and military terms. This was creating potential opportunities for Greece, especially in the economic field. However, taking into consideration that the Soviet foreign policy aims did not change drastically, Greece certainly should have sought to develop its relations with the Soviet Union, but at the same time to strengthen even more its allied ties².

Upon his arrival, Shepilov had long conversations with Averoff, emphasizing the historical bonds of the two countries and underlining that the purpose of his visit was to discuss the measures to be taken for the development of the Greek-Soviet relations. He stressed that the USSR was building its relations with Greece based on the principles of peaceful coexistence, mutual respect for integrity, and the policy of non-interference. According to Shepilov, regardless of the existing political and ideological differences, his country did not desire to deliberately complicate relations between Greece and its allies, regardless of its principle opposition to NATO. In this framework, the development of friendly relations between the two peoples was prioritized. The Soviet government desired further development of bilateral trade and cultural ties, trying to eliminate distrust and achieve mutual understanding and sincerity. Averoff acknowledged the rise in the bilateral relations, expressing his appreciation for the Soviet Union's support on both occasions when the Cyprus issue came to the UNGA. He admitted that it was an excellent example of the goodwill from the Soviet side³.

² Konstantinos G. Karamanlis Foundation, K. Karamanlis Archive (AKK). 1956/2A/329. Averoff to Karamanlis. June 25, 1956.

³ DIAYE. 1956/26/4. Conversations between the Soviet Foreign Minister Shepilov and the Greek Foreign Minister Averoff. June 28, 1956.

The next day Shepilov had a meeting with both — Karamanlis and Averoff. Shepilov presented an ambitious economic proposal to Karamanlis. The discussion also covered the issues regarding relations between Greece and its northern neighbours [Hatzivassiliou 1992]. Karamanlis and Averoff expressed their gratitude anew to Shepilov for his country's support in the UN regarding the Cyprus question and wished that the USSR would continue to assist the Greek claims, which were based on the principles of self-determination. However, the Soviet Minister after making a short remark about the anti-colonial principles of the Soviet Union directed the attention of his interlocutors to the issues of economic character.

During the private talks it was agreed not to publish a joint statement since the visit was unofficial, but instead to make separate press conferences. Regarding the Cyprus issue, Shepilov clarified that if asked he would take a clear stance in favour of self-determination, as the USSR strongly opposed the establishment of British military bases on the island. Averoff replied that he was only fighting for self-determination of the Cypriot people and not for British schemes. Still, he stressed to Shepilov that no international organization could force Great Britain to completely surrender its rights on the island. Thus, if the British managed to maintain just one millimetre of land, they were responsible for its use. Averoff received Shepilov's pragmatic answer that the USSR strongly opposed any scenario that included the installation of British military bases on the island⁴.

In brief, Shepilov's visit took place when both countries mostly sought expansion of economic relations, but Athens seemed reluctant to expand political cooperation with Moscow. It became obvious that the Soviet policy-makers were not addressing the Cyprus issue as a matter of the Greek-Soviet agenda. Shepilov once again perspicuously declared his country's positions to Karamanlis, as previously expressed during the 9th and 10th sessions of the UNGA. However,

⁴ DIAYE. 1956/26/4. Conversations between the head of the government Mr. Karamanlis and the Soviet Foreign Minister Mr. Shepilov. June 28, 1956.

Shepilov stressed that any other matter outside the frame of the principle of self-determination of peoples would not be supported by Moscow. Shepilov's logic was that the Soviet government could never possibly accept any settlement that would include the installation of a British military base on the island. Athens did not support this scenario. But it was becoming clear that the British were reluctant to give independence to the Cypriots since the geopolitical role of the island had been upgraded after the loss of the Suez Canal in 1956.

Exploiting the Situation: Greek Pressures on NATO

Shortly before February's 1957 UN debate on Cyprus (11th session) the First Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR V.V. Kuznetsov mentioned in his talk with Averoff that the Soviet bloc's votes would depend on the progress of Greek-Bulgarian and Greek-Albanian relations. Averoff foresaw these particular Soviet tactics and interestingly enough he was prepared to sign a relevant agreement with Albania⁵.

Nevertheless, Karamanlis rejected this idea and instructed Averoff to elucidate to Kuznetsov that a favourable Soviet vote on Cyprus would create a positive political environment in Greece's relations with these countries⁶.

Despite the rejection of the Soviet proposal, in December 1957 at the 12th session of the UNGA the USSR opposed Great Britain, arguing that its policy turned Cyprus to a military base against the Arabs [Xydis 1967: 3]. These developments were indicative of the role of the Cyprus issue in the Greek-Soviet relations. Moreover, it was a time when the Karamanlis government could not agree with the United States on self-determination of the Cypriot people. As recent literature demonstrated [Hatzivassiliou 2006], seeing the deadlock

⁵ АКК. 1957/98А/4. Telegram of the permanent representative of Greece to the UN Christos Xanthopoulos-Palamas to Greek Ministry of Foreign Affairs. January 29, 1957.

⁶ АКК. 1957/98А/4. Telegram of the minister for the Prime Minister's Office Constantinos Tsatsos to Averoff. January 31, 1957.

regarding Cyprus the US feared that Greece's pro-Western course might be challenged, if the Greeks decided to strengthen even more their relations with the USSR. Certainly Athens never considered abandoning its pro-European course, but the Soviet policy towards the Cyprus issue and the Soviet counterproposal for their support had created strong insecurities to Athens regarding relations with its allies.

At the same time the international political climate has become more complex. The United States' proposal at the NATO's 1957 Paris summit to install US Intermediate Range Ballistic Missiles (IRBMs) on the European territory triggered a strong Soviet reaction [Kourkouvelas 2012].

On December 12, 1957, the Chairman of the Council of Ministers of the Soviet Union N.A. Bulganin sent a letter to Karamanlis, in which he criticized the NATO's decision underling that the installation of such weapons in Greece, a small country with limited territorial space, could have devastating consequences, if these weapons were ever used. Naturally, this comment was received as intimidation, despite the fact that Bulganin requested Karamanlis not to take this statement as a threat⁷. In his second letter dated January 8, 1958 Bulganin drew attention of Karamanlis among others to the German issue and to historical bonds between the Greek and the Russian people that had lasted more than one thousand years. Nonetheless, he could not avoid making judgments regarding the social forces of Greece, which by the time were rejecting the possibility of the installation of any American military base on the Greek soil⁸.

This kind of comments, since they appeared during an intense pre-campaign election period, dissatisfied Athens, now feeling that the USSR was interfering in the internal affairs of Greece. Karamanlis in his reply strongly disagreed with Bulganin's arguments and underlined the peaceful intentions of Greece. Unexpectedly, Karamanlis made a remark regarding Bulganin's comment, who obviously had in mind the

situation in Germany, about the absolute necessity to preserve the existing territorial status quo. Karamanlis made a special mention that he supported the Soviet viewpoint that for ensuring peace everyone should unconditionally respect the current international status and condemn any attempt to change the status quo or the existing borders by military actions. Greece, Karamanlis continued, was a staunch supporter of the principle of self-determination of peoples⁹.

Karamanlis must have felt that as a means to counter some of the Soviet pressures the recent progress in the bilateral relations between Greece and the USSR had to be reconfirmed even indirectly, using a psychological argument. That is to say, on the one hand, Bulganin could effectively apply pressure to block a possible installation of IRBMs in Greece; on the other hand, Karamanlis emphasized the defensive attitude of Greece and presented his country as a champion of the rights of the peoples as it was internationally proven by the Greek diplomacy at the UNGA regarding the Cyprus issue. This means that Karamanlis extremely cautiously connected the situation in Cyprus with the one in Germany in order to strongly point out to the principles of self-determination, which the Greek diplomacy used to secure the Soviet support in the United Nations.

In May 1958, Khrushchev reconfirmed the Soviet support regarding the Cyprus issue by publicly stating in the Greek newspaper "To Vima" that his country was against the remnants of the colonization system and that the Cypriots had the right to independently control their own future. At the same time, he severely criticised NATO as an aggressive mechanism that was contributing to the division of the island¹⁰.

In August 1958, the British Prime Minister Harold Macmillan officially visited Greece to promote the so called Macmillan Plan on the

⁹ Konstantinos Karamanlis: *Archeio: gegonota kai keimena* [Konstantinos Karamanlis: *Archive: Facts and Texts*] / ed. by C. Svolopoulos. Vol. II. Athens, 1993. P. 486—498.

¹⁰ Konstantinos Karamanlis: *Archeio: gegonota kai keimena* [Konstantinos Karamanlis: *Archive: Facts and Texts*] / ed. by C. Svolopoulos. Vol. III. Athens, 1993. P. 120—121.

⁷ AKK. 5A/2232. Bulganin to Karamanlis. December 12, 1957.

⁸ AKK. 5A/2217. Bulganin to Karamanlis. January 8, 1958.

Cyprus issue. Macmillan had forwarded his plan to Karamanlis already from June. Karamanlis strongly opposed it and even stated to the US Ambassador in Athens James W. Riddleberger that Greece's position in NATO could have been challenged, if the British had continued to promote it. Eventually, Greece, Turkey and Archbishop Makarios rejected the Macmillan Plan¹¹.

It is noteworthy that on 9 August 1958, a day when Karamanlis had several meetings in Athens not only with Macmillan but also with the American Deputy under Secretary of State for Political Affairs Robert Murphy, the Soviet ambassador Sergeev delivered a letter by N.S. Khrushchev addressed to Karamanlis. Khrushchev referred extensively to the situation in the Middle East and called Karamanlis to support the Soviet positions in the UN, which opposed the actions of the United States and Great Britain against Jordan and Lebanon. According to Khrushchev, the armed intervention violated the norms of international law and UN Charter and profoundly hindered the legitimate right of the peoples to self-determination¹².

Once again, the right of self-determination of the peoples was used as a means to apply diplomatic pressure. Now, Khrushchev was the one to connect the Cyprus issue with another international problem, namely Jordan and Lebanon, in an attempt to exploit the situation while using a similar psychological argument like Karamanlis did. In other words, Khrushchev argued that the peace-loving Greece could get benefits by siding with the USSR in the United Nations who had already supported the Greek claims. Greece was facing a serious security issue, and at the same time the quality of relations with its allies were at their lowest level. Concurrently, by accepting the Soviet proposal Greece could strengthen its position in the Eastern Mediterranean and increase its

international prestige, especially taking into consideration that relations between Athens and the Arab states were at a decent level.

Reacting swiftly, Karamanlis took advantage of Khrushchev's proposal and applied counter pressure on NATO. Karamanlis made it clear to Macmillan that the Soviets had serious ambitions in Cyprus, and in order to realize them they were trying to use the Greek national aspirations on the island. Furthermore, the Greek Prime Minister expressed to Murphy his frustration regarding the British and Turkish intransigence on the Cyprus issue and complained about the treatment his country received by the Alliance. He also stressed that developments around Cyprus contributed to the deterioration of the situation in the Middle East, something that the Soviet Union was very eager to exploit¹³.

Simply put, Karamanlis utilized the tactics of the Soviet Union on the Cyprus issue in order to apply pressure on NATO. The American passive attitude regarding the Cyprus issue provided the Soviet Union with an excellent opportunity to affect the Greek political life since it managed to influence the electorate to vote for EDA in the national elections, which received almost 25 % of the vote, thus becoming the major opposition force in Greece. At the same time, the Prime Minister facing a dead-end around Cyprus had to estimate how to effectively use the Greek limited diplomatic arsenal in order to reach a settlement that would give Cyprus independence.

During the debate at the 13th session in the UNGA (February 28 — March 14, 1959), the representative of the USSR A.A. Sobolev severely criticized the Macmillan Plan and the violent approach of British authorities in Cyprus. He also stressed that the Cyprus issue could not be resolved in the framework of NATO and criticized the British authorities that were trying to create a pretext to maintain their dominance on the island by sowing hostilities between the

¹¹ Konstantinos Karamanlis: Archeio: gegonota kai keimena [Konstantinos Karamanlis: Archive: Facts and Texts] / ed. by C. Svolopoulos. Vol. III. Athens, 1993. P. 139.

¹² АКК. 1958/5А/2196. Khrushchev to Karamanlis. August 8, 1958.

¹³ Konstantinos Karamanlis: Archeio: gegonota kai keimena [Konstantinos Karamanlis: Archive: Facts and Texts] / ed. by C. Svolopoulos. Vol. III. Athens, 1993. P. 207.

Greek Cypriots and Turkish Cypriots [Tasoulas 2020a: 50].

The Cyprus issue had been finally settled outside the UN framework by the Zürich and London Agreements of 11 and 19 February 1959. Cyprus was accordingly recognized as an independent country on August 16, 1960 and the Soviet government immediately welcomed the declaration of independence of Cyprus as a defeat of British imperialism. However, Kremlin severely criticized the installation of two large British military bases on the island and the fact that the guarantor powers of the Republic of Cyprus (Greece, Turkey and Britain) retained the right to intervene in the internal affairs of the new state [Gromyko, Ponomarev 1986: 275].

Conclusion

The Cyprus issue in the bilateral relations between the Soviet Union and Greece during the period 1956—1960 did not play a primary role, however many times directly, or even indirectly, was exploited by both sides in terms of diplomatic pressures, and was similarly directed on different targets. The 1956 first important step towards détente proved to be short-lived, as the deterioration of the political environment after 1957 led the Kremlin's policymakers to apply very specific tactics to Greece that were received by Athens as pressure and interference in the political affairs. Nevertheless, during the period 1953—1959 the Cyprus issue was brought to the UNGA five times and the Soviet Union

supported the Greek claims of self-determination of the people of Cyprus, something that Athens evaluated positively. At the same time, the Soviet Union tried to exploit the already existing severe crisis that had erupted inside NATO due to the Cyprus question, in an attempt to deepen the rift in the relations between Greece, Great Britain and Turkey. But, these tactics were not fruitful since the rift was bridged after the London and Zürich agreements of 1959.

Likewise, the Greek governments tried to exploit the Soviet tactics on the Cyprus issue, as they were expressed by N.A. Bulganin and N.S. Khrushchev in their letters to Karamanlis, in order to re-direct them as a means of pressure on NATO, especially during the diplomatic processes regarding the Macmillan Plan. One might assume that the Soviet tactics proved to be a double-edged sword for Kremlin.

On the one hand, the Cyprus issue was indeed the starting point towards the improvement of bilateral relations with Athens and provided political support to EDA.

On the other hand, it brought to the surface vehement anti-communism (which came also as an aftermath of the civil war) and this resulted to the reluctance of the Greek policy-makers towards détente with the Soviet bloc.

In any case, the USSR was one of the first countries that recognized the new Republic of Cyprus and very quickly established official diplomatic relations, thus opening a new page in the history of the island.

Received / Поступила в редакцию: 19.09.2020
Accepted / Принята к публикации: 01.11.2020

References / Библиографический список

- Aleco, A. (2016). *Communism and Nationalism in Postwar Cyprus, 1945—1955: Politics and Ideologies under British Rule*. New York: Palgrave Macmillan.
- Antoniou, A. (2015). *Elliniki aristera kai kyprisko zitima sti dekaetia tou 1950* [The Greek Left and the Cyprus issue in the 1950s]. Volos: University of Thessaly. (In Greek).
- French, D. (2015). *Fighting EOKA: The British Counter-Insurgency Campaign on Cyprus, 1955—1959*. Oxford: Oxford University Press.
- Gromyko, A.A., & Ponomarev, B.N. (1986). *Soviet Foreign Policy, 1945—1985*: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Nauka publ. (In Russian). [Громько А.А., Пономарев Б.Н. История внешней политики СССР (1945—1985 гг.): в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1986].
- Hatzivassiliou, E. (1991). Blocking Enosis: Britain and the Cyprus Question, March — December 1956. *Journal of Imperial and Commonwealth History*, 19(2), 247—263. DOI: 10.1080/03086539108582838

- Hatzivassiliou, E. (1992). Greek-Bulgarian and Greek-Soviet Relations, 1953—1959: A View from the British Archives. *Modern Greek Studies Yearbook*, (8), 119—137.
- Hatzivassiliou, E. (2006). *Greece and the Cold War: Frontline State 1952—1967*. New York: Routledge.
- Ioannides, C.P. (2014). Cyprus, British Colonialism and the Seeds of Partition: From Coexistence to Communal Strife. *Journal of Modern Greek Hellenism*, (30), 41—72.
- Johnson, E. (2000). Keeping Cyprus off the Agenda: British and American Relations at the United Nations, 1954—58. *Diplomacy & Statecraft*, 11(3), 227—255. DOI: 10.1080/09592290008406178
- Kalinin, A.A. (2017). Political Aspects of Soviet-Greece Relationships in 1953—1959. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (12), 106—116. (In Russian). [Калинин А.А. Политические аспекты советско-греческих отношений в 1953—1959 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 12. С. 106—116].
- Kalinin, A.A. (2018). *The Greek Conflict in the Context of the Formation of the Bipolar System (1944—1953)* [thesis]. Kirov. (In Russian). [Калинин А.А. Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы (1944—1953 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Киров: Вятский государственный университет, 2018].
- Katsourides, Y. (2014). Anti-Colonial Struggle in Cyprus: Actors, Conceptualisations, Methods and Motives. *Journal of Mediterranean Studies*, 23(1), 31—46.
- Kourkouvelas, L. (2012). Denuclearization on NATO's Southern Front: Allied Reactions to Soviet Proposals, 1957—1963. *Journal of Cold War Studies*, 14(4), 197—215. DOI: 10.1162/JCWS_a_00280
- Philippou, L. (2010). The Cypriot Paradox: The Communist Way towards Political Liberalism. *The Cyprus Review*, 22(1), 129—149.
- Sfikas, Th.D. (2001). War and Peace in the Strategy of the Communist Party of Greece, 1945—1949. *Journal of Cold War Studies*, 3(3), 5—30. DOI: 10.1162/152039701750419493
- Stergiou, A. (2007). Soviet Policy towards Cyprus. *The Cyprus Review*, 19(2), 83—106.
- Tasoulas, A. (2020a). Decolonization of Cyprus and Position of the Soviet Union (1953—1959). *Conflict Studies — nota bene*, (2), 42—56. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0617.2020.2.33136 [Тасулас А. Деколонизация Кипра и позиция Советского Союза (1953—1959 гг.) // Конфликтология / nota bene. 2020. № 2. С. 42—56. DOI: 10.7256/2454-0617.2020.2.33136].
- Tasoulas, A. (2020b). A Potential “Apple of Discord”: Cyprus in the Soviet Foreign Policy Analysis, 1946—1953. *Voprosy Nacional'nyh i Federativnyh Otnoshenij*, 10(8), 2202—2211. (In Russian). DOI: 10.35775/PSI.2020.65.8.029 [Тасулас А. Потенциальное «яблоко раздора»: Кипр в советском внешнеполитическом анализе в 1946—1953 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8. С. 2202—2211. DOI: 10.35775/PSI.2020.65.8.029].
- Ulunyan, A.A. (2001). *The Balkans: The Heated World of the Cold War. Greece and Turkey between West and East, 1945—1960*. Moscow: IVI RAN publ. (In Russian). [Улунян А.А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком (1945—1960 гг.). М.: ИВИ РАН, 2001].
- Xydis, S. (1967). *Cyprus Conflict and Conciliation, 1954—1958*. Columbus: The Ohio State University Press.

About the author: *Tasoulas Argyrios* — PhD Researcher, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: argyr22@gmail.com).

Сведения об авторе: *Тасулас Аргириос* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (e-mail: argyr22@gmail.com).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-157-170

Научная статья / Research article

Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран

Ю.А. Зотова

Исламский университет Азад, Тегеран, Исламская Республика Иран

Аннотация. Россия и Иран поддерживают непрерывные дипломатические отношения с 1592 г. За постсоветский период связи между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) значительно укрепились. Руководство обеих стран стремится превратить их отношения в стратегическое партнерство. Однако главным препятствием для достижения этой цели, по мнению аналитиков, является негативное восприятие народами двух стран друг друга. Цель данного исследования — понять, как современные россияне и иранцы видят друг друга и российско-иранские отношения. Рассматриваются данные социологических опросов, мнения российских и иранских экспертов, проводится анализ образа Ирана и России в школьных учебниках истории двух стран. Приходится констатировать, что среди современных иранцев сохраняются негативные стереотипы, недоверие по отношению к России. В иранских школьных учебниках истории России уделяется гораздо больше внимания, чем Ирану — в российских. Причем для иранцев видение России как страны-соседа преобладает над идеей России — великой мировой державы. Однако образ России в целом иллюстрируется в негативном ключе, она представляется страной, которой следует опасаться. Формирование негативного образа России среди иранцев обусловлено не столько реальными историческими фактами, сколько их селективной и часто ошибочной интерпретацией. В современной России, несмотря на то, что социологические опросы демонстрируют в целом позитивный имидж Ирана, эта страна не имеет первостепенной важности для россиян, она остается далекой, экзотической и непонятной. Современные россияне имеют весьма слабые представления о своем южном соседе — Иране. В российских школьных учебниках Персии и Ирану уделяется настолько мало внимания, что трудно говорить о положительном или отрицательном образе этой страны.

Ключевые слова: Россия, Иран, российско-иранские отношения, перцепция Ирана и России, история российско-иранских отношений, образ России и Ирана, школьные учебники истории

Для цитирования: Зотова Ю.А. Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 157—170. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-157-170

© Зотова Ю.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Mutual Perception in Contemporary Relations between Russia and Iran: Image of Russia and Iran in History School Textbooks of the Two Countries

Julia A. Zotova

Islamic Azad University, Tehran, Islamic Republic of Iran

Abstract. Russia and Iran have maintained continuous diplomatic relations since 1592. During the post-Soviet period, relations between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran have strengthened significantly. The leaderships of both countries seek to turn their relations into a strategic partnership. However, the main obstacle to achieving this goal is the negative perception of the other by the peoples of both countries. The purpose of this study is to understand how modern Russians and Iranians see each other and the relations between their governments. This article examines data from sociological surveys, opinions of Russian and Iranian experts, and analyzes the images of Iran and Russia presented in school-level history textbooks of the two countries. We note negative stereotypes and a distrust of Russia among modern Iranians. Russia receives far more attention in Iranian history textbooks than Iran in Russian ones. For Iranians, the image of Russia as a neighbor is more important than the image of Russia as a great world power. However, the image of Russia in general is negative; Russia is seen as a country to be feared. The negative image of Russia among Iranians is formed through selective and often erroneous interpretation, rather than historical facts. Although opinion polls in contemporary Russia divulge a generally positive image of Iran, the country is not seen as important to respondents — it remains distant, exotic, and incomprehensible. Modern Russians have very faint ideas about their Southern neighbor, Iran. Persia and Iran receive so little attention in Russian school textbooks that it is difficult to talk about the image of this country as positive or negative.

Key words: Russia, Iran, Russian-Iranian relations, perceptions of Russia and Iran, history of Russian-Iranian relations, image of Russia and Iran, school history textbooks

For citation: Zotova, J.A. (2021). Mutual Perception in Contemporary Relations between Russia and Iran: Image of Russia and Iran in History School Textbooks of the Two Countries. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 157—170. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-157-170

В последние три десятилетия наблюдается беспрецедентное военно-политическое и экономическое сближение России и Ирана. Сложившийся российско-иранский альянс оценивается экспертами весьма по-разному. Одни говорят о стратегическом союзе [Karami 2017] и новой геополитической оси [Troudi 2009], другие предпочитают термины настороженного партнерства [Сажин, Карамиде 2017] или «брака по расчету» [Katz 2012]. Некоторые видят в этих отношениях российско-шиитский альянс¹ и даже возрождение империи Чингисхана [Flichy, Holtzinger, Paris, de Premonville 2013]. Одно можно сказать с уверенностью — в послесоветские годы связи между Россией и Ираном, двумя соседними странами, поддерживающими непрерывные

дипломатические отношения с 1592 г., значительно укрепились.

В основе российско-иранского альянса лежат общность многих положений внешнеполитических доктрин двух стран, стремление к укреплению региональной безопасности, сходство геополитических интересов, необходимость развития экономического сотрудничества и культурного диалога. Довольно часто мы слышим о стремлении руководства двух стран превратить российско-иранские отношения в стратегическое партнерство. Однако, по мнению многих иранских², российских и западных экспертов [Parker 2009; Katz 2012; Мамедова 2010; Сажин, Карамиде 2017], главным препятствием для достижения этой цели является взаимное

¹ Mongrenier J.-S. Le front russo-iranien: une alliance trop longtemps négligée // *Challenges*. 21.11.2017. URL: https://www.challenges.fr/monde/moyen-orient/le-front-russo-iranien-une-alliance-trop-longtemps-negligee_514850 (accessed: 21.11.2017).

² Shafei G. Iranian Pessimism towards Russia Is One of the Reasons Hindering Further Economic Cooperation // *IRAS*. 04.05.2016. URL: <http://www.iras.ir/www.iras.iren/doc/interview/1190/gholamreza-shafei-iranian-pessimism-towards-russia-is-one-of-the-reasons-hindering> (accessed: 08.10.2019).

недоверие, основанное на отрицательном историческом опыте, негативном восприятии народами двух стран друг друга.

В данной статье, базируясь на результатах социологических опросов и мнениях экспертов, автор рассматривает, как современные иранцы и россияне видят друг друга и российско-иранские отношения. На основе анализа школьных учебников истории двух стран предпринята попытка выяснить, какой образ России и Ирана формируется у молодого поколения двух стран.

Недоверчивый взгляд из Тегерана

Современная иранская национальная идентичность начала формироваться в XVI в., в эпоху Сефевидов, вокруг идеи «шиитской исключительности». Позднее полукOLONиальная политика европейских государств по отношению к Персии в XIX в. вызвала в иранском обществе реакцию сопротивления и антагонизма, положив начало становлению иранского национализма. Это движение, «безусловно, использовало элементы, уже присутствующие в сердцах иранцев, такие как продолжительность и непрерывность государственной и национальной идентичности; язык высокой культуры и наследие престижной древней цивилизации, основанной на зороастризме — одной из первых монотеистических религий» [Digard, Hourcade, Richard 2007: 349].

Сегодняшние иранцы заслуженно гордятся своим исключительно богатым прошлым. Первая так называемая «универсальная» империя Ахеменидов, четыре столетия империи Сасанидов, место, занимаемое Ираном в период аббасидского апогея арабомусульманской цивилизации и культурный расцвет Сефевидской Персии узаконивает в глазах иранцев их стремление к могуществу в настоящем и будущем. Именно вокруг идеи возвращения этих важных позиций в мире формируется иранский национализм (или паниранизм), в основе которого «лежит понятие иранской национальной гордости» [Кожанов, Богачева 2020]. Эта идеология была доминирующей в годы правления династии Пехлеви

и не утратила своей актуальности (но выражается в других формах) после Исламской революции.

Вместе с тем «иранцы часто думают, что их национальная сущность была у них украдена, расхищена и извращена иностранцами» [Richard 2009: 9]. Отсюда недоверие Ирана к другим державам, в том числе и к России. В нынешних российско-иранских связях по-прежнему много нерешительности, неоднозначности и подозрительности с иранской стороны. Например, отказ Ирана от российского предложения по обогащению иранского урана в России, диверсификация поставщиков оружия, несогласие Ирана на создание российских военных баз на его территории и даже использование их российскими воздушно-космическими силами (ВКС) для совместных военных действий в Сирии и т. п.

Более того, сегодняшние иранцы продолжают чувствовать, что судьба их страны решается не в Тегеране, а в Вашингтоне, Лондоне или Москве. Так, в 2009 г., в период так называемой «неудавшейся оранжевой революции» [Юртаев 2009], Россия в силу особенностей дипломатического календаря была одной из первых стран, признавших переизбрание М. Ахмадинежада на президентский пост. Сразу после выборов президент Ирана принял участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Екатеринбурге, а Д.А. Медведев, в то время президент России, не имел иного выбора, кроме как поздравить своего иранского коллегу.

Политологи прореформаторской ориентации характеризовали Россию как партнера, не внушающего доверия, и призывали к пересмотру официальной иранской позиции относительно России³. Протестующие представители движения «зеленых» с лозунгами «Смерть диктатору», «Смерть России» напали на российское посольство в Тегеране и сожгли российский флаг. Многие иранцы (но, конечно же, не все) в то время были

³ Дунаева Е.В. Российско-иранские отношения — взгляд из Тегерана // Институт Ближнего Востока. 29.04.2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10554> (дата обращения: 10.01.2020).

убеждены, что Россия участвовала в подготовке иранского спецназа, который разогонял манифестантов⁴.

Иранский эксперт, бывший посол ИРИ в Азербайджане, А. Сулеймани безапелляционно заявляет, что «сотрудничать с Россией — все равно, что играть в карты вслепую с шулером»⁵. Он также добавляет другие примеры «вероломного поведения России и неисполнения ею своих обязательств» в постсоветское время, такие как семилетняя задержка поставок комплексов ПВО С-300, отказ (еще до объявления международных санкций в 2010 г.) от экспорта в Иран самолетов-истребителей, препятствия к поступлению иранских студентов в российские вузы, где готовят физиков-ядерщиков, присоединение к международным санкциям Совета Безопасности (СБ) ООН против Ирана, нежелание России сотрудничать с Ираном в политическом урегулировании на Южном Кавказе⁶.

Аналитики выделяют и другие современные факты, которые не позволяют иранцам с полным доверием относиться к России. Это и известная российско-американская «сделка Гора — Черномырдина» в 1995 г., заморозившая военно-техническое сотрудничество РФ и ИРИ, и несправедливое (по мнению иранцев) деление Каспия, и неполное совпадение взглядов на ситуацию в Сирии и будущее этой страны.

Конечно, в Иране существует большая группа исследователей, имеющих позитивный взгляд на Россию и выступающих за расширение российско-иранских контактов. Так называемые «оптимисты» подчеркивают совпадение позиций двух стран против американской гегемонии в мире. Сторонники взвешенного подхода, «реалисты», учитывая роль России в регионе и мире, а также многовековые связи двух стран, считают, что

развитие сотрудничества отвечает национальным интересам ИРИ [Sanaie 2008]. Особый акцент делается на важность России для Ирана как постоянного члена СБ ООН.

Социологические опросы в целом и касающиеся внешней политики в частности, в Иране проводятся далеко не часто. В 2009 г. в атмосфере роста напряженности вокруг иранской ядерной программы и попыток улучшить российско-американские отношения иранское информационное агентство ASR IRAN провело опрос, который показал, что 96 % иранцев имеют отрицательное мнение о России⁷. В ноябре 2009 г. персидская служба РИА-Новости также проводила интернет-опрос, темой которого стало отношение иранцев к России. По результатам опроса, 94 % респондентов расценивали образ России как «негативный»⁸. Конечно, интерпретировать подобные интернет-исследования необходимо с большой осторожностью, поскольку ни по репрезентативности, ни по величине выборки они не могут отражать мнение всего населения Ирана.

Основываясь на личном опыте жизни в Иране, беседах с российскими и иранскими бизнесменами, представителями российских дипломатических и научных кругов, ситуация не видится автору в столь темных тонах. Действительно, иранская политическая элита, будучи исламской, остается одновременно и сильно националистической и тьермондистской. И в моменты политических кризисов некоторые иранские парламентарии, а также пресса, преследуя свои конъюнктурные цели, не стесняются указывать пальцем на Россию. Ей припоминаются исторические конфликты, такие как Туркманчайский договор, оккупация Иранского Азербайджана в период Второй мировой войны, советская поддержка С. Хусейна и т. п.

Тем не менее на местах, среди населения, все эти противоречия и стереотипы кажутся менее заметными. На самом деле, иранцы,

⁴ Личные интервью автора с иранскими гражданами в Тегеране, август 2009 г.

⁵ Soleymani A. Nagozarim kartbazi-e rousha shavim [Не станем разменной картой в русской игре] // Iran Diplomacy. 16.10.2017. (На фарси). URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/page/1972532> (accessed: 03.05.2020).

⁶ Ibid.

⁷ Fasl sard ravabet iran va rusi [Холодная пора в отношениях России и Ирана] // Aftab News. 28.01.2010. (На фарси). URL: <http://aftabnews.ir/fa/news/94352/> (accessed: 15.02.2019).

⁸ Ibid.

которые имели возможность сталкиваться с россиянами во время реализации советских проектов или в настоящее время на строительстве Бушерской АЭС, а также жители северных провинций Ирана имеют довольно хорошее мнение о них. Например, они считают, что российский менталитет по сравнению с другими иностранцами гораздо ближе к культурным кодам иранцев.

Хотя уже более века Россия и Великобритания, завершив «Большую игру», не конкурируют в Иране, иранцы постоянно сравнивают эти две бывшие колониальные державы, называя Англию «старой лисой». В откровенном разговоре с иранцами мы часто слышим фразу, которая звучит почти как комплимент россиянам: «В любом случае вы “менее плохие”, чем англичане». Иранцы традиционно считают русских людьми, знающими толк в военном деле.

Таким образом, несмотря на многовековые контакты русского и иранского народов, взаимовлияние культур, преемственность многих исторических событий в коллективном сознании иранцев, сложился в целом негативный образ России и россиян. Россия представляется страной, которую следует опасаться, которая несколько раз в течение последних двух веков угрожала территориальной целостности Ирана либо прямым военным вторжением, либо посредством идеологической поддержки антиправительственных и сепаратистских движений. Этот страх сознательно поддерживается и оппозиционными по отношению к Исламской Республике медиа, вещающими на фарси из-за границы.

И не друг, и не враг, а так...

Не лучше обстоят дела и с российской стороны. В российской культуре представления о Востоке в общем и об Иране в частности сформировались еще в XIX в. при Николае I, представления «как об особом, совершенно отличном от России культурном пространстве, которому были присущи его собственные традиции, понятия, категории, которые не сопоставимы с европейскими» [Юртаев 2015].

Изучая эволюцию образа Персии (Ирана) в России и СССР (1880—1971), А.Ю. Ларионова [2012] отмечает, что в целом к концу XIX в. Персия рисовалась великой в прошлом восточной державой, которая переживает нелегкие времена. Бескрайние степи и розовые сады, высокие минареты и украшенные мозаикой дворцы и мечети, узкие грязные улочки городов и восточные базары — все это являлось неотъемлемой частью представлений о Персии. Типичный житель Персии рисовался как человек, наделенный умом и смекалкой, вежливый, обходительный и гостеприимный, однако при этом зачастую крайне невежественный, фанатичный, корыстолюбивый, хитрый, не в меру любопытный и жадный до зрелищ. Персы — прекрасные торговцы, но плохие воины. Они ленивы и не отличаются храбростью [Ларионова 2012].

После Октябрьской революции 1917 г. за Персией все более закрепляется образ бедной и отсталой феодальной страны, жертвы политики империалистических держав, навязывавших ей неравноправные договоры, беспощадно эксплуатировавших ее природные богатства и угнетавших ее население. При этом отмечается рост классового самосознания персов и развитие в этой стране рабочего профсоюзного движения. В послевоенные годы «Иран все более превращался в глазах советских людей в “жандарма на Среднем Востоке” и оплот империализма в Азии» [Ларионова 2012: 153].

Совершенно особенный, яркий, колоритный образ Персии (Ирана) был создан в русской культуре поэтами и писателями XIX—XX вв. А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, В. Хлебников, С.А. Есенин и другие стремились (хотя и не всем это удалось) своими глазами увидеть и воссоздать удивительную и прекрасную «голубую родину Фердуси»⁹, землю, вскормившую бессмертный дар Хафиза и Омара Хайяма.

В современных отношениях с Ираном Россия на деле применяет ставший идиоматическим в российской культуре принцип

⁹ Строки из одноименного стихотворения С. Есенина: Есенин С.А. Персидские мотивы. М.: Фолио, 2013.

«Восток — дело тонкое», она продолжает проявлять осторожность и терпимость по отношению к местным традициям, религиям и психологии. Установившийся с 1997 г. активный диалог между представителями иранского шиитского духовенства и Русской Православной Церкви — яркий пример этой российской политики, направленной на толерантность. Профессор РУДН В.И. Юртаев отмечает: «Россия вошла в 1990-е годы с представлением об иранцах как очень хорошим, положительном народе, который стал жертвой эксплуатации великих капиталистических держав и, свергнув шаха, реализует свое право на независимый путь развития» [Юртаев 2015]. По этой причине советским элитам по сравнению с западными было легче принять иранскую Исламскую революцию и пойти на сближение с ИРИ в конце 80-х гг. прошлого века.

Видимо, на фоне поиска национальной идентичности в сегодняшней России существует большой интерес к древней истории Ирана. Еще пару десятков лет назад для большинства россиян первый символический образ, касающийся истории российско-иранских отношений, соответствовал печальному эпизоду между Степаном Разиным и персидской княжной (около 1669 г.). Но сегодня, набрав в поисковике «происхождение славян» или «скифов», мы сталкиваемся с десятком форумов, где обычные люди, далеко не профессиональные историки, обсуждают события очень отдаленного прошлого этих древних народов. К сожалению, нередко случаи, когда среди политиков, журналистов и даже ученых наблюдается прискорбное смешение понятий персов, древних иранцев, скифов, сарматов, аланов и т. п.

Действительно, в последние тридцать лет теории о скифском происхождении славян были активно востребованы идеологами неоевразийства, а также националистами и славянофилами всех типов. Так называемый арийский миф, служивший в XIX в. идеологической основой «неколониального» расширения российского присутствия в Средней Азии [Laguelle 2009], возродился в конце XX — начале XXI в. на всем постсоветском пространстве. Известный российский этнограф

и археолог В.А. Шнирельман [2015: 5], анализируя формирование арийского мифа и его репрезентацию в публичном дискурсе, предупреждает об опасностях, связанных с использованием этой теории.

Принцип исторического единства с иранцами провозглашается также недавно появившимися в России зороастрийцами. Зороастрийская община Санкт-Петербурга была основана в начале 1990-х гг. Павлом Глобой. Помимо проведения культов и обрядов община уже более 15 лет издает религиозно-философский журнал «Митра» и организует паломничество в Аркаим (раскопки поселения эпохи средней бронзы недалеко от Челябинска)¹⁰. Последний в псевдонаучных и эзотерических источниках называют «местом силы», «прародиной» славян, «ариев» или индоевропейцев, «колыбелью человеческой цивилизации», и ни много ни мало родиной Заратустры или местом его захоронения¹¹. При всей важности открытия этого и еще нескольких находящихся поблизости городищ так называемой аркаимско-синташтинской культуры его зороастрийское прошлое вызывает сомнения у большинства ученых, и гипотеза о родственности авестийского народа «арья» «синташтинцам»¹² остается недоказанной [Шнирельман 2011].

Хотя очевидно, что контакт двух цивилизаций, учитывая их географическую близость с самых далеких времен, был неизбежен, заявления некоторых политиков о генетическом, культурном и религиозном единстве между славянами и иранцами, на наш взгляд, все же научно не обоснованы и больше сродни политическому оппортунизму.

¹⁰ См. официальный сайт Сообщества зороастрийцев Санкт-Петербурга. URL: <https://www.zoroastrian.ru/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹¹ См., например: Страна городов // Зороастризм в России. 02.05.2009. URL: <https://www.zoroastrian.ru/node/71> (дата обращения: 01.08.2020); Зданович Г.Б. О раскопках предположительного захоронения пророка Заратустры // Зороастризм в России. 22.11.2012. URL: <https://www.zoroastrian.ru/node/1682> (дата обращения: 01.08.2020).

¹² Епимахов А.В., Семьян И.А. Аркаим и Синташта: история открытия и археологическая реальность // Антропогенез. URL: <https://antropogenez.ru/article/1002/> (дата обращения: 01.08.2020).

Современный взгляд российских элит на Иран, как отмечает историк Д. Шлапентох, формируется также под воздействием политических перемен в самой России, а именно растущим противоречием между этническими русскими, по-прежнему составляющими большинство политических элит, и возрастающей ролью мусульманского сообщества в России [Shlapentokh 2012].

Принимая во внимание, что в последние два десятилетия иранская проблематика не сходит с первых полос всех мировых медиа, российские центры изучения общественного мнения неоднократно проводили исследования отношения россиян к Ирану, иранской ядерной программе и российско-иранским отношениям.

В 2000 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал результаты опросов, согласно которым россияне очень положительно относятся к Ирану (70 % — хорошо и 6 % — даже очень хорошо)¹³.

Позднее Левада-центр в 2007 и 2010 гг. проводил исследования российского общественного мнения на предмет угрозы, которую может представлять Иран. Главный результат этих опросов — для россиян американские ракеты на границах России представляют собой гораздо большую угрозу, чем гипотетическое иранское ядерное оружие¹⁴.

Опрос, проведенный в 2018 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ), показал, что если большинство россиян (66 %) считают появление ядерного оружия у Ирана опасностью миру, то только 46 % опрошенных думают, что ядерный Иран будет опасен для России, а 40 % заявили, что не видят угрозы для России со стороны Ирана¹⁵.

В 2001, 2005, 2006, 2007, 2009 и 2018 гг. ФОМ также опрашивал своих респондентов, задавая вопрос, считают ли они Иран дружественной или враждебной страной по отношению к России. С 2001 по 2018 г. число респондентов, считающих Иран другом России, регулярно несколько превышало количество тех, кто считал обратное. Однако следует отметить, что процент тех, кто затруднился ответить на этот вопрос, все эти годы оставался довольно высоким (в среднем треть респондентов)¹⁶.

Если результаты социологических опросов, проведенных в последние десятилетия в России, демонстрируют в целом позитивное отношение россиян к Ирану, то, когда речь заходит о том, чтобы составить список друзей и врагов России, об Иране вспоминают очень редко. Например, согласно опросам Левада-центра, россияне включали Иран в обе группы — как «стран-друзей» России, так и «стран-врагов». В период с 2006 по 2017 г. лишь 1—4 % опрошенных относили Иран к пяти дружественным России странам. Для списка «стран — врагов России» эта цифра составляла от 2 до 7 %¹⁷. Близкие результаты показал и опубликованный в 2017 г. опрос ФОМ. Лишь 4 % россиян включили Иран в список стран, сотрудничество с которыми важно для России¹⁸.

Эта парадоксальная ситуация частично объясняется результатами опроса ФОМ «Что знают люди об Иране?», проведенного в июне 2018 г. Согласно опросу, верно назвать столицу Ирана смогли только 28 % россиян, 7 % назвали не тот город, 65 % даже не попытались ответить. Самые распространенные ассоциации со словом «Иран» — «там идет война», «бомбежки», «взрывы», «боевики»,

¹³ Как вы в целом относитесь сейчас к Ирану // ВЦИОМ. 15.11.2000. URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=344&q_id=27726&date=15.11.2000 (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁴ Иранская угроза в российском общественном мнении // Левада-центр. 25.03.2010. URL: <https://www.levada.ru/2010/03/25/iranskaya-ugroza-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (дата обращения: 20.01.2019).

¹⁵ Отношения с Ираном. Мнения о сотрудничестве с Ираном и представления о ядерной программе этой

страны // Фонд «Общественное мнение». 06.06.2018. URL: <http://fom.ru/Mir/14044> (дата обращения: 20.07.2019).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Друзья и враги России // Левада-центр. 05.06.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/> (дата обращения: 20.06.2019).

¹⁸ О России и странах мира // Фонд «Общественное мнение». 24.07.2017. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата обращения: 20.07.2019).

«теракты»¹⁹. Ясно, что портрет Ирана, составленный в ходе этого опроса, очень похож на соседнюю с ним страну — Ирак.

В январе 2020 г. ФОМ предложил своим респондентам высказаться об обострении конфликта между США и Ираном. Это исследование показало отсутствие единства в представлениях людей о том, какую позицию следует занять России в конфликте двух стран. Однако поражает слабая информированность россиян об этом конфликте (21 % слышали о нем впервые и 55 % ничего не знают о причинах многолетнего ирано-американского противостояния)²⁰.

Таким образом, приходится констатировать, что современные россияне, несмотря на многовековую совместную историю, имеют весьма слабые представления о своем южном соседе — Иране.

Чему учат в школе?

Размышляя о причинах подобного невежества с российской стороны и негативного восприятия России — с иранской, автор анализирует, как Иран и Россия описываются в школьных учебниках двух стран, поскольку образ страны во многом формируется в период получения среднего образования.

Наиболее информативными для данного исследования оказались учебники истории. Автор выбрала по два учебника (собственно истории страны и мировой истории), используемые в последних классах общеобразовательных школ России и Ирана.

Прежде всего, необходимо отметить, что иранские школьные учебники истории претерпели значительные изменения после Исламской революции. Сейчас в Иране для каждого уровня имеется единый учебник, утвержденный Министерством образования и воспитания страны. Мы ограничились здесь рассмотрением двух иранских учебных

пособий: «История Ирана и мира»²¹, используемый учащимися 11-го класса со специализацией на литературе и гуманитарных науках, а также учебник «Современная история Ирана»²², предназначенный для учащихся 11-го класса, которые углубленно изучают физику, математику и естественные науки.

Учебный курс «История Ирана и мира» состоит из двух частей: «Мировая история в новое и новейшее время» и «История Ирана в новое и новейшее время». Это учебное пособие по мировой истории охватывает период с XVIII по XX в.

Национальная иранская история рассматривается в учебнике «Современная история Ирана» в хронологических рамках с XIX по начало XXI в.

Российские школьные учебники истории, подобно их персидским аналогам, были основательно пересмотрены после разрушения СССР. В качестве учебников собственно истории России были рассмотрены пособия для 10-го и 11-го классов А.А. Левандовского²³ из серии «МГУ — школе», известные тем, что в них представлены различные, часто противоположные, точки зрения на те или иные исторические события. Среди российских учебников мировой истории мы выбрали книги, написанные Н.В. Загладиным и Н.А. Симонией. Они остаются наиболее подробными и широко используемыми в российских школах в силу их методических качеств.

Посмотрим, какую же информацию об Иране получают российские школьники.

В целом надо сказать, что в российских учебниках истории очень мало говорится об

²¹ Alavikia M.A., Ghafarian S., Hamadi H., Mogadam A.P., Adel G.A. Tarikh-e iran va djahan [История Ирана и мира]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr ketab-haye darsi iran, 2014 (1393). (На фарси).

²² Velayati A.A., Manesh J.E., Mirzaei G.A., Tavakoli Y., Javadian M. Tarikh moaser iran [Новая история Ирана]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr ketab-haye darsi iran, 2016 (1395). (На фарси).

²³ См.: Левандовский А.А. История России XVIII—XIX веков: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012; Левандовский А.А., Мироненко С.В., Щетинов Ю.А. История России XX — начала XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2013.

¹⁹ Что знают люди об Иране? Об Иране, иранцах и отношениях между нашими странами // Фонд «Общественное мнение». 25.06.2018. URL: <http://fom.ru/Mir/14055> (дата обращения: 20.09.2018).

²⁰ Обострение конфликта между США и Ираном // Фонд «Общественное мнение». 24.01.2020. URL: <https://fom.ru/Mir/14335> (дата обращения: 25.06.2020).

Иране, даже о событиях, являющихся определяющими для ирано-российских отношений. Так, например, не упоминается военный поход Петра I в Персию (1722—1723 гг.). Российско-персидские войны (1804—1813 и 1826—1828 гг.) удостоились лишь трех строк в учебнике А.А. Левандовского²⁴. В учебнике Н.В. Загладина, Н.А. Симонии упоминается разгром империи Великих Моголов Надиршахом в 1739 г.²⁵

Единственное упоминание о полукOLONиальной политике России в Иране в XIX в. находим в учебнике А.А. Левандовского: *«Россия также начала вывозить капитал за рубеж — прежде всего в сопредельные страны на южных границах (Иран, Китай), что становилось возможным благодаря растущему политическому влиянию России на правящие круги этих государств, опиравшемуся на военное давление. Но прибыли, получаемые там, были сравнительно невелики»*²⁶.

Конституционная революция в Иране бегло рассматривается только в учебнике Н.В. Загладина и Н.А. Симонии. Ей посвящается 12 строк²⁷.

Следующее упоминание Ирана в российских учебниках связано с англо-российским соглашением 1907 г., которое рассматривается как одно из необходимых условий для формирования блока Антанты²⁸.

Несмотря на то что в российских учебниках довольно подробно рассматривается

Первая мировая война, в них ничего не говорится ни об объявленном Ираном нейтралитете, ни об оккупации его территории, ни о влиянии этого мирового конфликта на эту страну. Российские школьники ничего не узнают об эфемерной Персидской социалистической республике (Гилян), как и о перевороте 1921 г. и смене правящей династии в Иране.

В учебнике истории России А.А. Левандовского Советско-иранский договор о дружбе 1921 г. лишь перечисляется среди соглашений с другими странами как показатель выхода Советской России из международной изоляции. Несколько более подробно говорится о нем в учебнике истории России и мира Н.В. Загладина и Н.А. Симонии²⁹.

Говоря о Второй мировой войне, в обоих учебниках говорится о конференции лидеров «большой тройки» в Тегеране в 1943 г. и ее результатах³⁰.

В отличие от учебников советского времени в новых российских учебных пособиях по истории не скрывается роль СССР в поддержке иранских сепаратистских движений во время Второй мировой войны и описывается советско-иранский кризис 1946 г.³¹, который называется «началом холодной войны»³². Дальнейшие советско-иранские отношения, так же как и большие экономические проекты СССР в Иране, не рассматриваются в российских учебниках истории. Учащимся, занимающимся по учебнику «Истории России

²⁴ Левандовский А.А. История России XVIII—XIX веков: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. С. 124.

²⁵ Загладин Н.В., Симония Н.А. Всеобщая история с древнейших времен до конца XIX в.: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2013.

²⁶ Левандовский А.А. История России XVIII—XIX веков: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. С. 14.

²⁷ Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. С. 47.

²⁸ См.: Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века: учебник для 11 класса... С. 78—79; Левандовский А.А., Мироненко С.В., Щетинов Ю.А. История России XX — начала XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2013. С. 53.

²⁹ Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. С. 116.

³⁰ См.: Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века: учебник для 11 класса... С. 219; Левандовский А.А., Мироненко С.В., Щетинов Ю.А. История России XX — начала XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2013. С. 220.

³¹ Левандовский А.А., Мироненко С.В., Щетинов Ю.А. История России XX — начала XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2013. С. 231.

³² Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. С. 226.

и мира», дается краткая информация об Исламской революции в Иране³³.

Теперь обратимся к информации о России и об иранско-российских отношениях, содержащейся в иранских учебных пособиях. В них уточняется момент установления дипломатических отношений между Персией и Россией при Шах-Аббасе³⁴. Разумеется, в иранских учебниках говорится о русско-персидских войнах³⁵. В части об истории Ирана того же учебника русско-иранские войны рассматриваются несколько более подробно и перечисляются отошедшие России территории³⁶.

Говоря о колониальной политике России в Иране, в учебнике «История Ирана и мира» отмечается недовольство России по поводу концессии, выделенной барону Рейтеру, а также указывается, что благодаря Туркманчайскому договору Россия во второй половине XIX в. становится первым торговым партнером Персии³⁷.

В следующий раз о России упоминается в связи с Конституционной революцией в Иране (1905—1911 гг.). В учебнике «История Ирана и мира» указывается, что конституционная революция в Японии, победа Японии в русско-японской войне и первая русская революция 1905 г. оказали влияние на конституционное движение в Иране. Среди причин Конституционной революции в учебнике «История современного Ирана» подчеркивается возмущение народа потерей значительных территорий в пользу России и Великобритании³⁸. Приводится фотография здания «Меджлиса после его обстрела генералом Ляховым во время Конституционной революции», хотя ранее в тексте упоминается, что

это было сделано по приказу Мохаммед Алишаха. Подробно описывается казнь шейха Фазлолла Нури. Упоминается предложение российского посольства предоставить ему политическое убежище, а также отказ богослова от него. Авторы учебника считают, что конституционалистское движение пошло на спад именно из-за вмешательства иностранцев³⁹.

В обоих рассматриваемых нами иранских учебниках упоминается англо-российское соглашение 1907 г., цель которого заключалась в разделе российского и британского влияния в Азии. Однако в качестве субъекта этого соглашения представлен только Иран. Российская революция 1917 г. рассматривается бегло в учебнике «История Ирана и мира», в его всемирной части. Ничего не говорится о февральских событиях в России. Всей истории советской России и СССР до 1941 г. посвящено 20 строк⁴⁰. Авторы не стремятся объяснить причины российской революции, идеологию и особенности социалистической системы экономики. Многие факты искажены. Ни в одном из иранских учебников нет информации о Советско-иранском договоре о дружбе 1921 г.

Второй мировой войне уделяется внимание лишь в рамках национальной истории. Критикуется политика Реза-шаха на сближение с Германией, говорится об объявленном Ираном нейтралитете. СССР, Великобритания и США объявляются оккупантами. Особенно подчеркивается тяжелая социальная ситуация иранского народа во время войны.

Данный краткий анализ иранских и российских учебников истории показывает, что их авторы и, следовательно, их читатели, то есть молодое поколение двух стран, видят общие исторические события с немного разных точек зрения, и получаемая ими информация асимметрична.

³³ Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX — начале XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2012. С. 414.

³⁴ Alavikia M.A., Ghafarian S., Hamadi H., Mogadam A.P., Adel G.A. Tarikh-e iran va djahan [История Ирана и мира]. Tehran: sherkat-e chap va nashr ketab-haye darsi iran, 2014 (1393). P. 112. (На фарси).

³⁵ Ibid. P. 47—48.

³⁶ Ibid. P. 136.

³⁷ Ibid. P. 143.

³⁸ Ibid. P. 38. (На фарси).

³⁹ Velayati A.A., Manesh J.E., Mirzaei G.A., Tavakoli Y., Javadian M. Tarikh moaser iran [Новая история Ирана]. Tehran: sherkat-e chap va nashr ketab-haye darsi iran, 2016 (1395). P. 71. (На фарси).

⁴⁰ Alavikia M.A., Ghafarian S., Hamadi H., Mogadam A.P., Adel G.A. Tarikh-e iran va djahan [История Ирана и мира]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr ketab-haye darsi iran, 2014 (1393). P. 79—80. (На фарси).

Российские учебники характеризуются евроцентризмом, и поэтому Ирану в них не уделяется большого внимания. В силу ничтожно малой информации об Иране в российских учебниках истории невозможно утверждать, что у российских старшеклассников после прочтения этих весьма объемных пособий смог сформироваться хоть какой-то образ Ирана. Трудно говорить о положительном или негативном имидже страны, которая до сих пор так малоизвестна.

Напротив, в иранских учебниках России уделяется гораздо больше внимания, чем Ирану в российских. Интересно было заметить, что в иранских учебниках о России говорится более подробно в рамках курса национальной истории, чем в разделах, посвященных мировой истории. Логично предположить, что для иранцев видение России как страны-соседа преобладает над идеей России — великой мировой державы. С другой стороны, это и показатель той важной роли, которую играла Россия в жизни Ирана в XIX — начале XX в. Однако образ России в целом иллюстрируется в негативном ключе. Россия представляется опасным и коварным соседом, который только и ожидает удобного случая, чтобы захватить иранскую территорию.

Отрадно отметить, что российские учебники современной истории (в отличие от советских) избавились от идеологического давления. В них приводится множество точек зрения, оценок и документов, которые позволяют молодому человеку выработать собственную позицию по отношению к конкретному историческому событию. Однако такой подход еще не применяется при составлении иранских школьных учебников, которые, на наш взгляд, характеризуются чрезмерной демонизацией монархических режимов, акцентированием исламского фактора, а также замалчиванием роли левых и национально-освободительных политических движений в борьбе за независимость.

К сожалению, и иранские, и российские молодые люди, если не будут интересоваться этими вопросами специально, практически не имеют возможности узнать о позитивных моментах в отношениях Ирана и России

(СССР). Общеизвестно, что Российская империя и СССР сыграли определяющую роль в установлении современной иранской государственности как путем разграничения границ, так и опосредованно, содействуя формированию иранской национальной идентичности.

Благодаря географической близости Россия способствовала распространению в Иране современных идей. Французский историк-иранист Ян Ришар так пишет о роли России: «Начиная с XVIII в. именно через это окно иранцы представляли себе Европу, жестокую, властную, но ориентированную на прогресс и реформы» [Richard 2009: 35]. Однако в советское время марксизм стал в Иране основной оппозиционной идеологией, поддерживаемой значительной частью персидской интеллигенции.

Россия, как никакая другая мировая держава, опять же в силу своей территориальной сопредельности способствовала технической модернизации Ирана. И сегодня мы видим в современном Иране многочисленные знаки этого длительного влияния. Первое, что бросается в глаза, — это самовары и чай, сегодня национальный иранский напиток, но импортированный из России в начале XIX в. [Floor 2004]. Добавим к этому первую в Иране телеграфную линию и Персидскую казачью бригаду — первое регулярное воинское подразделение Персии (1879—1920 гг.), место службы будущего шаха Ирана Реза-хана. Изображения воинов этого элитного воинского подразделения, созданного и частично финансируемого Российской империей, до сих пор украшают фасад триумфальной арки перед зданием иранского МИДа. Советские специалисты построили в Исфахане первый в Иране металлургический комбинат, ставший базой индустриализации страны, первый газопровод и более шестидесяти других промышленных объектов. И наконец, первая на всем Ближнем Востоке Бушерская АЭС — безусловный символ российско-иранского сотрудничества.

Заключение

В результате проведенного анализа приходится констатировать, что среди современных иранцев сложился в целом негативный

образ России, сформировавшийся, однако, не столько из-за самих исторических событий, сколько из-за их одностороннего и часто неверного освещения и интерпретации, в частности, в школьных учебниках. Речь идет не столько о самой истории российско-иранских отношений, сколько об исторической политике двух стран.

Представляется, что прямой и непредвзятый диалог между иранскими и российскими историками способствовал бы созданию необходимой теоретической концепции, в рамках которой формировались бы представления людей о прошлом и определялось, какая историческая информация должна находиться в центре воспоминаний и какие факты могут остаться в тени. Совместное, комплексное и контекстуальное изучение тех или иных исторических событий специалистами двух стран, несомненно, приведет к лучшему пониманию и в конечном итоге примирению позиций.

С горечью необходимо отметить, что российские общественные и дипломатические организации не прилагают больших усилий для улучшения имиджа России в Иране. Хотя именно это и тормозит развитие сотрудничества в области экономики, политики и даже безопасности. Культурные связи между Россией и Ираном носят очень несимметричный характер с сильным креном в сторону Ирана. Россия до сих пор не имеет в Исламской Республике своего культурного представительства. Минимизировано государственное вещание России на персидском языке. Книги российских авторов переводятся на персидский язык за счет иранской стороны. Долговременная правительственная программа по обеспечению культурного присутствия России в Иране до сих пор не разработана и не заложена в бюджет [Полищук, Соболева, Карими Риabi 2018].

О русофонной диаспоре в Иране, которая могла бы стать хорошей базой для продвижения российской «мягкой силы», вспоминают очень редко. Это влияние традиционной ориентации внешней политики России на Запад, в основном на Европу. Для россиян всегда

было особенно важно, чтобы их любили и уважали в европейских столицах. Подобное положение дел, разумеется, не способствует расширению и укреплению российско-иранских связей. Это особенно важно в контексте того, что оппозиционные ИРИ персоязычные СМИ, которые сейчас вещают из Лондона, Вашингтона и Праги, используя финансовые средства своих западных сторонников, также имеют ярко выраженную антироссийскую позицию.

Что касается образа Ирана в России, то можно сказать, что мы находимся еще в самом начале пути его широкого распространения. Иран остается для россиян далекой, экзотической и непонятной страной. Трудно говорить о положительном или отрицательном имидже страны, которая до сих пор столь малоизвестна. Ни у кого не вызывает сомнения, что Россия была и всегда будет теснейшим образом связана с европейской цивилизацией, являясь ее неотъемлемой частью.

Однако российское государство формировалось и под воздействием других стран, в том числе и Ирана, да и сама Россия оказала мощное влияние и на многие страны азиатского континента. Если мы действительно выступаем за многополярный мир и хотим развивать отношения с Ираном, как, впрочем, и с другими странами региона, мы должны перестать смотреть на мир глазами западных экспертов, видеть мир и его историю исключительно через призму отношений России с Европой и США. В частности, российские школьники не станут менее привержены принципам демократии и свободы, если узнают немного больше о культуре стран, которые, не являясь великими державами, играли и, определенно, в силу географической близости, будут играть значительную роль в жизни России. Нет необходимости что-либо придумывать в истории российско-иранских отношений или приукрашивать ее. Наоборот, многие их моменты, которые сейчас полностью забыты, могут быть для российских молодых людей источником гордости за свою родину.

Поступила в редакцию / Received: 27.08.2020
Принята к публикации / Accepted: 25.12.2020

Библиографический список

- Кожанов Н.А., Богачева А.С. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? // Вестник МГИМО Университета. 2020. № 13 (2). С. 141—162. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162
- Ларионова А.Ю. Формирование образа Персии и Персов в России и СССР в 1880—1971 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03. М.: РУДН, 2012.
- Мамедова Н.М. Взаимные интересы России и Ирана: историческая эволюция и нынешний этап // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2010. С. 29—38.
- Полищук А.И., Соболева А.С., Карими Риаби Э.Е. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 368—386. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386
- Сажин В.И., Карамидж. Стратегическое партнерство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу? // Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития / под ред. И.С. Иванова. М.: РСМД, 2017. С. 11—33.
- Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Шнирельман В.А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133—167.
- Юртаев В.И. Неудавшаяся оранжевая революция // Политический класс. 2009. № 8. С. 54—75.
- Юртаев В.И. Россия и Иран: проблема стратегического партнерства // Российско-иранские отношения: проблемы и перспективы / под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. С. 36—50.
- Digard J.P., Hourcade B., Richard Y. L'Iran au XXème siècle: entre nationalisme, islam et mondialisation. Paris: Fayard, 2007.
- Flichy Th., Holtzinger J.-M., Paris J., de Premonville A.-L. Chine, Iran, Russie: un nouvel empire mongol? Limoges: Lavauzelle, 2013
- Floor W. Tea Consumption and Import in Qajar Iran // *Studia Iranica*. 2004. Vol. 33. No. 1. P. 47—111. DOI: 10.2143/SI.33.1.563194
- Karami Dj. Marhele-e djadid az mosharekat-e rahbordi iran va russie // Hamkariha-e iran va rusie: abad va cheshm andaz [Новый этап стратегического взаимодействия Ирана и России // Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы / под ред. И. Иванова, М. Шури.]. Tehran: IRAS, 2017 (1395). P. 29—39. (На фарси).
- Katz M.N. Russia and Iran // *Middle East Policy*. 2012. Vol. 19. No. 3. P. 54—64. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00547.x
- Laruelle M. Le berceau aryen: mythologie et idéologie au service de la colonisation du Turkestan // *Revue Cahiers d'Asie centrale*. 2009. No. 17/18. P. 107—131.
- Parker J.W. *Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah*. Dulles, Virginia: Potomac Books Inc., 2009.
- Richard Y. L'Iran: de 1800 à nos jours. Paris: Éditions Flammarion, 2009.
- Sanaie M. Barresi ravabet-e iran va rusie [Эволюция отношений между Ираном и Россией] // *Mahname IRAS*. 2008. No. 21. P. 6—8. (На фарси).
- Shlapentokh D. *Russian Elite Image of Iran: From the Late Soviet Era to the Present*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2012.
- Troudi M.F. Les relations irano-russes: vers une alliance contre l'influence américaine. Approche historique // *Géostratégique*. 2009. No. 24. P. 157—177.

References

- Digard, J.P., Hourcade, B., & Richard, Y. (2007). *L'Iran au XXème siècle: Entre nationalisme, islam et mondialisation*. Paris: Fayard. (In French).
- Flichy, Th., Holtzinger, J.-M., Paris, J., & de Premonville, A.L. (2013). *Chine, Iran, Russie: un nouvel empire mongol?* Limoges: Lavauzelle. (In French).
- Floor, W. (2004). Tea Consumption and Import in Qajar Iran. *Studia Iranica*, 33(1), 47—111. DOI: 10.2143/SI.33.1.563194
- Karami, Dj. (2017). Marhele-e djadid az mosharekat-e rahbordi iran va russie. *Hamkariha-e iran va rusie: abad va cheshm andaz* [A New Phase in the Strategic Relations between Iran and Russia. In I. Ivanov & M. Shoori (Eds.), *Russia-Iran Partnership: Current State and Prospects*]. Tehran: IRAS (pp. 29—39). (In Persian).

- Katz, M.N. (2012). Russia and Iran. *Middle East Policy*, 19(3), 54—64. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00547.x
- Kozhanov, N.A., & Bogacheva, A.S. (2020). The Islamic Republic of Iran in Search of its Foreign Policy Identity: Revolutionary Innovation or Continuity? *MGIMO Review of International Relations*, 13(2), 141—162. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162
- Larionova, A.Yu. (2012). *Formation of the Image of Persia and Persians in Russia and USSR in 1880—1971* [thesis]. Moscow: RUDN University. (In Russian).
- Laruelle, M. (2009). Le berceau aryen: mythologie et idéologie au service de la colonisation du Turkestan. *Revue Cahiers d'Asie centrale*, 17/18, 107—131. (In French).
- Mamedova, N.M. (2010). Mutual Interests of Russia and Iran: Historical Evolution and the Current Stage. In V.Y. Belokrenitsky, I.V. Zaytcev & N.U. Ulchenko (Eds.), *Russia and the Islamic World: Historical Retrospective and Contemporary Trends*. Moscow: IV RAN publ. (pp. 29—38). (In Russian).
- Parker, J.W. (2009). *Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah*. Dulles, Virginia: Potomac Books Inc.
- Polishchuk, A.I., Soboleva, A.S., & Karimi Riabi, E.E. (2018). Development of Russian-Iranian Cultural Relations at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 368—386. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386
- Richard, Y. (2009). *L'Iran: de 1800 à nos jours*. Paris: Éditions Flammarion. (In French).
- Sanaie, M. (2008). Barresi ravabet-e iran va rusie [Evolution of Relations between Russia and Iran]. *Mahname IRAS*, (21), 6—8. (In Persian).
- Sazhin, V.I., & Karami, J. (2017). Strategic Partnership between Russia and Iran in a New Phase: What Can We Offer Each Other? In I.S. Ivanov (Eds.), *The Partnership between Russia and Iran: The Current State and Prospects for Development*. Moscow: RSMD publ. (pp. 11—33). (In Russian).
- Shlapentokh, D. (2012). *Russian Elite Image of Iran: From the Late Soviet Era to the Present*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute.
- Shnirelman, V.A. (2011). Arkaim: Archaeology, Esoteric Tourism and National Idea. *Forum for Anthropology and Culture*, (14), 133—167. (In Russian).
- Shnirelman, V.A. (2015). *Aryan Myth in the Modern World*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (In Russian).
- Troudi, M.F. (2009). Les relations irano-russes: vers une alliance contre l'influence américaine. Approche historique. *Géostratégique*, (24), 157—177. (In French).
- Yurtaev, V.I. (2009). The Failed Orange Revolution. *Politicheskij klass*, (8), 54—75. (In Russian).
- Yurtaev, V.I. (2015). Russia and Iran: The Problem of Strategic Partnership. In E.V. Dunayeva & V.I. Sazhin (Eds.), *Russia — Iran Relations. Problems and Prospects*. Moscow: IV RAN publ. (pp. 36—50). (In Russian).

Сведения об авторе: Зотова Юлия Александровна — доктор Сорбонны в области славяноведения, старший преподаватель Исламского университета Азад (Северо-Тегеранское отделение), Тегеран, Иран (e-mail: juliazotova@yahoo.fr).

About the author: Zotova Julia Aleksandrovna — PhD in Slavic studies (Sorbonne University), Associate Professor, Islamic Azad University (North Tehran Branch), Tehran, Iran (e-mail: juliazotova@yahoo.fr).

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-171-175

Рецензия на книги:
China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions / ed. by A.D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 2020. 97 p.;
Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

А.С. Бельченко, Д.В. Васильев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: *Бельченко А.С., Васильев Д.В.* Рецензия на книги: China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions / ed. by A.D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 2020. 97 p.; Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 171—175. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-171-175

Books review:
Voskressenski, A.D. (Eds.). (2020). China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 97 p.;
Voskressenski, A.D. (Eds.). (2019). Model of Contemporary China Development: Appraisals, Discussions, Prognostications. Moscow: MGIMO, Strategicheskie izyskaniya publ., 736 p. (In Russian)

Andrey S. Belchenko, Dmitrii V. Vasilev

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Belchenko, A.S., & Vasilev, D.V. (2021). Books review: Voskressenski, A.D. (Eds.). (2020). China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 97 p.; Voskressenski, A.D. (Eds.). (2019). Model of Contemporary China

© Бельченко А.С., Васильев Д.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Development: Appraisals, Discussions, Prognostications. Moscow: MGIMO, Strategicheskie izyskaniya publ., 736 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 171—175. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-171-175

Исследование опыта преобразований в КНР сохраняет актуальность на протяжении нескольких десятилетий. В последние годы успешное преодоление кризисов, с которыми столкнулись многие страны мира, привлекло еще более пристальное внимание к изучению китайской модели развития. В 2020 г. Китай первым столкнулся с эпидемией коронавируса. Несмотря на трудности, на сегодняшний день он является одной из немногих стран, сохраняющих положительные темпы роста экономики и снявших большинство ограничений, вызванных пандемией. Изучение китайской модели развития неизбежно вызывает дискуссии в профессиональном сообществе. Рецензируемые монографии анализируют различные аспекты социально-экономического и политического развития Китая.

Первая монография посвящена экономической, военной и политической трансформации Китая и проблемам, с которыми он сталкивается на этом пути. Книга подготовлена на базе Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России при поддержке журнала «Сравнительная политика». Авторы монографии — доктор политических наук, профессор А.Д. Воскресенский, кандидат исторических наук, доцент М.В. Карпов и кандидат исторических наук В.Б. Кашин — являются известными в профессиональном сообществе китаеведами, перу которых принадлежит множество статей и монографий по разным аспектам развития современного Китая.

Рецензируемая монография состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава рассматривает китайские экономические реформы, вторая описывает ресурсы, тренды и цели военной модернизации, а в последней главе основное внимание уделено политической трансформации Китая и ее ограничениям.

В качестве основной цели своего исследования авторы выделяют «изучение механизмов, институтов и инструментов, которые помогли китайскому ленинистскому партийному

государству пережить распад Советского Союза и мировую геополитическую перезагрузку, позволили ему укрепить свою власть над обществом, одновременно реализовав то, что выглядит как [модель. — Прим. авт.] успешного перехода к рыночной экономике» [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 1].

Авторы утверждают, что ключевой особенностью, позволившей Китаю успешно реализовать экономические и военные преобразования, является национальный политический механизм, обеспечивающий преемственность в реализации реформ. Эксперты сходятся на том, что возможность применения этой модели в будущем зависит от способности китайского руководства отвечать на внутренние и внешние вызовы. В монографии поднимаются фундаментальные вопросы, окончательные ответы на которые еще предстоит найти, но без попытки предложить их изучение китайской модели было бы неполным. Среди таких вопросов, например: может ли Китай провести модернизацию с опорой на внутренние ресурсы? Способна ли китайская модель самостоятельно производить инновации?

В главе, посвященной трансформации экономической системы КНР, авторы утверждают, что переход Китая к рыночной модели экономики кажется «бесконечным» из-за применения «разноформатной» модели [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 7]. Авторы отмечают, что ни «государство-партия», ни «клиенты социалистического рынка» не хотят разрывать существующие связи, поскольку опасаются коллапса всей системы [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 7]. Ситуацию осложняет масштаб и структура макроэкономического давления, а также специфическая совокупность интересов ключевых игроков, не позволяющих завершить «бесконечный» переход к рынку [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 36]. В связи с этим авторы приходят к выводу, что «ловушка транзита» может однажды привести

к «взрывной» трансформации и созданию абсолютно новой институциональной среды [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 36].

Вторая глава монографии посвящена исследованию военных преобразований, запущенных в начале 2000-х гг. Авторы выдвигают тезис, что главным результатом военной реформы является усиление централизации командования и систем управления под личным контролем высшего руководства [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 41]. Реструктуризация системы управления, увеличение военной мощи государства, создание новой военной техники и превращение Китая в одну из немногих стран, обладающих «ядерной триадой», — вот основные шаги, которые, по мнению авторов, позволят КНР создать современные вооруженные силы, способные не только провести десантную операцию на Тайване в случае необходимости, но и проецировать военную силу в отдаленных частях мира. Итоговым выводом данной главы становится утверждение о том, что увеличение военных возможностей Китая может сделать его поведение более похожим на поведение великой державы времен холодной войны, то есть он приобретет возможность отстаивать политические и экономические интересы страны в других частях планеты [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 61].

В последней главе основное внимание уделяется трансформации политической системы в КНР после XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК). Авторы монографии отмечают, что, хотя в прошлом КНР и Тайвань имели схожие политические системы «закрытого доступа», Тайвань пошел по пути создания многопартийной политической системы, в то время как КНР — по пути усиления однопартийной политической системы с признаками меритократии [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 63]. Такая политическая модель обеспечила КНР проведение успешных экономических реформ, однако в настоящий момент развитие политических институтов вновь достигло критической стадии [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 77].

В монографии детально описан процесс и поныне длящегося перехода страны от плановой экономики к рыночной под жестким руководством партии. Авторы дают свое объяснение, почему китайское государство не может завершить реформы. В работе подробно раскрываются механизмы, институты и инструменты, которые способствовали экономическому, военному и политическому подъему Китая.

Однако, как представляется, ряд утверждений авторов можно было бы подкрепить дополнительными аргументами. Так, например, тезис о неизбежности коллапса китайской системы, пусть даже и в долгосрочной перспективе, в случае сохранения неизменности текущей ситуации в экономике и политике выглядит несколько категорично и, что не менее важно, непривычно для отечественного китаеведения и требует более детального анализа, хотя нельзя сказать, что причины такой постановки вопроса не сформулированы [China's Infinite Transition and Its Limits... 2020: 36].

Также можно было бы, на наш взгляд, более подробно объяснить утверждение, почему нынешнее состояние политических институтов может рассматриваться как критическая стадия.

Эти и некоторые другие положения монографии, затрагивая центральные для китайской модели развития проблемы, носят тезисный характер и неизбежно провоцируют дискуссию, что, по-видимому, и является основной целью этой небольшой монографии. Каждая часть монографии является профессиональным исследованием отдельно взятой сферы, которым, однако, все же не достает внутренней связи и взаимной обусловленности, что, конечно же, сложно реализовать в очень небольшом по объему издании.

Несмотря на высказанные пожелания, монография представляет собой очень глубокое и качественное исследование, которое будет полезно как студентам, так и специалистам, чтобы понять, почему развитие Китая идет таким путем, с какими проблемами он сталкивается и как он будет их решать. Более того, рецензируемая монография — уникальный для отечественной китаистики пример

работы по актуальной проблематике, изданной в сжатые сроки на английском языке в высокорейтинговом западном издательстве и уже вызвавшей международную реакцию и дискуссию меньше, чем за месяц после издания.

Соображения, замечания и пожелания, отмеченные нами в отношении первой монографии, для отечественного читателя компенсируются в ходе ознакомления со второй монографией «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» [2019]. Она, судя по всему, послужила основой и стартовой площадкой для разобранный выше англоязычной книги, поскольку была издана в конце 2019 г., то есть до англоязычной монографии. Ведущему российскому специалисту по Китаю А.Д. Воскресенскому удалось собрать большой международный коллектив, включающий ведущих российских китаеведов и их китайских коллег, в том числе и высокого уровня, признанных специалистов по всем основным направлениям изучения современного Китая.

Монография носит фундаментальный характер, состоит из семи частей и 32 глав, в которых затронут широкий круг вопросов: внешнеполитическое и внутривнутриполитическое измерения, экономические и региональные аспекты политики КНР, социокультурное измерение и анализ геополитических аспектов региональных проектов КНР.

Работа является комплексным исследованием наиболее важных направлений развития Китая. Замысел книги состоит в том, чтобы представить как можно более полный срез состояния китайского общества и государства после XIX съезда КПК. Авторы в полной мере справились с поставленной задачей. В работе получили освещение все ключевые проблемы развития экономики, внутренней и внешней политики, геополитических и региональных проектов.

Особое внимание привлекают разделы, посвященные региональной политике и китайской

инициативе «Один пояс — один путь». Авторы утверждают, что проект получил особый импульс к развитию после начала переговоров США по созданию Транстихоокеанского партнерства [Модель развития современного Китая... 2019: 561].

В частности, во второй главе, содержащей анализ внешнеполитических идей Си Цзиньпина, авторы приводят довольно большой спектр концепций, разработанных китайскими учеными, обращаются к мыслям Лю Цзяньфэя, Янь Сюэтуна и др. Например, приводится мысль, что после XVIII съезда КПК «сочетание внутренних и внешних факторов создало идеальные условия для возникновения концепции “дипломатии большого государства с китайской спецификой”» [Модель развития современного Китая... 2019: 74].

Конечно, огромный интерес к современному Китаю невозможно удовлетворить одной, даже очень хорошей монографией, хотя многие из вопросов, поставленных в работе, уже затрагивались в ряде специализированных номеров по Китаю журнала «Сравнительная политика» (№ 2, 3, за 2020 г.; № 1 за 2021 г.), издаваемого профессором А.Д. Воскресенским, или еще ждут своих монографических исследований.

Обе рецензируемые монографии представляют собой комплексные исследования, при написании которых использовался большой объем источников на китайском, русском, английском и других европейских языках, что придает работам основательный и фундаментальный характер. Авторы книг в полной мере отразили трансформацию китайских институтов в ретроспективе и выявили основные тенденции их развития, в связи с чем эти работы углубляют и расширяют ведущуюся мировую научную дискуссию по проблемам развития современного Китая и являются качественными инструментами подготовки специалистов нового поколения.

Поступила в редакцию / Received: 07.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 27.12.2020

Библиографический список / References

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. [Voskressenski, A.D. (Eds.). (2019). *Model of Contemporary China Development: Appraisals, Discussions, Prognostications*. Moscow: MGIMO, Strategicheskie izyskaniya publ. (In Russian).]

Voskressenski, A.D. (Eds.). (2020). *China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions*. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan.

Сведения об авторах: *Бельченко Андрей Станиславович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: belchenko-as@rudn.ru).

Васильев Дмитрий Владимирович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: vasilevdmityry92@gmail.com).

About the authors: *Belchenko Andrey Stanislavovich* — PhD in History, Lecturer, the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: belchenko-as@rudn.ru).

Vasilev Dmitrii Vladimirovich — Postgraduate Student, the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: vasilevdmityry92@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-176-178

Рецензия на книгу:
**Mamdani M. Neither Settler nor Native:
The Making and Unmaking of Permanent Minorities.
Cambridge: The Belknap Press, 2020. 416 p.**

О.А. Моргунова (Петрунько)

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Моргунова (Петрунько) О.А. Рецензия на книгу: Mamdani M. Neither Settler nor Native: The Making and Unmaking of Permanent Minorities. Cambridge: The Belknap Press, 2020. 416 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 176—178. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-176-178

Book review:
**Mamdani, M. (2020). Neither Settler nor Native:
The Making and Unmaking of Permanent Minorities.
Cambridge: The Belknap Press, 416 p.**

Oksana A. Morgunova (Petrunko)

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Morgunova (Petrunko), O.A. (2021). Book review: Mamdani, M. (2020). Neither Settler nor Native: The Making and Unmaking of Permanent Minorities. Cambridge: The Belknap Press, 416 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 176—178. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-176-178

Среди книг, изданных в последнее время в связи с растущим интересом к постколониальной проблематике, книга Махмуда Мамдани «Ни переселенец, ни коренной: создание и разрушение постоянных меньшинств» [Mamdani 2020] занимает особое место. Автор предлагает переосмыслить ключевые понятия современного демократического общества, такие как «меньшинство», «коренные народы», «иммигранты и переселенцы». Главы книги охватывают различные темпоральные и географические образования от США до Южной Африки, от Израиля и Германии до Судана. Однако все главы объединены общим исследовательским вопросом *cui prodest* (Кому выгодно?) и задачей переосмыслить концепцию национального государства и позицию меньшинств в нем.

Хотелось бы сразу отметить, что при переводе названия книги неизбежны потери.

Minority в английском языке означает не только меньшинство (количественное, обуславливающее определенный юридический статус в государстве), но и позицию младшего по отношению в «сеньору», старшему, главенствующему. С помощью постколониальной исследовательской оптики автор ищет ответ на вопрос, как и для чего государства фактически создают, определяют меньшинства, а затем закрепляют за ними статус недостаточно рафинированных, несовершеннолетних, отсталых групп.

В процессе моделирования новой генеалогии политической современности, как утверждает Махмуд Мамдани, национальное государство и колониальное государство создали друг друга. Идея национального государства формировалась по формуле «одна страна, один народ, одна религия». Автор

© Моргунова (Петрунько) О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

отправляет читателя в 1492 г., когда складывалось испанское государство, в том числе посредством расовых и этнических чисток, депортации евреев и мавров. М. Мамдани утверждает, что концепция национального государства, как и колониальных империй впоследствии, была построена путем политизации религиозным или этническим большинством понятия «меньшинство» [Mamdani 2020: 2—3]. Причем меньшинствам придавались черты уязвимости, «нецивилизованности», враждебности, чуждости. Более того, большинство, которому принадлежит государство, и меньшинство, которое этому государству принадлежит, становятся перманентными определениями в данной стране.

Основателем колониализма М. Мамдани считает Соединенные Штаты, которые традиционно позиционируются в исторической и политической науках как не являющиеся колониальной державой. Автор рецензируемой монографии считает, что США создали образец колониализма [Mamdani 2020: 24—28], так как европейские переселенцы присвоили себе статус коренной нации, колонизируя земли индейцев, которые, в свою очередь, были объявлены меньшинством, варварским и уязвимым (*minority* во втором значении этого слова). Таким образом, США изобрели лекала, по которым впоследствии был «сшит» южноафриканский режим апартеида. На индейских резервациях были отработаны модели превращения коренного населения в меньшинство (в обоих смыслах этого слова) [Mamdani 2020: 77—95]. Эту модель использовал, по мнению М. Мамдани, и нацистский режим в Германии, принявший расовую теорию США и произведший катастрофические этнические чистки.

В США были сформулированы концепции двух разных типов меньшинств и разработаны различные методы управления ими: физическая и идеологическая изоляция для индейцев и концепция расовой уязвимости для афроамериканцев [Mamdani 2020: 95—96].

М. Мамдани описывает, как шел процесс заимствования нацистской Германией и ЮАР американских моделей доминирования. Когда ЮАР получила независимость от Британии в 1910 г., то первые делегации были направлены в США с целью ознакомления с опытом

управления меньшинствами в этой стране. В результате были приняты идеи резерваций с изоляцией племен на отдельных территориях [Mamdani 2020: 98].

В свою очередь, нацистская Германия также изучала гражданский кодекс США и восприняла идеи доминирования большинства над меньшинством [Mamdani 2020: 105—108], однако продвинулась еще дальше в этом вопросе. Возникла идея «очищения» национального государства от меньшинств. М. Мамдани считает, что усилиями союзников после окончания Второй мировой войны Нюрнбергский суд, отвечая на вопрос, кто виноват — нация или государство, не показал порочность самой модели, заимствованной в США: «Деполитизация геноцида в Германии была результатом намеренного и организованного процесса... Победившие союзники переосмыслили Вторую мировую войну и Холокост как совокупность индивидуальных преступлений, а не как политический проект» [Mamdani 2020: 102].

Геноцид и интернирование в резервациях создали в Северной Америке одновременно и «постоянный» коренной низший класс (как и в других колониях мира), и физические и идеологические пространства, в которых новые идентичности иммигрантов кристаллизовались как нация поселенцев, национальное большинство. Автор утверждает, что в XX в. в Европе шаблон «национальное государство большинства» был использован нацистами «для решения еврейского вопроса», а после падения Третьего рейха — союзниками для изменения границ национальных государств Восточной Европы, которое было продиктовано привычной союзникам задачей — очищения территорий от меньшинств. После Нюрнберга этот шаблон, по утверждению М. Мамдани, применялся, как ни парадоксально, для укрепления представления о евреях как об отдельной нации. По мнению ученого, создавая Израиль путем превращения палестинских арабов в национальное меньшинство (в обоих смыслах), сионистские переселенцы следовали лекалам, созданным в Северной Америке для «решения индейского вопроса» [Mamdani 2020: 251—253]. Результатом применения такой модели стал еще один цикл насилия, как отмечает автор.

М. Мамдани задает вопрос, что общего между двумя формами политического

насилия: колониального захвата и расового превосходства, и разбирает эти модели в различных национальных контекстах. Исследователя интересует, чему научил нас опыт денационализма, какие позитивные тенденции мы можем увидеть в этом опыте на примере Южной Африки после апартеида, какой опыт мы можем перенять из «сравнительных успехов ЮАР» [Mamdani 2020: 144—147, 180—189]. Исследователь говорит о борьбе против апартеида в Южной Африке как о незавершенном проекте, направленном на создание государства без нации.

М. Мамдани отмечает, что крах апартеида в этой стране означал выбор одной из трех моделей национального строительства:

1) создать государство доминирующего чернокожего населения;

2) отделить территориально белое и черное население, разделив страну;

3) создать государство, в котором все его жители чувствовали бы себя тем, что автор называет *survivors*: «В процессе борьбы против апартеида южноафриканцы сделали нечто удивительное: они попытались — с незавершенным успехом — уничтожить категории переселенца и коренного, переформулировав обе как *survivors*» [Mamdani 2020: 144]. Это слово автор использует не в значении «выживших» (как, например, в Холокосте или этнических чистках). Скорее, он вкладывает значение «перенесшие насилие», передает этим термином некую политическую идентичность, обозначающую сопричастность к данной национальной истории.

М. Мамдани полагает, что насилие искажает идентичность как доминирующего большинства, так и подавляемого меньшинства,

и возвращается к этой мысли неоднократно на протяжении всей книги. Он считает, что политическое насилие требует политических решений: не уголовного правосудия для преступников (как в Нюрнберге), а переосмысления политического сообщества всеми пережившими насилие — жертвами, преступниками, свидетелями и заказчиками (организаторами).

М. Мамдани уделяет в книге значительное место анализу насилия, в том числе государственного насилия, однако, к сожалению, автор никак его не определяет, что, на наш взгляд, является одним из слабых мест этой книги. Однако из контекста следует, что речь идет не только о физическом насилии, но и о символическом доминировании. Насилие, считает автор, преступно. М. Мамдани осуждает политическую модель, в которой насилие со стороны государства выступает как «акт конструирования политического сообщества», «определяет границы сообщества» [Mamdani 2020: 331].

Идеал М. Мамдани — общество, построенное на сожительстве и сопричастности, вне статусов большинства и меньшинства. Рецензируемая монография написана живым интеллигентным языком, без злоупотребления научным жаргоном. Эта блестящая и оригинальная работа, несомненно, станет одной из краеугольных книг как в области современных постколониальных исследований, так и в более широком круге дисциплин. Возможно, эта книга, которая, как может показаться, переворачивает с ног на голову наши представления о национальном государстве и колониальном доминировании — делает прямо противоположное.

Поступила в редакцию / Received: 01.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.12.2020

Библиографический список / References

Mamdani, M. (2020). *Neither Settler nor Native: The Making and Unmaking of Permanent Minorities*. Cambridge: The Belknap Press.

Сведения об авторе: Моргунова (Петрунько) Оксана Алексеевна — доктор наук (Университет Эдинбурга), доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: o_morgunova@hotmail.com).

About the author: Morgunova (Petrunko) Oksana Alekseevna — PhD (University of Edinburgh), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: o_morgunova@hotmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-179-182

Book review:

Tella, O., & Motala, S. (Eds.). (2020). From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies. South Africa: Jacana Media, 563 p.

Olumide E. Oluwakayode

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Oluwakayode, O.E. (2021). Book review: Tella, O., & Motala, S. (Eds.). (2020). From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies. South Africa: Jacana Media, 563 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 179—182. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-179-182

Рецензия на книгу:

From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies / ed. by O. Tella, S. Motala. South Africa: Jacana Media, 2020. 563 p.

О.Э. Олувакайоде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: *Oluwakayode O.E.* Book review: From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies / ed. by O. Tella, S. Motala. South Africa: Jacana Media, 2020. 563 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 179—182. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-179-182

The reviewed book is devoted to one of the key elements of the soft power — education and more precisely to the curriculum transformation in humanities in Africa, with special focus on the concepts of Africanisation, indigenization, and decolonization, while debunking the hold of Eurocentric epistemologies and paradigms on Africa's educational sector¹. The narrative of the book looks quite dynamic, presenting the current position of South African higher education, which continues to epitomize the European educational model. However, the book is not limited to this,

offering constructive strategies for curriculum transformation in South Africa. The precious contribution is the set of persistent efforts from within the continental of Africa and diaspora such as African-American studies in the United States, aimed at counting the misrepresentation of African methodology, epistemology, and history as primitive. The book's fundamental methodology is derived from a variety of African history, theories, and traditions.

The book's chronological standpoint is between 1950 and 1960, which marked one of the

¹ Studies on African IR as a social science were previously reviewed at Vestnik RUDN. International Relations [Amuhaya 2019]. (*Editor's note*).

© Oluwakayode O.E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

most crucial eras in the rise of Africa. On the one hand, it signalled the end to colonization, while, on the other, gave birth to the mainstream schools of decolonization, aiming to challenge the misrepresentation of African history. Especially such institutional centres as the *Ibadan School of History*, the *School of Political Economy in Dar es Salaam*, and the *School of Culture in Dakar* worth highlighting, as in their research they were committed to the nationalist historiography and special oral sources to challenge Eurocentric epistemology, counter the notions of white supremacy, question racist ideas and traditional approaches and structures in international relations.

Section I *Introduction* provides a background on the dilemma of South African universities especially in the sphere of humanities while adopting European models, post-colonial apartheid paradigm, and archetype just to maintain international rankings, paying little or even no attention to the curriculum content and its final effects on the socio-economic and political realities of the country. South Africa's attempts of the curriculum reform in 1995 by the National Commission on Higher Education and the 2000 National Student Financial Aid Scheme were the government post-apartheid policies, regardless the country continues facing challenges in its quest to delink humanities curriculum and free higher education from the grasp of eurocentrism. In this prospect the authors recommend drawing ideas and new approaches from other African counties [Tella, Motala 2020: 2—30].

Section II *The Challenges of Transforming South Africa's Higher Education Sector* mostly engages with a philosophical significance in South Africa's higher education. The existing challenges led to the student's protests that took place from 2015 to 2017 and were caused by deep and ambiguous epistemological and ontological issues. The author asserts that epistemology is well-delivered in South Africa, nevertheless its content remains Eurocentric, contradicting the idea of curriculum reform, while the ontology has largely been neglected despite identifying institutional racism as a psychological effect in South Africa [Tella, Motala 2020: 33—47].

In chapter four, while using the *University of Natal* as a case, the author explained the South Africa's higher education reliance on European epistemology by a set of reasons [Tella, Motala 2020: 48—65]. To fully understand this rationale, the need to investigate the conditions that birth the emergence of South African universities must be explored and understood.

Section III covers the most difficult issue — *Lessons from South Africa's Student Movement*. Chapter seven narrates the lessons drawn from the protests at the *University of Witwatersrand* in 2015—2016, summarizing main problems that caused the protests — the call for decolonization of higher education curriculum, reforms, and transformation of the curriculum, including the university management. Chapter eight elaborates on the causes of the protests at the *Rhodes University*. Here they were provoked by the lack of structural policies and methods of implementation. There was a lack or little attention to the teaching process, teachers' welfare, working staff, and living space. It is obvious that eroding all these factors will continue to lure neoliberal ideology, thus delineating educational transformation. Chapter nine concludes the section with the perspective of the student protests at the *University of Cape Town*, pinning the causes of the protests to racism, marginalization, and violent experience on black students. The author continues by outlining the demands of the protests, notably the removal of Cecil Rhode statute and decolonized curriculum [Tella, Motala 2020: 136—155].

Section IV deepens the issue of *Transforming South Africa's Humanities Curriculum*. Considering the circumstances that led to the decolonization of the educational sector in South Africa, decolonization of curriculum and reforms can be relevant if it embodies the struggle of a decolonized society, drawing attention to policymakers taking cognizance of the South African society. Consequently, the book describes the African context of sociology, being closely implanted with Eurocentric theories and paradigms, which do not fully apply to African society. Chapter twelve in concluding the whole section paints a unique narrative, as the author

argues for the revival of indigenous African epistemology as a blueprint for the discipline of philosophy while taking cognizance of South Africa's socio-economic reality [Tella, Motala 2020: 192—210]. Contrary to other scholars, he advocated for a synthesized epistemology of both African and Western knowledge [Tella, Motala 2020: 192—210].

Section V presents the specificity of *African Schools of Thought*. The *Ibadan School of History* maintained an intellectual skirmish against the Eurocentric view of African history by deploying nationalist historiography and oral sources as a research method to negate the primitive portrayal of the African continent and history². Whereas the *Dar es Salaam School* mainly focused on African economic determinism. The author [Tella, Motala 2020: 228] submits that internal contradictions of the capitalist system and various international events led to declining of the school. The upsurge of the *Dakar School of Culture* is notably linked to Cheikh Anta Diop, through his scholarship program and the use of Afrikology to transform the humanities curriculum, research methods, and social sciences³.

Section VI is all about *African Transformation Initiatives*. The Heinemann African Writers Series influence the monopoly of publication of African literature, notably around the 1960s — 1990s. The author affirms that lessons can be drawn from Heinemann, for example publication accessibility, cheap publication cost, and republication of classic African literature [Tella, Motala 2020: 269—282]. In chapter seven he agitates for a strong nexus between higher education and society, as knowledge produced across African universities should be catered towards solving societal

challenges [Tella, Motala 2020: 283—300]. Ugandan transformation efforts can be traced to the process of Africanisation at the *Makerere University*. The author opines that the process of educational transformation regarding Africanisation must reflect on both academic and administrative staff [Tella, Motala 2020: 314—327].

Section VII *Lessons from African American Studies* focuses on African history, in an effort, to confront racism in the United States. The study of African history introduced African American studies as a discipline, thus spreading intellectualism and social practices. Subsequently, this witnessed the confrontation of western epistemology through rigorous research about Africans and Africans in the diaspora. One of the early African American universities was the *Atlanta School of Sociology*, which prides itself in disproving African inferiority, African activism, and promoting African liberation movements [Asante 1991: 175—177]. Due to the widespread racism and segregation in the United States in 1930, Allen, Jones and Regassa opine that the need for curriculum transformation in universities is paramount [Tella, Motala 2020: 329—389], as universities such as *Howard and Fisk* were sparked with racism and oppression of Africans in the United States, thus creating institutional racism.

Section VIII provides the final *Conclusion* with all major findings. It summarises the following issues: curriculum decolonization, transformation, agency development for African literature, easy accessibility to objective African knowledge and content and finally enacting change in African American studies [Tella, Motala 2020: 399]. The book successfully mapped out the existence of institutionalized racism around humanities, alluding to the fact that education taught alienates Africans from their traditions and culture. African curriculum transformation must take cognizance to its society a blueprint for reform.

² For the state of art of International Relations as a field of Study in Nigeria, see: [Adebayo, Briggs 2019].

³ For the state of art of International Relations as a Field of Studies in Universities in Senegal, see: [Dyduck 2019].

References / Библиографический список

- Adebayo, K., & Briggs, E.M. (2019). International Relations as a Field of Study in Nigeria. *International Relations — nota bene*, (1), 129—139. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.1.28929
- Amuhaya, C.A. (2019). Book review: Iñiguez de Heredia, M. & Wai, Z. (Eds.). (2018). *Recentering Africa in International Relations*. NY: Palgrave Macmillan, 349 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 327—328. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-327-328
- Asante, M.K. (1991). The Afrocentric Idea in Education. *The Journal of Negro Education*, 60(2), 170—180.
- Dyduck, C. (2019). International Relations as a Field of Studies in Universities in Senegal. *International Relations — nota bene*, (1), 39—42. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.1.28992
- Tella, O., & Motala, S. (Eds.). (2020). *From Ivory Towers to Ebony Towers: Transforming Humanities Curricula in South Africa, Africa, and African American Studies*. South Africa: Jacana Media.

About the author: *Oluwakayode Olumide E.* — Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: olumentain360@gmail.com)

Сведения об авторе: *Олувакайоде Олумиде Э.* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: olumentain360@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-183-185

Book review:

Williams, P.D. (Eds.). (2018). Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017. Oxford: Oxford University Press, 366 p.

Mohamed Adan, Brian Mugabi

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Adan, M., & Mugabi, B. (2021). Book review: Williams, P.D. (Eds.). (2018). Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017. Oxford: Oxford University Press, 366 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 183—185. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-183-185

Рецензия на книгу:

Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017 / ed. by P.D. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2018. 366 p.

М. Адан, Б. Мугаби

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Adan M., Mugabi B. Book review: Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017 / ed. by P.D. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2018. 366 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 183—185. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-183-185

In the book under review, P.D. Williams analyzes The African Union Mission (AMISOM) in Somalia as one of the most prolonged, deadliest, and perhaps most expensive peacekeeping operations in the horn of Africa.

The author illustrates the situation with an African fable telling the story of a lion and an antelope: “Each morning the lion wakes up and knows that he must run faster than the antelope or he will starve. The antelope wakes up and knows that he must run faster than the lion to survive. So, whether you are a lion or an antelope when the morning arrives, you had better be running”. This parable demonstrates the conditions faced by the

African Union’s Mission in Somalia (AMISOM) in the aftermath of their deployment, where it was charged with outmaneuvering the enemy.

AMISOM — created on the 19th of January 2007, deriving its mandate from the African Union Peace and Security Council — has been functioning within an intricate system of coordination between international and regional actors, and operates in an overly demanding environment. Despite this, AMISOM has realized some goals, such as reinstating the Somali Government and re-establishing its control in significant places, like the capital Mogadishu. This had been a substantial bottleneck faced by

© Adan M., Mugabi B., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the peacekeeping body of the Inter-Governmental Authority on Development (IGAD). From this setting, the author further expands upon issues such as how AMISOM has been able to get to where it is today despite the hindering factors.

In his literature review, Williams uses both primary and secondary sources to draw the reader into a detailed narrative of AMISOM's peacekeeping operation. The author even uses unpublished documents of the African Union, United Nations, Somali authorities, and the European Union. He also held several interviews with Contingent commanders, among others. The author divides his book into two parts and thirteen chapters.

In Part 1, the author provides a chronological analysis based on the historical narration of the peacekeeping mission. The author indicates shifting strategies from defensive to offensive operations, and the underlying challenges of establishing and empowering the Somali National Army. Part 1 has six chapters that shall be discussed and analyzed below.

The author [Williams 2018: 21—47] begins chapter 1, *Genesis*, by analyzing the AMISOM's deployment from the initial stages. In his narration, he scrutinizes the four profound developments in Somalia and the Horn of Africa in the aftermath of al-Qaida's¹ attack on the United States on the 11th of September 2001. The four developments he refers to are:

(i) the establishment of a Transitional Federal Government (TFG) for Somalia in 2004;

(ii) the African Union (AU) and Inter-Governmental Authority on Development's (IGAD) responses to the call by the new TFG president Abdullahi Yusuf Ahmed for a peace-building mission so as to establish himself in Somalia;

(iii) the development that came in June 2006 with the decisive victory of the Union of Islamic Courts over the various warlords that had previously run Mogadishu and much of South-Central Somalia;

(iv) AMISOM's emergence as an exit strategy for Ethiopia's troops in December 2006, after Prime Minister Meles Zenawi decided to intervene militarily to install the TFG in Mogadishu.

The author mentions the authorization of IGAD Peace Support Mission in Somalia (IGASOM) and the underpinning issues of its failed deployment, including its failure to gain sufficient political traction. Consequently, in chapter 2, *Entry* [Williams 2018: 48—76], the author makes an account of the first two years before the withdrawal of the Ethiopian troops from Mogadishu. He alludes to the challenges faced during deployment and explains how the Ugandan People's Defense Forces (UPDF) faced attacks immediately upon arrival. He also sheds light on how in May 2007, consideration was given to a potential UN takeover of AMISOM, which the U.N. Secretary-General Ban Ki-Moon would later decline. The author emphasizes how Ethiopia's withdrawal both brought new opportunities and posed some challenges for AMISOM, which had now taken center stage as the primary peacekeeping body.

In chapter 3, *Stalemate* [Williams 2018: 77—100], Williams focuses on the Government's failed attempts to build up a compelling set of security forces and investigates how some of these challenges affected AMISOM's operations. The author then analyzes the UN Security Council's decision to establish a Support Office (UNSOA) for AMISOM in 2009 to provide better logistical support. One of the primary reasons for a stalemate was the low troop numbers, which limited them from advancing, inducing a paralysis in operations.

Subsequently in chapter 4, *Offensive* [Williams 2018: 101—125], he further elaborates on how, to overcome the stalemate, the UN Security Council authorized an additional 4000 troops to help AMISOM in its preparations for a critical operation leading to the battle for Mogadishu. AMISOM was then able to adopt innovative tactics in urban warfare, prompting a sharp decline in Al-Shabaab operations, forcing the fighters to flee from their former stronghold, central Mogadishu. The number of successful attempts accumulated, precipitating a significant

¹ This organization is prohibited in Russian Federation.

shift in international opinion from viewing the mission as a failure to seeing it as strategic success. AMISOM's offensive that led to the capture of Mogadishu boosted their efforts in expanding their operational areas and ensuring effective control in former Al-Shabaab strongholds.

The remaining pages of part 1 (chapters 5—7) [Williams 2018: 126—209] mention a defensive position and a permanent federal government installation. Williams continues to elaborate on AMISOM's considerable military successes demonstrated by al-Shabaab giving up its numerous settlements. Subsequently, in chapter 6, *Consolidation* [Williams 2018: 155], Al-Shabaab's displacement through effective operations is emphasized. Williams goes on to say that AMISOM's consolidation in its acquired territories lead to it becoming dispersed. Finally, in chapter 7, *Surge* [Williams 2018: 178], the author notes that AMISOM acquired more territory and settlements to help it in administering its operations. In gaining considerable territory, AMISOM forces spread out, which left them vulnerable. Their vulnerability came to be exploited by Al-Shabaab, which organized coordinated attacks against AMISOM troops and public institutions.

In part two of the book, which is organized thematically, chapters 8—13 [Williams 2018: 213—322] describe the six main operational challenges faced by AMISOM. Williams lists these challenges, from logistical complications, obstacles to effective security reform, difficulties in stabilization efforts, to an effective exit strategy. The author offers lessons to be learned from each of the mentioned operational challenges faced by AMISOM. The author clearly defines the situation, and labors to make the reader understand from a practical perspective why the situation is as it is and what can be done if AMISOM is to fully and effectively realize its mandate.

In conclusion, the author provides a detailed narrative examining the challenges and prospects of the AMISOM peacekeeping mission. The book however, demonstrates a distinct lack of comparative analysis of African Peacekeeping Missions, for instance those in Sudan and Congo. Such an analysis would enable the reader to look at AMISOM in the context of the successes and failures of regional and international peacekeeping missions in Africa, instead of considering AMISOM's peacekeeping in isolation.

Received / Поступила в редакцию: 11.11.2020

Accepted / Принята к публикации: 21.12.2020

Библиографический список / References

Williams, P.D. (Eds.). (2018). *Fighting for Peace in Somalia: A History and Analysis of the African Union Mission (AMISOM), 2007—2017*. Oxford: Oxford University Press.

About the authors: *Adan Mohamed* — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: mohamedbakaaro@gmail.com).

Mugabi Brian — Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: mugabi-b@rudn.ru).

Сведения об авторах: *Адан Мохаммед* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: mohamedbakaaro@gmail.com).

Мугаби Брайан — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: mugabi-b@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-186-190

Book review:
Abdolmohammadi, P., & Cama, G. (2020).
Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran.
London, Denver: Palgrave Macmillan, 251 p.

Vladimir I. Belov (Yurtaev)
RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Belov (Yurtaev), V.I. (2021). Book review: Abdolmohammadi, P., & Cama, G. (2020). Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. London, Denver: Palgrave Macmillan, 251 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 186—190. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-186-190

Рецензия на книгу:
Abdolmohammadi P., Cama G.
Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran.
London, Denver: Palgrave Macmillan, 2020. 251 p.

В.И. Белов (Юртаев)
Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: *Belov (Yurtaev) V.I.* Book review: Abdolmohammadi P., Cama G. Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. London, Denver: Palgrave Macmillan, 2020. 251 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 186—190. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-186-190

The book “Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran” is significant in the modern context of transformations of international relations in Greater Middle East region (South-West Asia), and the socio-political and civilizational shifts taking place there. The focus of the authors’ attention is Iran, whose potential as a regional leader is revealed through an analysis of the main features of its political and economic system, and the foreign policy pursued by Tehran. The nature of the Islamic Republic of Iran (IRI), which is central to this book, and the creation of the IRI is studied within the theory of political regimes, particularly within the subcategory of hybrid regimes. This monograph

has adopted a multidisciplinary approach, combining comparative politics, and intellectual and modern history with international relations. The indisputable value of the work lies in the balanced view it presents of the domestic and foreign policy of Iran during various historical periods, which are assessed in the framework of retrospective analysis through the 20th century and the 40-year history of the Islamic Republic.

The aim of this book is “to examine the domestic and the foreign politics of Iran, highlighting its strategic role in the Middle East and its complex and contradictory identity between tradition and modernity” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 1].

© Belov (Yurtaev) V.I., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The monograph under review consists of 7 chapters: five main chapters, Introduction and Conclusions, supplemented by an Index section. Chapters 2 and 4 are written by Pejman Abdolmohammadi, and Chapter 5 is Giampiero Cama's contribution. Chapters 1, 3, 6 and 7 are the results of collaborations between the authors.

In Chapter 1 it is shown that Iran remained the only country in the Middle East in which three dimensions of modernization — political pluralism (political dimension), secularisation (cultural dimension), and socio-economic development (socio-economic dimension) — were simultaneously affirmed in the early twentieth century. Under the leadership of Colonel Reza Khan (1923—1941) we find an authoritarian top-down modernization model that was also implemented in other countries such as Turkey, Japan, and Germany [Abdolmohammadi, Cama 2020: 19—21]. The Pahlavi monarchy supported the renewal of a political project based primarily on economic and social modernization, and secularisation, mixed with nationalistic trends, but which rejected political pluralism. An Islamic version of the same project was enacted by Ayatollah Khomeini, the leader of the 1979 Islamic Revolution, who “used mass politics, socio-economic development and a welfare state to promote a non-secular and non-pluralist political system in the form of the Islamic Republic” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 14].

Chapter 2 examines modern Iran between the 1906 Constitutional Revolution, after which the modernist forces were partially dominant, and the consequent 1979 Iranian Revolution, when the traditionalist forces prevailed. The tensions and conflicts among the traditionalist and progressive camps are in focus, and are considered from religious, political, economic, and social perspectives. The theoretical framework set out in Chapter 2 is based on an original interpretation of the theory of modernisation, highlighting both the traditionalist and the modernist forces which have contributed to the socio-economic development of the country throughout the last century [Abdolmohammadi, Cama 2020: 4].

Chapter 3 provides a concise illustration of Iran's institutional framework to facilitate the understanding of the peculiarities which define

the Iranian political system as a hybrid regime. As it is shown in the book, the hybrid nature of the Islamic Republic's political system “was mainly the result of compromises made between all the revolutionary forces — Islamist, leftist, nationalist and secular — in 1979” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 34].

However, it seems that this argument is contestable because the crystallization of this structure took place on the basis of the denial of the proposals of the leftist and secular forces in favour of the Islamisation of everything and everyone in Iran. The authors probably should have paid more attention to the analysis of the participation of such anti-Shah opposition forces as the Mojahedin-e Khalq, known as the “second line” in the revolution movement (*hatt-e dovvom*) and Fedayan-e Khalq — “third line” (*hatt-e sevvom*) — in the 1979 Iranian revolution.

In Chapter 3 the authors correctly point out that there were two main wings in the Islamic forces opposing the Shah. First — the strategy of Ayatollah Khomeini — who proposed an alternative model of the state in Iran within the framework of the concept of “Governance of the Jurist” (*Velayat-e Faqih*). Second — the Islamist power bloc — made up of the middle class and students, who called for a modern and reformist idea of Islam, the precursor of what is today known as “Islamic democracy” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 36]. In the authors' opinion, both secular and religious political forces were protagonists in the 1979 Revolution: “The traditionalist and progressive political forces, despite their different ideologies, have adopted some elements of modernization”. The authors concluded that the Islamic Republic exemplifies the coexistence between aspects of authoritarianism and political competition, partially regulated by democratic procedures [Abdolmohammadi, Cama 2020: 40—41].

Chapter 4 analyses the main political and social players in the Islamic Republic (military and paramilitary forces, economic and financial actors such as foundations, banks, bazari, etc.), which constitute the main social pillars of the Islamic Republic. All the main political alignments and groupings, including the opposition, both inside the country and abroad,

are presented in the chapter. The focus of Chapter 4 is on an “Iranian Renaissance” — “[the] ongoing ideological phenomenon which is influencing sections of the new Iranian generation and which is based on a combination of nationalism and secularism, aiming at promoting a modern and progressive Iran”. In the last two decades, young Iranians have often referred to acronyms and names related to ancient Persian civilisation [Abdolmohammadi, Cama 2020: 115—116, 118—119].

Chapter 5 examines the politics and the dynamics of the Islamic Republic. This chapter follows the hypothesis that the hybrid nature of the Islamic Republic produces a peculiar structure of political opportunities both for the pro-system players and opposition forces. The authors show a cyclical trend of political coalitions enabled by the hybrid nature of the Islamic Republic. Based on this book’s hypothesis, this peculiarity determines regular political cycles characterized by a certain alternation between conservative, pragmatic, and reformist groups. It also gives rise to significant shifts in both the internal and foreign policies of the country [Abdolmohammadi, Cama 2020: 130].

The focus of Chapter 6 is a set of issues related to Iran’s foreign policy and its positioning in the system of international relations, highlighting two particular aspects: the role of political ideology in shaping macro changes in Iran’s foreign policy following the 1979 Revolution, and the role of domestic politics in the tactical choices of the Islamic Republic in the international arena. This chapter also examines the regional context and Iran’s relationships with the main regional players such as Saudi Arabia, Turkey, Central Asian countries such as Pakistan and Afghanistan, and Israel. The same analysis is applied in a global context, examining the key issues influencing the relationship of Iran with the main global players — the United States, the European Union, Russia, and China.

Summarising the peculiarities of the Shah’s foreign policy and the problem of the symbolic dimension, the authors note “the rediscovery of Iran’s Persian identity from a nationalist perspective”. Consequently — “the growth of nationalism challenged the long-established

alliance with the Western bloc”. The Shah had been perceived to be ‘the great ally’ of the US administration, but from 1973 it was clear that “Iran aimed to become an independent regional power” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 32].

In turn, the Islamic Republic based its foreign policy mainly on the Islamic ideology, adopting an anti-Western stance with closer ties to the East (especially Russia and China). Thus, both regimes overlooked a part of their potential sphere of influence due to ideological limitations [Abdolmohammadi, Cama 2020: 169—170].

Although the 1979 Revolution overturned Iran’s foreign policy, Tehran’s attitude towards the United States remains the general indicator of Iran’s policy direction. In fact, relations with other countries, at both regional and global levels, on a cascading scale, depend on Iran’s attitude towards the United States [Abdolmohammadi, Cama 2020: 216]. The hybrid nature of the Iranian political process allows the actors to play a two-tier game in the field of foreign policy, which proceeds completely openly within the framework of an authoritarian system, although these have always been contained strictly within the ideological code of the regime and the red lines drawn by the Supreme Leader [Abdolmohammadi, Cama 2020: 196].

Following the Iranian Revolution of 1979 and the subsequent establishment of the Islamic Republic, Iran’s geopolitical role in the Middle East changed radically. Ideologically, the new Islamic Republic started to build its international relations based on a new political identity characterised by two key elements: the unity of Islamic forces and anti-imperialism. Both were put forward by the leader of the 1979 Revolution, Ayatollah Khomeini. One of the key characteristics of Iranian foreign policy is its duality, it has both a temporal and a territorial nature. Territorially, it is defined in terms of the so-called Shi’a Triangle, Central Asia, and the relevant global actors. Temporally, it is contingent on the sensitivity and choices of the various leaders and coalitions occupying the main political positions. The authors argue that from this point of view, “it is to be expected that phases marked by pragmatism were followed by phases characterized by a more ideological and

conservative approach” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 171—172].

Assessing the situation in the Middle East at the beginning of the 21st century, the authors came to the conclusion that “From 2003 to 2010, before the beginning of the Arab Spring and the Syrian crisis, Tehran, as the leader of the Shi’a coalitions, played a key role in the balance of power in the Middle East”. This presented risks for the Sunni rulers currently in power there. This situation has changed since 2016; the weakening of Al-Assad caused by the civil war in Syria, the fall of the pro-Iranian government of al-Maliki in Baghdad, the reinforcement of the Kurdish component in the region and the internal splintering of the Shi’a front into pro-Iranian and pro-Arab factions have all affected the political stability of the Shi’a [Abdolmohammadi, Cama 2020: 186]. The authors noted that the assassination of General Ghassem Soleimani in January 2020 in Iraq by the American forces represents a relevant example of the ‘roll back’ strategy of Trump against the Islamic Republic [Abdolmohammadi, Cama 2020: 205].

Ergo, “The Islamic Republic is now faced with a strategic dilemma, where it has to deal with the question of whether to maintain the status quo and continue to invest in the project of the Shi’a Triangle, including support for Al-Assad, Hezbollah and the Iraqi Shi’a front against Riyadh, or whether it has to reposition itself strategically and reduce its support to the Shi’a components” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 186—187].

A valuable and pragmatically significant conclusion refers to fundamental elements of the code of the political discourse of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran: “As shown, we can identify certain cardinal elements of this code and this political discourse. One principal element is the idea of Iran’s responsibility to the Muslim world and the country’s specific mission to defend the Islamic community’s interests and values. A second element concerns the anti-hegemonic direction that has led Iran to side with non-allied countries, such as its alliances with Venezuela, Bolivia and Nicaragua, under an anti-imperialist agenda. The third important element is the principle of self-sufficiency (*khodkafaei*) and

independence. Iran’s nuclear ambitions fall into this category, as they highlight the desire not to depend on foreign technologies and economic resources. A fourth important element... emphasises the ongoing existence of a serious and severe external threat, which feeds a sense of insecurity. This perception tends to divide other countries into two distinct categories, friends or radical foes, in a rather Manichean manner. The final element making up the country’s identity is its particular propensity for the theory and practice of political martyrdom (*Shahadat*)... This identity code has had a strong influence on the country’s foreign policy in the last 40 years” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 199—200].

In the reviewer’s opinion, this identity code of Shi’ite Iran should be referred to as the “Culture of Ashura” (*Farhang-e Ashura*) [Yurtaev 2018: 21].

Above all, the Supreme Leader has acted as the custodian of these principles. The “non-elected state actors such as the Supreme Leader and the Pasdaran provide a parallel diplomatic route addressed mainly to non-state actors such as Hezbollah, Hamas, Hashd al-Sha’abi, the Houthi, and various Islamic — mostly Shi’a — militia in the Middle East and Central Asia. This differentiation grants the Islamic Republic an indisputable operational flexibility, allowing it to act on an articulated and differentiated tactical and strategic level” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 199—200].

Assessing the importance of the development of relations with Russia and China for Iran, the authors stressed, that in modern times “Following the Bolshevik Revolution, the new Russian regime under Lenin changed its foreign policy with respect to Iran”. After 1990, and even more so after 2000, relations between the two countries entered a new, more positive phase: “Since Putin took power, Russia has supported Iran in the international community against the pressures exercised by the West, particularly regarding the nuclear issue. In the Middle East, the two countries see Syria under Al-Assad as a common strategic ally”. Political and commercial relations between Iran and China “have solid historical origins” (the Silk Road, maritime links, and trade exchanges with the port of Canton). In modern

times, “[the] closeness between Iran and China reached its zenith during the Ahmadinejad administration (2005—2013). During the first mandate of Rouhani (2013—2017) Iran take timid steps towards Europe. However, Tehran’s general line, indicated by the Supreme Leader, remained staunchly both pro-Russian and pro-Chinese. Iran—China relations are experiencing an interesting new phase regarding China’s readiness to reduce its trade and financial ties to Iran as a result of the reimposition of US sanctions in 2018” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 193, 195].

It is important to note the conclusion of the authors, according to which the ranking of Iran (by population, economic, and territorial metrics) gives the country the opportunity to claim a role as an important regional actor in the Middle East and the Persian Gulf, as well as in parts of Central Asia. “The aim, from this point of view, could be — at a minimum — to play the role of the leading country for the Shi’a populations residing in these three areas... This geographical position grants Iran the potential to step into the role of Eurasian mediator” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 169].

Chapter 7 concludes with some final remarks on Iranian domestic and foreign policy in relation to the new paradigm shift that began in 2017 following the election of the US President Donald Trump, and its consequences for Iranian domestic and foreign policy. These remarks aim to shed light on questions of whether the Islamic Republic can successfully sail through the turmoil and pressure coming from both Washington, and

opposition forces outside and inside the country: “The historical experiences in the modernization process of Iranians are pertinent: if, on the social level, the forces of modernity — combining secularism and progressive nationalism — manage to take advantage of the representative spaces provided by the hybrid political system of the Islamic Republic by promoting greater economic openness, this could lead to a process of democratisation in Iran. For a constructive democratisation transition, the presence of well-organised leadership in the opposition will be vital... If, on the contrary, the forces of tradition succeed in riding the waves of nationalism by combining it with populism and authoritarianism, using the existing authoritarian institutions in the Islamic Republic, this might create grounds for a period of military dictatorship resulting from a coup or populist authoritarianism in Iran” [Abdolmohammadi, Cama 2020: 217—218].

An obvious advantage of the monograph is the extensive source materials and the historiographic basis of the study. The primary sources consist of a set of official statements by leaders of the state and members of the government, speeches, addresses and interviews with politicians, government regulations, state and political parties’ programmes, numerous statistical reports, and more. One should also note the indubitable merit of the work in terms of the clarity and persuasiveness of the presentation, which is achieved, *inter alia*, by expounding upon the basic concepts and terms in both English and Persian.

Received / Поступила в редакцию: 29.11.2020

Accepted / Принята к публикации: 21.12.2020

Библиографический список / References

Abdolmohammadi, P., & Cama, G. (2020). *Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran*. London, Denver: Palgrave Macmillan.

Yurtaev, V.I. (2018). *Islamization as a Factor of Iranian Foreign Policy*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian). [Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.]

About the author: *Belov (Yurtaev) Vladimir Ivanovich* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru).

Сведения об авторе: *Белов (Юртаев) Владимир Иванович* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-191-194

Рецензия на книгу:
Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China? / ed. by Ph. Mtembu, F. Mabera. Palgrave Macmillan, 2021. 242 p.

Т.Л. Дейч

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Дейч Т.Л. Рецензия на книгу: Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China? / ed. by Ph. Mtembu, F. Mabera. Palgrave Macmillan, 2021. 242 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 191—194. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-191-194

Book review:
Mtembu, Ph., & Mabera, F. (Eds.). (2021). Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China? Palgrave Macmillan, 242 p.

Tatiana L. Deych

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Deych, T.L. (2021). Book review: Mtembu, Ph., & Mabera, F. (Eds.). (2021). Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China? Palgrave Macmillan, 242 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 191—194. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-191-194

Африка вступила в фазу ускорения экономического роста, став домом для ряда наиболее быстро растущих экономик, ключевым фактором мировых демографических процессов. Ее ресурсный потенциал — необходимый инструмент обеспечения сбалансированного спроса мировой экономики на сырьевые ресурсы. Африка — динамично растущий рынок инвестиций, современных технологий, наукоемкой продукции. В результате реализации многоплановых реформ рыночная среда континента существенно приблизилась к мировым стандартам. Однако экономический рост Африки — важный, но не единственный фактор повышения ее роли в современном мире. Африка сегодня — полноценный международный игрок, важный участник формирования новой архитектуры международных

отношений, необходимое звено в противостоянии глобальным вызовам.

В последние годы мы стали свидетелями растущего внимания к Африке ведущих мировых держав, предпринимающих активные шаги по укреплению позиций в странах континента, что нашло отражение в работах российских и зарубежных авторов. Так, ранее в Вестнике Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения» мы уже публиковали рецензию на предыдущую монографию Ф. Мтембу, посвященную китайской и индийской помощи странам Африки [Дейч, Усов 2019]. Однако, как правило, в фокусе внимания исследователей — политика в Африке внешних игроков, а не реакция африканских стран на эту политику. А потому несомненный интерес представляет монография

© Дейч Т.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

под редакцией Ф. Мтембу и Ф. Маберы, ученых Института глобального диалога Претории (Южная Африка), «Сотрудничество Африки с Китаем: к африканской политике по Китаю?» [Africa—China Cooperation... 2021].

Знак вопроса, завершающий заголовок книги, не случаен: отсутствие согласованной политики стран Африки в вопросах внешней политики, в данном случае по вопросу сотрудничества с Китаем — главным торговым партнером и одним из ведущих доноров и инвесторов континента — волнует африканских ученых, в чем убеждают десять представленных в книге глав.

Монографию открывает вводная глава Ф. Мтембу и Ф. Маберы «Меняющаяся геополитика Африки: к африканской политике в отношении Китая?» [Africa—China Cooperation... 2021: 1—10]. Авторы акцентируют внимание на тенденции африканских ученых подходить к вопросам африканской геополитики с позиций Африки. При этом они ссылаются на вышедшую в 2020 г. книгу Ф. Мтембу и Ф. Корнеги «Африка и мир: навигация по меняющейся геополитике» [Africa and the World... 2020], авторы которой помещают Африку в центр исследования, рассматривая меняющуюся геополитическую среду с африканской точки зрения. Аналогичную задачу ставят перед собой и авторы рецензируемого труда.

Перу Ф. Мтембу принадлежит глава, посвященная китайской финансовой помощи развитию Африки [Africa—China Cooperation... 2021: 107—133]. Автор высоко оценивает эту помощь, считая, что она не только предлагает африканским странам альтернативную возможность ускорить развитие, но и позволяет использовать преимущества Форума сотрудничества Китай — Африка (ФОКАК) в соответствии с приоритетами континента.

Ф. Мабера — автор главы «Участие Китая в африканской повестке мира и безопасности: обоснование, тенденции и последствия» [Africa—China Cooperation... 2021: 135—161], где рассматривается «восходящая» роль Китая в вопросах мира и безопасности в Африке. Китай увеличивает вклад в миротворческие усилия ООН с помощью наращивания как

числа миротворцев, так и объемов финансовых вложений, а также благодаря совместному партнерству для мира и безопасности в рамках ФОКАК. Это предоставляет возможность странам Африки, региональным организациям и Африканскому союзу (АС) гармонизировать стратегии сотрудничества с Китаем в борьбе с традиционными и нетрадиционными угрозами.

В материале Боба Векесы (Институт Витватерсранда, г. Йоханнесбург, ЮАР) «Потребность в каркасе африканской политики в отношении Китая» [Africa—China Cooperation... 2021: 11—29] ставится вопрос о необходимости разработки Африкой общей стратегии в отношении Китая. Автор возлагает эту задачу на Африканское агентство, которое проводило бы политику в соответствии с интересами континента и приоритетами развития и безопасности, обозначенными в Повестке 2063.

Ф. Корнеги (Институт глобального диалога, г. Претория, ЮАР) выдвигает парадигму «один и многие» (the “One and the Many” Paradigm) в качестве «ключевого активатора», способного изменить взаимоотношения Африки с внешними игроками, имеющие пока подчиненный характер [Africa—China Cooperation... 2021: 31—55]. Ученый выступает за переориентацию Африки с континентализма и регионализма на активную дипломатию в отношениях со стратегическими партнерами. Вместе с тем, считает Ф. Корнеги, региональные экономические организации и АС могут играть центральную роль во взаимодействии Африки с Китаем.

«Потребность в общей африканской политике по отношению к Китаю: деколониальная афроцентричная перспектива» — тема главы С. Зонди (Университет Йоханнесбурга, г. Претория, ЮАР) [Africa—China Cooperation... 2021: 57—82], предлагающей идеи коллективной опоры на собственные силы и политического диалога. Рассматривая ФОКАК как полезный инструмент взаимодействия Африки с Китаем, автор подчеркивает стратегические особенности этого взаимодействия: глобальные реформы, упор на развитие, приоритет инфраструктуры и культурного диалога с тем, чтобы африканские страны обеспечили

продвижение приоритетов развития на национальном и региональном уровнях и со временем выстроили общую континентальную позицию в вопросе сотрудничества с Китаем.

К.Дж. Прах (Педагогический университет Восточного Китая, г. Шанхай, КНР) в главе «Панафриканские перспективы международных отношений — Африка и Китай» [Africa—China Cooperation... 2021: 83—105] исследует гипотетическую возможность «национального вымирания» африканского государства из-за асимметричных китайско-африканских отношений, полагая, что такие концепции, как национальный суверенитет, личный интерес, самоопределение, могут способствовать африканско-китайскому партнерству. Он призывает к масштабному пересмотру панафриканской идентичности и модернизации политических усилий по построению панафриканского единства.

П. Тембе (Институт африканского лидерства Табо Мбеки, г. Претория, ЮАР) рассматривает «культурные подходы к взаимодействию Африки с Китаем» [Africa—China Cooperation... 2021: 163—187], которые, как он считает, могут помочь устранить «белые пятна» в африканско-китайских отношениях, а также сократить стратегическое неравенство в партнерстве стран континента с другими внешними акторами.

Ю Шан-ю (Институт Витватерсранда, г. Йоханнесбург, ЮАР) [Africa—China Cooperation... 2021: 189—213] анализирует роль публичной дипломатии в африканско-китайских отношениях. Ученый считает, что ориентированная на создание позитивного имиджа Китая за рубежом публичная дипломатия и проецируемая ею «мягкая сила» вносят свежие идеи в африканскую политику в отношении Китая. Ю Шан-ю предлагает Африканскому агентству сформулировать не столько общую всеобъемлющую африканскую политику по Китаю, сколько ряд континентальных и региональных позиций по вопросам, представляющим взаимный интерес.

В последней главе монографии «ЕС и Африка: многосторонняя модель будущего африканско-китайских отношений» [Africa—China Cooperation... 2021: 215—233] Дж. Костопулос (Университет Претории, г. Претория, ЮАР) анализирует китайскую и европейскую модели сотрудничества с Африкой. В том, что Китай в лице ФОКАК предпочитает взаимодействие со странами Африки на двустороннем уровне, автор видит коренное отличие китайской модели от модели партнерства Африки с Евросоюзом, отдающим предпочтение ведущей роли АС как представителя всего континента и главного переговорщика, что облегчает Африканскому агентству, представляющему всю Африку, сотрудничество с ЕС.

В заключение следует еще раз подчеркнуть отличие рецензируемой коллективной монографии от других работ на тему китайско-африканских отношений, сфокусированных на политике Китая в Африке в целом и в отдельных ее странах. Здесь в центре внимания — Африка, и все изменения геополитической ситуации в мире рассматриваются с ее точки зрения и исходя из ее интересов. Авторы ратуют за равноправное сотрудничество государств континента с Китаем с помощью различных инструментов взаимодействия, считая эту страну своим важным стратегическим партнером. Хотя предмет исследования — сотрудничество Африки с Китаем, в главах затронуты и отношения стран континента с другими внешними игроками, что представляется важным и актуальным в свете растущей роли африканских стран в современной мировой экономике и международной политике.

Содержащийся в книге анализ может использоваться в исследованиях роли Африки в меняющемся геополитическом ландшафте и возможностей континента использовать взаимодействие с внешними партнерами для реализации приоритетов развития и своих стратегических интересов.

Поступила в редакцию / Received: 08.01.2021
Принята к публикации / Accepted: 15.01.2021

Библиографический список / References

- Дейч Т.Л., Усов В.А. Рецензия на монографию: Mthembu Ph. *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 199 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 329—331. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-329-331 [Deych, T.L., & Usov, V.A. (2019). Book review: Mthembu, Ph. (2018). *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. London: Palgrave Macmillan, 199 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 329—331. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-329-331]
- Kornegay, F., & Mtembu, Ph. (Eds.). (2020). *Africa and the World: Navigating Shifting Geopolitics*. Johannesburg: Mapungubwe Institute for Strategic Reflection.
- Mtembu, Ph., & Mabera, F. (Eds.). (2021). *Africa—China Cooperation. Towards an African Policy on China?* Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-53039-6

Сведения об авторе: Дейч Татьяна Лазаревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (e-mail: tdeich@yandex.ru).

About the author: Deych Tatiana Lazarevna — PhD in History, Dr. of Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: tdeich@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-195-198

Рецензия на книгу:
Islam in International Relations. Politics and Paradigms /
ed. by N.M. Adiong, R. Mauriello, D. Abdelkader.
London, New York: Routledge, 2019. 236 p.

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Чикризова О.С. Рецензия на книгу: Islam in International Relations. Politics and Paradigms / ed. by N.M. Adiong, R. Mauriello, D. Abdelkader. London, New York: Routledge, 2019. 236 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 195—198. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-195-198

Book review:
Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019).
Islam in International Relations. Politics and Paradigms.
London, New York: Routledge, 236 p.

Olga S. Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Chikrizova, O.S. (2021). Book review: Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019). Islam in International Relations. Politics and Paradigms. London, New York: Routledge, 236 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 195—198. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-195-198

Рецензируемая монография подготовлена коллективом авторов по инициативе Группы международных и исламских исследований (International Relations and Islamic Studies Research Cohort, Co-IRIS)¹, объединяющей единомышленников, изучающих роль и влияние ислама на международные отношения с помощью инструментария и категорий конструктивистской парадигмы. Книга представляет собой логическое продолжение выпущенной в 2016 г. коллективной монографии *Islam and International Relations. Contributions to Theory and Practice* [2016], посвященной исследованию исламских подходов к

вопросам норм и ценностей, демократии и секуляризма, управления и государства-нации.

Долгие годы в социальных науках наблюдалось отрицание заметной роли религии в связи с опорой на рациональное мышление и логику, что привело к доминированию позитивистской и бихевиоралистской традиций, в том числе в международных исследованиях. Это неудивительно, поскольку религию трудно операционализировать, «расчленить» на категории и критерии с тем, чтобы имплементировать ее в теорию международных отношений. Однако ислам, представляющий собой стройную систему знаний, по мнению

¹ International Relations and Islamic Studies Research Cohort. URL: <https://coiris.net> (accessed: 11.11.2020).

© Чикризова О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

авторов рецензируемой монографии, может помочь в изучении таких вопросов, как легитимность власти, урегулирование конфликтов, проблемы мира и прав человека [Islam in International Relations... 2019: 6]. Но для этого, на наш взгляд, следует избавиться от бинарного восприятия мира как в рамках западной традиции изучения международных отношений (дихотомия Восток — Запад или Запад — не-Запад), так и в «исламских международных отношениях» (оппозиция «мусульманский мир» — «немусульманский мир»).

Как отмечают редакторы издания в обобщающей первой главе, они стремятся развеять миф о несовместимости ислама с международными отношениями в их западном понимании, то есть фактически «деколонизировать» международные отношения [Islam in International Relations... 2019: 3]. В этой связи цель данной монографии и изучения ислама в международных отношениях состоит в том, чтобы «дать голос» мусульманскому миру как актору мировой политики, при этом не столько заменив западнотрихичные подходы к международным исследованиям, сколько расширив и обогатив их [Islam in International Relations... 2019: 1].

Книга состоит из 12 глав, в каждой из которых рассматривается отдельный случай проявления «исламского фактора» в политике — от внешнеполитической доктрины Ирана при Верховном лидере (*рахбаре*) Али Хаменеи [Islam in International Relations... 2019: 18—38] до роли различных исламистских течений, транслирующих свои представления о мировом устройстве в своих выступлениях и информационных продуктах и стремящихся «исламизировать» внешнеполитическую повестку отдельных стран [Islam in International Relations... 2019: 169—183].

Наибольший интерес представляет выделение авторами монографии пяти парадигм «исламских международных отношений» и их сопоставление с западными теориями международных отношений.

Первая парадигма — исламский фундаментализм — отождествляется с классическим реализмом, поскольку центральным понятием представлений фундаменталистов о

мире служит «умма» — сообщество единоверцев-мусульман, в то время как в реализме — это государство-нация. В качестве аналога принципу «баланса сил» в фундаменталистской парадигме выступает понятие «джихада» как вооруженной борьбы против искажающих ислам нововведений, «неискренних» мусульманских правителей и «врагов исламской религии». Также центральным постулатом исламского фундаментализма служит вечный конфликт (вновь аллюзия на реализм) между «территорией ислама» (*дар аль-харб*) и «территорией войны» (*дар аль-ислам*).

Вторая парадигма — «прогрессивный ислам» — сравнивается с либерализмом, поскольку также делает акцент на сотрудничество с немусульманами, принятие современности и взаимодействие через транснациональные институты. «Прогрессивный» подход призывает адаптировать систему государственных институтов, но при этом сохраняет представления об умме как метафизическом концепте.

Третья — салафитско-джихадистская — парадигма не признает работы классиков мусульманской мысли, таких как аль-Фараби, аль-Газали, Ибн Рушд и т. д., считая их труды искажающими суть изначального ислама. Салафиты-джихадисты могут быть представлены как «националисты» от ислама, борющиеся против колониализма и различных форм угнетения, однако своими призывами способные мотивировать людей на насильственное сопротивление и даже терроризм [Islam in International Relations... 2019: 8].

На наш взгляд, третью парадигму можно сравнить с марксизмом, одним из ключевых концептов которого также является борьба против различных форм неравенства и угнетения.

На примере ваххабизма американская исследовательница Д. Абделькадер выделяет четыре «стадии», которые проходит радикальная идеология:

1) зарождение ваххабизма как националистического движения, направленного на борьбу Мухаммада ибн Сауда, основателя первого Саудовского государства, против Османской империи. При этом на первой стадии насилие было лишь последним средством

противостояния, когда все другие инструменты уже были опробованы, но не принесли победы [Islam in International Relations... 2019: 191];

2) после смерти основателя ваххабизма, М. ибн Абд аль-Ваххаба, политизация ваххабизма завершилась, поскольку учение начало использоваться ради достижения политических целей. Взяв на вооружение идеи Ибн Таймийи, ваххабиты обосновывали необходимость считать «джихадом» борьбу против османского господства на Аравийском п-ове [Islam in International Relations... 2019: 192];

3) начало «третьей волны» трансформации ваххабизма было спровоцировано репрессиями режима египетского президента Г. Абдель Насера против «Братьев-мусульман»¹, совпавшими по времени с ростом популярности социалистических идей. В этих условиях в Саудовской Аравии возникло движение «Ас-Сахва», взявшее на вооружение ваххабитскую доктрину (с нововведениями авторства Ибн Таймийи) в сочетании со строгим кодексом религиозного поведения и жесткой критикой в адрес насеризма [Islam in International Relations... 2019: 195];

4) «четвертую волну» радикализации ваххабизма вызвало вторжение США и их союзников в Ирак (2003 г.), приведший к краху иракской государственности. В 2011 г. в результате событий «арабской весны» произошёл крах государственности в Сирии, и эти факторы обусловили вмешательство региональных и международных акторов во внутренние дела «несостоявшихся стран» (*failed states*). Реакцией на вмешательство стало возникновение таких террористических организаций, как «Аль-Каида» и ИГИЛ (ИГ, «Исламское государство»)², которые использовали этноконфессиональные, племенные и прочие разногласия внутри иракского и сирийского обществ, с тем чтобы распространить свою власть на территории, не контролируемые официальными властями [Islam in International Relations... 2019: 198].

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организации запрещены в РФ.

Четвертая парадигма объединяет сторонников «исламизации знания» (*Islamization of Knowledge*), которая предполагает универсализм и превосходство исламской морали и интеллектуального наследия над западными социальными науками. Однако, как справедливо замечают авторы, данная концепция лишь усугубляет разрыв между «миром ислама» и Западом [Islam in International Relations... 2019: 6].

Наконец, последняя, пятая, парадигма — «цивилизационный ислам» — признает сильное влияние ислама на те общества и государства, где данная религия играет значимую роль в интеллектуальной и духовной сферах, но при этом не навязывает свое видение мира представителям других цивилизаций. Данный подход представлен, как отмечают авторы, политикой М. Хатами (президентом Ирана в 1997—2005 гг.) и Р.Т. Эрдогана, нынешнего президента Турецкой Республики [Islam in International Relations... 2019: 9].

Таким образом, рецензируемая коллективная монография вносит огромный вклад в постановку проблемы влияния ислама на международные отношения в рамках постколониального дискурса. Она демонстрирует многообразие подходов к теоретическому осмыслению «исламского фактора» в мировой политике, ставит перед исследователями задачу пересмотра общепринятых представлений об исламе и согласования исламских концепций с западными теориями международных отношений.

Тем не менее идея проведения параллелей между западными теориями международных отношений и исламскими концепциями миропорядка не реализована до конца, поскольку двум парадигмам — «исламизации знания» и «цивилизационному исламу» — не противопоставлены какие-либо теоретические подходы, разработанные в рамках западных социальных наук. Мы смеем надеяться, что этот небольшой недостаток будет устранен в новых монографиях, подготовленных квалифицированными учеными из Группы международных и исламских исследований.

Поступила в редакцию / Received: 21.11.2020
Принята к публикации / Accepted: 27.12.2020

Библиографический список / References

- Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019). *Islam in International Relations. Politics and Paradigms*. London, New York: Routledge.
- Abdelkader, D., Adiong, N.M., & Mauriello, R. (Eds.). (2016). *Islam and International Relations. Contributions to Theory and Practice*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

About the author: Chikrizova Olga Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

Для заметок

Для заметок
